

ФИЛ
РИКМАН

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ФИЛ РИКМАН

КОСТИ
АВААОНА

КОСТИ
АВААОНА

ЭКСМО

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

ФИЛ РИКМАН

КОСТИ АВААОНА

ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 50

Phil Rickman
THE BONES OF AVALON

Copyright © Phil Rickman, 2010
All rights reserved

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Дизайн обложки *А. Саукова*

Рикман Ф.

Р 50 Кости Авалона / Фил Рикман ; [пер. с англ. С. Шабашова. — М. : Эксмо, 2013. — 480 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-67898-3

Джон Ди, знаменитый ученый с репутацией чародея и друг английской королевы Елизаветы, получает от нее важное задание. Он должен отправиться в город Гластонбери, в сердце таинственного Авалона, дабы разыскать там одну из самых древних британских реликвий — останки легендарного короля Артура. Молодая королева-реформатор таким образом хочет укрепить свою власть и новую протестантскую веру. Однако доктор Ди недоумевает. Разве не производилась подобная экспедиция еще при жизни отца Елизаветы, короля Генриха VIII? И разве останки Артура не были найдены? Что есть такого в королевском поручении, о чем ему не сообщили? Джон чувствует, что на святой земле Авалона столкнется с чем-то непонятным. И он не ошибается. В Гластонбери его ждет разгадка тайны Круглого стола Артура, причудливым образом переплетенная с заговором против королевы.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Шабашов С. Р., перевод на русский язык,
2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67898-3

Джон Ди

Биографическая справка

Родился в 1527 году в Лондоне. Детство его прошло в бурные годы правления короля Генриха VIII, при дворе которого отец Джона состоял в качестве «благородного слуги». Джону исполнилось восемь лет, когда Генрих VIII порвал с Римом. Объявив себя главой англиканской церкви, король методично расхищал богатства монастырей.

В правление сына Генриха, Эдуарда VI, Джон Ди был представлен при дворе. К тому времени он уже снискал славу одного из ведущих в Европе математиков и знатоков астрологии.

Новый король, однако, скончался в возрасте шестнадцати лет, и Джону Ди посчастливилось пережить короткое, но кровавое правление католички Марии Тюдор.

Мария Тюдор умерла в 1558 году, преемница же трона Елизавета всегда поддерживала интерес Джона Ди к знаниям, которым он посвятил жизнь и называл наукой, тогда как другие считали их колдовством.

В обстановке католических заговоров и нарастающего движения за чистоту нравов Джон Ди опасался за свою жизнь не меньше, чем сама королева Елизавета.

Год 1560-й выдался трудным...

Тайное дело

Предчувствие беды

В то утро, пожалуй, только я прикасался к восковой кукле. В узком переулке меня окружали люди, но когда я опустил руку в гроб, все отошли назад.

Был обычный пасмурный день, один из череды серых дней, какие бывают в начале года. Небо висело над городом точно грязное тряпье, а булыжные мостовые местами еще покрывал почерневший снег. В то раннее утро я вышел из дома на Новой Рыбной улице с чувством, будто покидаю свое жилище в последний раз. В домах уже затопили печи, и едкий дым лениво стелился над моей головой. В воздухе переуллка слышалось зловоние прокисшего пива и рвоты. И там обитал страх.

— Доктор Ди...

Сквозь кольцо наблюдателей протиснулся вперед человек с коротко стриженными лоснящимися черными волосами. Длинная черная мантия прикрывала черный дублет¹ — дорогой, но без прорезей.

— Вы, наверное, не помните меня, доктор.

Судя по его тонкому голосу, этот человек был моложе, чем казался с виду.

— Хм...

— Я поступил в Кембридж незадолго до вашего отъезда.

Я осторожно провел ногтем большого пальца по желтоватому личику лежащей в гробу куклы. Вспомнишь ли те-

¹ Дублет (фр. doublet) — мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе в период с 1330-х по 1670-е годы; первый образец одежды, который плотно сидел на теле.

перь всех, кого знал? Люди появляются в твоей жизни, что-то для тебя значат и потом исчезают. Время, потерянное для науки.

— Колледж большой, — ответил я.

— Кажется, вы тогда преподавали греческий.

Значит, это было в 1547 или 1548 году. С тех пор я не возвращался в Кембридж, хотя и получал несколько предложений снова занять там кафедру. К великому огорчению матери, я каждый раз отклонял предложение. Подняв глаза, я беспомощно покачал головой, ибо, в самом деле, не знал этого человека.

— Уолсингем, — представился он.

Я слышал о нем. Член парламента. Лет на пять младше меня; стало быть, ему еще не исполнилось тридцати. Говорили, что он честолобив и добивается расположения Сесила¹. Посыльный Уолсингема постучал в мою дверь около восьми, еще засветло. И я не обрадовался его приходу. Подобные вещи теперь всегда злят меня.

— Вам повезло застать меня дома, мастер² Уолсингем. Я собирался оставить Лондон и переехать в дом моей матери в Мортлэйке.

— Надеюсь, не навсегда?

Я взглянул на него с подозрением. Неделию назад скряга, у которого я снимал жилье, поднял плату выше моих возможностей. Наверное, он сделал это из убеждения, будто я состоятельный человек; впрочем, теперь многие считали меня таковым. Однако этот Уолсингем, казалось, был хорошо осведомлен о моем положении. Откуда бы ему знать об этом? И, кроме того, я подозревал, что он, простой член парламента, принял на себя полномочия, на которые не имел никаких прав.

Все же данное дело заинтриговало меня, и я решил потешить немного самоуверенность этого человека.

— Воск? — спросил Уолсингем.

¹ Вильям Сесил (1521–1598) — видный государственный и политический деятель XVI века. Государственный секретарь Англии в 1550–1553 и в 1558–1572 годах.

² Мастер — устаревшее обращение к молодому человеку (обычно старшему сыну) в Англии. То же, что господин.

Не боясь запачкать одежду в грязи, он присел на корточки по другую сторону гроба, стоявшего поперек корыта для лошадиного корма. Затем протянул указательный палец к лицу, но, не коснувшись его, отвел палец назад.

— Посмотрим, — ответил я.

Прочь предрассудки. Я опустил обе руки в гроб и поднял завернутый в ткань предмет. Позади меня послышался вздох изумления, когда я склонил голову и принюхался.

— Пчелиный воск.

— То есть его украли из церкви?

— Вероятно. Плавили огнем, чтобы придать форму. Видите отпечаток пальца?

В кусок полотна темно-красного цвета с золотистой каймой была завернута кукла-голыш. Фигурка имела около фута в длину и три дюйма в обхвате. Рваные отверстия вместо глаз, темно-красный разрез вместо рта и нарочито выпяченные груди. На одной из них — грязный отпечаток, оставленный пальцем. Другое кроваво-красное пятнышко застыло бусинкой на прорези между ног.

— Алтарная свеча? — спросил Уолсингем.

— Возможно. Вы обнаружили это?

— Мой писарь. Я живу неподалеку, у реки. Сначала он думал, что это мертворожденный ребенок какой-нибудь монашки. А когда...

— Разве их обычно не выбрасывают в реку, завернутыми в тряпье?

— ...когда ему наконец хватило мужества снять крышку, он сразу вернулся. Поднял меня с постели.

Я огляделся: двое коннетаблей, городской надзиратель, пара гуляющих девок и какой-то бродяга в начале переулка. Догоравший фонарь коптил небо над входом в захудалый трактир на углу, но ставни домов по обе стороны улицы были наглухо закрыты, из печных труб не валил дым. Должно быть, складские амбары.

— Нашел именно в этом...

— Нет, нет. Эта мерзость стояла прямо на набережной, где на нее мог бы наткнуться любой прохожий. Я велел принести это сюда и послал стражу по соседним домам. Человек, расхаживающий по улицам с гробом в руках, не мог остаться незамеченным.

Я кивнул. Возможно, того человека кто-нибудь видел. Я положил восковое изваяние на прежнее место и приподнял гроб. Он весил довольно мало — должно быть, сосна, покрытая черным дегтем.

— Потом вы вызвали меня, — предположил я. — Могу я узнать, для какой цели?

Уолсингем ответил вопросом на вопрос:

— Доктор Ди, поскольку мы оба знаем, кого представляет эта фигура, как это должно работать?

В тот же миг, сорвавшись с заплетенных косой соломенных волос куклы, в грязную жижу упала маленькая деревянная корона. Я поднял ее. Вырезана старательно, хотя и не очень умело...

— И если ее вылепили из алтарной свечи, — продолжал Уолсингем, — значит ли это, что должно усиливаться ее... действие?

— Мастер Уолсингем, прежде чем мы продолжим...

Он поднял руку, встал, подал знак коннетаблям и всем остальным отойти дальше и направился в сторону дверного проема напротив корыта. Я поднялся и последовал за ним. Подойдя к двери, Уолсингем прислонился спиной к ветхому, начавшему подгнивать косяку. Вероятно, этого человека тянуло в сырость и тень.

Должно быть, то же самое он думал и обо мне.

— Я так понимаю, доктор Ди, что вы у нас главный авторитет в делах, которые мы называем *тайными*.

С реки донеслись заунывные крики чаек. Уолсингем ждал. Его костлявое лицо стало серьезным, глаза смотрели глубоко исподлобья. Теперь я заволновался. Ни для кого не представляло секрета то, в чем состояла моя служба новой королеве, однако мои услуги не столько приносили мне выгоду, сколько подвергали постоянному риску. Всякий, кому позволено приподнять темный занавес неизвестности, неминуемо привлекает к себе подозрения черни.

Что мог я ответить? Пожал плечами, надеясь, что его интерес сугубо теоретический. Тайнственный Уолсингем до сих пор не объяснил мне, какое было дело члену парламента до восковой куклы из детского гроба.

— Полагаю, доктор Ди, что происхождению сего предмета мы можем дать два объяснения.

Мы?

— Во-первых, это своего рода проделка папистов... чтобы посеять страх. Потому гроб и выставили на всеобщее обозрение. — Он кивнул на коннетаблей. — Взгляните на их лица. Они боятся за свои души уже оттого, что находятся вблизи этого ящика.

— А вы не боитесь?

Лишь теперь я с достаточной ясностью вспомнил, что Уолсингемы, состоящие в родстве с Анной Болейн, горячо поддерживали Реформацию и, вероятно, ненавидели идолопоклонство в любых его проявлениях. Теперь стало ясно, почему он с таким презрением назвал уличную девку *монашкой*.

— Второе объяснение, естественно, приведет нас к самому Сатане.

Сокровенные тайны давно стали предметом моих каждодневных забот. Но я всегда осторожен.

Мне известно одно: лишь немногие из нас наделены талантами ангелов. Кто-то способен предвидеть смерть или читать чужие мысли. Иные обладают даром изменять естественный порядок вещей.

Я все это знаю, однако не думайте, будто я сам наделен хотя бы толикой тех особых талантов. Мой путь — путь схоласта. Моя задача — отыскать и нанести на карту тропы, ведущие к тайнам, что скрыты вокруг нас и в нас самих. И должен сказать, что это совсем не легко, ибо тропы эти всюду поросли тернием и бурьяном и свет *кривды* вечно влечет нас за собой.

Я и сам много раз шел за светочем лжи, но теперь стал осторожен.

— Нам обоим известно, — сказал я, — что Лондон полон коварного злодейства.

Уолсингем тихо вздохнул.

— О, да. И все же, эта вещь — наделена ли она сатанинской силой?

— Явно только одно: она способна порождать страх и тревогу.

Я взглянул на коннетаблей, шептавшихся между собой. За личиной веселья таился первобытный ужас. Жаль, что я не мог забрать восковую куклу и ящик с собой, чтобы исследовать их более тщательным образом, но проявлять чрезмерный интерес было бы неразумно.

— Видно, что некто потратил немало усилий, — сказал я. — Гроб сделан вполне добротно. Что касается куклы... едва ли это произведение высокого искусства. И тем не менее...

— Что тем не менее?

— Есть одна странность. Кроме отпечатка пальца, ни одной... Обычно подобные изваяния бывают исколоты иглами. Это делают для того, чтобы вызвать боль в голове или в теле человека, которого представляет кукла. Насколько я вижу, тут ничего подобного нет.

— Она лежит в точности как покойник в гробу! Насколько ясно вы...

— Символизирует смерть? Да, несомненно, но *какую*?

— Предзнаменование? Или предупреждение?

— Дорогая ткань и качество работы предполагают... скажем, известный достаток и серьезность намерений. Грубо вырезанные глаза и рот свидетельствуют скорее о простом презрении, чем о недостатке художественного мастерства исполнителя. И потом, то же самое подчеркивает грязный отпечаток на... м-м... на груди.

Ничего страшного. Пока.

— Об этом, конечно, станет известно, — сказал Уолсингем.

— При дворе?

— Слишком многие уже знают об этом. Готов поклясться, что каждый из этих людей умеет хранить секреты — и все же это выйдет наружу. Памфлеты будут гулять по улицам, возможно, уже на этой неделе.

— Можете рассчитывать на меня, — предложил я, — если понадобится успокоить... если это необходимо.

— Не сомневаюсь в вас, доктор Ди. Скажите-ка лучше, что нам с этим делать? Бросить в огонь?

— Э-э... не стоит. — Я отошел на шаг назад. — Я бы не стал этого делать. Не сейчас. Полагаю, следует, чтобы епископ рассеял... присущую сему изваянию скверну. Если возможно. У вас есть знакомые среди епископов, мастер Уолсингем?

— К вечеру найдутся, если надо.

— Хорошо. Он будет знать, что делать.

Я кивнул и собрался уже уходить, когда Уолсингем вдруг сказал:

— Наверняка есть еще.

— Такие, как эта?

— Не исключаю, что их расставили по всему Лондону. Это как чума. Где нам вас искать?

Этого я не предусмотрел. Во множестве куклы могли бы произвести злоторный эффект.

— Я уезжаю сегодня, как я уже говорил, к матери. Можете связаться со мной через лорда Дадли¹. Он пошлет человека.

Я решил сослаться на лорда Дадли. Несмотря на то, что в некоторых кругах он пользовался дурной репутацией, его имя пока еще имело солидный вес. Уолсингем склонился над гробом и протянул руку к восковой кукле так близко, что могло показаться, будто вот-вот прикоснется к ней указательным пальцем.

— Что это? Кровь?

Его вопрос подразумевал красное вещество на вырезанных ножом устах куклы. Я тоже размышлял над этим. И еще больше — над красным сгустком между ног изваяния, предпочитая не упоминать об этом, дабы не обмануться в предположении, что этот знак символизирует будущие роды.

— Если это кровь того, кто ее создал, — ответил я, — то, надо полагать, кровь есть воплощение ненависти... к той, кто представлен в образе куклы. Согласно древним воззрениям, кровь служит субстанцией, посредством которой происходит... м-м... материализация духа.

— То есть служит для колдовства?

Я никогда не любил это слово.

— Это вопрос влечения. Неиссякаемого стремления человека к чему-то, существующему... на ином уровне.

— Влечение к демоническому?

— Если королева поставлена Богом...

¹ Роберт Дадли (1532–1588) — английский государственный деятель эпохи Елизаветы I Тюдор, фаворит королевы.

— *Если? Вы сомневаетесь в этом?*

Уолсингем сощурил глаза. Вопрос слегка сбил меня с толку.

О боже.

— Нет, нет, — возразил я. — Разумеется, нет. Я хотел сказать, что порча алтарной свечи, вероятно, как вы уже говорили, представляет попытку лишения божественной власти.

— Прервать священную нить монаршего рода?

— Который сам по себе может представляться теперь ослабленным...

— Полом монарха?

Мне было не по душе, что этот человек соображал слишком быстро.

— Это только мое личное...

— Разумеется, — прошипел Уолсингем. — За этим вас и позвали.

Я взглянул на него.

— Кто вы? — спросил я. — *Чем* вы занимаетесь?

— А на кого, по-вашему, я похож?

— Вы, — ответил я, — похожи на тень.

Он улыбнулся и кивнул мне. Ответ явно удовлетворил его.

Когда меня спрашивают, с чего все началось, я называю им этот случай: первое в моей практике злонамерение — *хитроумное* злонамерение, — проявленное в отношении королевы.

Вам непременно следует знать, какое сильное впечатление произвело оно на меня. Я полюбил эту женщину и готов ради нее приоткрыть завесу тьмы в поисках разгадки на любой из самых запретных вопросов. И если теперь наступило время раскрывать тайны вселенной, то я склонен думать, что такой возможностью мы обязаны именно этой женщине, проявлявшей терпимость, о которой мы почти перестали мечтать.

И чтобы после всего сказанного не возникло жгучего желания заглянуть в самую глубь божественных помыслов? Не сам ли Господь бросил нам вызов, дабы мы дерзнули осмыслить Его искусство?

Молчание.

Ересь, шепчете вы. Сожгите его.

И ведь так едва не случилось. Несколько лет назад, при другой королеве — возможно, вам что-то уже известно об этом, — я был близок к тому, чтобы стать прахом на пепелище. Воспоминания об этом до сих пор опаляют меня во сне, тлеют в моем сознании. Обвинения были крайне несправедливы, но разве это когда-то имело значение?

И все же я остался среди живых, свет новой зари полыхнул над рекой, и теперь я сижу в гостинной материнского дома да лишь развожу руками — ибо для того, кто наделен прозорливостью, обвинение в ереси значит не больше, чем глазная повязка слепца.

И мне непременно необходимо изложить все, что случилось со мной. Пересказать в подробностях горестное происшествие прежде, чем оно истрется из памяти или моя склонность к точному анализу сделает повествование недоступным для понимания простых людей. Я часто слышу, что мало кто способен разобрать мои записи, перегруженные научными определениями, отягченные диаграммами и тайными символами. Иные называют их не иначе, как трактатами дьявола.

Так что я поведаю эту историю так просто и непосредственно, как подскажет мне память. Вопреки собственному обыкновению, я не стану вдаваться в глубокий анализ по каждому поводу или умалчивать о том, что у меня на душе... о том, кем я был и кем стал теперь.

Но прежде чем я начну, имейте в виду...

...все обладает формой и все подчинено единому порядку вещей. Всеобщей геометрии, изменчивые углы и периоды которой мы заново учимся вычислять посредством математических знаний и наблюдений за звездами, как делали это в древние времена. И есть пары путей: вверх и вниз, вглубь и вовне. Каждый день я пытаюсь наметить их, но знаю, что я лишь наблюдатель.

Беспомощный зритель.

Ибо человек, пусть и наделенный способностями, достойными ангела, все же не ангел.

Я познал это на своем горьком опыте.

Многие люди во всех краях
земли Английской полагают, что
король Артур не умер, но был по
воле Господа нашего Иисуса пе-
ренесен отсюда в другие места;
и говорят, что он еще вернется
и завоюет Святой Крест.

Глава I

МОГИЛЫ

Мортлейк
Февраль

Служанка моей матери исчезла именно в тот самый вечер, когда мы нуждались в ней как никогда, — в канун приезда королевы и праздника Сретения.

Катерина Медоуз жила тихой вдовой. Она была незамеченной помощницей в доме, скромна и, что еще важнее, благоразумна. Из всей прислуги я только ей позволял протирать пыль и вообще переступать порог моей библиотеки. Отпросившись по делам на вторую половину дня, Катерина вышла из дома перед полуднем.

А меньше часа спустя явился королевский гонец с вестью о том, что утром к нам прибудет королева. Сама королева! Боже мой, как же переполошилась моя несчастная мать: столько всего надо сделать, а служанки нет...

Да и я в тот день беспокоился не меньше матери. Около шести над рекой поднялась холодная луна и высоко замерцали первые россыпи звезд, а Катерина Медоуз все не появлялась. Хотя я лучше работаю поздними вечерами, когда повсюду царит тишина, около половины девятого мне пришлось закрыть книги, потушить свечи, снять с крючка свой бурый долгополый кафтан и отправиться в пробирающую до костей февральскую стужу на поиски нашей служанки.

Быть может, где-то в глубине души я даже ждал встречи с опасностью. Кто может знать наверняка? Мне так ча-

сто хотелось, чтобы подобные мрачные предзнаменования выражались яснее и непосредственнее, однако, по злой иронии природы, в моей практике это случается редко.

Была ясная ночь — и мне показалось, что скоро начнется оттепель, хотя воздух был еще колюч, как ледяной хрусталь. Когда я вышел из дома, не прихватив с собой фонаря, жгучий мороз еще сковывал ветви деревьев нашего сада. Я отправился на окраину селения, в сторону предместий Лондона, и сначала заглянул в закоптелую старую таверну, где человек, которого я искал, обычно проводил часок-другой по вечерам. Однако в тот вечер среди завсегдаев заведений его не оказалось, лишь суровые мужские лица неприветливо уставились на меня, и я удалился. Я побрел дальше по дороге к домику того человека и нашел его там.

— А теперь, когда это случилось, доктор Джон, она обычно заходит ко мне днем, после обеда, чтобы справиться о здоровье своей бабки, матушки Картер. Та приболела.

Джек Симм, в прошлом лекарь-травник, теперь время от времени помогал моей матушке ухаживать за садом. Домик на краю дубово-терновой рощи был крепким и уютным, намного теплее нашего особняка, а потому заходить внутрь было бы с моей стороны неразумно, если я не хотел провести всю ночь возле его очага.

— Это опасно?

Мы всегда ожидаем самого худшего. Как правило, оспу.

— Разболелась спина, — ответил Джек Симм. — Думаю, сдвинулись некоторые позвонки. Это не по моей части. Я дал Катерине немного бальзама и велел ей передать записку для Геральда. Костоправа.

— Кто там, Джек? — раздался женский голос из дома, освещенного изнутри печным огнем и пропахшего сушеными травами. — Кто там пришел?

— Доктор Джон, Сара. Не волнуйся. — Белобородый Джек, в одной мешковине, перетянутой у талии поясом, и с босыми ногами, переступил порог. — Хотите, чтобы я съездил к ним на хутор, доктор Джон? Может, отвезти...

— Нет, нет. В округе слишком много разбойников. Уверен: с восходом солнца она появится. Идите в тепло, Джек, к жене. Я напрасно потревожил вас.

Однако Джек затворил за собой дверь и неуклюже вышел ко мне на обочину дороги. Ежась от холода, он потирал руки и переминал голыми ногами на мерзлой грязи.

— Бог ты мой! Похоже, будет оттепель, вот так радость.

— Завтра Сретенье, — ответил я. — В давние времена — первые лучи весны.

— Да уж, в давние дни солнце было теплее. Доктор Джон... — Сплюнув сгусток мокроты, Джек понизил голос. — Есть вещи, о которых я не стал бы говорить в присутствии Сары. Хорошая баба, да вот только любит посплетничать. Я этого не терплю. Так вот, Медоузы... Теперь это набожное семейство. Если вы меня понимаете.

Последние два года, в конце лета, Джек Симм собирал для меня травы, а заодно с ними и мелкие грибы, которые, если их сварить, способны вызывать видения. Мы хорошо понимали друг друга.

— Ее отец, — продолжал он. — Всегда ее чертов отец.

— Пылкий защитник веры?

— Очень.

— А разве бывают другие?

Раньше были только священнослужители; теперь же любой мог возомнить себя божьим избранником. Джек с некоторым страхом в глазах говорил об Абеле Медоузе — сложенном, точно каминная труба, здоровяке, чьим оружием стала Библия.

— Хочешь сказать, он, в конце концов, понял, у кого работает его дочь? — предположил я. — В этом все дело?

— Заявился сюда позавчера, нес всякий вздор про конец света — дескать, осталось нам, может быть, всего несколько недель. Потом начал расспрашивать о привычках госпожи Ди.

— Госпожи Ди? Вот мерзавец!

— А я говорю, господин Медоуз, мол, эта женщина бывает в церкви по четыре раза в воскресенье и заходит туда не меньше чем на час каждый будний день.

— Это правда. Благодарю. Ну, а... э, как насчет сына господи Ди?

Мы оба понимали, с каким благочестивым восторгом будет копать крайне ретивый поборник веры в досужих сплетнях.

— Он ни разу не упомянул вашего имени, — ответил Джек.

Я чувствовал сильный холод. В роще зловеще потрескивали деревья, словно некая ночная тварь пробиралась сквозь ветви, подкрадываясь все ближе. Я выставил руки на морозный воздух.

— Хорошо. А что говорят другие?

— Темные, неграмотные люди, доктор Джон. — Джек Симм отошел на шаг, выдохнув облачко пара. — Заклинанья.

— И колдовство?

— Да, да. А еще будто бы вызываете духов тьмы. И ночи, конечно, гораздо темнее вокруг дома вашей матушки, когда вы там. Поговаривают, что человеку, если он заботится о бессмертии своей души, не следует появляться возле вашего дома после заката и ходить на церковное кладбище Мортлейка — опасаются, как бы не открылись могилы.

О боже... Я медленно качал головой. Вернуться домой, когда в ушах еще звучат рукоплескания лекториев Европы, — и обнаружить, что в родных краях ты сделался образчиком страха и позора...

— И знаете, что настраивает против вас? — продолжал Джек. — Ваша сова.

— Это же просто игрушка.

— Как бы не так! В два раза больше настоящей и с горящими глазами? Да еще кричит... у-у... у-у...

Джек захлопал руками, будто крыльями.

— Деревенские ребятишки полюбили игрушку.

— Да, только их родители считают, что в ней живут черти.

— На самом деле, — вздохнул я, — в ней спрятан только хитроумный механизм из маленьких штифтов и шарниров, а глаза собраны из крошечных кусочков зеркала и...

— Никого не интересует, что там спрятано! Важно то, чем это кажется, ведь так? Порой винить надо только себя самого — вот что я хочу сказать. Слухи и сплетни, доктор Джон. Слухи и сплетни.

Вот они-то и есть настоящие демоны. В правление королевы Марии Джек Симм закрыл свою лавку в городе, боясь гонений со стороны епископа Боннера, который ныне — да поможет всем нам Господь — стал моим другом.

— О, и еще Медоуз... заявляет, будто слышал, что вы строите храм, чтобы поклоняться Луне.

— Обсерваторию.

— *Храм.*

— Чтобы наблюдать пути звезд, — вздохнул я. — Или хотя бы... в один прекрасный день. Как только найду деньги.

Мы оба стояли в унынии. Многие не доверяли мне. Звездный храм, поклонение Луне... *Боже мой.* Наконец Джек обнадеживающе похлопал меня по плечу.

— Ну, ладно вам, вернется.

— Катерина?

— Хорошая хозяйка думает о деньгах. Медоуз испортил дело и получит хороший втык. Что, по-вашему, лучше: гнев Божий или разгневанная жена?

Я кивнул. Даже защитнику благочестия пришлось бы туго.

— В общем, я ответил ему... Сказал, что вы создаете секретное навигационное устройство для военного флота. Потом я напомнил ему, как высоко вас ценит...

— *Джек...*

— Что?

Над дверью дома хрустнула сосулька.

— Она приезжает завтра.

— Кто?

Я не ответил. Джек тихонько присвистнул. Возможно, он выразил таким образом восхищение, но скорее это было похоже на сочувствие.

— Опять? На вашем месте, клянусь, я дрожал бы всю ночь, как осиновый лист. Хотя, конечно, если учесть, что вы знали ее ребенком...

— Она до сих пор как ребенок, Джек.

— Ну что вы. Под короной они быстро взрослеют. Снаружи все свежо и невинно, а заглянешь под платье — кожа, словно у ящерицы... По какому случаю?

Минуло больше месяца с тех пор, как нашли восковую куклу в гробу, и все это время я не получал известий о том происшествии и никто не беспокоил меня, так что визит королевы как будто не имел никакого отношения к тому делу.

— Да я и сам не знаю, — ответил я. — Ей интересно, чем я занимаюсь.

— Должно быть, устройством для навигации? — Мне показалось, что Джек подмигнул мне. — Что ж, неплохо бы вернуться домой. Ноги совсем ооченели. Удачи вам, доктор Джон.

Пожелание Джека Симма почему-то смутило меня.

На обратном пути левая нога соскользнула в замерзшую колею на дороге, я оступился и едва не упал. Пару недель назад какой-то старик поскользнулся на этой дороге и сломал себе ногу. Его нашли только утром — к тому времени уже ооченевшим от холода.

Мне незачем было спешить. Этой ночью времени для занятий все равно не останется. Придется помогать матери приводить дом в порядок, чтобы подготовиться к визиту королевы... хотя я и знал, что она не войдет внутрь.

Я свернул на Высокую улицу, прошел мимо школы, где монахини учили детей из бедных семей — родители часто продавали детей при первой же возможности, если ребенок был благовоспитан и имел хотя бы какое-нибудь образование. В школьной часовне еще мерцали огоньки свечей, но в расположенной по соседству церкви Святой Девы Марии было темно. В ночной мгле большой современный храм казался чуточку привлекательнее, чем при свете дня. Я предпочел бы увидеть на его месте настоящую колокольню — символ высоких духовных стремлений.

Хотя в последние годы едва ли кто-то дерзал устремляться чересчур высоко в своих побуждениях. А по правде сказать, никто со времен моего детства. В наши дни только глупец опустил бы на колени пред Богом, не бросив прежде опасливый взгляд через плечо, или стал бы подолгу молиться, закрыв глаза. Все спуталось. Провидение и духовная сила канули в Лету. Насколько быстро могло развиваться в нынешней Англии рациональное мышление вопреки победоносному шествию фанатиков вроде Абея Медоуза, предвещавших скорое наступление конца света? Понятно, что никаких научных подтверждений тому не было и в помине.

Завтра Сретенье. Праздник очищения Пречистой Девы Марии, когда освящаются свечи. И никто не знает теперь, для чего это нужно. В некоторых храмах освящение свечей проводили тайно.

Я задержался возле церковных ворот. В ледяном воздухе ночи звезды казались такими живыми и близкими. Яркие светила, знакомые мне точно пальцы собственных рук, кружили в замысловатом хороводе, словно чудесно возделанный небесный цветник. *Мой цветник.*

Знакомое чувство безумного восторга поднялось во мне, подобно влекомому луной приливу. Закрыв глаза, выставив руки навстречу трепещущему воздуху, предоставив себя живому воздействию невидимых вибраций, ощущая священные потоки прозрачного света, бьющие сквозь мое тело, я вообразил, будто растворяюсь в холодной синеве ночи.

И не заметил, как ко мне подошла мать.

— Голова в звездах, как всегда, если не в книгах. Ну? Нашел ее?

Моя матушка Джейн, вдова Ди, — женщина чуть выше среднего роста и по-прежнему статная, несмотря на преклонный возраст, — ей было почти шестьдесят. Она поднесла фонарь ближе к моему лицу, словно желала убедиться, что это действительно я.

— Нет. — Я взял у нее фонарь, и мы пошли к дому. Не самое подходящее время, чтобы объявить ей о безумстве

Абея Медоуза. — Но я узнал, что в ее доме случилась беда. Жизнь семьи омрачила болезнь.

— Чума?

Мать быстро шагнула назад. Дыхание сбилось, застряв в горле комком.

— Нет, матушка... ничего страшного. Она пошла за лекарем для своей бабки — к костоправу. Возможно, не успела вернуться домой до темноты и осталась. Боялась идти в темноте.

— Тогда ей не мешало бы оповестить нас.

Но *как?* Я хотел было задать ей этот вопрос, однако ночь уже слишком плотно укутала нас темнотой, чтобы затевать бесполезный спор.

— Не мешало бы, — согласился я. — Странно, что не прислала весточку. Это на нее не похоже.

— Я теперь не усну, — страдальчески вздохнула мать. — Нам следует держать двух служанок. Всегда было две.

Я ничего не ответил. Мне нечего было сказать. Я — ученый, а денежное вознаграждение за ученость было почти ничтожным.

— Надо кого-нибудь постарше. — Мать плотнее укуталась в теплую мантию. — При такой юной особе на троне девицы, похоже, возомнили, будто теперь они могут поступать, как им вздумается.

Я невольно улыбнулся. Под юной *особой* моя мать понимала *ветреную, безответственную* личность. Королеву, что открыто улыбалась и радостно махала рукой уличной толпе в день коронации. Жест признательности, обращенный к черни, — и куда только катится наше общество?

Но мое сердце, могу вас заверить, в тот день трепетало от восторга: столь великий взрыв народной радости на улицах и площадях я не наблюдал еще никогда, даже на Рождество. Воскресенье, пятнадцатое января в год тысяча пятьсот пятьдесят девятый, день коронации. Чуть больше года назад. Благоприятную дату для коронации я высчитал по небесным светилам и составленным мною графикам и, в конце концов, мог вздохнуть с облегчением, поскольку, если бы день прошел неудачно...

— А кроме того, — не унималась Джейн Ди, — сегодня был рыночный день. Теперь мы остались без свежей пищи. Надо же было такому случиться именно сегодня.

— Мы это переживем.

— Переживем? — В порыве гнева матушка обронила на землю край своей тяжелой мантии. — О, да, — если бы плоть могла питаться высокими мыслями да святым духом. Несчастный твой отец, пусть земля будет ему пухом; если он слышит сейчас твои речи...

Раздраженная, она гордо пересекла дорогу и вошла в раскрытые ворота нашего дома. По правде сказать, мой несчастный отец понял бы все как надо — он сам, бывало, рассказывал нам о грудах объедков с пиршественного стола покойного короля Генриха VIII.

Я остановился посреди улицы. В ясном сиянии ночи не было ни души, ни единого признака движения, ни тени хотя бы какой-нибудь вороватой лисицы. За замерзшими окнами соседей кое-где еще мерцали одинокие свечи. Особенно местные богачей располагались вдали от реки. Наш собственный дом — не из числа самых изящных — частично стоял на сваях из-за угрозы наводнений во время разлива.

— Матушка, — крикнул я, не сходя с места, — вы же знаете, что она не войдет в дом. *Она никогда не входит.*

Когда в последний раз я жил дома, осенью прошлого года, Елизавета со своей свитой остановилась возле наших ворот, я вышел встретить ее, и мы так и остались на улице. Я предложил ей войти в дом посмотреть мои книги, но она отказалась. Не было времени. Спешила назад. Неотложные королевские дела ожидали ее возвращения.

И все же, накорми мы всю многочисленную королевскую свиту, и нам пришлось бы целый месяц сидеть на одних сухарях с пивом.

— Джон... ты еще часть этого мира? — Мать развернулась в воротах — мантия всколыхнулась точно волнообразная тень. — Только на том основании, что до сих пор она не переступала порога нашего дома? А если в такой мороз ей захочется подкрепиться с пути и согреться горячим пи-

тьем? Кто скажет наверняка? — Она раздраженно фыркнула. — Уж не ты ли? Думаешь только о пище духовной.

Вот такая она, госпожа Джейн Ди, — вечно двух мнений о моем поприще.

И кто мог бы винить ее в этом?

После полуночи я дольше часа лежал с раскрытыми глазами в своей спальне, один из наших домашних котиков урчал у меня в ногах. Я размышлял о природе времени и о том, как можно использовать его с большей пользой. Одной жизни всегда мало. Хрупкая вещь, мерцание свечи, только зажглась — и вот уже догорела. Если не затушили раньше времени по ошибке...

В Париже за неделю до моего отъезда все разговоры только и были, что об эликсире жизни. Я не верил в него. Если средство продлить наше существование и существует, то уж точно не в склянке под пробкой, но внутри нас самих. Когда меня в пятнадцать лет отправили в Кембридж, я решил, что самый простой способ выиграть время состоит в сокращении часов сна.

Я сознавал, что мне повезло попасть в колледж, поскольку мой батюшка вовсе не был таким богачом, каким желал казаться. И я слишком хорошо понимал, что мы жили в грозные времена и король, которому он служил, отличался суровым нравом и, точно громадный кузнечный мех, то веял теплом, то обдувал мертвенным холодом. Я определенно не питал ни малейших иллюзий о том, что мне будет позволено надолго остаться в Кембридже, а потому с головой погрузился в учебу, сократив сон почти до трех часов за ночь, и усталость отступила перед страстным рвением к знаниям.

Так что я по-прежнему могу работать много часов без сна, если требуется. Правда, теперь я больше склоняюсь к мысли, что причиной тому служит... одним словом, я немного побаиваюсь. Боюсь сна, боюсь этого пособника смерти. И боюсь сновидений, что выпускают на волю самые глубокие страхи.

Бам...

И пытались, посредством магии, убить или тяжело ранить Ее Величество...

Бам...

Взять его.

Я приподнялся в постели. Тяжело дыша.

Помилуй, Боже! Ведь теперь у нас *другая королева*.

Никаких обвинений против моего батюшки не выдвигалось, однако во время политической чистки при королеве Марии его протестантский уклон обошелся ему весьма дорого. У него отняли все, оставив лишь этот дом. К тому времени я стал почти знаменитостью в Европе благодаря своей образованности. В Париже собирались полные залы, и толпы стояли под открытыми окнами, чтобы послушать мои лекции о Евклиде. Именитые мужи приезжали ко мне в Лёвен за советом. Тогда как в Англии... Даже вернувшись в дом своей матери, я не мог позволить себе ни построить обсерваторию, ни содержать больше одной служанки. Эта страна все еще оставалась отсталой.

Следующим летом мне должно исполниться тридцать три года. Боже, мой земной путь, возможно, уже пройден наполовину, а столько всего еще осталось сделать, так много осталось узнать.

Свет холодной луны серебрил участок стены между деревянными балками моей спальни. Кот сладко урчал. В воздухе еще витал аромат пирогов — матушка почти до полуночи трудилась на кухне, занимаясь стряпней на случай, если единственная наследница покойного короля Гарри¹ соизволит переступить порог нашего дома и приведет половину своего двора. Я попытался было помочь матери готовить яства, но, в конце концов, она отослала меня... ибо боялась, что поутру, лишившись ночного покоя, я буду приветствовать королеву в Мортлейке с тупой усталостью в голове и уродливыми морщинами под глазами.

Так что я отправился спать и погрузился в самую страшную бездну своих повторявшихся снов.

¹ Здесь и далее: так называли английского короля Генриха VIII (1491–1547), отца королевы Елизаветы I.

Мои руки связаны сзади, спина крепко прижата к деревянному столбу, глаза закрыты, и я жду, когда мне причинят боль.

Прислушиваюсь в ожидании треска, сейчас станет жарко.

Но вокруг меня тишина. Кажется, ушли. Со мной ничего не будет. Я получил прощение. Меня отпустят на свободу.

И я открываю глаза — над высокими шпилями Лондона сияет синее небо. И думаю, как бы воспарить в эту высь. Надо развязать руки, я опускаю глаза и вижу...

...мои бедра обуглились и почернели, превратившись в сухие лохмотья, и я, словно Джек Симм с отмороженными пальцами ног, больше не чувствую их. Мои ноги обгорели до почерневших костей. Внизу, на тлеющем пепелище, лежат останки моих ступней.

Лишь теперь я проснулся и соскочил на деревянный пол, очнувшись от слепящего ужаса ненасытного жара и жуткого ощущения адского пламени вокруг моей головы.

Глава 2

ЗАЙЦЫ

Наконец она появилась.

Вскоре после одиннадцати на реке показалась золоченая флотилия из блестящих барок и лодок. Вверху развеваются знамена, солнце играет на клинках и шлемах, воздух дрожит от мороза.

От мороза... и ожидания, внушая холодный трепет, столь похожий на чувство тревоги. Только не в этот день. Пока королеве помогали сойти с барки и подняться на берег, обитатели окрестных домов припали к окнам, а я, в чистом дублете, поджидал ее у наших ворот.

От напряжения у меня сосало под ложечкой, ибо, за исключением интеллектуальных бесед да анализа мнений, общаться с людьми *любого* положения в обществе я не умел.

Матушка, если только ее не пригласят, останется в доме вместе со своими пирогами и горячим вином. Ни я, ни моя мать не смогли выспаться накануне, но та, которая уже стянула перчатку, похоже, провела чудесную ночь.

Я склонился, чтобы поцеловать руку, и нежный аромат розовых лепестков защекотал мне нос.

Ее длинные пальцы — белые, словно жемчуг, бледные, словно лед. Позади, за ее спиной, бессмысленное войско вооруженных пиками стражников неподвижно взидало на меня свысока.

— Рада нашей встрече, Джон. Как теперь ваше здоровье?

Все тот же звонкий девичий голос. И по-прежнему, как мне показалось, чуть неуверенный. Кое в чем я признался себе. Слишком много времени провел с книгами, как выразился бы мой батюшка — типичный валлиец и балагур.

— Прекрасно себя чувствую, Ваше Величество, — ответил я. — И, полагаю, вы также?..

Я поднял глаза — как раз вовремя, чтобы заметить перемену в ее лице, легкий изгиб маленьких земляничных губ. Едва ли это движение означало улыбку.

— Стало быть, — сказала она, — ваша простуда отступает?

— Хм... простуда?

— Нездоровье... — Ее голос теперь сделался тверже, изящный ротик вдруг стал похож на мясистый бутон ее отца. Но все мои мысли были заняты в тот миг лишь грубым разрезом на воске. — ...которое помешало вам присоединиться к нам на прошлой неделе.

— Ах да, — вспомнил я. — Теперь все хорошо, благодарю, госпожа. Да... гораздо лучше.

— Мы так переживали. Ведь подумать — простуда. — Королева была в костюме для верховой езды, меховой мантии и меховой шапке. — Особенно теперь, когда кончается долгая зимняя стужа.

— Куда лучше остаться в родных стенах, — осторожно ответил я. — То есть... лучше, чем оказаться вытасненным наружу и быть оставленным на попечение чужих людей.

— Или медведей, — добавила королева.

Ресницы ее темно-серых глаз почти сомкнулись. Точно ставни на окнах. И я подумал: «Боже правый».

Мой друг, Роберт Дадли, потешается надо мной.

«Обычное дело в диком лесу, Джон. Медведи, собаки — они все убийцы, такие же, как и мы. Они — часть нас. Наша суть. Мы — племя воителей; все, что мы имеем, присвоено в бою и добыто убийством. Иногда мы — медведи, а порой — псы, в зависимости от того, деремся ли мы за то, что принадлежит нам, либо ради того, чтобы награть чужое».

Я постоянно обращаю его внимание на то, что военный успех — это скорее хитрость, ум, изобретательность, нежели слепая ярость. Напоминаю о механизмах, которые я создал для военных целей, о навигационных устройствах, призванных укрепить наше превосходство на море. Я упорно настаиваю на том, что, наблюдая за сварой собак и медведей, мы не получаем никакой пользы, но только утрачиваем человечность. Во время войны, говорю я, мы сражаемся за победу, но вовсе не для того, чтобы продлить агонию ради забавы.

Дадли пожимает плечами.

«Взгляни правде в глаза, Джон. Ты — книжный червь, у тебя просто кишка тонка для ратных дел».

Конечно: оглушительный рев и безумный металлический лязг — жалкие стоны эха из подземных чертогов Гадеса... варварство, без которого я могу прожить.

Но потом, с миловидной, немного смущенной улыбкой, мой друг и бывший ученик выбирает мишень и вонзает в нее клинок.

«Видел бы ты королеву, Джон. Как она хлопает маленькими ладошками и подскакивает со стула при каждом щелчке окровавленных челюстей. Не поверишь, но королева всегда любила травлю медведя...»

Стоит ли забывать, однако, чья она дочь. Жалость и отвращение — с этим я еще способен совладать, могу пода-

вить их в себе, если требуется. Но вот непроизвольное чувство презрения... кто осмелится на такое?

Потому, будучи приглашенным на званый пир с участием Ее Величества и намеченной травлей медведя, я тут же изобразил простуду и недомогание.

Аромат ее духов оживлял воздух. Неизменное благоухание роз, будто один взмах королевской руки мог изменить время года. Моя престарелая кузина, Бланш Перри, первая фрейлина королевы, стояла немного поодаль среди толпы стражников, придворных и самодовольных прихлебателей трона. Она глядела на нас, точно на белую сову средь ветвей. Бланш никогда не доверяла мне.

— Боюсь, из-за простуды я не доставил бы удовольствия своим видом, — неуверенно сказал я. — Мой нос...

— Как обычно, уткнулся в книгу, я полагаю, — ответила королева.

— Да, — смиренно подтвердил я. — Полагаю, так.

На миг повисло неловкое молчание.

Затем королева запрокинула голову и закатилась веселым смехом — будто стая зябликов взмыла в воздух. Ватага придворных последовала примеру своей повелительницы, разразившись бурным потоком хохота, словно с каждого из них сорвали повязку безмолвия. И только Бланш Перри по-прежнему тарачила на меня взгляд, наблюдая с серьезным видом за тем, как королева взяла меня за руку и многозначительно отвела в сторону от толпы своих провожатых.

— Я не хочу дразнить вас, Джон.

— О, вы уже это сделали, — ответил я.

— Порой мне кажется, — продолжала она, когда мы вошли в сад, — что вы знаете меня — несомненно, благодаря своему искусству, — лучше, чем кто-то другой.

Моему искусству? О боже.

— Но еще оттого, — быстро добавила она, — что вы сами натерпелись горя и прошли через несчастья, которые так часто выпадают нам.

Я благодарно кивнул в ответ. Дочь своего отца, сестра своей сестры, однако, в отличие от них, Елизавета слышала, как ключ повернулся с другой стороны. В то время — на шестнадцатом году жизни — она слишком хорошо осознала, что значат черные карты, выпавшие леди Джейн Грей¹. И теперь часто вскакивала по ночам, терзаемая во сне свистом призрачного топора, так же как я пробуждался от рокота адского пламени. Насколько была уверена она в своей безопасности, даже теперь? *Знала ли вообще что-нибудь о восковой кукле?*

— Помните, Джон, вы как-то приглашали меня посмотреть вашу библиотеку?

— Мм... да, кажется, приглашал... да.

В тот раз я подумал, что она неправильно поняла меня или, во всяком случае, сделала вид. В свои двадцать шесть она была всего на несколько лет моложе меня.

— Дело в том, — тихо произнесла королева, — что кое-кто настоятельно советовал мне держаться подальше от вашей библиотеки.

— Подальше от моих... книг?

Боялись, что в них написана ересь?

— Кое-кто, кто еще помнит ваши попытки убедить мою покойную сестрицу в пользу государственной библиотеки².

— О...

Снова короткая пауза. Так вот оно что. Все дело в цене. Мне не удалось убедить королеву Марию, а теперь едва ли можно было сомневаться, что для членов нынешнего Тайного совета расходы на обустройство и содержание государственной библиотеки — все равно что выбросить хорошие деньги на ветер.

— По-моему, это просто трагедия, — сказал я. — Сколько ценных трудов безвозвратно потеряно с тех пор, как на-

¹ Джейн Грей (1537–1554) — внучатая племянница Генриха VIII, королева Англии с 10 июля по 19 июля 1553 г. Казнена по обвинению в захвате власти.

² В царствование Марии Тюдор Джон Ди обращался к королеве с предложением устройства государственной библиотеки. Проект был отклонен.

чалась Реформация. Многие из них тайком проданы бессовестными аббатами и прочими корыстолюбцами. Но несомненно то, что основатель государственной библиотеки будет прославлен потомками, как величайший покровитель учености в этой стране...

— Тише, Джон... — Королева тихонько толкнула меня в плечо. Ее глаза искрились радостью, тонкий завиток золотистых кудрей выглянул из-под меховой шапки. — Она *будет* у нас. Как только соберем достаточно средств, чтобы устроить все как положено. А пока мы рукоплещем вашим личным усилиям... Сколько книг уже удалось собрать?

— Девятьсот... двенадцать.

— Девятьсот двенадцать, — вдумчиво произнесла королева. — Большая коллекция.

Наверное, я покраснел. То, что я помнил точное число книг, могло показаться нелепым. Большинство из них было разложено по всему дому моей матушки, и потому я поставил целью построить, как только разыщу нужную сумму, дополнительное помещение для тысяч других бесценных томов.

— Джон... — Королева — всегда живая и деятельная — посмотрела мне прямо в глаза с неожиданным беспокойством. — У вас усталый вид.

— Работаю по многу часов, Ваше Величество, ничего страшного.

— Могу я спросить, над чем теперь?

Королева давно интересовалась мистикой, и мы стояли на достаточно большом расстоянии, чтобы кто-нибудь из ее свиты мог услышать нас. Мы были одни в обнесенном высокой стеной саду моей матери, всего в каких-нибудь двадцати ярдах от берега реки. Сочные солнечные лучи скользили между суковатыми ветвями яблонь. Можно сказать, идиллия, если не принимать в расчет стражников возле ворот. От вооруженных пиками головорезов некуда было деваться.

— Джон, в прошлом году мы говорили о Каббале. Вы внушили мне мысль о том, что мистицизм древних евре-

ев... будто он поможет нам проникнуть в самые сокровенные чертоги небес.

Я колебался. Мой нынешний труд, в самом деле, происходил из богатой и сложной древнееврейской практики общения с вышними сферами. И моя цель — ни для кого не секрет — действительно состояла в том, чтобы открыть уровни, на которых существование всего земного, устройство и строение всякой земной материи управляется небесными силами. Я находился в поисках кода, быть может, одного знака, который бы объяснял и определял эту связь. Но еще немало свечей догорит в ночном мраке, прежде чем я смогу опубликовать свои открытия и торжественно надписать мистический знак на фронтисписе.

— Ваше Величество...

— Так вы готовы к общению с ангелами, Джон?

После религиозных битв двух последних десятилетий королеве было особенно важно держать всякие сношения с миром духов под *своим* контролем. Я действовал со всей осторожностью.

— Любой из нас может общаться с ними. Однако, дабы Каббала лучше послужила нашим целям, полагаю, необходимо интерпретировать ее таким образом, чтобы это учение воспринималось как часть христианских традиций.

— Пожалуй, так, очень верная мысль, но... — королева прищелкнула длинными пальцами, будто желая подчеркнуть некое важное суждение, — нет ли какой-нибудь английской традиции, Джон?

— Для общения с ангелами?

— Ну, да... — Она часто и нетерпеливо закивала головой и развела руками. — Да.

Любопытно было услышать такой вопрос от образованной женщины, но ответ на него таил в себе немало опасностей.

— Христианство, как известно Вашему Величеству, попало в Англию извне, и так же...

— Хорошо, пусть будет не английская, а, скажем, *британская* традиция, ведь мы оба валлийских кровей?

Рожденный и выросший в Англии, я никогда, по правде сказать, не ощущал себя истым валлийцем, хотя мой отец охотно рассказывал мне — и всем, кто только желал его слушать, — о нашем великом литературном и культурном наследии. Выучив немного валлийский, дабы потешить отца, я собирался посвятить некоторое время исследованию нашей культуры: хотелось удостовериться, что отец прав. И тем не менее...

— Все свидетельствует о том, Ваше Величество, что религиозная традиция валлийцев — а именно поэтическая традиция бардов и учение друидов — по сути, не была христианской.

— Но скажите, не менялась ли она с тех пор, как христиане принесли сюда Слово Божие? Или с тех пор, когда, как говорят, наш Спаситель побывал в Англии?

— Мм... вы хотите сказать?..

— Вместе с Иосифом Аримафейским. Своим дядей.

— О да.

— Вам, конечно, известно об этом...

— Безусловно. То есть я об этом читал.

— Значит, у вас имеются книги, в которых об этом сказано... в вашей библиотеке?

— Мм... Возможно. Точнее... Да, конечно, имеются.

— И об Артуре? Есть что-нибудь о нем?

— Ар...

— О короле Артуре. — Она улыбнулась. — О нашем монаршем предке.

— Ах... О нем. Да, разумеется. Есть кое-что.

— Я желаю взглянуть на эти книги, — сказала королева.

— Непременно. Это мой...

И тут внезапно ее тело вздрогнуло, словно от острой боли. Мне показалось, будто она глядит на меня, но это было лишь первое впечатление. Увидев что-то за моей спиной, королева застыла, словно от изумления. Не оборачиваясь, я ждал, когда она заговорит вновь. Королева молчала.

Я изобразил кашель.

— Ваше Величество?..

Мои слова заставили королеву вздрогнуть снова.

— У вас в саду бегают зайцы? — спросила она.

— У нас... нет. Во всяком случае... — Боже милостивый, с кем она вела разговор? — Ваше Величество видели зайца?

— Кажется... Не знаю, — ответила королева.

Меня охватило волнение, ибо я никогда не видел здесь ни одного зайца. Ни в этом году, ни в прошлом. И там, куда смотрели ее глаза, ничего не было.

Королева улыбнулась — слабой улыбкой, похожей на бледную луну за прозрачной пеленой холодного тумана в час раннего утра. Что же до зайца...

Заяц известен своими необычайными повадками и тем, что порой подымается на задние лапы, чтобы подраться с соперником, точно в кулачном бою, а также тем, что он как будто отвечает зову луны... Заяц, возможно, предвещал несчастье.

Королева тихонько покачала головой.

— Книги, — вдруг сказала она. — Надо...

И вновь замолчала. Моя кузина, Бланш Перри, приблизилась к нам, морща нос от едкого запаха бродящего хмеля. Не далее чем в ста шагах от нашего дома стоит пивоварня. Когда там варили пиво, зловоние расходилось по всей округе. И королева, и я сам заметили Бланш слишком поздно; должно быть, она слышала что-то из нашего разговора.

— Не теперь, Джон, — быстро сказала королева. — Вы должны доставить эти книги ко мне.

— Непременно.

— Мы вместе поужинаем. Скоро. — И она тихонько хихикнула. — Если, конечно, вам позволит здоровье.

— Мадам... — сказала Бланш Перри, поравнявшись с королевой. — Позвольте напомнить вам, что у вас назначена встреча с сэром Вильямом Сесилом на три часа попозднее. — Бланш сдержанно кивнула мне. — Доктор Ди.

— Доброе утро, кузина, — ответил я.

Бланш насупила брови. Королева ахнула. Я ничего не сказал, понимая, что наш разговор с королевой будет продолжен в другое время.

— Какая жалость. — Она улыбнулась. — Я как раз говорила доктору Ди, что надеялась посетить *школу* перед отъездом.

В прошлый раз королева собиралась осмотреть школу, которую открыли монахини для детей бедняков, но затем, сославшись на недостаток времени, очень сожалела, что ее планам не суждено сбыться. Она взглянула на меня сочувственными глазами, молчаливо давая понять, что за мною прищлют гонца, и резко развернулась. Бланш Перри — стройная седоволосая женщина на пятом десятке лет — однако на мгновение задержалась.

— Доктор Ди, сэр Вильям желает также беседовать и с вами. — Она даже не удосужила меня взглядом. — Завтра в десять утра он ждет вас в своем доме на Стрэнде. Если это устроит вас.

Можно подумать, у меня оставался хоть какой-нибудь выбор. Я кивнул, размышляя о том, не было ли приглашение связано с находкой восковой куклы, олицетворявшей правящую королеву. После того происшествия никто не говорил со мной об этом. Возможно, все-таки удалось сохранить этот факт в тайне от королевы. Я осторожно пытался навести справки об Уолсингеме, но никто так и не смог мне ответить, служит ли он у лорда Сесила.

Скрипучий мороз леденил тонкие ветви садовых яблонь, и я ощутил невидимое движение тайных сил.

Я не сдвинулся с места, пока последний ялик из королевской флотилии не скрылся за излучиной Темзы, и лишь после этого пошел домой. В камине приемного зала полыхали, источая благоухание, яблоневые поленья. Я лично развел огонь, а матушка добавила дров на тот случай, если высокая гостья все же почтит нас визитом. Пройдя мимо нетронутых пирогов, я нашел мать одиноко сидящей возле окна в малой гостиной. Она угрюмо смотрела на Темзу сквозь дешевое мутноватое стекло, что летом защитит нас от зловония реки.

— Мне жаль, — сказал я, накинув на спинку стула камзол и чувствуя себя усталым и угнетенным.

— В былые времена миссис Бланш Перри уделила бы мне немного времени. — Мать оторвала взгляд от серо-бурой воды, поднялась и оправила юбки. — Видимо, те времена прошли.

— Бланш ревностно заботится о своем положении при дворе. Ты здесь ни при чем. Она не доверяет *мне*.

— Защищать интересы и благосостояние королевы — вот как она это понимает, — ответила мать.

— И держаться подальше от успехов науки.

Моя мать, Джейн Ди, выглядела так, будто откусила от луковицы.

— Что не так? — спросил я.

— Думаешь, миссис Перри назвала бы это *наукой*?

— Наверное, нет.

Избегая материнских глаз, я заметил, что отделка стен начала осыпаться и требовала лакировки, а обшивка из красной парчи на кресле матери сильно износилась и утратила блеск. На рукаве материнского темно-коричневого платья я разглядел две заплаты.

Она не спросила ни о том, что сказала мне королева, ни о цели ее визита. Я мог бы ответить ей, что Елизавета, успевшая зарекомендовать себя притязательной и дорогой гостьей богатейших домов, вряд ли заглянула бы хоть ненадолго в наше скромное жилище. Просто потому, что помнила о нашем положении и решила пощадить нашу бедность. Я в этом не сомневался.

Естественно, я чувствовал стыд за свою несостоятельность. Мне следовало подумать о матери, ведь, кроме меня, у нее не было никого. Отец сделал все возможное, чтобы я получил лучшее образование. Я мог бы стать епископом или даже законником вместо того, чтобы... стать тем, кем стал.

Уныло поблескивала вода в реке, полной трупов людей и животных, что прибывало ко дну течением вместе с городскими отбросами. Невеселое солнце казалось осколком бледного мрамора.

Некоторые за моей спиной называли меня *колдуном*, другие не стеснялись произносить мне это прямо в глаза.

Глава 3

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

В нынешнее, куда более просвещенное время, как известно, чародея считают скорее торговцем иллюзиями, нежели заклинателем духов. Да, я создавал иллюзии и находил в этом огромное удовольствие. Однажды во время учебы в колледже я смастерил для театральной пьесы громадного жука, который будто летел по воздуху благодаря системе блоков и игре света и тени. Много дней ушло у меня на то, чтобы сделать того жука, но мое творение произвело фурор, и я несколько часов наслаждался благоговейным восторгом зрителей.

В этом не было ничего дурного. Я был молод, и жук не летал. Во всяком случае, не летал так, как птицы и ангелы.

С тех пор я повзрослел и теперь знаю лучше истинную природу ангелов. Вполне осознаю, что люди вроде сэра Вильяма Сесила чувствуют себя спокойнее, если знают, что имеют дело с иллюзией, даже если и не представляют, как это работает.

День, когда я взошел на борт лодки, чтобы отправиться в путь, выдался без морозов, но время от времени брызгал холодный дождь. Мерно плыли зачерненные дымом низкие облака, цепляясь за десятки шпилей, среди которых выше всех вздымалась на западе игла собора Святого Павла.

Мы въехали в город через Саутварк с его смердящими кучами мусора и дешевыми удовольствиями: медвежьими травлями, петушиными боями, дешевыми борделями, азартными играми и театром. Я давно не замечал на Лондонском мосту голов, насаженных на колья и выставленных для всеобщего обозрения. Обезглавливание преступников и предателей по высочайшему указу стало редкостью в наши дни, и уродливое зрелище с отсеченными головами в окружении голодного воронья ныне служило

скорее развлечением для заезжих гостей, нежели грозным предостережением горожанам.

Что до нового дома Сесила... я понял только одно: дом этот стоял где-то на Стрэнде, где когда-то проживало влиятельное духовенство. Впрочем, чтобы ориентироваться на реке, лодочнику не требуется карта, и мой знал в точности, когда править к берегу. Он осушил весла, и мы причалили к подножию лестницы новой каменной пристани.

— Самый высокий дом во внутреннем ряду, — сказал лодочник. — Но у него планы.

— Министр ваш близкий друг, раз вам известно о его планах?

Я пожалел, что сказал это. Должно быть, мой вопрос прозвучал вызывающе. Уже в седьмой раз, или даже в восьмой, я ездил с этим лодочником, и все же пошутить с ним мне как-то не удавалось.

Кормчий лишь ухмыльнулся. По крайней мере, я знал, что это ухмылка. У него отсутствовали все верхние зубы — возможно, он потерял их в драке или попросту продал на вставные челюсти. Я бы спросил, но...

— Один из артельщиков, которые работают на его архитектора, женится на моей младшей, — объяснил лодочник. — Так они получают четкие указания, как строить. Лично проверяет каждый кирпич.

Излюбленное занятие Сесила в свободное время — перестраивать старые дома. Я знал об этом. Мы шли с приливом, и к тому времени, когда я нашел, наконец, нужный мне дом — трехэтажный дворец в строительных лесах, — я все равно пришел раньше времени, имея в запасе еще больше часа. Мое преждевременное появление означало бы крайнюю заинтересованность либо тревогу.

Потому я решил побродить немного и спустя пару минут очутился на улочке с новыми торговыми лавками, где продавались изысканная мебель, гобелены и дорогие светильники. Судя по нарядной одежде лавочников и почти полному отсутствию на улице детей и попрошаек, в этом квартале в последнее время поселилось много зажиточных горожан. Даже уличный смрад чувствовался здесь не так

сильно, как в других частях города, и дамы носили помандеры¹ скорее для того, чтобы подчеркивать свое положение, а не освежать воздух.

Снова припустил дождь, и я решил укрыться под навесом торговых рядов, откуда доносились глухие крики уличных продавцов. Хотя здесь их было немного. Агенты тайной службы дворца позаботились об этом — как-никак, поблизости проживали именитости вроде сэра Вильяма Сесила. Если бы не дождь, возможно, я свернул бы на другую улицу и никогда не услышал бы...

— ...о будущем! Знайте, что грядет час! Померкнет свет, и мир погрузится во тьму и хаос перед... *вторым пришествием!*

Красноречивые обещания апокалипсиса. Еще один памфлетист. Памфлеты нынче дешевы, как никогда. Вездесущие, еще более исполненные трагизма, изрыгающие в самых крикливых красках рассказы о смертных грехах, наказаниях и поклонении дьяволу. Теперь еще и предвещения конца света — от пуритан.

— ...новые страшные пророчества звездочета Ее Величества! Читайте предсказания доктора Ди!

О боже! Я тотчас попятился назад и, неуклюже обогнув оставленную без присмотра повозку, очутился в узком проходе. Вопли памфлетиста будто преследовали меня, загоняя в глубь зловонного полумрака.

— Узнайте будущее прямо сейчас... *то, что от него осталось.*

Начав покрываться потом, я выглянул из-за телеги, чтобы понаблюдать за многолюдной толпой зевак, что собиравались вокруг памфлетиста. С виду — приличные люди: женщины в меховых украшениях, мужчины в новомодных венецианских панталонах. Толпа жаждала откровений о развернутых хлябях небесных, жадно внимала слухам об открытии неизвестных земель, населенных удивительными крылатыми существами, да еще о какой-то новой войне в Европе.

¹ Помандер — мешочек с благовониями.

Разумеется, все это выдумка, но уж слишком многие готовы верить всему, что печатают на бумаге, и...

...известно ли было им, что *я ничего этого не говорил?*

Второе пришествие? Мое дело — составлять карты движения звезд и выявлять влияние планет на мирские события и равновесие четырех жидкостей тела. Вероятные направления, благоприятные возможности, добрые предзнаменования. И ни малейшего намека на подлинное пророчество. Ибо это, насколько известно, удел безумцев.

Но почему никто не сказал мне об этой чепухе?

Слухи, доктор Ди, слухи и сплетни.

Слова Джека Симма звенели в моей голове, когда я направлялся к толпе. Знал ли об этом Джек? Сколько еще распространялось подобных публикаций о чародействах, прорицаниях и заклинании духов в доме семейства Ди в Мортлейке? Похоже, об этом было известно всем, кроме меня.

«Голова, как всегда, в звездах, если не в книге», — говорила моя мать. «Не слишком ли много времени уходит на книги, мой мальчик?» — прогневался однажды даже отец, страстно желавший дать мне самое лучшее образование, какое только могло позволить его состояние.

— Узнайте о времени конца и о времени зла, что воцарится пред ним! — горланил торговец памфлетами. Толстые губы стали влажными от слюны. — Готовьтесь!

Он точно чувствовал, что я рядом, — отворачивался, кутался в тень. Прохвост в кожаной шляпе с двумя павлиньими перьями, печатный товар в корзине у ног.

Дождь перестал. Я топтался на месте, не зная, что делать. Я мог бы привлечь мошенника к суду, однако судебное разбирательство лишь добавило бы мне дурной славы, в которой я не нуждался. Поскольку меня обязали бы прилюдно отвечать на вопросы о характере своей деятельности, и однажды — помилуй боже — я уже побывал там.

К тому же стоит признать, что прохвост, вернее всего, унесет ноги, развеяв свои памфлеты по ветру.

Я оперся о борт повозки. Казалось, будто от меня оторвали часть и выставили на публичную сцену, дабы испол-

нить некую роль. Будто ученый Джон Ди разумом еще оставался в книгах своей библиотеки, но колдун шагал по улицам города, сея зерна невежества.

— Откуда нам знать, что это пророчества доктора Ди? — раздался из толпы напуганный женский голос. — Как они к тебе попали?

— Откуда нам знать, сударыня? — завизжал памфлетист. — Откуда нам знать?

Он явно выгадывал время.

— В самом деле, — подхватил другой голос — мужчины в долгополом кафтане из грубого полотна. — У тебя есть доказательства, что знаменитый Джон Ди — автор этих пророчеств?

Торговец памфлетами на пару мгновений умолк в поисках вдохновения, затем громко втянул носом воздух и выпятил грудь, словно тетерев на току.

— Доктору Ди, сэр, необходимо вести уединенную жизнь. Мне же, как его секретарю и издателю, дано право доводить до общественности те из его слов, что помогут, по его мнению, мужчинам и женщинам подготовиться загодя к своей участи. Слова эти принадлежат не ему, как вы понимаете, ибо он лишь маленький человек, но они есть откровения божьих посланников, что общаются с ним через его *мудреные устройства*.

— Я возьму две штуки, — сказал мужчина.

— Четыре пенса.

Больше терпеть я не мог и вышел из своего укрытия.

— Так ты... — Но мне не хватило мужества, поскольку я никогда не любил вступать в драку. — Говоришь, ты издатель доктора Ди?

Никакой реакции. Мои слова затерялись в болтовне. Я заговорил громче.

— Ты работаешь на доктора Ди?

— Уже много лет, приятель.

Он говорил со мной уголком рта. Даже не взглянул на меня, передавая одной рукой памфлет, а другой — принимая монеты. Аляповатая гравюра на обложке изображала облаченного в черный балахон человека с бородой во всю

грудь и руками, поднятыми к звездам, кружащим вдоль его широкополой шляпы. И кто это, позвольте спросить?

— Что он за человек?

— Кто?

— Доктор Ди.

— Человек глубочайших познаний и образованности.

— Он похож на того, кто изображен на картинке?

— Почти полное сходство. Я...

Памфлетист не закончил фразу и повернулся ко мне. Сальная кожа на лице и покрытая щетиной черная родинка на небритой щеке. Он явно не знал меня и, похоже, быстро утратил интерес к человеку в простой одежде и без шляпы.

— Стало быть... — Я провел рукой по своему гладко выбритому подбородку. — Значит, он старик, так? Вот с такой бородой?

— Если не собираешься покупать, дружище, тогда пропусти вперед тех, кто покупает. Если бы ты прочел эту книжку, то понял бы, что жизнь слишком коротка для тех, кто понапрасну теряет время.

— Но ты все же не дал ответа на вопрос. Откуда нам знать, что эти... истории ты получил от доктора Ди?

— А почему тебе знать, что не от него?

— Потому что я...

Вышло так, что в тот момент все молчали — случайный момент тишины.

— Не писал их, — договорил я.

Я говорил тихо, однако мои слова прозвучали так, будто я прокричал их с крыши ближайшего дома.

— Да ты кто такой, приятель? — зашумел памфлетист.

Я готов был уйти, но толпа плотно обступила меня со всех сторон. Так уже случалось когда-то. Предвещения скорого конца света могли посеять панику и смятение на улицах, страх быстро расстилался по воздуху, точно удушливый дым.

— Кто ты такой?

— Заявляет, что он — доктор Ди, — произнес кто-то в ответ.

Вновь полил дождь, стены высоких домов отражали цокот конских копыт. Лишь впереди меня оставалось немного свободного пространства, но торговец памфлетами занял его, тыча пухлым пальцем мне в грудь.

— Только послушайте негодяя! *Я — доктор Ди!*

В толпе прокатился неуверенный смешок. Молча я оглядывался на лица окружавших меня людей. Не нашел среди них никого из знакомых и вынул горсть мелких монет.

— Я возьму одну книжку.

Торговец протянул мне памфлет, но потом, едва я коснулся его, резко отвел руку с книжкой назад, глаза засверкали злобным весельем.

— Если ты — доктор Ди, — сказал он, — то и так должен знать, что там написано.

Кто-то рассмеялся. Но презрительный взгляд не смутил меня.

— Ди — простой колдун, — сказал человек слева от меня.

— Предреки нам что-нибудь, — скривился в ухмылке торговец. — Ну, давай. *Объяви нам свое предсказание.*

И тут я заметил, что он был не один. Двое юношей — четырнадцати или пятнадцати лет — тащили целую кипу его публикаций. Помощники торговца протискивались сквозь толпу, но теперь остановились. Рука одного потянулась к поясу.

— Смотрите, каков мошенник! — Памфлетист триумфально развернулся к толпе. — Безбородый юнец нагло мнит себя прорицателем королевы. Ну же! Давай, рассказывай нам о будущем, парень!

Настроение толпы начинало раскручиваться, словно гигантское мельничное колесо. Кто-то медленно захлопал в ладоши, и памфлетист подхватил начинание, застучав своими дряблыми маслянистыми руками. И тут раздался другой мужской голос — громкий и холодный, как камень.

— Прорицание есть богохульство!

Что-то мокрое ударило меня по щеке — я вздрогнул от неожиданности. И заметил, что оба юных помощника торговца косят глаза то на меня, то на своего хозяина, будто ожидая команды ударить меня и сбежать.

— Доктор Ди якшается с демонами! — провизжала какая-то женщина.

— Я тоже об этом слышала, — сказала другая, постарше. — Он плюет на Святое Писание.

Кто-то прижался ко мне, и, как обычно во время сутолоки, мое тело съежилось в ожидании прикосновений проворных пальцев карманников, проблеска кровожадных ножей. Добропорядочные джентльмены поспешили увести своих дам подальше от толпы. Я оглянулся назад в поисках пути к спасению. Хотелось поскорее убраться отсюда.

Прямо передо мной возникла бородатая рожа. Борода разверзлась в зубастой усмешке. Со всех сторон напирали крепкие тела, в нос ударило густым запахом зловонного пива. Стоя передо мной, памфлетист впал в полубезумство, глазки павлиньих перьев на его шляпе сотрясались по обеим сторонам головы.

— Начинай! — голосил он. — Говори предсказание! Скажи нам, когда придет твой черный повелитель!

Я словно околел, заворуженно наблюдая за взмахами его перьев.

Дикая ярость охватила меня.

— Будет тебе предсказание... — Я едва сознавал, что говорю. — Предрекаю, что еще до исхода недели тебя бросят в самое глубокое подземелье...

Сзади чья-то рука обвилась вокруг моего горла. Руки крепко скрутили у меня за спиной. Проливной дождь хлестал мне в лицо.

Кожаная перчатка зажала мне рот, меня развернули, и я увидел перед собой человека в черной бархатной шляпе, опущенной до самых глаз. Но темный плащ с капюшом не смог скрыть золотистого блеска его дублета, раскрывшись, как ветхий сундук с драгоценностями.

— Уведите дерзкого самозванца, — приказал человек в темном плаще.

Глава 4

СПОКОЙСТВИЕ КОРОЛЕВСТВА

Даже в такой мрачный день комната была полна света. Окна — до того огромные, что в них можно было въехать на лошади.

Секретарь королевства сидел к ним спиной, за козлами из широких дубовых досок, поставленных напротив камина. За каминной решеткой чуть слышно потрескивал слабый огонь.

— Всего-навсего скромный домик. Просто мечтаю иметь местечко, где можно уединиться. — Он налил мне вина и чуть меньше — себе. — Конечно, никто не желает меня понимать. Особенно королева.

Пустые полки источали аромат льняного семени и пчелиного воска. В то время еще казалось, что в доме достаточно места только для хозяина, его жены, двух дочерей и человек четырнадцати прислуги. Однако Сесил уже начинал скупать значительные участки земли на обоих берегах реки, и к эпохе Расцвета его недвижимое имущество удвоится. Но пока даже у человека с таким высоким положением, как у Вильяма Сесила, возможности имели свои границы.

Он повернулся и посмотрел на меня ясными, полными печали глазами.

— Я нежно люблю эту юную леди, Ди. И, бог даст, буду служить ей до конца своих дней. Но, ей-богу, она постоянно требует развлечений. *Я обязательно поужинаю вместе с тобой, Вильям. Скоро.* Только и слышишь: *скоро*.

— Это только начало, — сказал я. — Неограниченная власть монархии — упоительное пристрастие. И королеве лучше многих других известно, как коротка жизнь. То есть, эмм... бывает у некоторых.

— Она выжила. — Взгляд Сесила чуть посуровел, но сам он сидел неподвижно. — Теперь она под защитой. На всю жизнь.

На Сесиле был бледно-серый дублет, спрятанный под черную мантию. Трудно поверить, что этому человеку еще

не исполнилось и сорока лет. Казалось, сильная усталость просто стала неотъемлемой частью его облика. Но я знал, что это лишь обман зрения. Вечная утомленность и пасмурные тона его одеяний были только спектаклем. Сесил обожал то, что делал, и у него здорово получалось. Настолько хорошо, настолько талантливо и результативно, что ему удалось прослужить королю и двум королевам. Кто еще мог бы похвастать этим?

— Надеюсь, ваша вчерашняя встреча с Ее Величеством прошла удачно?

— Удачно почти до последней минуты, сэр Вильям.

Я откинулся на спинку кресла. Воспоминания о неприятном происшествии на улице по-прежнему вызывали во мне мелкую дрожь. Мне предложили сесть в удобное кресло с обивкой, лицом к высоким окнам. Стекла, вставленные в широкие клетки переплета, были превосходного качества и чистоты. Мы расположились на втором этаже, с видом на реку и шпили домов в голубовато-серой дымке тумана.

— Нам помешали, — продолжил я. — Моя кузина.

Сесил, несомненно, хорошо знал ее, поскольку лично — в чем я был уверен — давал ей указания следить за тем, чтобы наш разговор с королевой не зашел дальше банальных и пустых шуток. Я начал подозревать, что существовало нечто такое, о чем мне следовало узнать, однако Сесил предпочитал, чтобы я услышал это от него самого, а не от королевы. Вероятно потому, что их версии существенно расходились.

— У вас такая кузина, — Сесил удивленно приподнял бровь, — что не побоится перебивать разговор королевы?

— Ее имя — Бланш Перри, — терпеливо ответил я. — Наши семейства состоят в родстве. Как и большинство семей с пограничий Уэльса.

Включая, по правде сказать, и семейство Сесилов из Альтириниса — все мы родом с одних и тех же холмов.

— Ну, да, я слышал, — кивнул он. — Разумеется. Серьезная дама миссис Бланш.

Его глаза были наполовину закрыты. Сесил служил государственным секретарем во времена заговора против королевы Марии, когда вместо нее на трон пытались возвести несчастную Джейн Грей. Но каким-то чудом он выпутался из этой истории. Продолжил служить при дворе королевы Марии, сделался членом парламента, получил рыцарское звание. Из протестантизма перешел в католичество, затем снова вернулся в протестантизм. Кто еще мог бы похвастаться таким опытом?

Подняв бокал, он лишь слегка смочил губы вином и вновь откинулся на спинку кресла, скрестив за затылком пальцы.

— Сильно заняты, Джон?

— Днем и ночью, — ответил я. — Если дают работать.

— Человек, вечно движимый бесконечным потоком прозрения. — Сесил взглянул вниз, где на досках лежало несколько писем, и снова поднял глаза на меня. — Гластонбери.

— Что?

— Маленький городок на западе. Некогда стоял на острове Авалон. И когда-то славился своим аббатством. Знаете его?

— Я знаю о нем, — поправил я.

И тотчас попытался найти связь.

— И что же вам о нем известно?

— Известно, что там погребен король Артур.

Артур... Что я знаю о нем, спрашивала королева.

Сесил глубоко вздохнул.

Прошлой ночью я заперся в своей библиотеке, чтобы найти книги, которые обязался доставить королеве.

Мои книжные полки до сих пор представляли собой допотопное сооружение из досок, поставленных на кирпичи. Там-то я и нашел труды Гильдаса Кембрийского и Гальфрида Монмутского, из сочинений которых Мэлори состряпал пустословную баланду под названием «Смерть Артура».

Но и работа Гальфрида сама по себе также не служила надежным источником. Когда хронисту не хватало исторических свидетельств, он сочинял их сам, и как раз о жизни короля Артура история знает мало. Но в его работе должны быть, по крайней мере, семена истины, да и написана она незадолго до того, как меня отправили в город Гластонбери — место погребения короля Артура, на так называемом острове Авалон. Островного города, кажется, более не существовало; море давным-давно отступило, оставив поселение среди невысоких холмов над влажными полями, окаймленными фруктовыми садами.

Сады.

По странному совпадению, обсуждать этот вопрос с королевой мне довелось именно в саду моей матушки. Ведь название «Авалон», несомненно, происходит от валлийского слова «афал», что значит «яблоко». Вся эта местность в Сомерсетшире изобилует яблоневыми садами и вместе с тем расположена недалеко от Уэльса, а потому, весьма вероятно, именно она и могла быть тем мистическим островом, к которому прибило ладью с умирающим королем Артуром.

Он мог излечиться от тяжелых ранений или погибнуть и быть погребенным в границах той местности, где позже возник знаменитый монастырь. Смотря по тому, какая версия предания вам больше нравится.

Прекрасная сказка. Вдохновенная сказка. Легенда, что укрепляет наши традиции. Идеал монархии, с его рыцарями круглого стола и волшебным мечом Эскалибуром, король Артур всегда являлся для нас главной фигурой.

Для нас? Для нас, англичан? Для нас, британцев? Для нас, валлийцев?

«Мы с тобой валлийского племени», — говорила королева.

В годы моего детства батюшка рассказывал мне, будто наш род, род Ди — наша английская фамилия представляет собой искаженное валлийское «Ду», то есть «черный», — ведет свое происхождение от самого короля Артура. И я верил в это, как верил бы любой на моем месте. Не

поверить в такое просто невозможно. И я продолжаю верить в это теперь, хотя и не так, как прежде. Ныне меня больше интересует связанная с Артуром традиция, мистический источник, из которого можно черпать силы древних.

И, кроме того, куда более прославленное семейство, чем наше, тоже называет себя потомками великого героя Британии.

Нашего царственного предка, как выразилась королева.

— ...если бы не то досадное дело тогда, двадцать лет назад, — говорил Сесил.

— Прощу прощения?

— Дело аббата Гластонбери. Это практически все, что большинству из нас известно об этом проклятом месте.

— Мм. Пожалуй.

Во времена гонений на монастыри последнего настоятеля Гластонберийского аббатства протащили на плетне¹ через весь город, затем вешали, топили в воде и, наконец, четвертовали. Говорят также, что перед тем его долго и мучительно пытали. И все по приговору Томаса Кромвеля, действовавшего от имени короля Генриха VIII. Аббата обвинили в измене и нелояльности.

— В этом не было никакой нужды, — добавил Сесил, — теперь это видно.

Я промолчал. Как бы ни относился я к монастырям, до сих пор болезненно переживал их разорение. Конечно, я полностью понимал необходимость разрыва с развращенным папизмом, но уничтожение такой красоты и потеря накопленных за столетия знаний казались мне варварством. Сколько книг было разорвано в клочья и сожжено на кострах! Многие из спасенных книг, что хранились в моей библиотеке, имели страницы, опаленные пламенем пожарищ.

— Говорят, город с тех пор так и не возродился, — сказал Сесил.

¹ В средневековой Англии преступников привязывали к плетню и волокли по земле.

— Как и все остальные монастырские города. Аббатство в Гластонбери, кажется, было старейшим в Англии?

Мне представлялось более чем вероятным, что Сесил побывал в Гластонбери, ведь он неоднократно навещал своего старого друга, Эдуарда Сеймура, герцога Сомерсета. Однако он ничего не рассказывал мне об этом.

— Наверняка важное место паломничества в былые времена, — сказал я. — Принимая во внимание легенду о его основании...

Королева напомнила мне, что богатый купец, который отдал свою гробницу племяннику и нашему Спасителю, путешествовал к островам для торговли и бывал на крайнем западе Англии. И что Иисус, будучи, согласно некоторым источникам, его племянником, путешествовал мальчиком вместе с ним, а значит, ступал на берега Корнуолла и Сомерсета.

Более того, рассказывали, будто позднее Иисус, повзрослев, возвращался сюда, чтобы изучать духовную практику друидов. Волнующая легенда, но, похоже, никому никогда не удастся доказать этот факт. Согласно другому, еще более распространенному поверью, Иосиф вернулся сюда после распятия Христа, привезя с собой святую чашу, из которой пили на Тайной вечере и в которую собирали капли святой крови с распятия. Говорят, будто чаша эта, Священный Грааль, сохранилась и где-то спрятана.

Самый ценный, могущественный и вдохновляющий сосуд христианского мира. Считают, что самые непорочные рыцари короля Артура отправились на поиски Святого Грааля, и так два великих предания, связанных с Гластонбери, соединились вместе. Поистине, наше священное наследие, из которого вышла долгая и богатая монастырская традиция, основанная, как поговаривают, самим Иосифом Аримафейским.

А затем король Генрих Большое Горнило приказал все разрушить.

— Никогда сами не бывали там? — спросил Сесил.

— Нет.

— Странно. Я хочу сказать... учитывая ваш небывалый интерес к великим духовным таинствам.

Я насторожился.

— На все не хватает времени, сэр Вильям.

— Времени... — улыбнулся он. — Всегда можно найти немного времени. И вы могли бы съездить туда... ну, скажем, на недельку. Я уверен.

Он смотрел на меня безмятежно. По его взгляду никогда нельзя было понять, что он замышляет.

— Зачем? — поинтересовался я.

— Ради спокойствия королевства, разумеется. — Сесил разомкнул пальцы и выпрямил спину. — Ради чего же еще я живу?

Меня мучил вопрос, зачем он вызвал меня к себе, в свой личный дом, в свою *скромную обитель*. Должно быть, из соображений секретности. Вероятно, у него было ко мне какое-то дело деликатного свойства. Неофициальное. А потому сопряженное с риском.

Я посмотрел в окно: множество острых шпилей над крышами теперь представилось мне ложем из торчащих гвоздей. Неужели при всех сложностях и хитросплетениях религии, да еще при возникшей за границей угрозе государству — брачный союз королевы шотландской с юным наследником французского престола, — Сесилу не хватало для полного счастья еще только *духовных таинств*?

— Вы уверены, что я сгожусь для такого дела? — усомнился я.

Глава 5

КОСТИ

Дождь на улице прекратился, и зимнее солнце зависло в среднем окне, тяжелое, словно новенькая монета. Желтые лучи золотили корешки книг на полках пока единственного книжного шкафа в доме у Сесила. Книги о политике, о законах, о ведении хозяйства, но, думаю, ни одной о таинствах духовных практик.

Я рассказал Сесилу о торговце памфлетами, но не обмолвился ни одним словом ни о своей опрометчивой попытке вывести его на чистую воду, ни о том, каким образом я был спасен от жестоких побоев.

Меня все время мучил вопрос о том, было ли ему известно об этом. Ведь Сесил имел глаза и уши по всему городу и за его пределами.

Приподняв бровь, он потянулся за бокалом вина, но тотчас резко отставил его в сторону.

— Всякое отребье пускает слухи по всему Лондону, будто я завел четырех любовниц и каждый вечер выпиваю по галлону вина, а потом нещадно порю хлыстом своих детей. Придется с этим смириться — вы теперь широко известная личность. Во всяком случае — ваше имя.

— Только не моя мать. И ей придется остаться одной в Мортлейке, где все эти новые пуритане, кажется, ненавидят меня и боятся, как бы я не побеспокоил могилы их предков.

— Тогда мы защитим ее. Я отправлю в Мортлейк вооруженных стражей на все время вашего отсутствия. Даже приставлю стражника к вашей священной библиотеке. Как вам мое предложение?

— Сомневаюсь, что в этом возникнет необходимость...

— Вот и хорошо. Значит, дело решенное.

— Но у меня еще много работы. Я и без того сильно отстаю от намеченных планов.

Сесил сгреб разложенные на столе письма. Он даже не взглянул на меня.

— Вот, — показал он, — ваша работа.

Истории о четырех любовницах и битье собственных детей, конечно, высосаны из пальца. Однако о сэре Вильяме Сесиле действительно ходило множество слухов, связанных главным образом с его родословной. То, что он якобы сын владельца постоялого двора, болтали так же часто, как и том, будто бы мой отец был рубщиком мяса.

Но так ли уж плохо, что мы живем в век, когда способности человека порой ценятся выше происхождения?

Думаю, нет. Но я уверен, что мы пока еще не до конца осознаем, в чем значение нашего родословия. Вот моему отцу все казалось простым и ясным: он был валлийцем, и теперь, когда английской короной владели валлийские Тюдоры, его валлийское происхождение представлялось ему особой доблестью. «Я — *Раулант Ди, и я родом из Уэльса*», — заявлял, бывало, мой батюшка с нарочито комичным акцентом, возлагая одну руку на сердце, а другую выставляя вперед.

И я иногда даже повторял эти слова по-валлийски. Что, как я думаю, ничего не значило для Генриха Великое Горнило, ибо тот во всю свою жизнь не сделал для Уэльса ничего путного. Другое дело — его отец, первый король из династии Тюдоров, который прибыл из Франции на западное побережье Уэльса и оттуда проскакал по стране, собирая войска и возрождая традиции.

И король Артур был средоточием этих давних традиций. Согласно легендам, он не умер, а только уснул и должен вернуться, когда его народ будет нуждаться в нем.

И, таким образом, в Генрихе Тюдоре восстал Артур, а вместе с ним — образ древней единой Британии. Генрих взял в жены Елизавету Йоркскую — так алая роза соединилась с белой. Дабы укрепить новую королевскую династию, он дал своему первенцу, наследнику трона, имя Артур и устроил так, чтобы сын появился на свет в Винчестере, который Мэлори некогда объявил Камелотом.

Ловкий ход. Я знал, что новая королева с особым интересом и трепетом относилась к истории своей семьи и, несомненно, хорошо понимала волнующую силу этой истории. *Король Артур. Наш царственный предок*, сказала она мне тогда. И, вероятно, сказала бы больше, не появившись Бланш Перри, моя кузина, эта бдительная сова среди зимних яблонь. Полагаю, Бланш получила указания на сей счет от этого самого человека, Вильяма Сесила, который непрестанно опекал королеву. Порою, казалось, он оберегал ее от самой себя.

— Она молода, — говорил он теперь. — Умна, начитанна и при этом несет груз богатого опыта. И, принимая во

внимание опасное расстройство казны, ее осторожность достойна всяких похвал. Но поскольку она молода, всегда есть опасность стать жертвой романтических заблуждений. Со всеми вытекающими последствиями, разумеется. Неблагоприятными для нее.

— Полагаете, ей необходимо, так или иначе, перекроить мантию короля Артура... под женщину?

Лично я не видел здесь никаких трудностей. Ведь в артурианской традиции королева — не Гвиневера сама по себе, и не фея Моргана, чародейка артуровых мифов, но в принципе личность более величественная, более могущественная и более очаровательная, чем любая из них. Я понимал это полностью и вовсе не считал такую идею абсурдом или заблуждением, ибо мы все переживали теперь необычные и бурные времена.

Так что я ждал. Зимнее солнце заливало комнату светом, озаряя своими лучами двух единорогов на новом гобелене. Тем временем Сесил безразлично допивал остатки вина. Я сомневался, что он верит в единорогов.

— Все будет зависеть от того, — сказал он, — насколько твердо ты веришь в смерть короля Артура.

Стало ясно, что теперь речь шла о могиле, обнаруженной в аббатстве во времена правления Генриха II Плантагенета. Я читал о ней прошлой ночью в записках Гильдаса Кембрийского, земляка моего отца.

В 1191 году во время земляных работ в аббатстве Гластонбери обнаружили камень и свинцовый крест, которыми, судя по надписи, было отмечено место погребения короля Артура. В земле, на глубине девяти футов, покоился деревянный гроб со скелетом мужчины необычайно большого роста, а также скелет поменьше, который приняли за останки женщины. И еще локон золотистых волос, которые рассыпались в пыль, едва один из монахов взял их в руки.

Гвиневера.

И, разумеется, могилу открыли *монахи*. Артур восстал в то самое время, когда монахи более всего нуждались в его защите.

— Им были нужны деньги, — напомнил мне Сесил. — Много денег. Незадолго до этого аббатство сильно пострадало от страшного пожара. А в двенадцатом веке сказания об Артуре читались повсеместно, их рассказывали детям. Ничто не принесло бы монастырю столько славы и не привлекло бы столько паломников, как кости короля Артура.

Естественно, многие говорили, что могила фальшивая, а так называемые «мощи короля» — не более чем уловка монахов. Обман, который, однако, оказал неоценимую помощь королю в обуздании непокорного Уэльса.

— Кости — лучшее доказательство тому, что Артур уже никогда не проснется, — заметил я.

— Именно. Столетие спустя кости поместили в гробницу из черного мрамора перед высоким алтарем отстроенной заново монастырской церкви. Впервые гробницу проверил король Эдуард I после новой сокрушительной, но дорогой победы над Уэльсом и был несказанно доволен, что кости мертвого Артура лежали на месте.

— Какой английский король не воспользовался бы таким случаем?

— Угу. — Сесил поднялся и прошел к широкому окну. — В этом вы правы.

— Король из династии Тюдоров?

Небо над рекой очистилось от облаков; к вечеру снова похолодает. Услышанное не укладывалось у меня в голове. Свидетельство того, что Артур действительно мертв и что надеждам Уэльса на его помощь не суждено сбыться, приносило немало пользы королю-нормандцу. Но для короля, чьи предки были валлийцами, для короля, который переправился через море на запад Уэльса и вторгся в Англию под священным знаменем неумирающего Артура...

Я был заинтригован. В моих книгах ничего об этом не сообщалось.

— Так что же случилось с гробницей из черного мрамора, когда разоряли монастырь? — спросил я у Сесила.

— Хороший вопрос.

— Значит, она исчезла?

— Не осталось ни одного камня. Все-таки мрамор. Аббатство теперь больше похоже на каменоломню.

Значит, отпрыск первого Тюдора достоин похвал? В первые годы правления король Генрих тоже был заинтересован в поддержании связей с бессмертным Артуром. Не его ли лицо появилось на изображении круглого стола в соборе Винчестера, в котором и родился покойный брат короля, Артур?

— Так вы хотите сказать, что Томас Кромвель забрал кости?

Поговаривали, будто этот Кромвель с особой настойчивостью требовал изъятия всех священных реликвий из монастырей.

— Если их забрал он, — ответил Сесил, — то, во всяком случае, не вернул их народу, когда настал черед ему самому лечь под топор палача.

— А что говорят?

— По моим сведениям, к тому времени, когда гробницу открыли, кости уже исчезли.

— Монахи, предчувствуя беду, должно быть, вынули мощи? А после перезахоронили их в какой-нибудь безвестной могиле?

— Не исключено.

— Значит, все свидетельства смерти духовного предка королевы...

— Исчезли.

— Нам известно, где они могут быть спрятаны?

Ничего не ответив, Сесил вернулся за стол.

— Значит, кости теперь в частных руках? — продолжил я. — И если так... то в чьих?

— Не знаю. При дворе Ее Величества болтают всякое. Только все это слухи.

Лишь теперь, впервые с начала нашей беседы, его лицо исказилось злобой. Сесил — прагматик, человек практического ума, привыкший поступать осторожно. Нынешние политики его ранга были куда менее суеверны.

— Насколько мне известно, Джон, дело обстоит следующим образом. На нашей предпоследней встрече с короле-

вой она задала мне два вопроса. Во-первых, имеется ли в Гластонбери достаточно большой дом, где она, возможно, погостила бы.

Известно, что Сесил одобрял длительные визиты королевы к своим подданным. Она, бывало, неделями гостила у них, и тогда истощенная казна освобождалась от значительных расходов, требуемых на содержание дворца. Однако усадьбы, избираемые для посещений, как правило, находились неподалеку от Лондона. Дорога до Гластонбери заняла бы несколько дней.

— Должно быть, ей стало известно — вероятно, из книг — о мистических свойствах тех мест. Провидение будущего — по вашей части, не по моей. Однако что-то вселило в ее голову эту идею. И она все чаще говорит об Артуре. Можно подумать, что она вдруг заново открыла его для себя.

Огонь в камине почти догорел, и теперь следовало бы вызвать слугу, чтобы добавил угля, но Сесил лишь пристально смотрел на бледнеющие угольки.

— Каким же был второй вопрос королевы? — спросил я.

Лицо Сесила потемнело. Он медленно обтер подбородок рукой.

— Она хотела узнать, какая сумма может потребоваться на восстановление Гластонберийского аббатства в его прежнем великолепии.

— Большая, — предположил я.

— *Большая?* — хлопнул по столу Сесил. — Боже милостивый, да ведь оно было самым обширным, самым великолепным церковным сооружением страны!

— Верно.

Я поднялся, по-прежнему не сознавая вполне, что происходит. Если отец королевы был рад уничтожить свидетельство смерти Артура, каким бы сомнительным оно ни казалось, то почему же теперь Елизавета решилась на его восстановление?

— Ну да ладно, — сказал Сесил. — Пора приниматься за поиски. Если эти кости существуют, мы должны получить

их. Даже несмотря на то, что в последние четыреста лет они создавали одни лишь трудности.

На мне был дешевый, тонкий дублет, и я начал мерзнуть.

— Сэр Вильям... Я не знаком с этим городом. Никого там не знаю.

— Присядьте, Джон. Я не прошу вас ехать туда с лопатой и потайным фонарем.

Я снова сел. Сесил сомкнул перед собой ладони пальцами вверх.

— Мы с вами очень давно знаем друг друга. Мы не похожи, я с этим согласен, но думаю, мы с вами едины — по крайней мере, в нашем желании уберечь королеву. Как телесно, так и... духовно. И, кажется, именно ее душе в настоящий момент грозит опасность.

— Она говорила вам об этом?

— Она не разговаривает со мной о подобных вещах. Но, несомненно, рано или поздно заговорит об этом с вами, как со своим советником в менее земных делах. Со своим, так сказать... Мерлином.

Мне не нравилось, куда клонил Сесил. Он не смотрел на меня, сверля взглядом стол.

— Мы оба хорошо знаем ее сильные качества, как и ее... слабости.

Он подразумевал ее нерешительность. Мучительные раздумья, прежде чем взяться за дело; склонность менять тактику на полпути. Примером тому могла служить неспособность примирить свои противоречивые чувства к религии — так же как я, она не могла отречься от тайнства мессы.

— О строительстве нового аббатства не может идти речи, — заявил Сесил, — даже если бы деньги нашлись. Аббатство в Гластонбери слишком велико, а на его месте остались одни руины. Камни монастыря наверняка растащили на многие мили вокруг, чтобы поставить новые дома. Безнадежно. И, тем не менее... если кости будут у нас, тогда мы сможем утешить королеву, соорудив особо изысканную усыпальницу для Артура...

— Где?

— Здесь, в Лондоне.

— Так вы хотите, чтобы я ехал в Гластонбери... разыскал мощи Артура... и привез их вам?

Сесил едва заметно кивнул. Он в самом деле просил меня отправиться туда с лопатой и потайным фонарем.

— В одиночку?

— Вас будет сопровождать кое-кто, кому доверяем мы оба.

— Кто?

Походило на то, что Сесил уже все устроил. Мною овладело чувство тревоги.

— Это, часом, не Уолсингем? — поинтересовался я.

Взгляд Сесила посуровел.

— Я встречался с ним, когда...

— Мне *известно*, при каких обстоятельствах вы с ним встречались.

— Так он работает на вас, сэр Вильям?

— Френсис? — Он откинулся на спинку кресла. — Неофициально. Скажем так, я его проверяю. Но в Гластонбери с вами поедет не он, так что можете не беспокоиться.

Не знаю почему, но я испытал облегчение. От этого Уолсингема — не только от его темной одежды, но и от него самого — веяло каким-то удушливым мраком. Мне неизвестно, какие он принял меры после того, как мы расстались с ним тем утром на узкой улочке у реки, только никаких слухов о восковой кукле до сих пор не было слышно. Не появилось ни одного памфлета.

И все же, несмотря на облегчение, тревога не покидала меня.

— А что, если кости не найдутся?

— Уверен, они непременно отыщутся, — возразил Сесил. — Необязательно все. Костей ноги, думаю, будет достаточно. Или нескольких ребер. Ну и, конечно же, череп, проломленный в нужном месте.

— И вы полагаете, королева поверит, что это останки ее... царственного предка?

— Это будет зависеть от того, кто заверит ее в их подлинности.

Тусклый, сероватый взгляд Сесиля упал на меня.

По его замыслу, кости Артура будут почетно представлены Ее Величеству преданным Мерлином. Полагаю, вы догадались, что мне совсем не нравилась эта затея.

Глава 6

СВЯТОЕ СЕРДЦЕ

Лодочника попросили грести медленнее, так что наше путешествие вниз по реке продвигалось неспешно. Залитая огнем неожиданно яркого послеполуденного солнца, Темза казалась такой тихой и безмятежной. Легенды называли ее священной рекой, и я когда-то вычитал в книге, что римляне посвятили ее своему солнечному богу Аполлону.

Солнечная река. Мне полюбилось это название, и я охотно верил, что это так, и пусть даже солнце в тот день, все еще зимнее солнце, казалось тусклым на фоне золотистого, с кроваво-красными прорезями дублета моего спутника. В солнечный летний день на подобный дублет пришлось бы, пожалуй, смотреть сквозь цветное стекло.

— Куда потекли твои мысли, Джон?

Развалившись на корме низкобортной барки, он разглядывал меня с видом старомодного умиления.

— Почудилось, что река — будто озеро, — ответил я. — Будто из воды поднялась женская рука с волшебным мечом. И от лезвия отражаются во все стороны солнечные лучи.

Глаза Роберта Дадли театрально расширились.

— Какой вздор, Джон... если из Темзы и высунется женская рука, то, во-первых, она будет по самый локоть вымазана дерьмом!

Репутация большого романтика, закрепившаяся за моим бывшим учеником, по моему мнению, в корне ошибочна. Королева, конечно, видела своего шталмейстера с лучшей стороны. Но я старался не мучить себя вопросом о том, как часто бывает королева в обществе Дадли.

— Глядишь, этак скоро мы все поедem в Гластонбери. — Он глубже погрузился в подушки и закинул ноги на противоположную лавку. — Неплохая мысль, как ты думаешь?

— Кто это «все»?

— Ты... я... королева...

Он сказал мне, что прошлой ночью спал с ней в Ричмонде. Я подумал, он просто имеет в виду, что ему, как шталмейстеру, выделили покои в королевском дворце. Ведь они с королевой дружили с детства. Но кто знает? Кто знает?

— Ты, в самом деле, ничего не понимаешь, Робби?

— Конечно, понимаю. Просто думаю, как лучше выпустить кишки Сесилу. — Приглаживая усы, Дадли злобно ухмыльнулся. — Помимо всего прочего, дядя Вилли меньше всего желает, чтобы Бет снизошла до каких-то богом забытых руин в Сомерсете и поставила там круглый стол с этим... как же называли тот чертов стул за круглым столом, куда бы ты посадил свою задницу, если бы тебе выпало счастье найти святую чашу?

— Гибельное седалище?

— Точно. И вся штука в том... — тут он присел, — что она сделает это, будь уверен. Прикажет изготовить стол и соберет вокруг себя своих рыцарей во всем их великолепии. Она так влюблена в своих героев — любителей приключений, солдат, моряков... И, конечно, в тебя, Джон, — больше всех.

— Иди ты!..

— Не скрою, меня одно время мучил вопрос, зачем это королева так часто сворачивает с пути, чтобы заехать в дырявую хибару бледнолицего книжника в Мортлейке. И потом до меня дошло: разве наш Джон Ди не величайший авантюрист из всех искателей приключений? Человек, который отважился... выйти за границы этого мира. Во как!

Зычный смех Дадли покотился над рекой, словно звон соборных колоколов.

Вместе со своим преданным кучером, Мартином Литгоу, он дожидался меня в еще не обставленном мебелью холле нового дома Сесила, развлекая шутками стражни-

ков. Дадли тоже встречался с государственным секретарем, но двумя часами раньше меня, почему и оказался со своими людьми поблизости от того места, где у меня вышел инцидент с торговцем памфлетами. Став очевидцами происшествия, они предприняли нужные действия.

У берега Дадли ждала лодка, груженная провиантом. «Я провожу тебя до дому, а то, чего доброго, этот памфлетист со своими уродами поджидает тебя где-нибудь в переулке. — Он недоверчиво покачал головой. — Просто удивляюсь, как это тебе удалось выжить в трущобах Парижа и Антверпена, когда меня не было рядом, чтобы спасти твою задницу».

Он настоял на том, чтобы подвезти меня до самого Мортлейка. Затем ему надо было возвращаться обратно в Ричмонд, к королеве. Его жена тем временем проживала в деревне.

— Когда выезжаем? — спросил он наконец.

— Еще не решил, стоит ли ехать.

— Ты поедешь, Джон. Сам знаешь, что придется.

— И обману королеву?

Слово «обману» прошипело, точно только что выкованный клинок, погруженный в холодную воду. Мне подумалось, что я и вправду не от мира сего. Ведь обмануть королеву, которая спасла мою репутацию и, в конце концов... просто была королевой.

— Возможно, обманывать не потребуется, — возразил Дадли. — Может, мы еще найдем эти кости. Во всяком случае, я хочу именно этого. С удовольствием посмотрел бы на мощи Ар...

Укоризненно взглянув на него, я покосился на лодочника и слуг на носу лодки. Дадли понизил голос.

— Кто-нибудь вообще пытался разыскать их? Сомневаюсь. Мы легко доберемся до правды за несколько дней. Найдем какого-нибудь двуличного монаха и выжмем из него все, что надо.

— Для тебя это всего лишь еще одно пустяковое развлечение, ведь так, Робби?

Кое-кто, кому доверяем мы оба, говорил Сесил. Что ж, в известной мере это являлось правдой. Я знал Дадли с тех пор, как его покойный отец, Джон Дадли, герцог Нортумбрийский, нанял меня, тогда еще молодого юношу, в учителя для Роберта и его братьев. Робби скоро проявил большой интерес к математике и астрономии, однако прочие науки, которые увлекали его, были — да, пожалуй, и остаются — выше моего понимания.

— В детстве я был просто зачарован историями Мэлори, — предался воспоминаниям Дадли. — Чудесный меч... собрания рыцарей — Гавейн, Галахад, Бедивер, Борс... Естественно, Ланселот, с которым сбежала жена Артура... Его дерзость восхищала меня.

Лицо Дадли скривилось в ухмылке. Коротко стриженная бородка, манерно уложенные волосы, будто он готовился позировать художнику для нового портрета. Роберт, так же как я, оказался на волосок от публичной смерти. Так же как я, он слышал взмах топора, которым обезглавили его отца после низложения Джейн Грей. К моему сожалению, однако, переживания как будто освободили его от морали.

— Я еще лет десять тому назад пытался объяснить тебе, — сказал я, — что Томас Мэлори... я никогда не доверял этому болтуну и его нелепым модернизациям. Артур был только военным предводителем какого-нибудь племени.

— Неважно. В этих сказах кроется подлинный дух рыцарства. — Дадли наклонился вперед. — Что бы ты ни говорил о его происхождении, я буду преклоняться перед его образом — каким я его понимаю, — и для меня будет честью вернуть его кости. В Лондон — новый Камелот.

— Где улицы заполнены ворами и потаскухами, а в реке полно дерьма?

— Джон, здесь ему самое место — в Вестминстере или в соборе Святого Павла. Королева не найдет слов, чтобы выразить свой восторг.

— Такой уж восторг? Сила Тюдоров в его бессмертии.

— Брось. Тело может быть мертвым, но дух живет вечно. Его гробница снова станет олицетворением «золотого века», из которого мы черпаем вдохновение. Особенно для Бет. Она станет той, кто в ореоле славы возвратит Артура домой. Джон, мы *должны* дать ей этот шанс.

Вдали уже показалась колокольня мортлейкской церкви. Я не располагал достаточным временем.

— Приключение для взрослых мальчишек, — возразил я. — Никому из нас не хватит на это времени. А кроме того, тут скрывается нечто большее.

— Что, например?

— Сесил говорил, что королева переживает расстройство духа.

— Он объяснил, в чем это выражается?

Дадли сощурил глаза. Я разглядел в них предосторожность.

— Сказал, что она почти не обсуждает с ним такие дела.

— И ты думаешь, — ответил Дадли, — что она могла говорить об этом... со мной?

— Она говорила?

Поймав взгляд пышноволосого Мартина Литгоу, Дадли резким взмахом руки подал лодочнику знак грести еще медленнее.

— Ладно, — начал он. — Обратимся к истории. Начиная, если угодно, с покойного Артура — не короля, а дяди королевы, принца Артура, который стал бы королем Артуром II. Он родился в Винчестере, с которым Мэлори отождествлял Камелот. Его преждевременная кончина потребовала некоей компенсации, дабы, чего доброго, в его смерти не усмотрели божественный знак — будто Бог не желает возродения Артура в теле одного из Тюдоров. И тут является Генрих...

— Так.

Жизнь могла бы сложиться совершенно иначе для всех нас, не умри Артур таким молодым. Тогда его корона и — что еще трагичнее — его невеста, Екатерина Арагонская, не достались бы его брату, Генриху VIII.

Дадли перевел взгляд на реку.

— Королева, как известно, восхищается своим отцом. И даже, можно сказать, обладает в некоторой мере его... отвагой. Но всегда помнит о его неудачах. Из которых главная, несмотря на шесть браков, приведших к реформе церкви, — не оставить после себя жизнеспособного сына-наследника. Короткая жизнь Эдуарда и более длительное, но едва ли счастливое правление их сводной сестры подавляют Бет. Она боится возврата смуты.

— Бесспорно.

— И, к тому же, она суеверна.

Да, об этом никто не знал больше, чем я. Дабы укрепить веру в то, что править страной ей назначено Богом, королева все время искала знамений и знаков свыше. Одна из моих задач состояла именно в том, чтобы показывать ей эти знамения. Потому Сесил и сказал, что, возможно, она поведает мне о своих внутренних страхах. Одновременно он делает все возможное, чтобы исключить такую возможность, выступая посредником в деле возвращения мощей Артура.

— Наконец, самое важное, — продолжал Дадли. — Мэлори и прочие связали Артура с папой и Священной Римской империей. Исходи из этого и забудь, что он мог быть поганым язычником. Что делает Генрих? Порывает с Римом и набивает свои сундуки церковным золотом. Наконец, ровняет с землей Гластонберийское аббатство, где захоронен Артур.

— Кто-то считает, что он обесчестил короля Артура?

Дадли пожал плечами.

— И тем самым навлек проклятье на свой род?

— Если он не был проклят еще раньше. Несколько лет назад королеве Марии предлагали восстановить аббатство в Гластонбери. Но, увы, как бы она этого ни желала, в казне не нашлось денег. Даже для Бога.

— Стало быть, теперь что-то... вернее, кто-то... — я начинал понимать. — Вселил в королеву мысль о том, будто она обязана искупить прежние грехи, если хочет, чтобы ее правление было успешным.

— Или избежать катастрофы. Гластонбери, Джон, — все замыкается на Гластонбери. Король Артур, Иисус Христос — все взаимосвязано. Гластонбери — средоточие, святое сердце всего.

— И кто же вселил в нее эту идею, Робби?

— Не знаю. Но это не я.

— Сесил говорит о видениях. Что он имеет в виду?

Дадли покачал головой. Между нами легла тень. То был Мартин Литгоу, коренастый, добродушный и терпеливый.

— Мортлейк, милорд.

Дадли вздохнул.

— Вели, чтобы гребли кругами, Мартин.

Вильям Сесил, определенно, обладал талантом подбирать правильных людей для выполнения одной задачи. Двое людей совершенно несхожих способностей, но преданных одной женщине — пусть и по разным причинам. Именно Дадли был тем человеком, который представил меня при дворе; он же велел мне выбрать подходящий для коронации день.

Двое людей, призванных горьким прошлым прикрывать спины друг друга.

— Так когда же мы выезжаем? — спросил он меня.

— Как только я ознакомлюсь с историей этого дела. К примеру, если королеве Марии уже предлагали отстроить заново аббатство в Гластонбери, то, возможно, упоминались и мощи Артура?

— Разве Сесилу не известно об этом?

Я покачал головой.

— Боннер наверняка знает, — предположил Дадли. — Вы остаетесь друзьями?

— В настоящий момент он поддерживает дружбу со всеми, с кем может. Просто чудо, что он до сих пор жив.

— Благодаря Бет. Дай бог ей долгих лет за то, что не спешит отправлять нашего брата на эшафот.

— Пока не спешит.

Дадли фыркнул.

— Кровавый Боннер¹. Очередь желающих запалить под ним костерок наверняка выстроится на целую милю. — Он ненадолго взглянул на меня, толкая языком щеку. — Если задуматься, так получается, ты единственный, кого он пощадил. Тот парень, с которым ты сидел в темнице... сожгли его. И ты еще водишь дружбу с Боннером?

— За свои грехи. И за его тоже.

— Удивляюсь дерзости старого ублюдка. Напрочь отказывается признавать королеву главою церкви. И это при том, что ему предлагают компромисс.

— Тюрьму?

— Адмирала. Теперь навсегда, если сменит мотив. Может, ты и считаешь, что с ним еще стоит встречаться, а я так не стал бы попусту тратить время.

— Да, — ответил я. — Быть может, это имеет смысл. — Я проводил взглядом чайку, кружившую всю дорогу над остатками нашего обеда. — Как Эйми?

— У нее все в порядке. — Выражение Дадли не изменилось. — Она предпочитает сельскую жизнь.

— Тебе повезло, — сказал я.

На миг Дадли едва не поморщил лоб, но вдруг скинул ноги на палубу и поднялся.

— Что у тебя? Все возишься со своей ртутью?

— Дадли, когда человеку с трудом удастся содержать самого себя...

— Твое оправдание, Джон, уже устарело.

— Значит, выходим в поход, — сказал я, — с высоко поднятыми знаменами...

— В великий поход так не ходят. Попостимся несколько дней, исполним три ночных бдения до рассвета, и выступим незаметно и скромно. С собой возьмем мало людей, если вообще возьмем, и будем молиться в каждой церкви на нашем пути.

— В таком случае мы едва ли доберемся туда к середине лета.

Дадли развел руками.

¹ Эдмунд Боннер (1500–1569), католический епископ Лондона. Сторонник жестоких преследований протестантов и еретиков.

— Малое число людей — это обязательно. По правде сказать, мне это нравится даже больше — редкая возможность побродить как простой человек, без всякой помпы.

Должно быть, я вздрогнул от удивления. Роберт Дадли без помпы и атрибутов высокой власти — словно Хэмптон-Корт¹ с окнами без стекол и стадом овец в саду.

— Сесил хочет, чтобы мы отправились на задание в качестве мелких слуг короны, — пояснил он. — Как будто ведем учет исторических реликвий. С нами будет проводник, который знает местность. Об этом Сесил тоже позаботится. Никогда ничего не оставляет случаю.

— Никогда.

— Планирует на время удалить меня от дворца, — сказал Дадли.

— Уверен, он об этом не помышляет.

— Не понимает... что человек, который принесет королеве несомненный символ ее королевского наследия... нечто такое, что наделяет монарха мистическим ореолом... Такой человек... может рассчитывать на награду.

Дадли не улыбался.

— Ты забыл, что это поход не за Святым Граалем, — возразил я.

— Для тебя, может, и нет. Но для меня... кто знает?

Дадли окинул величественным взором речные просторы, а затем поднял глаза на небо, по которому луна уже катила свой бледный, желтоватый диск.

Глава 7

БЛАГОГОВЕЙНЫЙ ТРЕПЕТ

Хотя я не считаю себя наделенным даром чувствовать присутствие посторонних, в ту ночь мне показалось, что в библиотеке я не один.

¹ Хэмптон-Корт — бывшая загородная резиденция английских королей, расположенная на берегу Темзы в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе.

Такое случается. Я часто слышу шелест бумаги, будто книги шепчутся между собой. И шепот знаний разносится по воздуху. Или тихий звон колокольчиков — будто где-то вдали, и вместе с тем рядом, внутри самого помещения, точно что-то возвещает о рождении новой идеи. Вы, конечно, можете подумать, что я с причудами. Но что думаю я сам, так это то, что наука никогда не должна превращаться в унылую прозу формул, но всегда обязана питать интерес к *непознанной* стороне вещей.

В ту ночь я сидел за своим рабочим столом, при двух свечах, с маленькой кружкой пива у локтя, и думал поработать над теорией сотворения. С ее помощью я пытался точно, ясно и *математически* строго объяснить происхождение и устройство нашей вселенной и то, каким образом мы могли бы взаимодействовать с тайными силами, что правят ею.

Однако вскоре я поймал себя на мысли, что думаю о нашей пропавшей служанке, Катерине Медоуз. Сколько раз я мечтал о близости с нею; верил, что мы могли бы согреть и утешить друг друга, поскольку Катерина казалась такой безропотной девушкой, какая ни за что...

Бог мой, в кого же я превращаюсь?

Доктор Ди общается с демонами!

— Джон...

Я едва не закричал с досады. В дверях стояла мать. Она держала свечу на оловянном подносе, и в желтом свете ее лицо было словно тонкий, полупрозрачный пергамент. Поверх ночной сорочки наброшено старое серое платье.

— Иногда, — сказала она, — мне совсем не нравится, как смотрят на нас наши соседи.

Тень свечи скакала по стенам книг и манускриптов и плясала на глобусе, изготовленном для меня моим другом и наставником, Жераром Меркатором. В камине потрескивали поленья. Я выпрямил спину.

— Какие соседи? Случайно, не матушка Фальдо?

— Нет, это... тех людей я не знаю по имени. Неужели ты не замечаешь, с каким видом на нас глядят?

Я вспомнил взгляды мужчин из таверны, куда я заходил в надежде найти там Джека Симма. Вспомнил, что он мне говорил. Я хотел сказать что-нибудь утешительное, но в голову пришло лишь предложение Сесиля обеспечить мою мать охраной — я знал, каким будет ее ответ.

— Я этого не желаю. Мне тут жить. Я не хочу, чтобы на нас паялились, как на... чужеземцев. — Матушка вошла в комнату и закрыла за собой дверь. — Я думала, все изменится, когда тебе предложили кафедру в Аптон-апон-Северн.

— Это было очень давно.

— Не так уж давно.

— Мама, то было другое время. Король Эдуард был ребенком, Сеймур был при нем регентом, закон против ведьм отменили, я был...

— Незапятнан дурной молвой, — договорила мать.

— Неизвестен, — поправил я. — Меня мало кто знал — в этом вся разница.

Между известностью и дурной славой все же имеется тонкая грань.

Глупо отрицать, что восемьдесят фунтов в год за кафедру в Аптоне совсем бы не помешали, но я никогда не собирался становиться священником. Врачевание душ — сама идея принятия на себя подобной ответственности ужасала меня.

— Не знаю, чем ты занимаешься, — сказала мать в порыве отчаяния. — Я больше не понимаю, что ты делаешь.

— Я учусь. Набираюсь знаний. Веду расчеты.

Я не видел выражения ее лица, но мог почувствовать его. Мне следовало найти занятие получше.

— Изучаю математику... — Я закрыл книгу. — Теперь я понимаю устройство Вселенной. Ее строгие законы, которыми, думается, мы можем воспользоваться сами. Что-бы... изменять реальность. Надеюсь, в конце концов, понять, для чего мы существуем. Узнать хотя бы немного, в чем замысел Божий...

— Каким образом это поможет изменить мою жизнь? Кто заплатит тебе за твои знания?

Я закрыл глаза. Мать была права. Королева много раз обещала принять меня на государственную должность, но все оставалось по-прежнему. Ни жалованья, ни титула, ни даже предложения новой кафедры. Другие получали рыцарство или пэрство, имения и земли за гораздо меньшие заслуги, чем моя работа по навигации. Я же до сих пор оставался простым человеком.

В самом деле, кто жалует колдуна?

Все же не стоило отчаиваться. Что дал бы мне титул? Прославил бы мое имя делами, которые я ни во что не ставлю, желая лишь одного — чтобы меня оставили в покое и позволили продолжать работу. Хотя я, конечно, согласен, что было бы очень здорово не беспокоиться больше о деньгах.

— Пожалуйста, поблагодари канцлера за его заботу обо мне, — сказала мать, — но заверь его в том, что здесь я буду в полной безопасности.

— Ты не очень уверена в этом. Ты сама говорила...

— Я никогда не жила совершенно без слуг. Естественно, я думала, что ты женишься к этому времени, и в доме будет еще одна женщина...

— Мама...

— Все же сам факт твоего отсутствия, возможно, изменит положение.

— Да, — тихо согласился я. — Возможно, изменит.

Огонь свечи отражался крошечными всполохами молний на моих цветных картах небесных сфер, мерцал на стекле песочных часов, вселял жизнь в глаза механической совы. Мне казалось, будто меня подвесили к чахлому дереву, склонившемуся над бездной. Без прочного положения, без жены, без родни. У меня не было никого, кроме матери, желавшей лишь одного: чтобы я был нормальным — и потому уважаемым человеком.

— Не засиживайся слишком долго, — сказала мне мать. — Ты уже не так молод.

Кошки. Быть может, шуршали они — всегда любили побродить среди книг, пока я работал в библиотеке.

Или это дух короля Артура взывал ко мне? Я вздохнул. Отложил космологию и снова открыл собрание рукописей Гильдаса Кембрийского.

Гильдас из Уэльса, заслуживающий уважения хронист, много путешествовал по нашим островам, оставив точные описания того, что видел. Можно даже предположить, что Гильдас лично присутствовал при открытии могилы Артура в Гластонбери, обнаруженной в 1191 году. Он оставил такую запись.

Аббат показал нам бедренную кость. Приставленная к самому высокому человеку из тех, которые были рядом, и поставленная одним концом на землю у его ног, другим концом она поднималась на три дюйма выше его колена. Череп же был больших, поистине чудесных размеров, так что между бровями и между глазами помещалась ладонь. Но на черепе имелось не меньше десятка ран, которые все зарубцевались, за исключением одной крупной трещины, вероятно, явившейся причиной смерти.

Маловероятно, чтобы Гильдас присутствовал там в то время, когда кости извлекали из земли. Однако едва ли он все это придумал. Он изложил то, что видел. Определенно, кости ему показывали. Настоящие кости. Но чьи?

Если бы только я мог привести эти кости сюда, чтобы исследовать их более тщательно, то, возможно, определил бы более точно их подлинный возраст.

Я прочел надпись на кресте, найденном над захоронением:

Hic iacet sepultus inclitus Rex Arturus in Insula Avalonia¹.

Достаточно кратко, но как-то подозрительно безупречно. Я был склонен считать, что именование Артура «королем» еще не вошло в обиход тех времен. К тому же надпись

¹ Здесь на острове Авалон покоится тело славного короля Артура (лат.).

сделали на латыни, тогда как на староваллийском она выглядела бы куда убедительнее.

Сам крест, однако, могли установить над могилой гораздо позднее времени захоронения, дабы отметить памятное место. Такое возможно. Все возможно.

По правде сказать, мне не хотелось, чтобы все это оказалось фальшивкой. Я понимал, что не смогу закрыть глаза на любое свидетельство подделки. Разве что мне прикажут... Боже милостивый, какое же осиное гнездо предстало мне разворошить!

Я обратился к менее надежной «Истории британских королей» Гальфрида Монмутского и его описанию заключительной битвы Артура с его вероломным племянником, Мордредом. По заявлению Гальфрида, сражение произошло в Корнуолле, и обе стороны понесли большие потери. После битвы Артура перевезли на остров Авалон, чтобы залечить его раны.

Рассказы Гальфрида будоражат воображение, но всякий, кому известны эти истории, понимает, что ему нельзя доверять. Повсюду в его тексте замечаешь отрывки, заимствованные из иных источников, — к примеру, из Нения или валлийских баллад. Все эти предания изначально не имели никакого отношения к Артуру. Будто Артур — универсальный герой, подходящий и для войны с саксами, и с римлянами, и с любыми другими врагами, угодными покровителю писателя. Мэлори, насколько я помню, предпочел испанцев.

Я просмотрел некоторые рукописи на французском, ранние переводы Гальфрида и затем обратился к роману Васа «Брут», в котором поэт следует за Гальфридом, но упоминает — быть может, впервые — о Круглом столе, за которым сидели рыцари, как равные друг другу. Здесь мы видим начала рыцарства, столь любимого Дадли.

Потом я отыскал первое, по всему вероятно, английское сочинение — повесть Лайамона, священника из Ворчестера, о кончине Артура, от лица самого короля.

И я отправлюсь на Авалон, к чистойшей из дев... прекраснейшей из народа эльфов, которая излечит все мои

раны и исцелит меня лекарственным снадобьем. И тогда я вернусь в свое королевство и заживу с бриттами в великой радости...

И далее следует:

Бритты по-прежнему верят, что он жив и обитает на Авалоне среди достойнейших духов сказочного народа, и будут всегда ждать возвращения Артура. На земле не рожден человек... который мог бы с уверенностью сказать что-либо еще об Артуре. Но жил когда-то мудрец по имени Мерлин. И сказал он своими словами — и были слова его истинны, — что вернется еще названный Артуром и по-может народу Англии.

Странная фраза — названный Артуром. Словно Артур — только маска, которую надевают, как волшебный доспех.

Словно Артур был британцем. Понятно, откуда черпал вдохновение дед королевы, Генрих Тюдор.

Я снова услышал тихие слова Сесиля. *Вы — ее Мерлин.*

Статус, о котором пока еще я едва мог мечтать. Если кто из людей и достиг небесных ангельских сфер, так это Мерлин. Так был ли эпитет, данный мне Сесилом, лишь глупой лестью или только тонкой иронией? Ибо не итальянец ли, Полидор Вергилий, каких-нибудь двадцать пять лет назад, выставил Гальфрида Монмутского на посмеяние, объявив его выдумщиком, создавшим сказки про короля Артура?

Я оставил все это и, наконец, обратился к современной работе: труду Джона Леланда, путешественника и собирателя древностей, который в правление Генриха Тюдора провел некоторое время в Гластонбери. Томас Кромвель поручил ему составить описание наиболее значимых древностей Англии, однако, в конечном счете, Леланд больше занимался составлением карт. В свое время я прочел «Итинерарий» Леланда целиком, но, не питая тогда особого интереса к тому далекому городу, я, должно быть, не обратил

внимания на сведения, которые ныне казались мне про-
блеском света.

*Несколько лет назад я побывал в Гластонбери, где на-
ходится наидревнейший и в то же время самый прослав-
ленный монастырь во всей нашей земле. Там, с позволения
настоятеля монастыря, Ричарда Уайтинга, я намеревал-
ся дать отдых уму, утомленному долгим исследованием,
когда внезапно жгучая тяга к чтению и учебе вновь ожи-
вила меня...*

Мои ладони намокли, точно покрылись алхимической
росой, ибо это желание хорошо было известно мне.

*Я напрямик направился в библиотеку, вход в которую
открыт не для всех, чтобы самым прилежным образом ос-
мотреть все реликвии самой седой древности...*

Леланд. Боже, как же я мог забыть?

*Едва переступил я порог, как один только вид древней-
ших книг поразил мой разум благоговейным трепетом,
и потому я оцепенел и остановил шаг...*

И там было все. «Жизнь Мерлина» Гальфрида Мон-
мунтского. Летопись святого Патрика, который, по преда-
нию, жил некоторое время в Гластонбери. Если бы Леланд
не умер лет семь или больше тому назад, я бы разыскал
его, поскольку знал о его увлечении всем, что связано с Ар-
туром, и, так же как я, он питал интерес к астрологии и ал-
химии. И, вне всяких сомнений, в этом старейшем и бога-
тейшем аббатстве скрывались неоспоримые образчики
многовековой мудрости.

Благоговейный трепет и оцепенение. Боже, это чувство
было так хорошо знакомо мне, что легкое покалывание,
вызванное им в моем теле, казалось почти греховным ис-
кушением. Ведь если какие-то части монастырской библи-
отеки уцелели и оставались где-то в городе?..

Еще одно основание, помимо мощей Артура, для путешествия в Гластонбери.

Размеренно дыша, я успокоил сердце и опустил голову на руку, лежавшую на столе. Мысли потекли плавно, тихо и радостно. Я решил не думать о том, что Джон Леланд за несколько лет до своей смерти лишился рассудка.

Сова-сипуха крикнула под самым окном, и я поднял голову. На миг мне показалось, что пахло летними розами.

Свеча оплывала. Должно быть, я уснул за столом. И видел сон. С некоторых пор я начал вести дневники своих снов, чтобы со временем перечитать их и понять, о чем они пытались сказать, какое предсказывали будущее.

Однако в этот раз я не сделал запись. Мне приснилась светловолосая Катерина Медоуз — обнаженная, она лежала рядом со мной на соломенном тюфяке. Но едва я осторожно приподнял локон светлых волос с ее лица, как она превратилась...

Я тупо глядел широко раскрытыми глазами на слабое пламя, пораженный ощущением твердости в своих чутках. Боже мой... Ее Величество в моих руках? Два часа в опасной компании Роберта Дадли — и кем я стал?

Я тряхнул головой, попробовал улыбнуться. Женщина из моих фантазий обернулась королевой, видимо, лишь потому, что для людей вроде меня королева была недостижима, как ни одна другая женщина. Так же далека, как Гвиневра от Мерлина. И потому, при моем жалком положении, доступна только во сне.

Один из наших котов терся о мою ногу. В голове еще звучал смех королевы, легонько ударившей меня по руке, рыжеватые кудри на ее белокожем лбу.

Так вы готовы к общению с ангелами, Джон?

Лишь в моем воображении, буйно расцветшем от чтения сотен книг и манускриптов, от чужих мыслей, чужих идей, чужих влияний. В действительности, готов не на многое. Жаль, что Дадли не потрудился отобрать экзем-

пляр памфлета у того негодя. Тогда я, по крайней мере, знал бы, какие видения мне приписывают.

Последнее полено догорело в камине, и в комнате стало холодно, как в подземелье. Разве внезапный холод не признак скорого появления не нашедшего покоя духа?

Лишь в моих снах. Некоторые наделены дарованиями ангелов, другие умели видеть умерших. Только не я.

Основанием левой ладони я надавил на стол, чтобы размять онемелую руку, на которой лежала моя голова, и затуманить опасные образы, возникшие в ней.

Дадли был прав. Если костям Артура суждено найтись на острове Авалон, стало быть, нам-то и должно найти их.

Глава 8

ДОМ БЕЗ СТЕН

Если вы хотя бы раз слышали запах обугленной плоти — человеческого мяса, — то уже никогда его не забудете.

Да, я видел, как горят люди. Завороженная толпа подпирала меня со всех сторон, когда больше всего мне хотелось уйти. Видел тот страшный момент, когда волосы вспыхивают кудрявым пламенем, образуя адское гало вокруг головы. Толпа исступленно вопит неистовым ревом, а десятки карманников принимаются за свое дело.

Но даже образ этого ужаса погаснет в памяти прежде, чем запах испарится из ваших ноздрей... горьковато-сладкий привкус во рту, что будто бы снова настиг меня в тот день, когда один из каноников проводил меня в дом.

Правда, на сей раз меня проводили не в роскошный приемный зал наверху, а в тесную каменную каморку среди комнат для слуг, в нижнем этаже епископского дворца в восточном Лондоне.

— Добро пожаловать в мою келью, — произнес Боннер.

Толстяк священник, который в самые мрачные времена правления королевы Марии отправил столько людей на костер, всегда любил посмеяться. В прошлом законник, умный и расторопный... кем стал он теперь?

В комнате было только одно высокое окно с решеткой и низкая, узкая кровать — чуть пошире тюремной лежанки. Комод с кувшином и зеркалом. На книжной полке, высоко на стене, стояли штук двадцать книг. Стул со столом, на нем другой кувшин и каменный кубок. И тот самый знакомый мне сладковатый запах — вероятно, вино.

Показав мне на единственный стул, сам Боннер уселся на край кровати. Он был облачен в простую буроватую сутану монаха, однако пояс с вплетенными золотистыми нитями будто притягивал лучи света сквозь брусья зарешеченного окна.

— Что значит эта келья, Нед?

— Чистилище! — Боннер разразился громким смехом. — Готовлюсь, мой мальчик. Начинаю привыкать.

— Но вы...

— Маршал моря, кажется. Я уже был. Могло быть и хуже. Могла быть флотилия.

— Почему не хотите принести клятву? Ведь вы не сторонник Рима.

— Совсем не сторонник, — подтвердил Боннер.

— И королева... ведь вы не питаете к ней ненависти?

— Просто обожаю ее, Джон.

— Она пошла на уступку. Королева *не глава* англиканской церкви — только ее блюстительница¹. Никого не преследуют. Католики могут свободно молиться, в деревнях служат мессу, и никого не казнили за это с тех пор, как она стала ко...

— Отступи от меня, Сатана!

Боннер вскочил на ноги и выставил вперед пухлый, короткий палец. Затем вновь опустился на прежнее место, заливаясь ехидным смешком и озираясь вокруг своей «кельи» с видом некоего упрямого триумфа. На мгновение я подумал, что он, возможно, умирает от какой-то болезни

¹ Речь идет о провозглашении себя главой англиканской церкви королем Генрихом VIII (Акт о супрематии 1534 года), когда папа римский отказался аннулировать его брак с Екатериной Арагонской; таким образом началась Реформация в Англии, и влияние католичества в стране резко упало.

и знает об этом, хотя и выглядит, как всегда, абсолютно здоровым.

— Ну-с... — расплылся он в лучезарной улыбке. — Как следует из твоего письма, ты желаешь поговорить о королеве Марии и короле Артуре.

— Да.

Я рассказал ему о своем задании в Гластонбери. Рассказал почти все — даже больше, чем матери.

Как мог я ему так доверять, спросите вы? Человеку, который в свою бытность католическим епископом Лондона угрожал, мучил, избивал и отравлял воздух сальным дымом инквизиций, оставляя на пепелищах искореженные, обугленные тела... Как можно было довериться этому монстру? Помогите мне Бог, я не знаю почему. Но я доверял ему.

Когда я закончил рассказ, Боннер медленно кивнул головой, обхватив руками свое необъятное пузо.

— Скажи-ка мне, — начал он наконец. — Молодой Дадли. Это правда, что он пялит королеву?

— Никогда не спрашивал его, — ответил я.

— Никогда. — Боннер добродушно улыбнулся. — Ты единственный во всем королевстве, кто, будучи близок к мальчишке, не спрашивал его об этом.

Он прошелся по мне глазами, потом развел руками.

— Ладно, к Марии обращались с прошением. Только о реставрации аббатства, как таковой, речь не шла. Простили, чтобы само место и то, что осталось там от построек, передали во владение одному монашескому братству. Так что это можно было устроить почти даром... И, кажется, прошение поддержал далеко не единственный епископ, как и многие дворяне Сомерсета, надеясь, что будут посеяны семена возрождения.

— Почему же Мария не согласилась?

— Трудно сказать, Джон. Возможно, у Тайного совета имелись возражения. А может, если б Мария прожила дольше, это случилось бы. Во всяком случае, это местечко — сокровищница святой старины, не разграбленная Кромвелем до конца, и оно слишком приметно, чтобы не-

кто столь же набожный, как Мария, упустил бы его из виду.

— Упоминались ли мощи Артура?

У Боннера аж расширились глаза.

— Тот, кто упомянул бы о них, должно быть, не вышел умом.

— Как это?

— Мощи всякого кельтского святого, конечно, священная реликвия. Но разве Артур был святым?

— Более чем святой, — возразил я, — в глазах некоторых людей.

— Нет, нет и *нет*, — закачал головой Боннер. — Что символизирует Артур, кроме магии и колдовства? Король, который не умирает, но дожидается где-то в мистическом, неземном мире, пока его призовут? Доставленный в ладье на Авалон прекрасными девами в черных одеяниях? Превосходная легенда для Генриха Тюдора, когда ему понадобилось вторгнуться в Уэльс, но неужто ты не можешь представить себе несчастную Марию, напуганную одним только упоминанием о нем? — Боннер подался вперед и прошипел: — Меч-ч, Джон, меч-ч.

Колдовство. Я задумался о Марии — в душе добрая женщина, все так говорили о ней, однако твердыня ее набожности стояла чересчур высоко и прочно, и охранялась сторожевыми псами вроде епископа Боннера. И, тем не менее, из наших с ним отношений давно стало ясно, что Боннер, выражая на публике ненависть к ведовству, на деле считал колдунов и чародеев куда менее опасными в сравнении с лютеранами. Ибо не магия ли жила в сердце Римской церкви?

— А как насчет роли Гластонберийского аббатства в утверждении христианства на наших островах? Иосиф Аримафейский, отрок Иисус... Святой Грааль?

— Боже упаси, Джон! Ни в одной из церквей никто не даст за него и гроша. Даже лютеране, и те спросят, где о нем сказано в Библии.

— Наверное, вы еще помните имена кого-нибудь из монахов, что подавали прошение?

— В глаза их не видел.

— Может, назовете кого-нибудь из Сомерсетшира?

— Есть люди, которых я могу вспомнить, но, возможно, они не были основными инициаторами этого дела. Сожалею, Джон, но этот вопрос никогда не был главной заботой Марии. О нем очень быстро забыли, и больше к нему не возвращались. Сдается мне, что твоя поездка оказалась для тебя пустой тратой времени, но великой радостью для меня. Я чертовски рад, что не отдал приказ поджарить тебя тогда.

— Просто вам хотелось узнать об алхимии. Вы ведь думали, что у меня полно особых секретов.

Моя жизнь висела на волоске в тот памятный день, когда епископ Боннер ворвался в мою тюремную камеру.

Составление гороскопов для королевы Марии и ее мужа, будущего испанского короля, и теперь, по прошествии лет, представляется не самым благоразумным занятием, но, когда Мария взошла на трон, никто из нас не мог даже предположить, каким кошмаром обернется ее правление и как скоро это произойдет.

Минуло без малого пять лет с тех пор, как меня арестовали по обвинению в порочной и сомнительной практике вычислений и гаданий. Было чудесное майское утро. Мое жилище окружили и обыскали; книги забрали, как доказательство вредного увлечения ритуалами чародейства и колдовства.

Не знаю, почему я считал, будто такое никогда не случится со мной. Многие мои товарищи к тому времени покинули страну, боясь обвинений в ереси или измене. В то время в любом человеке могли усмотреть угрозу восстановлению католической церкви в Англии, и я, как известный предсказатель, был заметной мишенью для царедворцев, желавших снискать благосклонность королевы.

Используя мои гороскопы в качестве улики — среди них был гороскоп, составленный для Елизаветы, одно лишь существование которой уже являлось угрозой прав-

лению Марии, — меня схватили и бросили за решетку. Казалось, весь мир сходит с ума. Надо сказать, что мой гороскоп для Марии и Филиппа Испанского вышел весьма удачным: созвездие Весов восходило на небосклоне точно в день свадьбы королевской четы, суля процветание их союзу. Спеша предупредить ваш вопрос, отвечу, что я действительно не понимаю, чем не угодил.

Занятие астрологией даже в те времена не являлось бесспорным свидетельством общения с дьяволом. Обвинения хватило только на то, чтобы продержать меня какое-то время в темнице, однако чтобы отправить меня на костер, требовались более веские доказательства.

Затем последовали пустые обвинения в том, что я якобы пытался убить королеву с помощью колдовства. Но никто не представил свидетельств, что я хотя бы однажды использовал магические заклинания — добрые или злые.

Потом появился горе-законник по имени Джордж Феррерс, чей звездный час пришелся на те времена, когда он занимал должность главы рождественских увеселений, устраивая в Лондоне рождественские праздники с участием шутов и «волхвов», которые показывали разные фокусы и разыгрывали праздничные шутки. Каким-то чудом этот веселый обычай выжил даже в суровые и безжалостные годы правления Марии.

Так вот, этот Феррерс, ни с того ни с сего, обвиняет меня в том, что я ослепил одного из его детей и пытался убить другого, подослав некоего магического убийцу. Полагаю, он сделал это из зависти. Должно быть, прознал о моем летающем жуке, о моих совах. Или кто-то ему заплатил, чтобы разделаться со мной.

Защищаясь, я настаивал на том, что не знаю ни этого человека, ни его детей.

«Хотя на суде ты хорошо защищался, — вспоминал впоследствии Боннер, — судьи навряд ли желали показаться благосклонными к человеку, который, очень возможно, состоит в союзе с самим Сатаной».

«Благодарю покорно».

Несмотря на то что обвинения против меня были нелепыми и необоснованными, развеять их прилюдно в пух и прах оказалось делом совсем не простым. К концу процесса я исходил холодным потом в ожидании вердикта.

И когда в конце августа 1555 года решение суда объявили, оно было не в мою пользу. Мне было предписано соблюдать общественное спокойствие до наступления Рождества следующего года, освободить кафедру в Аптон-апон-Северн и — что самое ужасное — предстать перед самим епископом Боннером для *испытания веры*.

Дело пахло костром.

Он явился ко мне в тюремный застенок, приготовив для меня свой вопрос. Подал знак стражнику оставить нас наедине.

— Скажите, доктор Ди... верите ли вы, что душа человека божественна?

Он вел себя дружелюбно, даже тогда. Вскоре я обнаружил, что епископ проявляет живой интерес ко мне и к тому, чем я занимался в последнее время.

Прежде чем дать ответ, я серьезно обдумал его вопрос. Подвох казался мне очевидным. Согласись я с тем, что природа души божественна, я поставил бы себя на один уровень с Богом. Если я скажу нет, то тем самым поставлю под сомнение Его величие и непременно уличу себя в связях с дьяволом. Оба ответа вели на костер.

— Душа... не божественна сама по себе, — ответил я после тяжких и долгих раздумий, — но способна *приобретать* божественность.

Наши взгляды сошлись, и в тот миг мне показалось, будто в его глазах вспыхнул проблеск восторга.

И тут же потух.

— Тогда скажите-ка мне, доктор Ди, каким образом душа приобретает божественность?

Я не поддался панике. Мне стало ясно, что ему поручено выискать теологические свидетельства моей преданности протестантству. Вот в чем было все дело. Сторонники

королевы Марии пытались обнаружить заговор с Елизаветой в центре.

— Через молитву, — ответил я. — Через страдания. И, возможно... через знание.

— И как вы думаете: что же это за знание?

— Библия... — Я понял, что ему этого недостаточно, и решил рискнуть. — И еще... сокровенное учение евреев.

Отрывистое дыхание Боннера выдавало его интерес.

— Как же стать посвященным в это сокровенное учение?

За долгие месяцы после нашей беседы много свечей истлело в раздумьях над этим вопросом. Я ожидал мясника, но встретил человека с подлинным даром проникать в состояние человеческой души.

Интерес Боннера к сокровенному спас меня от костра, и с тех пор между нами завязалась неожиданная дружба. Он даже сделал меня на некоторое время своим капелланом, и далеко не одну ночь провели мы с ним за беседами об алхимии и Каббале.

Я встал и прошел к комоду, взял в руку зеркало. На меня смотрело бледное лицо с темно-русыми волосами. В его глазах я видел то, что иной назвал бы добротой, иной — сожалением, но я... теперь я назвал бы это потерей.

— Скажите, Нед... как человек, умеющий слушать...

— Я начал глохнуть, Джон, и стараюсь слышать как можно меньше.

— Не доходили, часом, до вас слухи о магии против королевы?

— Вроде твоего колдовства против Марии? — Боннер загготал так, словно рухнула каменная стена.

— В форме восковой куклы в гробу. Некоторые детали проработаны довольно старательно. Вам не известен кто-либо или какое-нибудь общество, кто замышлял бы?..

— На что ты намекаешь — колдовство или папство? Французы не боятся магии так, как мы. Раз они решили, что это поможет низвергнуть Бет и вернуть Марию Стюарт, то не остановятся и перед магией.

— Разве я упомянул французов?

— А кто еще? Всегда проклятые французы. Они ненавидят ее страстно. А с Марией Шотландской замужем за принцем... спроси-ка любого француза, и он скажет тебе, что английская королева — ведьма. Яблоко от яблони... Дьявольское отродье. Отсюда: Англия при Елизавете — грязный рассадник черной магии.

— Кто в такое поверит?

— Хочешь сказать, что ты не веришь? — Боннер поднялся с кровати. — Хочешь сказать мне, что всякие суеверия — амулеты, талисманы, предсказания будущего, гадания — не расцвели буйным цветом с тех пор, как мы перестали сжигать на кострах? С тех самых пор, как малышка Бет решила пожить и дала пожить другим?

— Нед, это просто...

— Чистейшая правда! Просто удивляюсь, как это человек с такими необычными дарованиями, как у тебя, может пройти мимо этого факта с закрытыми глазами. Оно повсюду, Джон. Никто, конечно, не говорит, что простой народ Англии не живет в постоянном страхе пред ним... но это знамение времени. Потому все, что связывает королеву с тем миром — восковые куколки, что хочешь, — добром не кончится. И потому ей не стоит совать свой нос в волшебные предания об Артуре. Пойди и скажи ей об этом.

— Мне не дают шанса.

— Естественно... — Боннер широко улыбнулся. — Ей, кроме того, не следует иметь дело с такими, как ты.

— Хм... — С меня было достаточно. — Разве при французском дворе нет их *собственного*... толкователя сокровенного?

— Кто это? Нострадамус? Добрый католик, пророк в ветхозаветных традициях. Французы раболепно преклоняются перед каждым его словом — и пророками вообще, поскольку безвременная смерть их бывшего короля была предсказана во всех мелочах.

Я не встречался с Нострадамусом, врачом по образованию, чей неожиданный, ошеломительный успех как предсказателя, кажется, во многом был обязан его утвержде-

нию при французском дворе и нарочитому использованию стихов в предсказаниях. Несмотря на то что его астрологические расчеты были небрежны и неточны, я, однако, считал своим долгом наблюдать за его работой и хранил в своей библиотеке несколько его календарей и подлинных манускриптов, купленных мною совсем недорого в Лёвене, где к этому человеку относились с ученым презрением.

Боннер откинулся назад. У него был довольный вид.

— Знаешь, Джон... Мне хорошо в тюрьме. Самое время и место поразмышлять, в усердной молитве, о том, что я совершил и чем прогневил Бога. Молитва и молчание. И самоотречение.

— Самоотречение?

Я поднял кувшин со стола и принялся. Я не знаток изысканных вин.

— Один совет. — Боннер подался вперед. — Пусть кости Артура лежат, где лежат. От них всегда одни неприятности.

— Боюсь, у меня уже нет выбора.

— Что же касается Гластонбери... говорят так, что после того, как разрушили аббатство, он стал похож на дом для умалишенных... только без стен.

Веселость снова вернулась к епископу, вспыхнув, точно сухая лучина, и зеркало на комод задрожало от его гогота.

Глава 9

ПРИЗВАНА НА СЛУЖБУ

К концу дня маяк судьбы вновь подмигнул мне проблемным огоньком. Предупреждение обеспокоило меня не на шутку.

В середине дня я еще раз навестил Джека Симма, собираясь просить его и матушку Фальдо присматривать за моей матерью, пока я буду в отъезде. В очередной раз, прижимая указательный палец к губам и показывая большим в сторону своего дома, где осталась жена, он увел меня по-

дальше от двери. К опушке рощи, теперь нежно-зеленой от первых набухших сережек.

— Как долго вас не будет, доктор Ди?

— Недели три, может быть, четыре... Джек, тут что, все с ума посходили? Мать говорит, что люди странно на нас смотрят. Вы заявляете, что меня подозревают в черной магии. Разве я...

— Не-а... просто вы чересчур умный, на свою беду. Нынче трудные времена. Вы видели слишком много заговоров.

— И кое-кто не преминул бы погреть руки на моей дурной славе, — сказал я. Потом поведал ему историю о торговце пророчествами доктора Ди. — Слышали об этом?

— Нет, но это должно было рано или поздно случиться. Всегда хватает охотников до предсказаний, даже если они теперь запрещены законом. Даже астрологические — незаконны, если предрекают будущее королевы, так, кажется?

— Да, если подстрекают к государственной измене.

— Кроме ваших, конечно.

— Кажется, так.

— Ходите по краю, доктор Джон.

— Знаю.

Я прижался спиной к шершавому стволу дуба. Памфлетист в павлиньей шляпе уже воскрес в моей памяти вместе с Джорджем Феррерсом, главой рождественских увеселений, — в образе умалишенного шута в рогатом колпаке с бубенцами и сучковатой палкой с привязанной к ней сосновой шишкой. Когда я сказал Джеку Симму, что в толпе нашлись люди, которые без раздумий отправили бы меня на костер, он ничуть не удивился.

— Сами видите: беспорядок в вере. Большинству простых людей точно известно только то, каким должен быть проклятый Сатана. Предсказателей полно повсюду, и все практикуют тайное ремесло.

— Все-таки... — Неужели Боннер был прав? — ...Теперь не настолько тайное, как раньше?

Джек наклонился и поднял с земли почерневший же-
лудь.

— Мне пришлось прикрыть торговлю, когда поползли слухи, будто я распространяю любовное зелье. Ко мне шли старики и говорили, что слышали, якобы толченый бараний рог может вернуть им мужскую силу. «Тогда отчего бы вам не попробовать растереть рог в порошок?» — отвечал я. А они опускали глаза и мямлили, что, дескать, надо еще кое-что... Теперь видите? Есть тонкая черта, которую я побоялся перешагнуть.

Джек огляделся по сторонам, но, не считая грачей и ворон, мы были одни. Он подошел ближе и встал на кучке прелой прошлогодней листвы.

— Когда вас обвиняли в попытке убить королеву Марию с помощью темного искусства, я знал, что это брехня. Но ведь сделать такое, кажись, *можно*?

— Убийство с помощью магии? Был случай.

Я обошел вокруг молодой березки, вспоминая Генри, лорда Невилла, сына графа Вестморландского, которого лет двенадцать назад обвинили в попытке убийства своей жены и ее отца посредством магии, чтобы получить наследство и расплатиться с карточными долгами. Говорили, будто он нанял опытного колдуна, искушенного в магии и медицине. И еще я подумал о женщинах, которые, как было сказано, могли наложить смертоносное заклятье, выписанное кровью и усиленное ежедневной концентрацией мрачных мыслей и самоотречения — *черным постом*.

— Думаю... — неуверенно начал я. — Я верю, что разум — могучее орудие, с помощью которого можно отворить дверь в неизвестность. И таким образом разбудить силы, которые можно использовать как на доброе дело, так... так и во зло. Но если вы спрашиваете меня, способен ли я на такое?..

Я отвернулся, чувствуя, что все годы, потраченные мною на учебу, все мои знания, мудреные изобретения были бесполезны и бессмысленны.

— Господин...

Я обернулся. Она стояла на обочине дороги, словно лесная фея.

— Катерина... — Она куталась в шаль моей матери. — Вернулась?

— Моя матушка приходила поговорить с вашей... с миссис Ди. Теперь все в порядке, доктор.

Ее лицо было хмурым, точно побитое яблоко. Должно быть, вышла ссора с ее отцом-пуританином.

— Миссис Ди просит вас немедленно возвращаться домой. Там вас ждут.

— Кто?

Я почувствовал напряжение.

— Кто-то из дворца. — Катерина Медоуз неловко улыбнулась Джеку. — Господин Симм.

— Ступайте, ступайте, — прошептал мне Джек, как только Катерина развернулась лицом к дороге. — Можете отправляться в путь без опаски.

— Хорошо, — ответил я. — Благодарю вас, Джек.

Без опаски. Разумеется, без опаски.

В нашем дворе стояло пять лошадей и четверо вооруженных людей у ворот, и мне вспомнился тот самый день, когда окружили мой дом и обыскали все комнаты, а потом...

Вяжите его.

Я почти развернулся, чтобы уйти и выиграть время, но признал двоих мужчин из королевской свиты, один из которых уважительно поприветствовал меня поклоном. Я тоже кивнул в ответ. Дыхание восстановилось.

Их было только четверо, и, стало быть, прибыл кто-то не очень знатный. За исключением королевы, при дворе я знал немногих людей, кому мог доверять всецело.

Я поспешил в дом и, пройдя мимо камина в холле, нашел их в гостиной с окнами на реку: две женщины одного возраста сидели возле окна, лакомясь сладостями с широкого блюда.

— Кузина?..

— Здравствуйте, доктор Ди, — ответила Бланш Перри. — Я приехала за книгами.

Одетая во все черное, кузина напоминала монахиню.

— Но я думал... что сам должен доставить их. Значит, за книгами?

— Будет благоразумнее, если их заберу я.

У нее низкий голос, но необычно звучный, отчего он похож на трубу.

Я называю ее кузиной, хотя не знаю толком, в каком родстве мы состоим.

— Вы приехали сюда из Ричмонда... лишь затем, чтобы взять книги?

— Будет лучше, — ответила Бланш, — если вы будете реже появляться при дворе.

— Это мнение королевы?

— Просто так будет лучше.

По мне пробежал холодок. Я всмотрелся в ее маленькие, надменные глазки, окруженные паутинкой тонких морщин. Много лет назад мой батюшка в необычном порыве предвидения как-то сказал мне, что наше родство с миссис Бланш однажды принесет нам бесценную пользу. В самом деле, старшая фрейлина королевы знала Елизавету с младенчества и имела доступ к самым потаенным уголкам ее души.

— Это *вы* считаете, что мне следует держаться на расстоянии, — сказал я.

Моя мать нахмурилась от такого неуважения к почетной гостье. Однако выражение лица Бланш осталось непоколебимым. *Невозмутимость* — ее девиз.

— Я только считаю, — ответила она, — что для королевы было бы лучше, если бы ваши с ней связи оставались в благоразумных пределах. Вы любите задавать слишком много вопросов, доктор Ди.

— Один из моих недостатков.

— Прошу простить моего сына, миссис Бланш, — быстро заговорила мать. — Иногда мне кажется, что наш Джон только наполовину в этом мире, а другой половиной он блуждает где-то во мраке своего замысловатого воображения. Весьма нездорового, по моему разумению.

Я пододвинул к себе стул. Мое нездоровое воображение подсказывало мне, что визит кухни подразумевал нечто большее, чем книги.

— Вам лучше, чем кому бы то ни было, миссис Бланш, должно быть известно, — сказал я, — что королева — умнейшая женщина, которая читает манускрипты по-гречески с тех пор, как она едва...

— Полагаю, что и вы, доктор Ди, умный человек, — отрезала Бланш, — и способны понять, что будет лучше, если стремление королевы к чрезмерно глубоким познаниям в некоторых областях науки останется незаметным для посторонних глаз.

Я молчал. Матушка поднялась с места.

— Прошу извинить меня, миссис Бланш. Я приготовлю вам теплое питье, прежде чем вы тронетесь в обратный путь. Да и вашим людям не помешает согреться.

— Благодарю вас. — Бланш подняла глаза, и холодная улыбка легла бледной дымкой на ее лицо. — Было приятно повидать вас снова, миссис Ди.

Моя мать кивнула и вышла за дверь. Миссис Бланш взмахом руки указала мне на стул, где только что сидела моя мать, приглашая меня расположиться ближе к окну с видом на реку. Я предчувствовал начало важного разговора.

— До меня дошли сведения, доктор Ди, что вы должны оказать некоторую услугу для сэра Вильяма Сесила.

— Нечто в таком роде.

— Он хороший человек. Интересы королевы для него всегда превыше всего.

— Вы правы. Он постоянно заботится о королеве, как старший брат опекает младшего.

— И вместе с вами в Сомерсетшир едет... лорд Дадли?

— Преданность Роберта Дадли королеве... — я наблюдал за глазами кухни, — также не может ставиться под сомнение.

— Однако его репутация, если она вообще у него есть, еще хуже, чем ваша, — сказала кухня. — Хотя для этого существуют иные причины.

— Надеюсь, вы не бросаетесь словами, миссис Бланш?

Я придвинул свой стул ближе к окну. Усталое солнце зависло над рекой, увязнув в перистых облаках. Безусловно, отношения Дадли с Елизаветой, как бы далеко они ни заходили, служили источником беспокойства для Бланш, даже несмотря на то, что она, как поговаривали, частенько выступала в роли посредника в их любовной переписке.

И все же, хотя число женщин, с которыми Дадли имел близкие отношения, наверное, уже превышало количество лодок на Темзе, его репутация была не более веской причиной для приезда моей кузины, чем книги о короле Артуре.

Что следует знать о мужчинах и женщинах с пограничья, так это то, что они всегда ходят узкими окольными тропами, и может продлиться вечность, прежде чем их мотивы и побуждения откроются вам. Самой природой в этих людей вложено нечто такое, что заставляет их осторожничать с чужаками. Вдоль всей англо-уэльской границы даже достаточно близкие родственники могут оставаться чужими на протяжении целых поколений, и я давно смирился с долгой и большей частью бессмысленной прелюдией к серьезному разговору.

— Не говоря уже о его приключениях с женщинами, — продолжала Бланш Перри, — многие и без того считают Дадли безбожником.

— Почему?

— За его интерес к звездам и тому подобные увлечения. А еще — за его неразборчивость в друзьях.

— Понятно, — сказал я. — Вы подразумеваете его дружбу со мной. Ради Бога, Бланш... разве мы с вами не живем в просвещенное время? Свои знания я черпаю непосредственно из трудов Пифагора, Платона, Гермеса Трисмегиста... Все — известнейшие ученые.

— И при этом язычники.

— О, только не...

— Погодите. — Бланш выставила ладонь, растопырив тонкие пальчики. — Разве не католики заявляют, будто

протестантская церковь уже сама по себе — ветвь язычества?

— Это так, только...

— *Королева...* Королева, как вам известно, если не ищет золотой середины, то, по крайней мере, добивается мира, при котором каждый человек мог бы молиться так, как ему нравится, пока все особенности его веры остаются исключительно в рамках его личных взаимоотношений с Богом. И в рамках приличий.

Серые тучи заволокли небо, превратив Темзу в Стикс. Мое терпение иссякло.

— Миссис Бланш, должно быть, вы проделали такой путь не для того, чтобы отведать знаменитых пирогов моей матушки. Что вы хотели сказать мне, чего не сказал Сесил?

— Я... — В первый раз кузина, казалось, потеряла самообладание. — Я здесь для того, чтобы просить вас, когда будете докладывать с запада сэру Вильяму Сесилу, помнить непростое положение королевы — и наше родство — и докладывать также и мне.

Такого поворота я не ожидал. Хотелось бы мне тогда знать, как продолжать разговор, не задавая вопроса «зачем?», но кузина быстро придвинулась ко мне, и вся ее валлийская натура теперь прорвалась наружу, словно бурлящий горный поток.

— Потому что сэр Вильям, как вам известно, прагматик и ни за что не позволит своим религиозным убеждениям, каковы бы они ни были, влиять на его политические решения. Вы это понимаете, мы все понимаем; только королева изводит себя раздумьями о том, что угодно и что не угодно Богу, и тяготится грузом ответственности не только за наследие и продолжение дела своего отца, но и за всех своих подданных, которых она любит — каждого мужчину и каждую женщину — как своих детей.

— Вы правы.

Ответственность, в самом деле, была велика, и, кажется, никто из предшествующих монархов не считал для себя обязательным взваливать ее в полной мере на свои

плечи. Да, мы продвигались — хотя и не так быстро, как мне бы хотелось, — в направлении новой, просвещенной эпохи, и роль королевы, определенно, была главной в этом процессе. И все же...

— Миссис Бланш... — Настало время пойти навстречу моей доброй кузине. — Позвольте я попробую объяснить, в чем ваша дилемма. Вопрос артуровского наследия, возможно, куда сложнее в наши дни, чем во времена деда Ее Величества...

— Когда у нас была только одна церковь, — согласилась кузина.

— Корни истории или легенды об Артуре уходят в глубь веков. Вполне возможно, в дохристианские времена. На это вы намекаете?

— Наши с вами семьи, — сказала она, — имеют глубокие корни в Уэльсе, где старые барды распевали о таких подвигах Артура, от которых читателей Мэлори должно бросать в дрожь. Кроме того, в дни первого Генриха Тюдора из вероисповедания не тянули все кишки наружу и не выкладывали их на поругание, как делают нынешние толкователи.

Сесилу подобные вещи не доставляли особого беспокойства, если только не грозили полным опустошением казны. Дело, очевидно, касалось чего-то сугубо личного, о чем не говорилось за пределами королевских спален. Я выжидал. Похоже, мы подошли к сути.

— До нас доходят слухи из-за границы, — продолжила Бланш.

— Как всегда.

— Королева много общается с сэром Николасом Трокмортонем, нашим агентом в Париже.

— По какому поводу?

Бланш не ответила. У меня возникло подозрение, что она не знала причин. А ведь вокруг королевы происходило не так уж много событий, о которых не знала бы Бланш.

— Во Франции и Испании, — сказала она наконец, — на нашу королеву глядят с подозрением. И, кроме того, с *суеверием*.

— Мне это известно.

Когда бываешь в Европе, приходится слушать подобные речи. Вся католическая Франция выражала поддержку новому брачному союзу шотландской королевы с принцем Франциском.

— Главным образом, — добавила Бланш, — в связи с ее матерью.

Рассказывали, что покойная мать королевы отправилась на казнь, улыбаясь в предвкушении скорой встречи со своим черным владыкой. Губы Анны Болейн якобы шептали сатанинские заклятья и после того, как палач поднял за волосы ее отсеченную голову.

Лондонская молва давала бесплатную пищу памфлетистам Европы, которые наперебой толковали о том, как скоро плод нечестивого брака Большого Горнила и ведьмы будет призван на службу черному владыке преисподней.

— В вашем парке... в саду... Что видела тогда королева у вас в саду? — спросила Бланш.

— Не понимаю вас.

— Думаю, вы все понимаете. Перед тем как я подошла к вам. — Кузина наклонилась ко мне. — Джон, раньше я уже видела, как странно она цепенеет, как ее глаза... Что она вам сказала?

Я вспомнил, как неожиданно кузина появилась тогда на садовой тропинке. Как морщила нос от крепкого запаха перебродившего хмеля, будто почуяв зловоние адской серы.

— Что она сказала вам, Джон?

— Спросила, нет ли...

Зайцев в нашем саду. Я замолчал.

Бланш ждала ответа.

— Разговор об этом закончен, — ответил я.

Мне будто начинало мерещиться, что мой мир уже свертывается по углам, словно охваченный пламенем кусок пергамента. Бланш Перри сидела недвижимо, точно душа покинула ее тело. Сколько тянулось это невыносимое молчание, я не помню.

Наконец я сказал:

— Что значит «я видела это раньше»? Что происходит с ее глазами?

— Они видят больше, чем следует, — ответила она. — Иногда.

Руки Бланш сцепились у нее на коленях железным замком, будто в судорогах, и я отвернулся.

— Что же в таких случаях... — Мой голос прозвучал так слабо, что мне самому он показался чужим. — Что они видят?

За окном, меж деревьями над рекой уже расстилалась ночная пелена. По воде бежала желтая дорожка света — на лодке зажгли фонарь.

— Я засиделась, — сказала Бланш. — Шлите ко мне гонцов, а я буду присылать их к вам, что бы ни случилось...

— Что она видит, Бланш?

Я крепко уцепился за подлокотники стула, и тьма будто сомкнулась за моей спиной, когда Бланш прошептала стене: королева говорила, будто видела возле своей постели кровавую тень Анны Болейн, все с той же кривой улыбкой, полной нечистых помыслов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Трудно представить, какой урожай или, лучше сказать, какая неисчислимая бездна суеверий взошла в мрачные времена правления королевы Марии. Повсеместно находили мы обетованные мощи святых; гвозди, которыми, по мнению ослепленных набожностью людей, прибили к распятью Христа... мелкие осколки Святого Креста. Число ведьм и колдуний повсюду возросло многократно.

Джон Джевел,
епископ Солсберийский.
*Путешествие по Западной
Англии, 1559*

Глава 10

МОЩИ

На склоне дня внезапный порыв дождя с липким снегом снова немилосердно заставил нас пережить худшие мгновения зимы. Впереди оставалось еще несколько миль пути, а я промок до последней нитки.

Дадли скакал впереди. Он вгляделся в далекие деревья, голые, точно рыбы скелеты, и припорошенные белым пухом холмы. Снова поднял глаза на черневшее небо, опять повернулся ко мне.

— Не мог бы ты сделать с этим что-нибудь, Джон? Изменить погоду? Или прогнать тучи во Францию?

Он поднял коня на дыбы, моя кобыла перепугалась, и мне пришлось наклониться вперед, чтобы успокоить ее. С лошадьми у меня, пожалуй, получалось лучше, чем с женщинами, однако Дадли, как всегда, дал мне почувствовать, что я слабое существо.

И все-таки я был рад, что он так сказал, — по крайней мере, прежний Дадли напомнил о себе в человеке, который всю дорогу от Лондона был на удивление молчалив и почти не говорил со мной. Его будто сдавил груз тяжелых раздумий.

Нас было шестеро, включая северянина Мартина Литгоу. Старший конюх Роберта Дадли знал о жизни хозяина все и вместе с ним отправился ко двору.

— А еще называешь себя магом, — подтрунивал Дадли.

— Никогда не называю себя магом. — Я отвернулся в пургу. — И ты хорошо это знаешь. Может, найдем постоялый двор?

— Здесь нет постоянных дворов. Ты видишь хотя бы один?

— Я ничего не вижу.

— Кэрю, поблизости есть какой-нибудь постоянный двор? — прокричал Дадли.

— Есть. — Сэр Питер Кэрю ехал впереди, рядом с Дадли. — Но если проведешь там ночь, утром замучаешься чесать яйца. Ну, а этот бедняга...

Кэрю обернулся и посмотрел на меня, будто сомневаясь в том, что они у меня есть. Коренастый и мускулистый, он был на добрых двадцать лет старше Дадли, однако его длинная борода оставалась еще густой и черной, словно просмоленный канат.

— Ну, может, отдохнем там, хотя бы пока небо не явит нам свою милость, — предложил Дадли. — Еда приличная?

— Советую продолжать путь, если хочешь добраться до Гластонбери к ночи. Мы оба знавали места и похуже, чем это, — и с доброй битвой в придачу. — Кэрю на миг обернулся ко мне, щуря глаза от ветра и снега. — Кажется, вы никогда не воевали за свою страну, *доктор*?

Люди Кэрю — двое служивых за моей спиной, — похоже, тихонько хихикнули. Я не ответил. Честно сказать, не мог говорить из-за холода. Едва Кэрю отвернулся, Мартин Литгоу поравнялся со мной и чуть слышно произнес:

— Не берите в голову, доктор Джон. Сукин сын сам слишком много воевал под чужими знаменами.

Мартин улыбнулся и снова направил коня на белеющую от снега дорогу.

Отец рассказывал мне о Кэрю. С юных лет тот пользовался благосклонностью при дворе Генриха Тюдора. И будучи еще мальчиком, стал очевидцем многих событий в Европе.

После нескольких лет прогулов и непослушания, напрасно потраченных на учебу в лучшей школе Эксетера, его отец, сэр Вильям, отправил его на пажескую службу во

Францию, где Питер Кэрю вскоре оказался при войске французского короля, а после смерти своего господина перешел на сторону противника, пристав к армии принца Оранского. Питеру исполнилось всего шестнадцать, когда он возвратился в Англию, имея при себе рекомендательные письма от принца Оранского к самому королю. Кэрю очаровал его умением держаться в седле и уже два года спустя получил место в Тайном совете. «*Большая индивидуальность*, — говорил о нем мой отец. — *Сэр Питер идет своим путем*».

И судя по всему, Кэрю хорошо знал свой путь, доскакав из родного Девона на западе Англии до члена парламента и став шерифом того же графства. Теперь он был предводителем местного рыцарства, а значит, пользовался властью и в Сомерсете.

Кроме того — потому-то Кэрю и отправился вместе с нами, — он являлся нынешним владельцем аббатства в Гластонбери. *Надежная пара рук*, уверил меня Дадли. Он не знал в точности, как же так вышло, что королева передала в эти самые руки святые руины, да и вообще не был уверен, что королева знала об этом. Однако лучшего защитника бывшего аббатства от папистов и сыскать было трудно.

К тому времени, когда мы добрались до первых холмов, что окружали Гластонбери, почти стемнело, а мокрый снег сменился дождем, который затем полностью прекратился. За облаками показался осколок луны, и вскоре мы смогли сами понять, почему мольбы о реставрации руин уткнулись в глухие уши.

Кэрю раньше говорил нам, что надежное присутствие протестантов в аббатстве обуславливалось самой историей этих мест. В те времена, когда герцогом Сомерсета был Сеймур, развалины передали общине фламандских ткачей — последователей безумца Жана Кальвина, — благодаря которым в окрестностях города началось бурное развитие ремесла. Городское хозяйство процветало в годы правления юного Эдуарда. Однако, когда Мария получила корону и римский папа огнем и реками крови был восста-

новлен в качестве духовного лидера Англии, ткачи бежали назад в Низинные Земли¹.

Мы спускались по склону последнего из холмов, лежавших на нашем пути, когда серп луны прорезался сквозь темные облака. В свете его холодных лучей аббатство казалось серым призраком с каменными руками, будто выставленными нам навстречу, чтобы сдавить в ледяных объятиях.

Трактир «Джордж», массивное каменное здание в самом сердце городка, служил временным пристанищем путникам с кошельком и когда-то, должно быть, встречал их приветливым светом. Только не в этот вечер... Где-то внутри, быть может, и теплился огонек, но в окнах первого этажа было темно, словно в адской утробе.

Кэрю выслал вперед одного из своих людей, и к нашему приезду двое юношей уже встречали нас на заднем дворе, чтобы позаботиться о лошадях, которых мы не меняли от самого Бристоля.

— Ковдрей! — крикнул Кэрю. — Где этот чертов Ковдрей?

— Я тут, сэр Питер, я тут. — Воткнув шипящий факел в рожек на стене, мужчина неуклюже спустился по деревянным ступеням. — Зажег для вас огонь, сэр. Печи тоже затопили.

— Почему только сейчас, черт возьми?

— Сэр Питер, у нас уже больше двух недель не было ни одного путника. Февраль, как-никак.

— Ну, я же тебе говорил? — рыкнул Кэрю в сторону Дадли и хрипло усмехнулся, будто сплевывая мокроту. — Помойная яма Запада, а не город.

Город? Хотя его главная улица и лежала на дороге, ведущей в Эксетер, я заметил не больше полутора десятков домов, включая церковь с высокой колокольной. И сам монастырь во всем его неприглядном великолепии.

¹ Т. е. в Нидерланды.

— Притащи побольше дров, Ковдрей, — велел Кэрю. — Завтра с рассветом я еду в Эксетер, а эти джентльмены задержатся здесь на несколько дней. Мастер Робертс и доктор Джон из королевской комиссии древностей.

Сесил настоял на том, чтобы мы скрывали свои истинные имена. Я не возражал, но вот Дадли, похоже, уже начинало казаться, будто без почетной мантии он просто наг. В бристольской гостинице, где мы провели прошлую ночь, его скромные ухаживания за нашей горничной были грубо отвергнуты. Простой королевский служака... мелкая птица.

Кэрю — напротив... Даже в Бристоле он часто пользовался признанием. Знаменитость Запада. История его жизни как будто вошла в легенды. Самая известная из них восходила к временам его юности, проведенной в Эксетере. Сбежав из школы, Кэрю забрался тогда на крепостную башню и грозился спрыгнуть оттуда, если его попытаются вернуть назад в школу... Говорят, отец притащил, в конце концов, сорванца домой на собачьем поводке.

После сравнительно приличного ужина из жирной хлебки и жареной баранины Кэрю позвал в наш тесноватый дубовый зал владельца трактира.

— Закрой дверь, Ковдрей. Садись. Нужны твои знания как старожил.

Хозяин трактира, крупный детина с редкими рыжими волосами и грубой недельной щетиной на лице, имел вид стойкого человека, не сломленного жизнью. Вытерев о передник руки, он опустился на край скамьи у двери. Четыре свечи разливали кремовый свет над дубовым столом. В печи, благоухая, трещали поленья — вероятно, из ябло-ни. В этих местах, бывших некогда островом Авалон, такого добра имелось в изобилии.

Кэрю стоял спиной к печи, глаза под густыми черными бровями блестели в свете свечей.

— Эти добрые люди, Ковдрей, назначены королевой для расследования обстоятельств исчезновения некоторых бу-маг и имущества аббатства.

— Поздновато, сэр, — ответил Ковдрей, — если позволите высказать мнение.

— Мне можешь сказать все, что хочешь, но если хоть одно слово просочится за эти стены, я прикрою твое паршивое заведение уже к середине недели. Мы поняли друг друга?

— Понятно, сэр, — тихо ответил Ковдрей. Однако он не выглядел слишком испуганным. — Мы всегда понимали друг друга.

— Полных двадцать лет минуло с тех пор, как аббатство вырвали из жирных лап продажных монахов, — продолжил Кэрю. — Теперь, когда наступили мирные дни, в Тайном совете решили, что пришло время провести переоценку оставшегося имущества для раскладки налогов.

— Монахи давно покинули эти места.

— Скатертью дорога. Все убрались?

— Так... из города, почитай, большинство. У них было хорошее содержание — почти по пять фунтов в год.

— Чем теперь занимаются?

— Один подковывает лошадей. Здесь работы хватает.

— Ну, хоть какая-то польза, — фыркнул Кэрю.

— А потом, надо ж кому-то освящать браки.

— Во всем есть свои недостатки.

Кэрю бросил взгляд в сторону Дадли, но тот не ответил. Я полагал, что Дадли женится по любви, но, конечно, все знали, что мой друг предпочитает держать любовь в запасе.

— Может быть, стоит поговорить с этим кузнецом, мастер Робертс? — предложил Кэрю.

— О да, — энергично закивал головой Дадли. — Непременно поговорим.

Кончики его усов повисли над дублетом цвета болотной воды. Дабы соответствовать образу мастера Робертса, Дадли пришлось облачиться в скромное и неброское одеяние, и, казалось, одежда смирила и его нрав. Даже прошлым вечером в гостинице он приставал к горничной как-то вяло, будто больше не считал обязательным удовлетворять свою похоть.

Вздохнув, Дадли выпрямился и глотнул пива.

— Недурной у вас эль.

— Варили по рецепту фламандских ткачей, — ответил Ковдрей. — Хорошие люди, в целом. Кое-кто из наших, правда, болтает, мол, они привезли с собой овечью чуму, только, черт ее дери, она была тут еще до их появления.

— Сейчас часто случается?

— Бывает. В последнее время померло несколько человек. Наверное, мы просто чаще стали ее замечать, ведь теперь снова живем только за счет овец — все деньги от них. Люди боятся черных язв, но голод еще страшнее.

— Насколько мы понимаем, мастер Ковдрей, — вступил в разговор Дадли, — монахи забрали из аббатства некоторые вещи. Я не хочу сказать, что это обязательно золото или драгоценности. Я говорю о бумагах, известных доктору Д... доктору Джону. А также о священных реликвиях.

— Многих святых... — продолжил Кэрю, вытягивая длинную черную бороду в тугие пряди. — Многих королей хоронили в этом аббатстве на протяжении тысячи лет. Во всяком случае, вы так рассказываете паломникам.

— Чистая правда, сэр, — подтвердил Ковдрей. — Но многие реликвии увезли люди короля.

— По моим сведениям, — сказал Дадли, — некоторые из них были изъяты заранее, в предчувствии того, что монастырь распустят. Едва ли он был первым. Монахи видели надвигавшуюся на них тьму.

Ковдрей заерзал, и мне показалось, что теперь он испытывал какую-то неловкость. Склонив голову набок, Кэрю внимательно следил за его движениями. При личной встрече Сесил сообщил ему, в строжайшей тайне, о цели нашего путешествия в Гластонбери, и мне оставалось только гадать, сколь много ему уже было известно.

— Знаете, господа... — Хозяин трактира вжался в скамью, втянув голову в плечи. — Для этого города настали тяжелые времена. Для всех нас. Если мы совершили что-то дурное, так из отчаяния.

— Город, разжиревший на суевериях и поклонении идолам вместо праведного труда, не заслуживает снисхождения, — возразил Кэрю. — Что дурное вы совершили?

— Взяли кое-что из аббатства. Камень да свинец, в основном. Да стекло.

— И?

— И... что *осталось*. Нам ясно дали понять, что закроют глаза...

Обитателей города можно понять. Как только несметные сокровища монастыря отошли короне, ожидания местного люда, что и ему будет позволено, в пределах разумного, поживиться за чужой счет, были бы вполне уместны. Надеждам людей пошли навстречу, одновременно превратив их самих в соучастников разорения аббатства. Тем самым купив их содействие.

— Я слышал, что из монастырских камней построили несколько роскошных домов, — сказал я.

— Камень скорее брали для ремонта, — возразил Ковдрей.

— Что ж, теперь с этим покончено. — Кэрю гордо выпрямился. — Поворовали, и будет. Отныне аббатство принадлежит мне, и, если им нужен камень, пусть платят. Тот, кого поймают за кражей камня, может лишиться пальцев на руках.

— Никто не ходит туда, — быстро ответил Ковдрей.

— Надеюсь.

— Никто, — повторил Ковдрей. — Да и сэр Эдмунд Файк выносит суровый приговор каждому, кого поймают на краже камня.

Он опустил глаза, потирая одной рукой другую. Я о чем-то задумался и поудобнее уселся на стуле. С непривычки внутренние поверхности бедер свербели от долгой езды.

— Вы сказали, многие монахи ушли. Куда?

— Разбежались. Некоторые подались в монастыри, а некоторым позволили остаться. Другие...

— Ха... — Дадли, наконец, улыбнулся. — В обмен на пристанище... монахи предлагали тем монастырям дары?

— Думаешь, мощи? — Кэрю присел у огня, стягивая сапог с ноги. — Мешок со святыми костями? Эй, похоже, в этом есть некоторый смысл.

— Мне об этом ничего неизвестно, — сказал Ковдрей. — Ну, а те, что остались, пошли пахать землю или учат в новом колледже.

Повисло молчание.

— В колледже? — Кэрю подскочил так стремительно, что пламя свечей едва не задуло порывом ветра. — Это что еще за папистская выходка?

— Колледж Святого Михаила, — ответил Ковдрей. — Ничего папистского, сэр Питер. Дар сэра Эдмунда.

— Ах, вот что. — Кэрю убавил пыл и повернулся к Дадли. — Файк был монахом — казначеем аббатства. После роспуска монастырей наследство позволило ему основать ферму. Нанял нескольких монахов в работники. А теперь, значит... колледж?

— Где сыновья благородных семейств могли бы получить образование, — пояснил Ковдрей. — Епископ Уэльса дал санкцию, но ничего...

— Боурн? Его уже нет. Папистский ублюдок сгинул.

— Он все еще в Уэльсе.

— Недолго ему осталось, — пообещал Кэрю. — К весне будет в Тауэре.

И он, вероятно, был прав. Я не был знаком с епископом Боурном, но знал, что он отказался признать главенство монарха над церковью, как и Нед Боннер, который посвящал его в сан.

— Но ничего папистского, — повторил Ковдрей. — Сэр Эдмунд...

— Пережиток, — рыкнул Кэрю. — При прошлой королеве, когда у папистов появилась надежда на возрождение аббатства, Файк переметнулся на сторону Рима, а теперь он — мировой судья. Знает, с какой стороны подойти к печке, чтоб не опалить бороду. В общем, как только вернуться из Эксетера, обязательно осмотрю это заведение.

Я не сомневался, что он сдержит слово, но, признаться, был рад предстоящему отъезду Кэрю на следующее утро.

Близкое присутствие этого человека, рыскающего повсюду в поисках оснований для закрытия совершенно законного колледжа, волей случая оказавшегося на попечении бывших монахов, вряд ли пошло бы на пользу нашему делу.

— Нужно немного поспать, — сказал Кэрю, подбирая сапоги с пола. — Ковдрей, скажи моим, что завтра выезжаем в семь.

— Я распорядился, чтобы вам в постель положили кирпич, сэр.

— Убери эту дрянь, — велел Кэрю. — Я не баба.

Ковдрей кивнул и прошел к двери, а я подумал, отказался бы Кэрю от горячего кирпича с такой решимостью, если бы рядом не оказались мы с Дадли. Сомневаюсь.

— Но за всем этим, — устало произнес Дадли, — скрывается нормальный человек. Истинный протестант.

Дадли сгорбился над камином. Отощавшее, утомленное лицо. Поникшие усы выразительно подчеркивали его усталость.

— Судя по тому, что рассказывал о Кэрю мой отец, — сказал я, — он мало чем отличается от обычного наемника. Ты, быть может, и прав, но нам без него будет проще. Какие у нас планы на завтра?

— Жесткость иногда помогает срезать углы. В общем, думаю, лучше всего начать с осмотра останков монастыря. Потом, если найдется какой-нибудь доброжелатель из бывших монахов...

— Кузнец.

— Да. Поговорим с ним. — Дадли поежился. — Надеюсь, этот сукин сын положил кирпичей в наши постели. — Он взглянул на меня. — Как ты думаешь, Джон?

Впервые с тех пор, как мы покинули Лондон, у нас появилась возможность остаться наедине, и я надеялся поговорить с ним о Елизавете, о ее матери и о зайцах. Может быть, завтра.

— Сдается мне, — ответил я, — что, если это просто безумная охота за призраком? Что, если кости уже находят-

ся в Лондоне? Что, если люди Кромвеля забрали их по особому распоряжению, когда разоряли аббатство?

— Мы бы об этом знали. Во всяком случае, Сесил.

— А может, их попросту уничтожили?

— Очень возможно. Толстяк Генри мог попросту осуществить древнее желание Плантагенетов уничтожить миф о бессмертном валлийском герое. Или даже видел в их уничтожении символические похороны последних надежд Плантагенетов на возвращение себе короны и трона. Я... — Дадли вытер пот со лба и уставился на влажную ладонь. — Не знаю, Джон, мне кажется... меня пленила романтика всех этих сказок — остров Авалон, поиски Грааля... Но когда видишь, какие убогие тут места...

— Утром все будет выглядеть лучше.

— Ладно, у меня пересохло в глотке и трещит голова. Глоток прохлады — все, что мне сейчас нужно. Ты был прав. Следовало переждать на постоялом дворе, пока не кончится буря. Все этот чертов Кэрю со своей поганой болтовней...

— Нам надо поспать, — сказал я.

Поскольку трактир пустовал, мы имели возможность занять по отдельной комнате на верхнем этаже, а прислуга разместилась внизу. В моей комнатенке стояла кровать с пологом на четырех столбиках, один из которых едва держался. На самом пологе скопилась такая густая пыль, что мне пришлось вовсе избавиться от него и сбросить на пол. Я боялся, что задохнусь, если проснусь среди ночи от кошмарного сна.

Я привез с собой несколько книг и, достав их из сумки, выложил на стол у окна. В моем распоряжении была только одна свеча, и все же я разглядел в полумраке, что в комнате было окно с витражом.

Встав на колени перед окном, я попросил у Бога благословения нашей миссии, потом помолился о благополучии матушки. Почти не помню, как я забрался в кровать и натянул поверх себя сброшенный полог, чтобы было теплее. Теплового кирпича в постели не оказалось.

Все, что происходило со мной потом, больше походило на сновидение.

Чуткий к ночному шуму, я проспал, должно быть, не больше часа, когда послышался дверной скрип.

Некоторое время я лежал в постели и только прислушивался к медленным шагам на лестнице, однако лязг засовов вынудил меня подняться. Я подошел к окну, кутаясь в пыльный полог. Комната не отапливалась, и было ужасно холодно.

Под моим окном размещалась трактирная вывеска с красным крестом святого Георгия. Однако с наступлением ночных сумерек крест скорее казался серым. Внизу я заметил очертания человека. Он сошел с вымощенной камнем дороги на голую землю. В бледном свете луны я разглядел, что он на мгновение остановился и изогнул спину, подперев поясницу руками.

Дадли?

Вдоль другой стороны улицы тянулась стена аббатства, а за ней высились огромные, одинокие пальцы из камня. Человек продолжил свой путь по улице, вдоль самой стены, и вскоре растворился во мраке. Судя по всему, ему не спалось в одиночестве.

...человек, который преподнесет королеве несомненное доказательство ее королевского наследия... символ, что придаст ее правлению мистический ореол... Тот человек может рассчитывать на награду.

Для меня же наградой была бы находка каких-нибудь древних книг, тайно вывезенных из аббатства и спрятанных где-нибудь. Тех книг, от одного вида которых Леланд испытал благоговейный трепет. Однако я сомневался, что книги эти спрятаны где-то поблизости от аббатства.

Так что я не стал долго думать, стоит ли мне догнать Дадли и присоединиться к нему. Он не нуждался в моей компании. Я совершенно озяб и был измучен долгой ездой. Прорицатель Джон Ди вернулся к своим заплесневелым одеялам.

Вечный наблюдатель, отделенный от жизни ширмой своих познаний.

Глава 11

ГОРЯЧКА

Меня разбудили тяжелые шаги и стук в дверь. Было раннее утро. Едва я успел что-то сказать, как дверь распахнулась и на пороге возник слуга Дадли, Мартин Литгоу. Лицо искорежено страхом.

— Доктор, — заголосоил он. — Идемте скорее со мной. Мой господин...

— Что с ним?

— Шибко расхворался, сэр.

Я быстро скатился с кровати, совершенно позабыв, какой она высоты, и с глупым видом грохнулся на колени.

— Расхворался? — удивился я, глаза с пола на Мартина Литгоу — рослого северянина с соломенными волосами, чуть подернутыми сединой.

— Горячка. Весь в поту, стонет и катается по постели.

Мне не стоило удивляться. Разве прошлой ночью не было ясно, что должно что-то произойти?

— Послали за лекарем?

— Но я думал, вы у нас...

Он стоял, упершись руками в бедра, и смотрел на меня так, будто от меня уж и нет никакой пользы, раз я не врач.

— Нет, — объяснил я, хватая свое старое коричневое платье. — Я не... то есть моя докторская степень...

Была в области права, если хотите знать, и не имела ничего общего с тем, чем я занимался. Я мог только вздохнуть.

— Сейчас иду...

Спальня Дадли находилась прямо напротив моей, на другой стороне узкой лестничной площадки. Просторнее, чем моя, с большим витражным окном, сквозь которое сочился красновато-багряный солнечный свет.

Дадли не лежал в постели. Сгорбившись, он сидел на краю, завернутый в одеяла, как вспотевшая лошадь. Спутанные волосы закрыли лоб. Полог откинут назад. Ночной горшок стоял на полу, у самых ног Дадли.

— Джон.

Он произнес мое имя чуть громче выдоха. Его тело тряслось мелкой дрожью, глаза затумили страх.

— Приляг, — сказал я.

— Джон, пусть Литгоу готовит лошадей. Если мне суждено умереть, то будь я проклят, как содомит, если подохну тут.

— Лошадь тебе не понадобится, Робби. Ты никуда не поедешь, по крайней мере, до следующей...

Я шагнул назад. Дадли внезапно склонился над пустым горшком, обхватив голову руками, изрыгнул... Поднял глаза и сквозь пальцы посмотрел на меня.

— О, Боже, Джон... наше задание — на нем проклятье, или ты не понимаешь?

Он снова упал на подушку, выгнув спину дугой. Скорченное лицо заливал крупный пот. В дверях Мартин Литгоу молчаливо глядел на меня с мольбой. Должно быть, он еще никогда не видел своего щеголеватого хозяина таким беспомощным, как сейчас.

Бог свидетель, я не знал, что мне делать.

Так же, как я, Дадли родился под созвездием Рака — знаком водной стихии, — и, значит, находился под влиянием Луны. Будь мои таблицы при мне и было бы у меня достаточно времени, я непременно смог бы рассчитать, каким будет влияние планет на состояние органов его тела и соотношение в нем жизненных соков. И если бы здесь был Джек Симм, то сообщая мы наверняка нашли бы какое-нибудь средство. Уже не в первый раз я жалел о том, что не доктор медицины.

— Когда это началось?

— Что?..

— Я видел, как ты выходил на улицу ночью.

— Не спалось. — Превозмогая боль, Дадли приподнялся в постели, будто надеялся победить болезнь усилием воли. — Нос заложило. Не мог дышать. Думал, простуда. Надо было... немного воздуха.

От которого могла охладиться кровь, и сделалось бы еще хуже.

— В этом городе живет чума, Джон? Можешь сказать об этом. Тут все говорит об этом, сомнений нет.

— Конечно, это не так, Робби.

— Значит, только во мне?

— Ложись.

— Джон, это место... ужасное место и...

— О каком месте ты говоришь?

— Оно холоднее, чем ночь. Холоднее самой ледяной ночи.

Мелкая дрожь снова промчалась по его телу, словно его ударило молнией. Он закивал головой, крепко сжал зубы и съежился под одеялами. На покрасневшихся щеках блестела влага.

В комнату вошел Ковдрей, владелец трактира. Он принес кувшин и чашу на деревянном подносе.

— Сидр. Не так много хворей, с которыми не справился бы добрый яблочный сидр.

Я кивнул ему в знак благодарности. Ковдрей поставил поднос на пол рядом с кувшином для воды и напряженно попятился к выходу. Его реакция вполне объяснима: кто знает, какую еще заразу мог привезти сюда житель Лондона из этого грязного, многолюдного города?

— Страшные сны, Джон. — Дадли высунул руки из-под одеял, чтобы взяться за голову. — Проклятые *страшные* сны.

— Сны ничего не значат, — возразил я.

Конечно, я знал, что это неправда, но все-таки верил, что значение их часто бывает затемнено.

— Да если б то были сны, — сказал Дадли.

— У тебя просто жар. — Я обратился к Ковдрею: — Тут имеется лекарь?

— Раньше был, — ответил трактирщик, — да только он умер.

Дадли горько рассмеялся в ладони.

— Есть два лекаря в Уэльсе, при соборе, — добавил Ковдрей. — Настоящие доктора. Один учился в Лондоне. Длинная мантия, надевает маску и все такое. Можно по-

слать за ним кого-нибудь из моих сыновей. Думаю только... придется вам заплатить.

— Цена не имеет значения. — Я бросил на него твердый взгляд. — Но время важнее. За кем бы вы послали, если бы заболел кто-то из ваших?

— Я стараюсь не болеть, сэр.

— Вы понимаете, о чем я говорю.

Его губы сжались от напряжения. Снова эти лондонцы, наверное, думал он. А кому из лондонцев вы можете доверять, не опасаясь, что они не выдадут вас властям за то, что вы прибегли к лечению с помощью магии?

— Сэр Питер Кэрю, — спросил я, — еще здесь?

— Уехал. Уж больше часа назад, вместе со своими людьми. Прежде, чем стало известно о болезни мастера Роберта.

— Хорошо. Помогите мне. Ведь вы не послали бы в Уэльс, если бы заболел кто-то из вашей семьи?

Он не ответил. Я налил в чашу немного сидра и принялся к напитку.

— Думаю, надо немного разбавить водой. У него и без того уже достаточно помутился разум. Если, конечно, вашу воду можно пить.

Ковдрей принял кувшин и застыл, разглядывая поднявшийся со дна мутный осадок.

— Есть у нас один человек. Хорошо знает травы.

— Хороший?

— Не жалуемся.

— Далеко?

— На холме Святого Бениния. Минуты две ходьбы, наверное.

— Так чего же мы ждем?

Я, разумеется, ожидал увидеть местного знахаря. Тайного целителя, который унаследовал потомственные знания трав и растений. Впрочем, мой приятель Джек Симм едва ли пожелал бы такой известности в Лондоне. Ибо там лекарей подобного сорта травили, как зверей. Длинноно-

сые нюхатели мочи, вооруженные грамотами Королевской медицинкой школы, не давали им жить спокойно.

Но в этой глуши, где ученые доктора — редкость, жизнь целителя безопаснее. К тому же тут меньше невежественных шарлатанов и чужеземцев, из-за которых целительство опускается до так называемых магических порошков из размолотых камней и костей животных.

Я остался с Дадли, а Мартина Литгоу отправил с Ковдреем за местным целителем, поручив описать ему признаки болезни и заплатить столько, сколько попросит, чтобы прийти немедленно. Хорошо, что благодаря моему образованию, астрологическим знаниям и опыту работы с Джеком я мог, хотя бы примерно, оценить способности местного мудреца.

— Где Кэрю?

Дадли заворочался на кровати, уставил на меня испуганные глаза и попытался привестать.

— Уехал. — Я осторожно уложил его назад. — В Эксетер.

— Слава богу. Не то он подумал бы, что я слаб, как баба.

Дадли закашлялся. Он сделал всего несколько глотков разбавленного водой сидра, но пить больше не стал, сославшись на то, что его тошнит от такого питья.

— Не все женщины слабые, Робби, — возразил я. — Я-то думал, тебе лучше, чем кому-либо...

— Я знаю. — Дадли перевернулся на бок. Свет из цветного окна ложился ему на лицо, от чего оно пестрело, словно карнавальная маска. — Поверь, я знаю. Боже, как же мне об этом не знать. Но скажи... объясни мне... как это возможно, чтобы кто-то благополучно правил страной, исполняя при этом предназначение женщины?

— Такое возможно, если рядом окажется добрый муж, чтобы разделить бремя власти.

Я подразумевал Сесила, но Дадли едва не вскрикнул навзрыд:

— Таким человеком мог бы быть я... — Горячие слезы навернулись у него на глазах. — Разве я этого не заслу-

жил? Ради всего, за что погиб мой отец, Джон, и, если мне суждено умереть теперь...

— Боже, ты не...

Дадли остановил меня вялым взмахом руки, затем закрыл глаза и попытался вздохнуть, но не смог. Должно быть, у него сильно пересохло в горле, от чего воздух застрял комком, и, когда глаза снова открылись, в них была пустота и безнадежность.

— Я видел его приближение.

— Чье?

— Смерть идет за мной. Не ждал ее так скоро, но Господь рассудил, что я не заслужил лучшей доли.

— И как же, — спросил я, вздохнув, — выглядит смерть?

— Старик. Печальный старик.

Я ничего не сказал.

— Парит в двух футах над землей и смотрит на меня сверху жалостливыми глазами. А сквозь старика светит луна. В глазах белое сияние. И холодное, Джон. Очень, очень... холодное.

Бред.

— Боже, спаси меня, но он знает, *кто я*.

Дадли так крепко цеплялся пальцами за одеяла, что суставы побелели, как кость. С улицы доносились детские крики.

— Бредовый сон, Робби.

— Я видел сквозь него. — Дадли уставил пустой взгляд в потолок. — Он... он знал. — Дадли оскалил зубы, всасывая через них воздух. — Джон, я — покойник. Моя жизнь больше не стоит даже куска дерьма.

— Прекрати...

— Нет! Мне надо тебе рассказать. Исповедуй меня. — Его голова повернулась ко мне. — Ведь ты посвящен в духовный сан, так, Джон?

— Нет! — Я едва не отпрыгнул от его постели. — Нет и *нет*...

— Ты же был капелланом у Боннера? Занимал кафедру в этом...

— Нет... — заявил я, размахивая руками перед собой. — Я принял сан, потому что это было необходимо, чтобы занять кафедру в Аптоне. Я не врачую душу, и поэтому ты не скажешь мне ни единого слова.

— Прости, Господи... В последнее время ей нездоровилось.

Ей?

Только не спрашивать, ни о чем не спрашивать...

— Кому? — прошептал я.

Несколько мгновений он молча лежал в постели, словно надгробное изваяние в оранжево-красноватых лучах, сочившихся сквозь оконный витраж.

Наконец молчание прервалось, и слова полились из него, будто они принадлежали не Дадли, но тому злому бесу, что поселился в его теле и отравил ему разум.

— У меня было полужелание, чтобы она... исчезла из моей жизни.

Тут Дадли приподнялся на локте и посмотрел мимо меня, словно в комнате кроме нас находился кто-то еще.

— Полужеланий, кажется, не бывает? — Дадли болезненно улыбнулся, пытаясь скрыть страдания за улыбкой. — *Я желал...* чтобы она исчезла...

— Робби...

— Среди ночи. Тихо приняла бы в предрассветной тиши сладкую смерть.

— Ты не ведаешь, что говоришь.

— Без боли. Я никогда не желал ей испытать боль.

Я отвел взгляд. Как хотелось мне оказаться где-нибудь в другом месте, где-нибудь далеко. Как же хотелось мне не знать, о ком идет речь. Сердце сжималось в моей груди, ибо мне было известно, что Дадли взял в жены Эйми Робсарт, дочь сквайра, в возрасте восемнадцати лет, когда решил, что ему уже не суждено добиться руки Елизаветы.

Однако теперь он был близок к своей мечте, как никогда. Так близок, что злые языки повсюду болтали об этом. Елизавета осыпала его дарами, жаловала ему земли. В то время как Эйми...

Эйми оставалась в деревне.

— Он знал, — прошептал Дадли. — Клянусь, старик знал.

— Твой отец? Твой отец явился тебе во сне?

— Это не мой отец, — ответил Дадли. — И это не сон. Может, я брежу, но я знаю... это не сон.

Его голова утонула в подушке, точно нагруженная свинцом. Я подозревал, что прошлой ночью он ходил в аббатство в поисках своего рода отпущения грехов, но... не нашел утешения. Может быть, даже наоборот.

— Теперь вместо нее умру я, — произнес он. — И вовсе не ночью, а среди белого дня, на глазах у всех. — Его дыхание замедлилось и стало поверхностным. — На глазах у всех.

— Доктор сейчас придет, — сказал я.

Глава 12

БАШНЯ

Несколько минут спустя, когда солнце поднялось над цветными квадратами витража и лучи стали проникать в комнату сквозь простое стекло, Роберт Дадли погрузился в забытие.

Позволю себе напомнить вам, что я плохо разбираюсь в таких делах. Я — тихий человек. Ученый. Математик и астроном, которому непостижима геометрия любви и неведомы формулы для расчетов траектории прихоти. И если прихоть приумножена еще и мирским честолюбием, тогда... храни нас Господь.

Отойдя от крепчавших миазмов больничного ложа, я встал ближе к окну и солнцу.

Я размышлял о том, какую путаницу в голове могла произвести лихорадка и как сильно могла исказить чувства болезнь. И о том, как человек, способный смело сойтись в бою с видимым врагом, мог превратиться в испуганное дитя, когда невидимый враг оказался внутри него самого. И не мог, в минуты физических страданий, обна-

ружить самые отвратительные идеи, закравшиеся в его мысли?

Однако теперь неосторожные думы Дадли засели в *моей* голове. Его краткое признание внутренней вины, скрытой под высокомерием и балагурством, надолго останутся в моей памяти. Как и смысл того, что он рассказал мне.

Все хорошо знали, что Дадли рвется в Тайный совет, и при дворе ходили разговоры, что вскоре он получит куда более важный титул, чем шталмейстер. Мне припомнился один особенный день, когда я разбудил в Роберте Дадли подлинный интерес к астрономии. *«Я хочу отправиться к ним, доктор Ди, — сказал он — кажется, лет тринадцати от роду. Мне тогда было около двадцати одного. — Хочу побывать среди звезд».*

Что, если прошлой ночью он действительно заглянул в глаза смерти, позвавшей его за собой?

А если умрет?

Я крепко схватился за подоконник.

А если не умрет? Когда он оправится от болезни, следует ли мне напоминать ему о том, что он сказал мне утром в бреду?

И знаете, что было хуже всего? Хуже всего было то, что, принимая во внимание всю эту ватагу хватких инородцев, мнящих себя подходящими женихами и ведущих борьбу за лучшее место в очереди за рукой королевы, более надежного и более способного супруга для Елизаветы, чем мой друг Роберт Дадли, пожалуй, и сыскать было трудно.

Я это понимал. Должно быть, в глубине души понимал это и Вильям Сесил.

Вне всяких сомнений, понимала это и несчастная Эйми.

Стоя в печальных раздумьях возле окна верхнего этажа трактира, где в прошлые времена находили приют пилигримы, я вдруг осознал, что смотрю вниз, на залитый дневным светом Гластонбери. Город жил в привычном утреннем ритме. Знакомая круговерть груженных повозок, домохозяйки с корзинками, дети, лошади и уличные собаки, журчание голосов.

Занятый тяжелыми думами, я поначалу и не заметил, что так отличало его от других городов. Как, похоже, не замечали этого и жители Гластонбери, или, точнее, не замечали того, что от него осталось, возвышаясь над их головами во всем великолепии своего запустения.

Не похожий ни на Бристоль, ни на Бат, Гластонбери сам по себе был чуть больше деревни — беспорядочное скопище домов разного возраста, и ни один из них не стоял на противоположной стороне улицы. Там — лишь монастырская стена, а за ней — драгоценная оболочка того, что некогда было самым изящным, самым богатым культовым сооружением западной Англии.

Минуло два десятилетия с тех пор, как отсюда изгнали монахов и замучили до смерти, а затем четвертовали последнего аббата. Что об этом думаю я? Не стал бы отрицать необходимость реформы или, по крайней мере, освобождения из-под папского гнета. Однако бесчисленные разрушения великолепных строений с последующим грабежом сокровищ и книг — и бессмысленная резня людей, способных понимать их, — казались мне бедствием, подобным разорению Рима варварами. Аббатство служило основой существования города. Теперь эта основа исчезла.

И все же аббатство по-прежнему поражало воображение. Даже лишенное кровли. Даже с голыми ребрами бывшего нефа и полуразрушенной главной башней, заросшей буйной растительностью. Даже сейчас, несмотря на серый февраль, мягкий блеск сохранялся в этих золотисто-желтых камнях, и можно было понять, почему некоторые отказывались поверить в то, что здесь все потеряно навсегда.

Только где все это было теперь? Дух исчез, а люди на улице будто давно позабыли, что тело осталось, и словно не замечали его. Знал ли хотя бы кто-то из них о судьбе мощей Артура? Теперь, когда разболелся Дадли, выяснять это придется мне одному. Что было бы не так трудно, умей я лучше общаться с простым народом.

Продолжая стоять у окна, я только беспомощно покачивал головой. Будучи книжным червем, я не умел провести короткую подготовительную беседу. Там, где Дадли

произвел бы впечатление на мужчин и вызвал бы интерес у женщин, я возбудил бы лишь одни подозрения.

На лестнице раздались шаги. Я мгновенно отскочил от окна и тихонько зашагал через всю комнату, рассчитывая предупредить лекаря о состоянии Дадли на лестнице, чтобы мой товарищ не смог услышать меня. Но едва я успел очутиться в дверях, как доктор прошел мимо меня в спальню Дадли.

Я был горько разочарован.

Ибо человек этот походил скорее на истинного врача, нежели на местного мудреца-целителя, которого я ожидал увидеть. Черный долгополый балдахин и капюшон, натянутый на лицо, чтобы не подхватить заразу. Долговязый Ковдрей вошел следом за ним, держа в руке черную полотняную сумку.

Нюхатели мочи. Если бы я заболел, то обратился бы к ним в последнюю очередь. И пусть их образованность подтверждена важными грамотами, все равно эти умники ничего не смыслят в подобных делах. Большинство из них. Хуже того, они не обладают необходимым чутьем, чтобы лечить других.

Прежде чем я успел что-то сказать, Ковдрей поставил на пол полотняную сумку и вышел из комнаты, плотно затворив дверь перед моим носом. Скользнули засовы, и я оказался в глупом положении, поскольку из-за моего старого, изношенного платья меня можно было принять за слугу.

— Не желаете ли разговеться, доктор Джон? — спросил Ковдрей. — Не переживайте. Ваш коллега в самых надежных руках.

— Не сомневаюсь, — ответил я.

Когда служанка принесла мне сыру и хлеба с кувшином пива, я попросил Ковдрея и Мартина Литгоу остаться и разделить со мной трапезу. Я не хотел, чтобы Ковдрей подумал, будто я ставлю себя по положению выше его. Не хотел, чтобы кто-нибудь боялся говорить со мной. Доктор Джон — простой человек.

Что-то все же подтолкнуло трактирщика подвести разговор к вопросу, который, видимо, волновал его с момента нашего появления вместе с Кэрю. Ковдрей стянул с себя передник из мешковины, присел к столу, в озаренное солнцем облако пыли, и разломил хлеб.

— Так вы ищете что-то особенное? — поинтересовался трактирщик.

— Меня интересуют бумаги, — откровенно ответил я. — Рукописи и книги.

— Так же, как Леланда? — спросил владелец трактира, не отрывая глаз от своего блюда с кусками хлеба.

Разумеется, Ковдрей встречался с Джоном Леландом, собирателем древностей, когда тот по поручению короля Генриха объезжал западные окраины Англии примерно в том же качестве, что и мы. Поскольку составление описи древностей служило только прикрытием истинной цели нашего путешествия, я не подумал о том, как будем выглядеть мы в глазах окружающих... после Леланда.

О боже.

— Дружелюбный малый, — сказал Ковдрей. — Ученый. Джентльмен. Совсем не похож на ангела смерти.

Что мог я ответить? Сомнительно, чтобы Леланд, составляя опись монастырских сокровищ во время своего путешествия, предвидел, каким образом воспользуется собранными им сведениями Томас Кромвель после реформы церкви. Едва ли мог он предполагать, что опись эта станет списком желаний короля Генриха.

— Я не сказал бы об этом при сэре Питере Кэрю, — признался Ковдрей, — но есть ли в этом городе хоть один человек, который забудет Леланда?

Я вздохнул.

— Человек приезжает сюда с бумагой от короля, — продолжал Ковдрей. — Рассказывает всем, как сильно король желает узнать обо всех драгоценных рукописях, что находятся в пределах его государства. А лет десять спустя он возвращается, когда все уже в руинах, и ему, кажется, все равно. Несет какую-то ерунду о составлении карт. Я толь-

ко хочу сказать... Мой вам совет: не говорите никому о вашей миссии. Вас могут неверно понять.

— Уверяю вас, что намерения королевы...

— Никакого вреда причинить этому городу она больше не сможет. Здесь ничего не осталось, кроме шерсти да яблоч.

Я не знал, что сказать. Леланд возвращался в Гластонбери лет пятнадцать тому назад, когда ему поручили составить топографические карты всех графств королевства. Возложенная на него задача оказалась, однако, ему не по силам, и, возможно, она-то и довела его, в конечном счете, до умопомешательства. Составление карт и чувство вины за страшные последствия его предыдущей научной миссии. За гибель тех сотен книг, что одним своим видом внушили ему *благоговейный трепет*.

— Что случилось с книгами из аббатской библиотеки? — спросил я.

Ковдрей помял рыжеватую щетину у себя на щеках.

— Часть книг забрали люди короля — думаю, те, которые в золотом переплете. А старые черные... покидали в кучу. После ухода монахов мало осталось людей, кто интересуется книгами. Во всяком случае, чтением.

— Что было с оставшимися книгами?

— С помощью книги можно разжечь огонь. — Ковдрей уныло улыбнулся моему выражению лица. — Вас это печалит, доктор?

Я не стал говорить, что книги дороже золота, и только угрюмо кивнул в ответ.

— Ну, может, все-таки какие-то сохранились, — утешил меня Ковдрей. — Может, какие-то книги забрали монахи. Может, их увезли в Уэльс или еще дальше. Для надежности. Никто не верил, что все кончено навсегда. Чужеземцам трудно осознать, каким влиянием обладало аббатство, владея землями на многие мили вокруг — от Корнуолла до Уэльса. Оно было, как огромный неугасающий маяк.

— Вы, должно быть, поддержали обращение к королеве Марии о восстановлении аббатства? — поинтересовался я.

— Все его поддержали. И вовсе не по религиозным соображениям. Большинство из нас. Ведь это наша единственная надежда на возрождение и процветание. Ну да, мы все еще стоим на пути в Эксетер. Через нас возят товары, путники останавливаются на ночлег, никто не мрет с голоду. Но многие из нас еще помнят то время, когда паломники со всех концов оставляли здесь горы монет, выпивая столько вина и сидра, сколько мы могли предложить. — Ковдрей улыбнулся. — Счастливые времена, доктор. Но тогда... Тогда я был еще молод.

— Паломники, — сказал я, — приходили, чтобы почитать кости святых. Что осталось от них?

— От паломников?

— От костей.

Трактирщик взглянул на меня с таким подозрением, что я даже воздал благодарение небесам за то, что вместе с нами приехал Кэрю и поручился в нашей благонадежности.

— Кости, — произнес он. — Вот, значит, за чем вы приехали?

— Частично.

— О костях я ничего не знаю, — ответил Ковдрей. — Они исчезли. Из земли, по крайней мере.

— Все?

— Может, и все. Есть люди, которые знают больше меня.

— Их забрали королевские слуги или... спрятали в надежное место?

Ковдрей настороженно захлопал ресницами, и я предположил, что не услышу откровенный ответ.

— Послушайте, я мелкий слуга государства, — сказал я. — Я никого не собираюсь преследовать. И не стану называть ничьих имен. Я и мастер Робертс, мы должны представить только опись того, что сохранилось, а что исчезло. Так что скажите мне... кому известно о костях лучше, чем вам?

Ковдрей на мгновение задумался и пожал плечами.

— Костолобу?

Я подождал. Возможно, он решил поиздеваться.

— Бенлоу-костолобу, — повторил Ковдрей. — Он собирает кости. Люди приносят ему кости, а он покупает у них и потом продает пилигримам. По крайней мере, продавал раньше. Естественно, в наши дни торговля у него идет плохо.

— Известно, что он промышляет торговлей костями? Без того, чтобы...

— Ему не досаждали законники? А какое такое преступление он совершает? Понятно, конечно, что они отыскали бы нарушение закона, если бы захотели, но, кажется, это никого не волнует. — Ковдрей поднялся и подложил полено в печь. — Чем больше костей, тем более святым представляется место паломникам, ну а наш город всегда был главной святыней.

Я отломил кусок хлеба и намазал его белым сыром.

— Это вы так думаете?

— Сам Христос ходил по этим холмам. Мы обязаны в это верить.

Яблоневые поленья в печи занялись языками ожившего пламени, будто знамена зардели на солнце.

— Местный люд, должно быть, сильно расстроился, что монахи ушли. — Я заметил проблеск тревоги в глазах Ковдрея. — Все в порядке. Я даю слово...

— Еще бы. — Трактирщик направил взгляд на окно. — В тот день, когда аббата Уайтинга притащили на холм Святого Михаила, все думали, что настал конец света. Хороший человек. Не все аббаты хорошие люди — я бы с этим никогда не поспорил, — но Уайтинг был скромный и добродушный старик. Ни разу не предал город.

— Вы сами видели, что сделали с ним?

— Видел, как его привязали к плетню и потом протащили по главной улице. — Голова Ковдрея горела в солнечном свете, но слова выходили словно из темноты. — Пинали его ногами, как тушу убитого оленя. Старого человека избили, искалечили, унизили, как последнего вора. Какой в этом смысл?

Я промолчал. И вспомнил о дружелюбном человеке по имени Бартлет Грин, который сидел со мной в одной камере, пока его не отправили на костер.

— Думаю, он не понимал, что творится вокруг, — сказал Ковдрей, — или ему было уже все равно. У него были закрыты глаза. Конечно, толпа вокруг ликовала, гудели трубы — словно на празднике. До чего ж глупым бывает народ... Толпа шла за ним до самого холма Святого Михаила, чуть не писая от восторга. Я не выдержал. Вернулся в трактир, подавал пиво и молчал.

— Холм Святого Михаила?..

— Вон тот заостренный холм, доктор, — пояснил Мартин Литгоу. — Там еще стояла церковь, которую разрушило землетрясением. Прошлой ночью было темно, так и не видно.

— Разумеется, — кивнул я. — И на том самом месте аббата казнили?

— Некоторые поговаривают, будто это холм Сатаны, — ответил Ковдрей. — Потому там и построили церковь, и потому-то она и рухнула. Говорят, что возле каждого святого места есть гора, которую дьявол превращает в свою смотровую башню. Как раз там и повесили аббата, а с ним — еще двух добрых монахов. Потом сняли с виселицы и разрубили тело на четыре части, а потом еще...

— Я знаю, что было дальше.

— Так разве ж удивительно, что он не может найти покоя?

— Как это?

Я заметил, что кто-то вошел, поднял глаза и увидел женщину. Она уселась за маленький стол у самой двери. Очевидно, что женщина не была служанкой, поскольку не носила передника и явилась без приглашения.

— Потому-то люди и не ходят в аббатство затемно, — продолжал Ковдрей. — Потому больше и не берут камень оттуда. Говорят, сначала видишь свечу аббата посреди нефа. А потом, если Бог дал тебе ума, бросаешь мешок с камнями и уносишь ноги, как угорелый. Иначе пред тобой появится сам аббат во всем своем облачении.

Я заметил, как вздрогнул Мартин Литгоу. Женщина в углу возле двери сидела не двигаясь, и я подумал, не была ли она женой Ковдрея. Длинные темные волосы, за-

брошенные за плечи, застиранное синее верхнее платье, свободно подпоясанное кушаком.

— Если взял камень в аббатстве и вставил его в стену своего дома, — рассказывал Ковдрей, — так должен семь недель каждое утро читать на коленях покаянную молитву. Иначе в твоём доме точно не будет покоя.

— Обычный способ отвадить людей воровать камень из аббатства, — пробурчала из угла женщина. — Особенно если у них крепкие колени.

Ковдрей повернулся назад.

— Нел... Не видел, как ты вошла.

— Дай мне знать, — ответила женщина, — когда решишь, что твоя развивающаяся глухота будет стоить расходов на лечение.

— Скажи лучше, как там мастер Робертс?

— Спит. Чем больше он сейчас будет спать, тем больше у него будет шансов.

Обшитые деревом стены комнаты будто перекошились. Пока я примирялся с мыслью о том, что эта женщина, очевидно, и была врачом Дадли, его голос звучал в моей голове.

«...в двух футах над землей и глядит на меня жалостливыми глазами... а сквозь старика светит луна. Холодная...»

Глава 13

ЛИКСИР

Привидения. Меня часто спрашивали о привидениях. И что бы я мог ответить, если сам никогда не видел ни одного?

Хотел бы я взглянуть на него?

Конечно. Господи, еще как хотел.

Но пока что...

Погодите. Позвольте, я объясню проще: научно, но без разных замысловатых символов.

Как известно, существуют три сферы: естественный мир, небесный, он же астральный, и высший — мир анге-

лов. Имеется немало свидетельств, в некоторых запрещенных книгах, что кое-кто из людей способен мысленно перемещаться в астральный мир и, так же мысленно, оставаться там какое-то время.

Я не принадлежу к числу тех людей. И никогда не бывал в небесном мире. Если позволите, я выскажу свое мнение яснее: мои собственные исследования показывали, что это вредно и опасно, и не в последнюю очередь из-за того, что можно принести с собой по возвращении оттуда в естественный мир. *Наш мир.*

Потому моя работа, как я неоднократно упоминал, должна быть направлена на установление связей с наднебесной, высшей сферой, где царят свет и истина. Вовсе не привидения, которых реформаторы пытались вытравить из наших верований вместе с католическим чистилищем.

Что в таком случае можно сказать объективно о ходячих покойниках? Что ж... если живой человек может мысленно пребывать в верхней сфере, тогда выходит, что и умерший способен вернуться в нижний или физический мир — наш с вами мир — и оставаться в нем, как кажется, достаточно долго, нагоняя страху на всякого, кто случайно увидит его тень. Ибо видящий ее знает, что единственная причина, способная побудить человека вернуться без тела в нижний мир, состоит в том, что он покидал его в состоянии дисбаланса, которое и мешает ему достигнуть божьего света. И тогда пребывание бестелесного духа в нашем физическом мире непременно понимается живыми как зло.

— Попробую убедить вас, — сказала доктор. — У мастера Робертса нет ни малейшего признака близкой смерти. Я осмотрела его и не обнаружила ничего явно опасного.

— Думали, оспа?

— В этом городе более вероятна овечья чума, признаком которой часто бывает лихорадка. Но маловероятно обнаружить ее у человека, прибывшего из Лондона. Я склонна думать, что это только легкий случай лихорадки. К тому же ваш друг еще молод и крепок.

Я кивнул с облегчением.

— Хотя он явно не в себе, — заметила доктор.

Мы задержались на заднем дворе трактира «Джордж», когда тучи уже поглотили солнце. Воздух тут был теплее, чем в Лондоне, однако еще сохранял колючее дыхание февральской стужи. Несмотря на прохладу, женщина-врач продолжала стоять в одном платье, перекинув плащ через руку. Рукав на другой руке так и остался закатанным до локтя, и обнаженная кожа покрылась щербинками, словно куриное яйцо.

— Не в себе?

— О, — она легонько пожала плечами. — Бормочет слова, в которых слышатся... душевные страдания. Но ничего не понять. Совсем не понять.

— Слова?

...желал... чтобы она тихо исчезла... в предрассветный час умерла сладким...

Возможно, я побледнел.

— Кстати, — повеселела врач, — на этой неделе он не единственный, у кого лихорадка. Думаю, ее занесли из Франции или Испании. Где вы провели прошлую ночь?

Я упомянул Бристоль, и она кивнула так, будто это все объясняло. На противоположной стороне двора один из мальчишек Ковдрея таскал сено в конюшню. Доктор заметила, что я смотрю на ее голую руку, нахмурилась и раскатила рукав.

— Я навещу больного через два дня. А до тех пор он должен оставаться в постели.

— И как, по-вашему, я заставлю его лежать?

Она улыбнулась, обнажив чуть кривоватые передние зубы. Женщина была моложе, чем казалась в полумраке трактира. И слишком молода для своей профессии — среди лондонских врачей я не знал вообще ни одной женщины, за исключением подпольных целительниц, и даже не представлял, насколько здешняя жизнь может отличаться от жизни в столице.

— Насколько я понимаю, вы поспособствовали его сну? — предположил я.

— Безобидный отвар, только и всего.

— Что в составе?

— Он приготовлен на основе валерианы и хмеля.

Я удовлетворенно кивнул. Джек Симм не имел бы ничего против отвара из целебных трав.

— Остальные добавки я сохраняю в секрете, — сказала доктор. — Сон сейчас лучшее лекарство для вашего друга, можете мне поверить. Не стоит давать ему мяса — если только он не попросит, — но позаботьтесь о том, чтобы он пил как можно больше воды. И, возможно, ему потребуются большой горшок. Лихорадка должна выйти вместе с мочой. Да... еще очень не помешает, если часть воды для питья будет из святого ключа.

— Ого... — Меня давно интересует, почему воду из некоторых источников считают святой. — Молитвы недостаточно?

— Этот ключ известен тем, что придает сил. Вода в источнике красная... словно кровь.

— Или железо?

— Или железо. Святой ключ, — добавила она с мучительным терпением, — просто такое название.

— И где же найти этот ключ?

— Сын мастера Ковдрея покажет дорогу вашему слуге.

— Думаю, — не знаю, почему я это сказал, — лучше мне взглянуть на него самому.

— Ну, что же... — задумалась она. — В таком случае проводить вас туда могла бы и я. Это не так далеко отсюда.

Доктор, несомненно, рассчитывала на то, что плата за время, потраченное на дорогу до «святого» источника, будет прибавлена к ее вознаграждению за визит. Однако я рассудил, что дополнительные траты оправдают себя в ином отношении, поскольку мне начинало казаться, что эта женщина все же не так уж крепко держится ортодоксальных взглядов образованных нюхателей мочи.

— Буду признателен. Миссис?..

— Борроу. — Она встряхнула плащ и накинула его на плечи. — Элеонора Мария Борроу. Не желаете взять с собой своего слугу?

— Это не мой слуга.

Мартин Литгоу поднялся наверх, чтобы проведать хозяина, и теперь оплачивать услуги доктора должен был я. Ничего, я верну свои деньги, как только Дадли поправится и будет в состоянии раскрыть кошелек.

Миссис Борроу наклонилась было за тряпичной сумой, однако я взял ее раньше.

— Позвольте, я понесу вашу сумку?

Она пожала плечами.

— Несите, если хотите.

В Лондоне поведение мужчины, решившего прогуляться с едва знакомой ему женщиной, считалось бы предосудительным, однако ее это, похоже,нисколько не волновало. Положение врача обязывало, предположил я.

Сумка, должно быть, имела отдельные внутренние карманы для всякого рода склянок со снадобьями и пиявками и других инструментов, поскольку не зазвенела, когда я перекинул лямку через плечо.

— Там нет ничего секретного, — сказала Элеонора, — если это то, о чем вы подумали.

— Нет, нет, я и не думал... — Даже мои попытки проявить сугубое благородство всегда истолковывались неверно. — Где вы учились, миссис?

— О... — Она легко зашагала в направлении задних ворот двора. — Я училась долгие годы.

— Вы не выглядите настолько старой... — я пошел следом за ней, — ...чтобы иметь за плечами *долгие* годы учебы.

У ворот Элеонора остановилась, взялась за засов и повернула ко мне широко раскрытые глаза.

— Я не выгляжу на шестьдесят? — сказала она, склонив голову набок. — Отличная вещь — отцовский эликсир молодости.

— Почти что волшебный. Сколько лет вашему баяшке?

— О... ему сейчас, наверно, под девяносто. Хотя выглядит почти на пятьдесят.

Быстро отвернувшись, миссис Борроу отодвинула засов и, как мне показалось, тихонько хихикнула, хотя лязг железы заглушил ее смех.

— Так вы продолжаете дело отца? — поинтересовался я.

— Не только отца, но и матери, — ответила она. — Правда, матушка умерла... некоторое время назад.

За воротами открывался вид на зеленый луг, где полдюжины гусей щипали траву. Я следовал за миссис Борроу по грязной тропе вдоль лужайки.

— Оба ваши родители были врачами?

— Отец продолжает лечить. Лучший врач на всем Западе. Он пошел бы с мастером Ковдреем к вашему другу, но его вызвали к одной престарелой женщине. Старушка при смерти... Нет, моя мать растила травы, а отец применял их.

— И вы по-прежнему выращиваете травы?

— Собираю — беру у природы.

Кажется, ее родители вовсе не походили на лондонских докторов. Скорее на супружескую чету целителя и знахарки. Такой поворот для меня был глотком свежего воздуха, но миссис Борроу не могла знать об этом.

Впереди поднималась высокая и стройная пепельно-серая башня. Церковь Святого Иоанна Крестителя, решил я. Прочел о ней в своих книгах. Леланд называл ее *чистой и светлой*.

— Великолепная башня, — заметил я.

— Ее возвели по приказу аббата Селвуда столетие назад.

— И кто же присматривает за ней теперь?

— А кто сейчас присматривает за чем-нибудь?

Доктор продолжила путь; ее распущенные темно-каштановые волосы развевались на ветру.

Пройдя мимо церкви, мы вышли на главную улицу, где я заметил хлебную лавку. Дела у пекаря, судя по числу покупателей, шли неплохо, в отличие от торговца овечьей шерстью, что расположился поблизости, безуспешно пытаясь сбыть свой товар прямо с телеги. Я следовал за миссис Борроу, а улица медленно поднималась в горку, проходя мимо строительного участка, прилегавшего к монастырской стене. Строители, должно быть, предполагали использовать стену в качестве опоры для новых домов, однако стройка была заброшена, и мне припомнились слова Ковдрея:

Если взял камень в аббатстве и вставил его в стену своего дома, то должен семь недель каждое утро читать на коленях покаянную молитву. Иначе в твоём доме не будет покоя.

Однако в трактире миссис Борроу говорила об этом с сомнением. Вспомнив ее слова, я прибавил шаг и снова поравнялся с нею.

— Так вы не верите, что кто-нибудь видел... дух аббата Уайтинга?

— Я этого не говорила. Я сказала, что подобные слухи распускаются для того, чтобы отвести людей от воровства камня.

— Значит, вы думаете, что этот дух реален?

— Меня это не удивляет. У несчастного мало причин для покоя. Но, поскольку я туда не хожу, меня это не касается.

— Похоже, вы не боитесь.

— Все потому, что я помню аббата. Еще с детства. Помню, как он шествовал по городу, недалеко отсюда. Остановился, чтобы поговорить с нами, со мной и мамой. Помню его лицо... морщинистое... улыбка, а в глазах столько доброты... — Доктор взглянула на меня. — Я долго думала, что видела лицо Бога.

— Сколько вам было лет?

— Года три или четыре.

Люди шли мимо нас и входили в церковь Иоанна Крестителя. Снаружи, у обочины дороги один юноша нестройно перебирал струны на залатанной лютне, другой бил в барабан из козлиной кожи. Почти у самых их ног ковырялись в земле куры. И на короткое мгновение мне показалось, будто все эти люди разыгрывают какой-то спектакль, изображая сцены из обыденной жизни. Будто реальная жизнь проходила здесь на каком-то ином уровне.

— По крайней мере, в отличие от аббатства, церковь действует постоянно, — сказал я. — В ней имеется библиотека?

— Не знаю. А что, должна быть?

— В каждом городе должна быть библиотека.

— Зачем?

Шагая быстрее меня, она уже покинула городской центр.

— Потому как... — Тяжело дыша, я едва поспевал за ней. — ...Лишь знание дает нам надежду достичь...

Слова как-то сами собой застыли у меня на губах. Внезапно я почувствовал себя дураком. Я выглядел недоумком, когда миссис Борроу остановилась в начале узкой тропинки, бегущей между высокими голыми деревьями, повернулась и сверху посмотрела на меня.

— А знание приобретается только из книг?

Она отвернулась и зашагала вверх по тропинке.

— Разумеется, нет, — ответил я, — но самый *процесс* получения знаний, несомненно, значительно ускоряется. Разве не достойно восхищения то, что знание, накопленное одним человеком за всю его жизнь, передается через книгу за считанные часы?

— Всякое ли знание можно передать таким способом?

— Почти всякое. Согласно моему опыту.

Она остановилась возле невысокой стены с перекинутой через нее лесенкой. Уступив мне дорогу, миссис Борроу дождалась, пока я переберусь через стену и подам ей руку с другой стороны, чтобы помочь ей спуститься вниз. Ее голая рука ощущалась совсем не так, как пропитанная розовой водой перчатка королевы. Я испытал самое трепетное волнение, но быстро вытряхнул его из себя, как только миссис Борроу спустилась с лестницы, и отвернулся. Кровь бурно прихлынула к моим щекам.

— Источник там, — кивнула доктор.

Она махнула рукой в сторону небольшого леса с протоптанной через него тропой, и мне показалось, что доктор Борроу вот-вот начнет надо мной насмехаться. Издевательским смехом, который внезапно становится хриплым вороньим карканьем, отчего, полный досады и недобрых предчувствий, я поднял глаза и увидел среди деревьев, почти над нашими головами, высокий зеленый холм, словно вырытый гигантским кротом.

Из вершины холма вырастала башня из камня, похожая на черенок яблока и будто совсем черная на фоне облаков.

Глава 14

УМЕРЩВЛЕНИЕ ПЛОТИ

Облака над башней были необыкновенными, ослепительно белыми, да и сочная зелень холма казалась совсем необычной для февраля. Картина поразила меня, и на мгновение я вновь ощутил раздвоение чувств, которое никогда не любил. Одна часть меня так и рвалась вперед, на вершину холма; другая нашептывала: *уйди*.

— Так близко к городу, — сказал я, — а все же...

— Это не то, — прервала меня миссис Борроу. — Это особое место.

Мы стояли на краю леса в полной тишине. Не слышалось даже птичьего пения. Холм был довольно крутой и поднимался к вершине уступами, похожими на земляные насыпи сожженных войнами замков в стране моих предков. Но ни одна из тех насыпей не сравнилась бы с этим удивительным холмом, имевшим форму поразительно строгого конуса. Он был до того необычен, что складывалось впечатление, будто его возвели здесь нарочно — люди, а может быть, ангелы.

Довольно странно, но во мне возникло ощущение близкого знакомства с этим местом. Вероятнее всего, я читал о нем в книге.

— Говорят, землетрясение разрушило церковь, — сказал я.

— Почти триста лет назад. Уцелела одна колокольня. После землетрясения церковь начали отстраивать заново, но, кажется, ей так и не посчастливилось стать чем-то большим, чем просто башней. После реформы и разорения аббатства церковь забросили и сняли колокола. Теперь, говорят, началось...

— Что?

Ее веки вздрогнули.

— Чем было вызвано землетрясение? Почему рухнула церковь — по воле Господа Бога или это дело рук Сатаны? — Подавленная близостью холма, она показала на башню. — Похоже на перст Сатаны, правда?

— В каком смысле?

Вокруг башни клубился легкий туман, и белое небо стало зернистым, словно запыленное сажей. Как будто башня служила дымовой трубой топки, спрятанной внутри холма.

— Похоже на стоячий камень, — ответила она. — Может, камень друидов? Известно, что на этом месте в дохристианские времена находилось языческое капище. Говорят, будто здесь стоял замок Мерлина.

Сердце быстрее забилося в моей груди. Легендарного Мерлина?

— Говорят еще, что внутри холма был огромный зал для собраний короля эльфов, который мчался по грозовому небу вместе с адскими псами Дикой охоты. Так что, как видите, по религиозным понятиям эта башня, в самом деле, перст Сатаны. — Доктор Борроу опустила руку, затем повернулась в другую сторону. — Колодец там.

Большинство святых источников, которые мне доводилось видеть, представляли собой простые колодцы из камня, украшенные фигурками святых грубоватой работы. Этот же был полностью лишен каких бы то ни было украшений. Кривые яблони росли над ним неровным кругом, образуя запутанными ветвями некое подобие защитного полога.

Склоняясь над колодцем и заглянув в него, я услышал гул бурлящей мощным потоком воды. Я зачерпнул ее в руки: красно-коричневая на цвет. Поднес к губам и испытал на вкус: железо, как я и предполагал. Железо, придающее сил.

— Эта вода излечила многих людей. — Миссис Борроу опустила колени на влажную траву. — Многие паломников.

— Здешних жителей тоже?

— Здешних — тоже. Камни и растения дают даром лучшие лекарства. Но вы можете убедиться сами, почему этот колодец лучше называть *святым*.

Я заглянул в ее зеленые глаза.

— Его вправду называют святым?

— Нет, — улыбнулась она. — Люди прозвали его Кровавым колодцем.

— И чья это кровь?

— Ммм... — Она приложила палец к своим губам. Я чувствовал, как пульсирует все мое тело.

— Что вы за доктор?

— О... кое-кто сказал бы, что я вообще не доктор, в сравнении с моим отцом. Он-то учился в известных колледжах. Что мне известно о пиявках и равновесии внутренних жидкостей? Совсем немного. Азы хирургии. Да травы. Что гораздо важнее, ведь в травах жизненные силы и свежесть утренней росы. В некоторых больше, чем в других. Нужно только знать, где и как их выращивать. И в какое время.

— Что вы хотите этим сказать?

Во мне пробуждался живой интерес. Наматывая на палец прядь темных волос, миссис Борроу вдруг удивительно помолодела. Теперь она выглядела на двадцать с небольшим лет — не старше Катерины Медоуз, нашей служанки. В ее лице была некоторая асимметрия, и мне захотелось подробнее изучить его черты, вычислить их пропорции.

— Как вы узнаете, — тихо спросил я, — в какое время надо сажать разные растения?

Вначале она как будто встревожилась, но после расслабилась плечи и объяснила.

— Некоторые травы лучше высаживать в молодую луну, а собирать в полнолуние. Или наоборот. Или когда определенные небесные тела находятся в определенной точке на небе. Тогда растения получают наиболее полезные свойства. Кроме того, целебные свойства некоторых растений можно улучшить, когда определенные планеты... Почему вас это интересует?

— Где вы этому научились?

— У своей матери, но еще... — Внезапно ее глаза сверкнули дерзкой улыбкой. — Я тоже читала книги.

— И где же вы взяли такие книги?

Я тут же подумал о монастырской библиотеке, что повергла Леланда в благоговейный трепет.

— Передайте мне сумку, — попросила она. — Там есть медный сосуд, куда можно набрать воды для вашего друга. Нужно давать ее понемногу между приемами простой, чистой воды. Хотя в Гластонбери не так уж много воды, которую можно назвать... простой.

— Почему?

Лондонская вода редко использовалась для питья в наши дни.

— Говорят, что священная сила, вся святость этого места... заключена в воде, что течет под землей. Даже когда аббатство превратилось в руины, само это место не утратило своей святости. Не все можно разрушить. То, что составляет суть самой земли, то, что заключено внутри, остается с ней навсегда.

— Рассказывают, что Спаситель ходил по этой земле. — Я передал ей сумку. — В детские годы.

— Да.

— И потому эта земля святая?

— Я называла ее святой?

— Кажется, вы назвали ее священной.

— Я имела в виду силу, заключенную в ней, — пояснила она. — Может, это как-то связано с подземным потоком. Возможно, что и аббатство основали здесь лишь потому, что место тут необычное. То есть, возможно, что и Спасителя привезли сюда только ради... О... не граничит ли моя болтовня с ересью?

Однако мне показалось, ее это совсем не заботило. Вынув из сумки кувшинчик с пробкой, миссис Борроу склонилась к источнику, чтобы набрать воды. Несмотря на то, что я смочил горло, у меня вновь пересохло во рту. Хотя солнце по-прежнему пряталось за облаками, с самого Рождества не выпадало еще такого теплого дня. Воздух был горяч и душлив. И ни малейшего ветерка. Так необычно для этого времени года. Мне стало не по себе. В этом странном, заброшенном городке все, казалось, вызывало у меня беспокойство.

— О какой силе вы говорите?

— Я... не знаю сама. Причины, быть может, сокрыты в далеком прошлом. Быть может, вы и сами это почувствуете, если проживете тут какое-то время. Эта сила... меняет смысл вещей.

— Мне говорили, — сказал я, — что у некоторых жителей *этих мест* случаются видения.

Наполнив кувшинчик водой, доктор закупорила его пробкой.

— Кто вам это сказал?

— Забыл, — неуверенно ответил я.

Она бережно положила кувшинчик в сумку, укрыв его, словно маленького ребенка.

— Достоверно можно сказать только то, что некоторых мужчин и женщин слишком быстро сводит с ума.

— Что сводит их с ума?

— Наверное, то, что они видят и слышат. Быть может, никто из людей не должен тут жить. Или думаете, что таких мест не бывает?

— А бывают такие места?

— Там, где людям с трудом удастся жить простой жизнью. И монахи... монахи ищут как раз такие места, или это не так?

— Поскольку монахи... — Волнение обжигало мне глотку, точно раскаленный уголек. — Каждый монах обязан бросать вызов самому себе?

— Верно. — Сияющая улыбка.

— Но теперь все монахи ушли, — сказал я.

— И в таком случае можно предположить... — Миссис Борроу приставила согнутый палец к подбородку, словно ее сознанию открылось нечто такое, о чем она впервые задумалась только теперь. — Предположить, что монахи нужны нам здесь для того, чтобы поддерживать равновесие сил.

Она замолчала. Я ощущал тяжесть холма за нашими спинами. Казалось, будто дьявольский палец скребет облака, и что-то необъяснимое внутри меня так и рвалось закричать.

— Равновесие?

— Для поддержания мира. Ежедневная молитва и песнопение дают умиротворение. Повсюду вокруг распространяют покой.

— А сейчас мира нет? Службы в церкви Крестителя не производят такого эффекта?

— Доктор Джон, — сказала она, — не заставляйте меня говорить такие вещи.

Я ничего не ответил. Едва ли она была первой, кто полагал, что службы новой англиканской церкви оказались плохой заменой древним обрядам прежнего вероисповедания.

— Вы пробыли здесь недостаточно, чтобы узнать этот город, — сказала миссис Борроу.

— Тогда расскажите мне о нем.

— Страсти... — вздохнула она. — Страсти тут накалены до предела. Когда пробуешь описать этот город словами, звучит совсем неважно. Тупые, бесконечные склоки... родовая вражда, уличные драки. Воровство и избиение жен. Человека могут убить за сущую мелочь. За сущий пустяк. Но сложи все воедино, и порой тебе кажется, что это место уподобилось незаживающей ране, в которой смердят заражение и гной. Умерщвление плоти.

Мои глаза, наверное, расширились от ее красноречия и силы убеждения. Я задумался над тем, что говорил Ковдрей о свете, который некогда излучало аббатство. *Словно огромный неугасимый маяк.* Дающий свет утешения. И аббатство возникло здесь задолго до города, который вырос поблизости, чтобы служить его нуждам. Теперь же маяк угас, и обездоленный город пал жертвой...

Почти возле всякого святого места имеется высота, которую Сатана прибирает к рукам, чтобы превратить ее в свою смотровую башню.

Раньше я считал себя знатоком теологии, но эта область мне была незнакома. Складывалось впечатление, будто долгие годы учебы прошли для меня даром. Я опустил взгляд на святой источник, кровавый источник, железный источник, а необычный холм, словно тяжкая ноша горбуна, давил меня своим весом.

Я знаю наверняка, что существуют такие места, где сама земля говорит с нами. В давние времена люди были к ней ближе. Все люди, не только жрецы. Когда я размышляю над этим, мне иногда кажется, что даже создатели Библии, возможно, подошли ближе к возвращению тех утраченных знаний, и только твердость их веры помешала им испытать их.

Я обратился к миссис Борроу:

— Так что же видения?

Она прикрыла платьем колени.

— Кто способен отличить видения от признаков наступающего безумия?

— Или одержимости?

— О да, в Гластонбери одержимых хватает. Нечистая сила располагает тут редкой свободой действий.

— Не могли бы вы... — В горле пересохло, точно в пустыне. — Не могли бы вы разъяснить мне получше?

— Это так важно, доктор? — Миссис Борроу взглянула на меня с неожиданным подозрением. — Так важно для составления описи королевских древностей?

Она словно пробудилась ото сна... Словно мы оба находились под действием чар, которые ей непременно надо было разрушить.

— Просто интересно, — ответил я. — Вот и все.

— Нам пора возвращаться. — Она смотрела куда-то вдаль, сквозь деревья, поднимаясь неуклюжими движениями на ноги. — Меня ждут больные.

Схватив сумку раньше, чем я успел до нее дотянуться, миссис Борроу зашагала между яблонями и едва не столкнулась с запыхавшимся верзилой Мартином Литгоу, конюхом моего друга Дадли.

— Прошу прощения, доктор...

Краснота на лице, всклокоченная желтовато-соломенная шевелюра взмокла от пота, и глубокая, неровная царапина на щеке.

— Ужасно рад, что нашел вас. Хозяин...

Я подскочил к нему.

— Ему стало хуже?

— Нет, у него... все по-старому. Спал, когда я уходил. Просто он сказал — до того, как заболел, — чтоб мы хорошенько присматривали за вами.

— За мной?

— И что мне делать? Хозяин в лежку, а мне еще кормить лошадей. Пришлось позволить вам уйти одному. — Он повернулся к миссис Борроу. — Простите, не знал, что вы пошли вместе с ним, доктор.

Конечно, он знал об этом, раз следил за нами, но я не упрекал его.

— Мартин, я взрослый человек.

— Я-то что, я вижу, только хозяин считает...

И как только тебе удалось выжить без меня в трущобах Парижа и Антверпена?

— Да-да, — перебил его я. — Знаю, что он думает, Мартин. — Я смотрел ему прямо в глаза и говорил, выделяя каждое слово, в надежде внушить мысль о том, что я занимался сбором ценных сведений. — Доктор Борроу проводила меня к святому источнику, чтобы набрать железной воды. Чтобы мастер Робертс быстрее пошел на поправку.

— Ну да, ну да, — закивал головой Мартин. — Конечно, сэр. — Поправляя кожаную куртку, он скосил взгляд на миссис Борроу. — Куда хотите, сэр, раз такое дело. Думаю, мастер Робертс не возражал бы.

— Какое дело?

Мартин Литгоу осторожно подмигнул мне.

И о чем он подумал?

Мои щеки налились кровью, и я почувствовал жар.

— Тогда не буду вам мешать, сэр. — Он просиял улыбкой.

— Нет... Мартин...

— Ай?

— Если желаешь помочь... — Я старался подыскать слова, которые звучали бы не так повелительно. — Ты мог бы поговорить кое с кем. Вчера Ковдрей рассказывал о бывшем монахе из аббатства, который теперь подковывает ло-

шадей. И я подумал, что ты, как конюх, мог бы познакомиться с ним под благовидным предлогом.

— Это можно.

— Ты знаешь, что мы ищем, какие сведения нам нужны и для каких целей.

— Ну да.

— И мог бы осторожно все разузнать...

— Думаю, вашей кобыле понадобятся новые подковы на обратный путь до Бристоля.

— Превосходный предлог для знакомства.

— Идет. Разыщу этого парня и вернусь к вам в трактир, доктор Джон.

Литгоу пригладил копну волос, простился коротким поклоном с миссис Борроу и запетлял между яблонями, оставив нас наедине. Я собрался с силами и выдавил неловкую улыбку.

— Поскольку обычно я имею дело с рукописями и книгами, мои товарищи считают меня плохо приспособленным к внешнему миру.

— Для меня большая загадка, почему они о вас такого мнения.

Ее губы не улыбались, но глаза радостно танцевали, и беспокойство, скопившееся во мне, прорвалось наружу.

— Я хочу посмотреть церковь.

— Церковь?

— *Ту* церковь. На холме. На холме дьявола. Кем бы ни был тот дьявол — волшебником Мерлином, королем эльфов или... Для католика любой протестант уже сам по себе дьявол.

Я сказал слишком много. Как всегда, когда волнуясь.

— Но там одно запустение, — возразила она. — Даже от башни остались только голые стены.

— Останки церкви вы называете *запустением*? А что это за террасы вокруг холма? Похоже на старое военное укрепление.

Миссис Борроу пожала плечами.

— Древности — моя работа, — твердо объяснил я. — Не могу пропустить такой случай.

По правде сказать, не знаю, почему я решил взойти на тот холм, имевший столь угрожающий вид. Но, может быть, именно потому, что выглядел он угрожающе. Я хотел показать, что не боюсь бросить вызов самому Сатане. А может, всего лишь смертному человеку.

— Хорошо. — Доктор подобрала подол платья. — Идемте...

Тропа петляла по склону, отчего подъем был не настолько крутым, как это казалось по виду холма. И все же восхождение не доставляло мне особого удовольствия, и всю дорогу я с горечью думал о том, с каким трудом, должно быть, давался подъем старому и больному аббату Уайтингу, когда его тащили наверх к неминуемой смерти. Вероятно, он чувствовал то же, что и Христос, шедший с крестом за спиной на Голгофу. Быть может, старику было даже труднее.

Ближе к вершине холма я остановился и оглянулся назад. Тропинка предательски круто взбиралась вверх. Представьте старого человека, проделавшего весь этот путь верхом на плетне.

А троих человек?

Почему? Почему их было трое?

Троица.

Почему здесь? Зачем проводить публичную казнь на самом недоступном в округе холме? Если хотели устроить из расправы зрелище на потребу толпы, почему не выбрали центральную площадь города?

По мере нашего приближения к вершине башня увеличивалась в размерах, будто вырастая из самого недра холма, и нелепость ее существования на этом месте становилась все очевиднее. Кто бы, находясь в здравом уме, построил церковь на этом уединенном и труднодоступном клочке земли? Замок или крепость — другое дело, но только не церковь.

Мы подходили ближе, и башня из коричневатого-серого камня разверзлась перед нами чудовищной трещиной,

сползавшей вниз по стене. Словно искалеченный зуб среди развалин и фундаментов прежних построек.

Когда я взобрался на вершину холма, в нескольких шагах позади миссис Борроу, мне показалось, будто я поднялся на облако. А когда стал ближе к башне...

— Вы не находите, что она скорее принадлежит воздуху, чем земле? — спросила миссис Борроу.

— Возможно.

Игла, пронзившая небеса. Приманка для молний.

Я посмотрел вниз с головокружительной высоты. Несмотря на легкий туман, неожиданный вид поразил меня. Не только виды города и аббатства, похожие на урожайные всходы, что поднялись среди окрестных холмов, открылись моему взору, но и равнины до самого серого моря на западе. Обширная плоскость, прорезанная узкими венами рек, тут и там разбухших широкими заводами и озерами. И казалось, что вся эта равнина еще часть моря, и вода может вернуть ее себе, снова оставив нетронутым лишь островок суши. И теперь я понимал, что холм под моими ногами не что иное, как самое сердце бывшего острова. Острова Авалон. Убежища Мерлина и твердыни Артура.

Восторг промчался у меня по спине, будто весенний поток среди скал, и голова стала легкой, словно пушинка. На мгновение все вокруг озарилось ярким свечением, и потом — Бог мой, — потом мои чувства смешались и хлынули вниз, к основанию утробы, где таятся грязные помыслы, и воодушевление сменилось тревогой, когда земля ушла из-под ног, став гигантским блюдом с рассыпями зеленого, серого, коричневого...

Придя в себя, я понял, что лежу спиной на земле. Серая башня бежала от меня в яркий просвет в облаках.

Боже!

Я приподнялся на локтях, в голове точно свинец. Я был потрясен и испытывал стыд от того, что такой короткий подъем забрал у меня столько сил и я упал без сознания, словно слабая женщина.

Послышалась легкая поступь шагов по упругому дерну, и вот миссис Борроу встала надо мной, скрестив руки на груди. Снова улыбка неровных зубов и нескрываемая веселость в зеленых глазах.

— Не пугайтесь, доктор Джон. Едва ли вы первый, кто теряет здесь равновесие.

Доктор протянула мне тонкую руку, но я отказался от помощи и неуклюже поднялся на ноги сам. Ноги по-прежнему подкашивались подо мной, холодный пот заливал лоб. На вершине высокой горы бывает трудно дышать, но ведь это был только холм. Меня немного трясло, и я слегка испугался, что могу слечь с лихорадкой, как Дадли.

— Это моя вина, — сказала Борроу. — Мне следовало предупредить вас. Я говорила, что иногда...

— Вы тут ни при чем, — возразил я. — Это очевидно.

— В самом деле, — послышался мужской голос. — Как же быстро протягивает Сатана когтистые лапы к детям своим...

Я повернулся.

Он стоял спиной к башне. Его голос отличался мягкостью и неспешностью, и в нем ощущалась размеренная тоскливость, свойственная скорее речи Лондона или Кембриджа, чем говору обитателей этой дикой страны.

— Говорят: брось ведьму в пруд, и она всплывет на поверхность, — тихо произнес он. — Выставь ведьму на огненный воздух у дьявольского алтаря, и она соберет всех чертенят к своим прогнившим соскам.

Глава 15

ЧЕРВИ

Туман... Я не заметил, как сгустился туман. Укутав башню, он извивался, словно живая тварь, вокруг трех фигур — то ли возникших вместе с туманом, то ли созданных из него. Две из них — в монашеских одеяниях, руки спрятаны в сомкнутых на груди руках.

Миссис Борроу обратилась к третьей фигуре — мирянину моего роста, крепкому и гибкому, как лиственница. Эхо его обличительной речи еще отравляло прохладный воздух.

— И с каких это пор... — Она смотрела ему в лицо, побледнев, но, как мне показалось, без страха. — С каких пор эта земля принадлежит вам, сэр Эдмунд? Или какая-нибудь грязная сделка с епископом Уэльским?

Ответа не последовало. Волосы на его голове и борода составляли единое целое и были коротко подстрижены от макушки до подбородка. Темно-зеленый дублет и черные чулки, заправленные в сапоги из добротной кожи. Шпага в ножнах свисала с широкого пояса.

— Епископ Уэльский, — заметил я, — как будто не в том положении, чтобы заключать сделки.

— А вы кем будете, милейший?

Я ожидал услышать глубокий и грубый рев, однако он говорил высоким и сдавленным голосом. Я держался достойно. Хотя мой мрачный наряд едва ли соответствовал последнему слову моды, было вполне очевидно, что я не крестьянин.

— Доктор Джон, — представился я. — Из королевской комиссии древностей.

Признаюсь, мой ответ был принят без малейшего признака почтения.

— Прибыл по поручению Тайного совета, — тихо добавил я заученные слова. — Если желаете проверить бумаги, подтверждающие мои полномочия, то они остались в трактире «Джордж».

Вы уже знаете, что я никогда не имел успеха в подобных делах. Выдвигаясь навстречу трем незнакомым мне людям, я все еще плохо владел собой. Понимая, что дерн с каждым шагом становится выше, я молча молился о том, чтобы какой-нибудь неожиданный порыв ветра не свалил меня снова.

— А как ваше имя? — спросил я.

— Файк. Сэр Эдмунд Файк из Медвела. Владелец этой земли. — Он показал вялым жестом на своих сотовари-

щей в монашеских одеяньях. — Брат Михаил. Брат Стефаний.

Светлобородый юноша с худощавым лицом. Картина начала проявляться: прошлым вечером сэр Питер Кэрю говорил о бывшем монахе из аббатства, который с помощью наследства поставил ферму и потом основал школу для детей благородных семейств.

— Доктор Джон, если хотите... — Миссис Борроу показала на поваленный ветром плетень внизу у холма. — Если захотите посмотреть межевые записи, то обнаружите, что владения сэра Эдмунда заканчиваются *вон там*.

— Однако, — вежливо заметил Файк, — судя по тому пути, который вы выбрали, чтобы попасть сюда, вам *пришлось* пересечь границы моей земли.

— Ай-ай-ай! — Ее спина изогнулась, словно у кошки. — Право свободного пути пока никто не отменял.

— Я уточню, кто владеет землей, по возвращении в Лондон, — бросил я. — Тем не менее, как члену королевской комиссии, мне предоставлено право беспрепятственного выбора любого пути, который я сочту наиболее целесообразным для выполнения своих задач, которые...

— Да-да, — перебил меня Файк. — Сделайте милость, поведайте нам, какие задачи поставлены перед вами.

Несмотря на свой западный акцент, он говорил как образованный человек. Кэрю назвал его пережитком. Вблизи я смог разглядеть седые пряди волос в его бороде. Кожа обветрилась, но еще не одрябла. На вид ему было лет сорок пять.

Я объяснил, что получил задание составить опись древних строений с указанием их содержания и состояния на сегодняшний день.

Файк приподнял голову.

— Так же, как Леланд?

Провокационный вопрос.

— Примерно так же, как Леланд, — ответил я. — Но, разумеется, у меня другой заказчик. Я имею в виду... никто здесь не должен бояться подвоха.

Файк улыбнулся. Загадочный туман сплетал желтоватые кольца вокруг его сапог.

— Откуда вам знать, доктор? Понимал ли Леланд истинное предназначение описи, которую он привез в Лондон?

— Мне это неизвестно. Леланд мертв.

— Но я слышал, что перед смертью он лишился рассудка. В любом случае... — Файк показал большим пальцем на разрушенную башню за его спиной. — Как видите, церковь, несмотря на свое главенствующее положение и посвящение архангелу Михаилу, слишком пострадала, чтобы ее можно было легко восстановить. Каков будет ответ королевской комиссии на это?

Даже если решение и нашлось бы, я не мог представить, каким оно будет.

— Безусловно, — ответил я, — решение о необходимости дальнейшего нахождения церкви в данном месте будет приниматься на основании целесообразности. Например, поскольку в городе действует церковь Иоанна Крестителя, так ли уж велика необходимость в проведении служб здесь?

Туман жалил глаза. Улыбка Файка будто начала растворяться.

— Что ж, — сказал он, — могу уверить вас, они продолжают.

— Что продолжается?

— Службы, — ответил Файк.

Я поднял глаза на башню: туман сочился сквозь брешь в обрушившейся стене, словно сквозь рваную рану, оставленную кинжалом.

— Ведьма может рассказать вам об этом, — добавил Файк. — Если пожелает.

Я инстинктивно обернулся на миссис Борроу.

Но та уже направлялась к тропе, петлявшей к подножью холма. Черная накидка с поднятым капюшоном раздувалась вокруг ее тела. Элеонора Борроу шла без оглядки, и я почувствовал внутреннюю неуверенность и внезапное ощущение холода, страсти... и утраты.

В ярости я вновь повернулся к сэру Эдмунду Файку, но тот уже стоял ко мне спиной.

— Идемте со мной, доктор Джон, — пригласил он, — если располагаете временем.

Наверх, к самой вершине Гластонберийского холма. И сквозь арку портала внутрь самой башни. Совершенно пустой, точно гигантская труба, как и говорила мне миссис Борроу. Плиты пола покрылись паутиной трещин, обломки камней хрустели у нас под ногами.

— Все осквернено, — сказал Файк, пиная мелкий камушек на полу.

Над нами простерлось белое небо, казавшееся грязной простыней за ветхими деревянными балками.

— Я слышал, это результат землетрясения, — сказал я.

Файк нагнулся и подобрал с пола дохлого грача, держа его за черное крыло.

— Когда церковь заброшена, — сказал Файк, — она истлевает, как труп. В котором заводятся черви.

Я ничего не ответил, но вспомнил слова доктора Борроу: порой тебе кажется, что это место уподобилось незаживающей ране, в которой смердят заражение и гной. Умерщвление плоти.

— Тут их масса, — сказал Файк. — Шебуршатся. Извиваются. Мерзость. Неужели вы не замечаете их?

По правде говоря, единственное, что я чувствовал, так это елейный душок ревнителя Библии. Файк швырнул мертвую птицу на кучу обломков и мусора.

— Как мировой судья, я обязан пресекать всякое богопротивное сборище. Либо расправляясь с богоотступниками самостоятельно, либо передавая их на суд церкви.

Я кивнул, однако насторожился. Хотя властные полномочия мирового судьи в каждом городе определялись по-своему, не так-то легко можно было сместить этих представителей закона с должности. Файк пользовался крепкими связями по всему графству, и, пока Дадли боролся с болезнью, а Кэрю находился в отъезде, опереться мне было не на кого.

И все-таки мне не стоило проявлять слабость перед этим человеком. Нельзя было показаться в его глазах неуверенным в своих полномочиях.

— Кстати, ваша речь о ведовстве... Сэр Эдмунд, миссис Борроу всего лишь врач. Ее пригласили, чтобы назначить

лечение моему коллеге — его скрутила лихорадка. Ничего из того, что она сделала, пока не похоже на чертовщину.

Он не ответил и направил шаги назад к выходу. Я последовал за ним наружу и шел позади него по упругому дерну, пока Файк не остановился у восточного склона холма, где воздух казался прозрачнее. Внизу перед нами расстилалась лесистая местность, затянутая клубящимся темным дымом из высоких труб.

— Мерзкие обычаи, — сказал Файк. — Распутство.

— Понимаю.

И я думал, что понимаю, когда он резко повернулся ко мне.

— Нет. Ничего вы не понимаете. Вы не видели полуночные костры, не поднимали глаза и не видели, как люди-черви бормочут и воют на диск луны. Не приходили сюда на другой день, чтобы увидеть принесенных в жертву новорожденных младенцев, лежащих с перерезанным горлом в траве.

— Вы это серьезно?

Конечно, я не поверил этому, сочтя его слова бредовыми выдумками помешанного на Библии человека. При этом, однако, бывшего еще и мировым судьей... Просто уйти — нельзя.

— Почему церковь построили здесь? — спросил Файк. — Едва доступное место. Вдали от людей.

— На пустынном холме?

— На холме. Именно так. Но прежде церкви, на этом самом холме... стояли камни. Высокие камни. Их воздвигли ничтожные люди.

— Хотите сказать, камни друидов?

— Камни язычников.

Я кивнул. Знакомое чувство надежды встрепенулось во мне.

— Язычество, — сказал Файк. — Колдовство.

Он опустил глаза, словно что-то черное и ядовитое вот-вот могло просочиться на поверхность земли.

— Глупцы утверждают, будто тут, у нас под ногами, сокрыты чертоги короля эльфов, Гвин-ап-Нудда. Потому

и церковь посвятили святому Михаилу, ангелу-воину — дабы изгнать старые предрассудки.

— К несчастью, церковь не защитила от землетрясения, — сказал доктор Джон в свойственной ему простой манере составителя описи.

Доктор Ди, однако, подумал: «Что в действительности это могло бы значить?» Ведь доктор Ди знал достаточно много, чтобы считать язычество предрассудками, допуская, что познания этих людей — этих самых друидов — во многом превосходили в те времена наши знания о силах, заключенных в недрах земли. Или, по крайней мере, могли узнать больше нас, пользуясь естественной магией и изучая природу. Ибо те *ничтожные люди* — ведали они об этом или же нет — жили во времена, когда Пифагор слушал музыку звезд.

— Землетрясение? — угрюмо ухмыльнулся Файк. — Ярость короля Гвин-ап-Нудда потрясла холм. Так вам скажут крестьяне. В страхе перед королем эльфов они продолжают почитать его, боясь, как бы тот не разрушил их жалкие хижинки. И народ всегда подстрекают ведьмы, что украдкой приходят на этот холм, обуреваемые убеждением, будто это место способно наделить их особой силой.

Я взглянул на другой край холма. Миссис Борроу исчезла теперь за вуалью тумана, и что-то отяжелело мне душу. Я обхватил плечи руками, желая оказаться вдали отсюда, вдали от этого человека, и подумать о том, чем может наделить это место меня.

И снова увидеть ее.

— Мне кажется, — сказал я, — раз этот холм превратился после падения церкви в оплот язычества, то, быть может, самый надежный способ удержать зло в страхе — отстроить заново церковь?

Файк покачал головой.

— Может быть. Но в лучшие времена. Не сейчас. Прежде чем хотя бы предпринять попытку реставрации церкви — в который раз, — всю землю под камнями и вокруг них, саму почву должно очистить от скверны.

— Каким образом? — спросил я. — Через обряд освящения?

— И трехкратной ежедневной молитвы. Кроме того, я добиваюсь через церковный суд разрешения на то, чтобы запретить доступ на холм всем мирянам... пока мы не поймем, как лучше всего вернуть ему прежнюю святость.

— Поэтому вы окружили себя церковниками?

Я подразумевал двух монахов, из которых с нами остался только один: старый монах уселся на траву в нескольких ярдах от нас и читал маленькую книжку, названия которой я не мог разобрать.

— Доктор Джон, — ответил Файк. — Пусть у вас не будет никаких сомнений. Я сам — человек церкви. Закон страны и закон божий, наконец, едины, и я намерен блюсти их оба.

У меня имелись возражения; у доктора Джона не было ни одного.

— Когда в молодости я стал монахом аббатства, незадолго до его гибели, — сказал Файк, — мои старшие братья, бывало, поглядывали сюда, на этот холм, вздрагивали и говорили: *«Кто остановит тьму, когда нас не станет?»*

— Они предвидели судьбу аббатства?

— Мы все знали, что это случится. — Файк медленно вздохнул. — В то время, унаследовав эту землю от дяди, я думал, что мне повезло больше, чем моим братьям. Поначалу я не осознавал, что вместе с наследством получил и страшно тяжелый груз ответственности. Господь выдвигает нас на те роли, на которых мы наилучшим образом можем выполнять его поручения.

Туман сгустился сильнее, и вместе с ним начали путаться мысли. Я начал видеть в Файке человека, перешедшего на узкий путь пуританства, но все было здесь не так просто.

— Здесь самая святая земля во всей Англии, — сказал он. — Благословленная самим Спасителем и потому наделенная редкой духовной силой. Но кое-кто хочет ее осквернить, жаждая удовлетворения своих земных похотей

и плебейских желаний. В отсутствие аббатства надлежит воздвигнуть бастион на пути нечисти, иначе город превратится в сточную яму.

— Вы правы.

Никто не смог бы отрицать *смысл* сказанного, однако...

— Я встречался с некоторыми из моих бывших братьев, и вместе мы читали молитвы. А затем, будто в ответ на наши молитвы, божьи люди шли к нам и вступали в наши ряды. Видно, Господу было угодно, чтобы мы собирали утраченные знания.

Должен признать, их цель мало чем отличалась от поставленной мною задачи создания государственной библиотеки.

— Вы подписались под петицией монахов, просивших королеву Марию о реставрации аббатства?

— Это было бессмысленно, — ответил Файк. — Времена меняются. Господь являет нам иные пути.

— Школа?

Школы и колледжи выжили во время падения монастырей и процветали. Как выпускник Кембриджа и Лёвена, я хорошо знал, насколько влиятельным может быть слой крепких умов. И насколько порой может быть разрушителен.

— Благородные семейства со всей Европы отправляли своих сыновей на учебу в наше аббатство. И мы намерены возродить былую традицию... разумеется, в новом духе. Правда, мы начали с того, что получили благословение епископа Уэльского, который, как вам известно, доктор Джон, ныне оказался в опале. Но могу заверить вас, что здесь каждый из нас покончил с папизмом и готов присягнуть в верности королеве, как духовному главе...

— Это меня не касается, сэр Эдмунд.

Если бы существовали причины сомневаться в его преданности, то едва ли он остался бы до сих пор мировым судьей. И уж тем более испытание его религиозной лояльности не было заботой доктора Джона, королевского антиквара.

— Что же касается вашей миссии, — продолжал Файк, — то полагаю, самым важным в монастырях были не здания и не собранные в них богатства, ныне развеянные, точно ветром. Но глубина знаний и мудрости, накопленные монахами. Что должно и будет жить дальше.

Доктор Ди согласился бы с этим безоговорочно; доктор Джон промолчал. Тот монах, что постарше, уже поднялся на ноги и, оторвав взгляд от книги, расплылся в елейной улыбке. На нем была мягкая черная шапка, а его борода напоминала заостренную лопату.

— Он не слышит нас, — сказал Файк. — Брат Михаил глух и нем. Дело в том, что однажды ему был блаженный сон, а поутру он проснулся, потеряв дар речи и слуха. С тех пор разговоры людей не отвлекают его, ибо он слышит лишь голоса ангелов. Потому, как вы понимаете, его нравственные и духовные суждения... весьма ценны.

— Значит, он один из тех, кто предвидит?..

— Никому, — ответил Файк, — не следует пренебрегать словами ангелов.

Мне тут же захотелось узнать об этом подробнее. Хотелось узнать, настанет ли когда-нибудь день, когда я сам с радостью пожертвую собственным даром речи и зрением ради того, чтобы обрести способность внутреннего общения с высшими сферами. Сколько было в моей жизни ночей, когда от отчаяния и гнева я охотно пошел бы на эту сделку!

— Так не желаете ли, — Файк подошел ко мне ближе, — осмотреть мои владения, доктор Джон?

— Сэр Эдмунд...

— Ферму? Школу? Не думаете ли вы, что кое-кто из монахов пришел ко мне, захватив с собой часть сокровищ аббатства? Или, часом, не подают ли у нас пиво в Святом Граале?

— От чего пиво превращается в лучшее вино?

Он не смеялся.

— Тут нет золота, доктор Джон. Только сокровища знаний. И желание сохранить то, что должно быть сохранено.

С тяжелыми думами я отступил от него на шаг. Лучшей возможности коснуться вопроса останков Артура, быть может, больше никогда не представится. Совершенно внезапно близость неразрешимой тайны вскружила мне голову. Да, истинное богатство этой земли, где сферы бытия, возможно, перетекают друг в друга, спрятано куда глубже, чем золото. Однако что — в материальном смысле — могло скрываться внутри столь идеального конического холма?

Но доктору Ди не полагается выдавать свой интерес к эзотерике. Тогда как доктору Джону следовало пока опасаться этого бывшего монаха, ставшего ныне блюстителем законности. Что до третьего человека...

О да, теперь во мне обитал еще кто-то. Третье лицо. Нечто, кто, опустив глаза, смотрел на тропу и мечтал только о том, чтобы поскорее сбежать отсюда. Ибо внутри этой третьей личности что-то тосковало и билось, как птица в силке.

Туман снова немного рассеялся, будто было снято некое древнее заклятье или наложено новое. И именно та, третья личность протянула руки, чтобы не дать им дрожать, и приготовилась лгать.

— Сэр Эдмунд... даже если бы у меня появились основания подозревать вас или ваши заведения в сокрытии сокровищ...

Файк смотрел на меня пристально, словно ястреб с ветки сосны.

— ...так что мог бы я сделать, — сказал я, — разве что объявить о своих подозрениях мировому судье?

Его глаза на мгновение расширились, затем потускнели, и он улыбнулся. Теперь Файк понимал, с кем имеет дело: недобросовестный слуга короны, который не станет мутить воду в пруду, и, к тому же, продажный, как и многие другие наймиты его ранга и положения. В улыбке Файка я даже заметил некоторую удовлетворенность и, довольный, слегка поклонился ему.

— Надеюсь, вы простите меня, но, думаю, мне пора удалиться и проведать, как чувствует себя мой товарищ.

Файк согласно кивнул.

— На вашем месте, доктор Джон, я бы послал разыскать дипломированного врача. Если эта ведьма отравила его сонной одурью, вам не удастся доказать это после смерти вашего друга.

— Нам требовался доктор, — раболепно объяснил я. — Но нам сказали, что, кроме миссис Борроу, других врачей нет.

— В таком случае поверьте мне, доктор Джон: обойтись без врача было бы безопаснее. Желаю вам хорошо провести остаток дня.

Он хмуро кивнул на прощание, затем развернулся и побрел своей дорогой, а я направил шаги к тропинке. Я не собирался уступать тому новому, третьему человеку внутри меня. Я был полон решимости разыскать миссис Борроу, продолжить выполнение своей миссии и навестить торговца костями, о котором рассказывал Ковдрей.

Но потом, у самого края тропы, я вдруг остановился, словно обе мои ноги онемели, обернулся и прокричал Файку:

— Если позволите спросить, сэр Эдмунд, какие имеются свидетельства против миссис Борроу?

Он остановился. Не менее двадцати ярдов разделяли нас.

— Я имею в виду колдовство, — добавил я.

Файк развернулся, приложил палец к подбородку, задумался. Затем он начал медленно приближаться ко мне и, наконец, подошел вплотную.

— Доктор Джон, возможно, я покажусь вам жестоким. Но наши роли в жизни меняются по божьей воле. До разорения аббатства я был монахом. Теперь я отец двух сыновей. Землевладелец. Мировой судья, отправляющий правосудие. Слова «мир» и «правосудие» составляют самую суть божьего учения. — Он ненадолго задумался. — Главное свидетельство против Элеоноры Борроу связано с ее рождением и окружением.

Я ждал. Руины церковной башни мерцали в серебристом тумане. Будто они сами были образованы этим туманом. Или сделаны из стекла.

— Мне пришлось, — сказал Файк, — повесить ее мать.

Да, я мог бы продолжить беседу, но тогда пришлось бы давить на него, может быть, выпытывать тайны. Я не был в этом силен.

И я отправился в обратный путь. Сначала шел медленно, пока не скрылся от Файка и двух его монахов. И потом небо и земля смешались перед моими глазами в зеленовато-серое месиво, и я бешено понесся вниз по дьявольскому холму, спотыкаясь о дерновые кочки. Мои глаза едва видели тропу, и я дважды упал, прежде чем спустился на равнину. Затем перелетел через лесенку к святому ключу, изранив занозами нежные, белые руки книжника.

Я кричал ее имя, звал ее, и тот совиный крик по сей день не выходит из моей головы, оглушая меня своим звуком.

Элеонора!

И даже раз назвал ее...

Нел...

Никто не пришел на мой зов. Лишь громкое шипение кровавой воды, несущейся по жилам священной земли.

Достоверно можно сказать только то, что некоторых мужчин и женщин слишком быстро сводит с ума.

Как быстро? Два часа? Три? А может, недели и месяцы минули с тех пор, как я впервые пошел с ней — словно вместе с мужчинами и женщинами, что схвачены и унесены в волшебный мир?

И вот я падаю, почти рыдая, на землю, брызгая кровавой водой себе на лицо, на глаза.

Боже, кем же я стал?

Глава 16

ПОЛЮБИ МЕРТВЕЦОВ

Войдя в лавку, я не увидел ни одной кости — только сырую кожу? — и уже начал подозревать, что меня разыграли.

Я нашел лавку в бедном, зловонном переулке, примыкавшем к улочке Магдалины, напротив главных ворот аб-

батства. Небо потемнело и набухло, как гигантский пузырь, грозя пролиться дождем.

В лавке, напротив, все находилось во власти бледных и мягких тонов: повсюду были разложены шкуры и охапки овечьей шерсти, грубые шерстяные кафтаны и громоздкие шляпы. В таком ли заведении ожидал я увидеть Бенлоу-костолоба?

Я представлял его усохшим старцем в лохмотьях, однако торговец оказался не старше меня. Высокий, светловолосый, со свежим лицом. Да и одет он был куда лучше меня и, определенно, роскошнее, чем приличествовало человеку его положения: серебряная брошка на шляпе и модный красный разрез на дублете, похожий на свежую рану.

Он поклонился и размашистым жестом показал на готовые платья, развешенные на стене.

— Овечьи мантии, милорд?

— Овечьи?..

— Вы же не хотите обмануться нашей чудесной погодой. Все пастухи говорят, что к концу недели будут злые морозы, а никто не знает погоду лучше, чем пастухи.

— Но мантия у меня уже есть, — отказался я.

— Из овечьей шерсти?

— Ну...

— Подумать только! — Он приподнялся на цыпочках и заговорил мягким, словно пух, голоском. — Вы, милорд, кажется, не из здешних мест. Из Лондона, верно? И здесь недавно?

— Меньше одного дня.

Боже, мне казалось, что я прожил тут уже целый месяц.

— То-то я думаю, что ваше лицо мне незнакомо! Так вот, позвольте сказать вам, милорд, что ваши лондонские зимы не идут в сравнение — не идут ни в какое сравнение — с тем, что бывает у нас, когда выпадают снега. И зима еще покажет себя перед началом весны. Это так же верно, как то, что я стою перед вами, милорд. Не хочу нагонять на вас страху, но это, ей-богу, чистейшая правда —

без шерстяной накидки на ваших плечах, милорд, вы погибли. Спросите любого.

После этого он оглядел меня с головы до ног, словно прикидывая размеры гроба, который мне скоро потребуются. Его акцент был скорее лондонским, чем западным, чем, видимо, и объяснялось то, что Ковдрей сразу указал мне на этого человека.

Немного помолчав, я посмотрел хозяину лавки прямо в глаза.

— Человеку незачем бояться холодов, — сказал я, — если в сердце своем он хранит любовь к Богу.

— Ах... — Его лицо немедленно стало серьезным. — Как это верно. Как же верно сказано, милорд.

— Вы мастер Бенлоу?

— Матушка так величает меня.

— Видите ли, я приехал с товарищем.

— С *товарищем*... Ясно.

— Мы были в пути много дней. Мой товарищ... — мой голос слабел — ... разболелся.

— Что вы!

— Разболелся серьезно.

— Я огорчен, милорд, страшно огорчен.

— И теперь ему сделалось хуже.

— Ужасная новость, милорд. — Он скрестил руки на груди. — Сами знаете, как говорят. Как бы ни была крепка вера человека...

— Одной молитвы порой недостаточно.

— Я тоже слышал об этом.

Вы помните, что я не мастер в подобных делах, но я держался с ним наравне.

— Мы приехали сюда, — сказал я, — поскольку слышаны о... чудесах.

Не меняя положения рук, он, наконец, чуть подался назад и криво сжал губы.

— Тут их хватает, что верно, то верно. Гластонбери славится на весь мир чудесами. След Спасителя лежит на этом городе с тех пор, как он побывал тут ребенком, а его ста-

рый дядя, Иосиф Аримафейский, заложил первые камни аббатства. Но, думаю, вам это известно.

Я кивнул в ответ.

— В былые времена истинные пилигримы, видимо, шли в аббатство и читали молитвы над мощами святых. Сотни святых погребены здесь.

— Теперь всё исчезло.

Я вздохнул, уловив при этом его косой взгляд.

— Всё?

— Пропало из аббатства, — пояснил он.

— Но необязательно... — Я не мог больше ходить вокруг да около. — Мастер Бенлоу, мой друг — человек немалого состояния.

— Где он сейчас, милорд?

— В трактире «Джордж».

— О да, — сказал он. — В «Джордже» действительно лежит человек, я слышал об этом. Думали, что это чума.

— Мы надеемся, что это не так, — возразил я. — Но он, в самом деле, сейчас очень ослаб.

— Знаете, — сказал лавочник, — две женщины излечились от чумы после того, как побывали у раки святого Иосифа. Верно, как то, что я стою перед вами. Вы знали об этом?

— И где же... та рака?

Насколько мне было известно, не существовало ни одного свидетельства того, что Иосиф Аримафейский вообще когда-либо ступал на английскую землю, не говоря уже о том, что был похоронен здесь. Всего лишь красивая легенда.

— Тс! — Бенлоу приложил палец к губам. — Немногим известно об этом, а те, кто знает, держат язык за зубами.

— И вы один из этих людей, мастер Бенлоу?

— Или вот наместник Уэльса, — продолжил Бенлоу. — Едва мог ходить, но однажды приковывал сюда — и мгновенно излечился! Еще был мальчик — истинная правда! — которого принесли на носилках едва не при смерти, и тот сразу поправился и встал на ноги. О, ваш приятель приехал в нужное место.

— Пожалуй.

— В наши дни, правда, стало совсем нелегко... отыскать косточку, чтобы приложиться к ней устами.

Он в первый раз упомянул косточку. И я сказал ему, что мы думали привезти что-нибудь домой, какую-нибудь мелочь, святую реликвию, которую можно хранить в нашей церкви... и, разумеется, втайне.

— О, она непременно должна храниться в секрете, милорд. Непременно! — Он глянул на дверь за моей спиной. — Что вы думали приобрести? Щепку истинного распятия? Пузырек с водой из Святого Грааля? Или... кусочек...

— Кусочек?

— Кусочек... — Он подошел ближе и шепнул мне на ухо: — Осколок святого скелета.

Я немного помедлил, дабы не показывать излишнего рвения.

— Сколько?

— Видите ли, это будет зависеть от величины кусочка... и почитаемости святого.

— И кто у вас самый почитаемый?

Глаза торговца застыли. Я видел в них алчность.

— Мне, — сказал я, — вы можете доверять.

— Тогда следуйте за мной, милорд.

Склад позади лавки освещала единственная свеча, горевшая на выступе в стене. У подножия чердачной лестницы запах свежей шерсти внезапно сменился удушливо-слащавым ароматом ладана.

— Агнцы божьи, — изрек Бенлоу. — Несчастные создания.

Он тихо хихикнул. Схватив метлу, быстро размел шерсть посреди дощатого пола и отошел в сторону от небольшого углубления в полу.

— Думаю, вас ко мне кто-то направил?

Я кивнул.

— Знаете, обычно я не занимаюсь делами в городе. Кое-кто из жителей сильно возражает против того, чтобы неко-

торые вещи вывозились отсюда, если вы меня понимаете. Когда погода становится лучше, я иду на дорогу — с большим лохматым другом, естественно. Кражи святынь, знаете ли, еще встречаются кое-где. Хотя лично я убежден, что краденая святыня — проклятая святыня, и тот, кто хищит ее, не проживет долго.

Склонившись над углублением в полу, он вынул сначала одну короткую дощечку, потом другую.

— Передайте мне свечу, милорд.

Передо мной открылась деревянная лестница, ведущая в темноту.

— Можете пойти первым, — предложил Бенлоу, держа мне свечу. — Берегите голову.

Я крепко держался за лестницу, не представляя, насколько глубоким может оказаться этот колодец. Но после трех-четырех ступеней обе мои ноги встали на землю. Подполье было не глубже...

...могилы. И тот же холод. И тот же воздух. Насыщенный кисловатым запахом сырой земли и влагой, и я подумал, не сошел ли я в чей-то склеп.

Бенлоу опустил мне свечу, и я смог разглядеть пол — земляной, вымощенный грубыми каменными плитами. Деревянный потолок оказался слишком низок, чтобы я мог стоять во весь рост.

— Там, слева от вас, есть скамья, — сказал Бенлоу. — Лучше присесть, иначе потом вам будет не разогнуть шею. Сам я всегда сижу. Или лежу. — Он хихикнул. — Не всегда в одиночестве...

Бенлоу спустился сам. Отряхнулся и указал мне на лавку возле стены, выложенной как будто из булыжника, затем взял свечу и зажег два светильника на стене.

Неуютно погрузившись на скамью, я почувствовал, как запах сырой земли приобрел теперь необычный сладковатый привкус. Свет медленно разгорался. Повернув голову, я увидел новую улыбку и содрогнулся: на подлокотнике скамьи стоял человеческий череп. Лишенный челюсти, он словно впился верхними зубами в деревяшку. Мой локоть уперся во что-то твердое, я повернулся в другую сторону

и на противоположном подлокотнике увидел еще один череп — с продырявленным лбом.

И затем, когда глаза привыкли к полумраку, я понял, что стена выложена не из камня. Сотни сложенных вплотную костей — черепов, тазовых костей, рук — были вдавлены в землю; некоторые помечены номерами, нанесенными черной и красной краской. Шевеля пальцами, Бенлоу окинул их взглядом, затем подскочил к стене и вынул что-то оттуда. В тот же миг я разглядел, что чаша ближайшего ко мне светильника, несомненно, сделана — *о, праведный Боже*, — из перевернутой черепной коробки.

Заметив, что увиденное удручило меня, Бенлоу осклабил ряд мелких заостренных зубов.

— Из смерти исходит свет. Ужасно люблю мертвецов. Вы — нет? И где еще на земле найти мне такое общество, как здесь? Ответьте, милорд.

Он подошел и присел рядом со мной, держа в руке тонкую, искривленную кость, бурую, как ивовый прут.

— Видите? Ребро святого Патрика. Одна из костей, что защищали его благородное сердце. Вы знаете, что святой Патрик и все его ирландские монахи-последователи бывали в наших местах? Взгляните...

Он раскрыл другую руку. Крупинки у него на ладони были похожи на птичий помет.

— Зубы святого Бениния. В его честь назвали новую церковь. Он был преемником святого Патрика, вы знали об этом?

— Почему они не в церкви? Откуда у вас все эти?..

— Реликвии? В церкви? Где были вы раньше, милорд? — фыркнул Бенлоу. — Кажется, вы еще не представились.

— Доктор Джон.

— Доктор?

— Я не врач. Скажите... что у вас есть из других реликвий?

— Сколько вам нужно, милорд?

Я не ответил, не зная, как завести разговор о том, что мне нужно. Он придвинулся ближе, и я теперь понял, что

сладковатый запах исходит от него самого. То ли его одежда, то ли тело пропитались им насквозь. Чем-то похожим на смесь пота и ладана. Внезапное чувство тревоги заставило меня придвинуться к краю скамьи. В полуулыбке Бенлоу вытянул длинные ноги и заложил руки за голову. Ребро святого Патрика осталось лежать у него на коленях.

— У меня имеются, — шептал он, не поворачивая ко мне глаз, — *апостолы*.

— В Гластонбери?

— Многие известные личности приходили сюда умирать, почить в вере. А все потому, что смерть приходит легко в этих местах, где грань между сферами тоньше муслина.

Я не растерялся.

— Например, король Артур?

Быть может, это было только дурное предчувствие, а может, и нет. Но я ощутил какую-то перемену. В воздухе повисло необъяснимое беспокойство. Бенлоу выпрямил спину, делая вид, что никуда не спешит, хотя я знал, что это не так.

— В этой стене сотни святых, — горько произнес он, — а всяким проходимцам подавай только Артура.

— Кому подавай?

Я заметил, как сжались его пухлые губы.

— Кто прислал вас ко мне, милорд?

— Владелец трактира «Джордж», только и всего.

Бенлоу повернулся ко мне.

— И как же Артур может помочь вашему *больному другу*?

— Артура почитают за его силу и доблесть.

— Сдается мне, нет у вас никакого больного друга.

— Конечно, есть. И вы знаете о нем. Потому что следите за всем, что происходит вокруг вас, мастер Бенлоу. Как сделал бы всякий в вашем положении.

Он шмыгнул носом. Вытер его тыльной стороной руки.

— А мне показалось, — сказал он, — что такой миловидный молодой человек, возможно, не прочь немного развлечься со мною.

— Что?

— Я вижу, ты много путешествовал. И ты спустился сюда, не сказав ни слова. Это надежный знак. Большинство покупателей говорят мне, чего хотят, и ждут меня наверху, где светло. Но если мужчину тянет во тьму, влечет к смерти... Могу сказать, что здесь, среди мертвецов, у тебя имеется редкая...

— Мастер Бенлоу!

Боже мой, да он содомит! В Лёвене их было полно. Я еще ближе прижался к черепку за спиной.

— Мастер Бенлоу, кто еще спрашивал вас об останках Артура?

— Кто вы такой, чтобы спрашивать?

— Я член королевской комиссии древностей.

— Какой же я слепец! — Бенлоу залился громким смехом. — А дулю не хочешь?

— Боюсь, это единственное, что вы можете получить от меня. Ну же, кто приходил к вам?

— Еще чего!

Блики огней яростно замерцали в его глазах.

— Послушайте меня, — сказал я. — Я не Леланд. Я здесь не для того, чтобы лишить вас заработка. Или дорогих вашему сердцу реликвий. Кости, как вы сказали, нынче не в цене.

— Кроме костей Артура, кажется.

— К вам приходили французы?

— Кто?

— Они представляются торговцами шерстью из Нормандии. Кости Артура могли бы стать ценным трофеем для французов.

— Не понимаю, о чем вы толкуете.

— Кто-то побывал тут в поисках костей Артура.

Он не отвечал. Лицо имело понурый вид.

— Они у вас были?

— Нет.

— Вам известно, где кости теперь? Кто взял их, когда разоряли аббатство и взломали гробницу?

— Ничем не могу помочь. Насчет костей — не ко мне.

— Как это понимать?

Он привстал, тяжело и часто дыша.

— Если я дам вам то, что у меня есть от Артура, вы оставите меня в покое?

— Посмотрим.

— *Подождите.*

Он подскочил и тут же исчез во мраке. Я напряженно следил за лестницей на случай, если вдруг он решит бежать и замуровать меня в этом подвале со смертью. Но я слышал его шаги; слышал стук костей, падавших на каменный пол. Святых костей, которые никогда святыми и не были.

Затем я понял, что подземелье длиннее, чем я предполагал. И вдруг вдалеке, куда едва проникал свет, я разглядел деревянную дверь. Дверь? Куда она могла вести? Вероятно, мы находились уже за пределами стен лавки Бенлоу.

Я не полный идиот и хотел было броситься к лестнице, когда хозяин, наконец, вышел из тени, неся в руках деревянный ящичек, явно современной работы и достаточно большой, чтобы в нем поместились кости ступни Артура. Бенлоу опустился передо мной на колени и открыл крышку.

— Глядите...

На подложке из шерсти лежал кусочек — не кости, но расколотой деревяшки.

— Вот, — сказал Бенлоу.

— Что это?

— Прикоснитесь.

Я приложил палец к кусочку дерева. Оно было твердым — возможно, дуб — и черным от времени.

— Только представьте, милорд, — сказал Бенлоу, но голос его теперь звучал неестественно и отвратительно льстиво. — Вообразите огромный зал, увешанный стягами и освещенный тысячью факелов. Прислушайтесь, как стены вторят преданиям доблести.

— Не юли передо мной, Бенлоу.

Он закрыл ящичек крышкой и протянул его мне.

— Возьмите, — взмолился он, дрожа нижней челюстью. — Заберите это с собой в Лондон. Прошу вас. Не возвращайтесь назад! Много ли людей в наши дни могут сказать, что возлагали руку на Круглый стол?

Глава 17

БЕЗУМНАЯ ВЕДЬМА

Было далеко за полночь, когда я натянул старое бурое платье и пошел в комнату Дадли посидеть рядом с ним.

Одинокая свеча догорала на столике для воды. Дадли лежал неподвижно и ровно дышал во сне. Вечером он у меня на глазах отхлебнул полкувшина святой воды, морщась от ее металлического привкуса.

Откупорив бутылку с назначенным ему снадобьем, я предусмотрительно понюхал его, будто запах снадобья о чем-то мог мне сказать. Да и кто бы распознал в нем сонную одурь? Ерунда. Я без колебаний напоил Дадли отваром, и он уснул.

Теперь, потеряв сон, я присел на невысокий табурет возле темного окна и завороченно глядел на пламя свечи. Математик и астроном, не знающий геометрии любви и не умеющий начертить траекторию желаний. В особенности своих собственных.

Еще до полуночи я трижды просыпался в пустом и холодном безмолвии трактира, ворочаясь в постели и думая поначалу, что заразился лихорадкой от Дадли. Наконец меня осенило, что лихорадки наступают по разным причинам. Похоже, телесные желанья, подавляемые во времена моей «книжной» юности, теперь прорвались наружу все сразу. В недолгие минуты сна я вновь и вновь видел ее изумрудные глаза, распущенные темные волосы и соблазнительную улыбку кривоватых зубов. Дочь ведьмы.

И я отправлюсь на Авалон, к честнейшей из дев...

...и она исцелит мои раны и излечит меня чудесными травами...

Колдовство... магия... ведовство. Несмотря на заброшенность, скуку и неустроенность этих богатых водами мест, теперь я охотно верил, что некая сила, неизвестная нашим научным знаниям, обитала в этих краях, и кости Артура — далеко не последняя их тайна.

— Хотел рассказать тебе...

Я резко обернулся. Дадли лежал на боку, глаза, казавшиеся выпуклыми в свете свечи, были открыты.

— Как ты, Робби?

— Горло болит, как будто я проглотил кинжал.

— Это пройдет.

— Так говорит твой доктор?

Мое тело затрепетало теплом.

— Она придет ко мне еще раз, — пробурчал Дадли.

— Когда?

— Без понятия, — ответил он, подперев голову рукой. — Знаешь, Джон, а она хорошенькая. Если бы у меня хватало сил приподнять одеяла, она оказалась бы тут, возле меня, раньше, чем ты успел бы сказать... — Не в состоянии подобрать подходящее слово, он опустил голову назад на подушку. — По крайней мере, у меня появилось чувство, что мне не придется торговаться с дьяволом... в ближайшее время.

— Жаль, — сказал я. — Угроза смерти пошла тебе на пользу. Впервые за многие годы ты говорил с такой искренностью.

— Что я сказал?

— Это подождет. Что ты собирался мне рассказать сейчас?

— Я?

— Ты говорил, что хочешь мне рассказать о чем-то.

— Да Бог его знает. — Дадли снова повернулся на спину, заставив пламя свечи содрогнуться. — О... может, о медведях? Я хотел рассказать о травле медведя?

— Не знаю.

— Ну, я тебе все равно расскажу. Королева обожает травлю медведя, хотя эта забава так удручает тебя. С тех

пор, как мы были детьми — лет по одиннадцать или двенадцать. Однажды намечалась травля...

— Мы?

— Бет и я. Мы подслушали, как мой отец и мой дядя обсуждали развлечение на вечер. Мы были в саду, прятались за кустами, и мой отец сказал: «Чем будут развлекаться в наше отсутствие женщины и фрейлины?» Он ясно давал понять, что травля зверя исключительно для мужчин, а женщины могут попадать в обморок при виде... фонтанов крови и мяса и испортить мужчинам праздник.

Я поднялся и налил для него воды. Дадли взглянул на меня и скривил лицо.

— Хотя кое-кто из мужчин — половина мужчин — забывают, что... В общем, помню, сидим мы за кустами, и я наблюдаю за Бет. Не забудь, ей всего только одиннадцать лет. Никогда не видел такого упрямства. Топала своей маленькой ножкой, пока ей не позволят прийти посмотреть. И ей разрешили. Бет пошла на травлю медведя... и, хотя время от времени у нее на глаза наворачивались слезы, она ни разу не отвернулась, а под конец хлопала в ладоши дольше и звонче всех мужчин, сидевших вокруг арены.

— Представляю, — ответил я.

— Я думал, тебе будет интересно узнать об этом, — сказал Дадли.

— Многое объясняет.

— Думаю, в тот день, — тихо произнес Дадли, — я видел в ее глазах предчувствие уготованного для нее самой судьбой места в мире мужчин. Не оставалось ничего иного, кроме как восхищаться мужеством девчонки.

Хотелось бы знать, почему он никогда не рассказывал мне об этом раньше. Быть может, он испытывал передо мной чувство долга за спасение — в очередной раз — от преждевременной смерти. Хотя в действительности за это следовало благодарить Элеонору Борроу. Ведьму.

— Боже, почему я так ослаб, Джон? Еле доношу задницу до горшка.

— Только не рассчитывай, что я буду держать его для тебя. — Я вспомнил о Бенлоу и содрогнулся.

— Ладно, не буду. — Дадли выдавил слабую улыбку. — Так кто она на самом деле?

— Доктор?

— У докторов не бывает пухленьких титек. Доктора — бледнолицые, скучные ублюдки, у которых... так она еще здесь, в трактире?

— Не знаю, где она. Я... пытался ее разыскать.

Я спросил у Ковдрея, где она живет, и он послал за ней одного из мальчишек, однако тот вернулся и сказал, что дома никого нет. Потом я пробовал найти Мартина Литгоу, чтобы узнать, говорил ли он с кузнецом, но Мартин к тому времени еще не вернулся, и мне пришлось ужинать одному в окружении местных почитателей сидра.

— Какого черта мы с тобой делаем в этой дыре, Джон? — спросил Дадли. — Напомни-ка мне.

— Мы здесь, чтобы найти кости Артура.

— Мы их нашли?

— Пока нет. Я ходил, по совету Ковдрея...

— Ты рассказал Ковдрею, зачем мы?..

— Нет. Не совсем так.

— Боже, Джон!

— Я навестил торговца реликвиями. Так у него немислимое количество костей... каких пожелаешь...

— Откуда?

— Не знаю. Украдены из церковных крипт, выкопаны из могил... Думаю, народ приносит ему — за деньги. А он продает их легковым паломникам, выдавая за святые реликвии.

— Кажется, мы могли бы воспользоваться этим источником, — допустил Дадли, — если не найдем настоящие кости. Хотя потом, возможно, придется его убить.

Я недоуменно посмотрел на него. Сказал ли он это в горячечном бреде или всерьез? Как бы там ни было, а время признаться ему в моих подозрениях о том, что Бенлоу действительно мог бы знать, где искать подлинные останки, пока не пришло. И еще мне было ясно, как белый день, что нечто связанное с делом Артура сильно беспокоило торговца реликвиями.

— Я бы нашел их, — сказал Дадли, — если бы смог подняться с койки.

— Подожди до лучшего дня. Встанешь слишком рано, и болезнь вернется, будет только хуже. Робби...

— Не мог бы ты принести мне завтра новую ночную рубашку? Эта воняет до невозможности.

Я отодвинул стул от стены и сел у самой границы света и мрака.

— Он предложил мне явную подделку.

— Кто предложил?

— Торговец реликвиями. У него был кусочек дерева — якобы осколок Круглого стола Артура.

— Ты слышал, чтобы Круглый стол сохранился до наших дней?

— Не здесь. Только тот, что стоит в Винчестерском соборе. Но мы оба знаем всю правду о нем.

Все соглашались с тем, что сей огромный предмет почитания был не более чем подделкой Плантагенетов, восходящей к временам короля Эдуарда III, который обожал предания о Камелоте, или даже Эдуарда I, посещавшего аббатство в Гластонбери, чтобы посмотреть на кости Артура. Винчестерский стол впоследствии был подправлен Великим Горнилом, который в пору своего восхищения артуровскими древностями велел изобразить на нем себя самого.

— Этот Бенлоу сказал бы мне, что деревяшка не что иное, как кусочек подлинного Святого Распятia, если бы знал, что оно интересует меня. Похоже, Гластонбери — такое место, где всегда сложно отличить истину от подделки. Во всяком случае, если ты сам не здешний. Послушай, твое ви...

Я замолчал на полуслове. Неосознанно я вдруг озвучил новую мысль, которая окончательно лишила меня сна. Теперь слишком поздно.

— Робби, ты говорил, что прошлой ночью, когда ходил в аббатство, ты видел...

— Не помню, чтобы я ходил в аббатство.

— Я видел тебя из окна. Ты шел по улице.

— Тебе приснилось.

— Ты сказал, что видел старика. Сказал, что старик смотрел на тебя сверху, будто парил в воздухе, и ты видел еще, как луна...

— У меня была горячка. — Дадли плотнее укутался в одеяла. — Избавь меня от моих бредовых фантазий!

— Как насчет королевы?

Дадли удивленно уставился на меня.

— У королевы бывают видения?

— Тебе надоело жить в безопасности, Джон?

— Говорят, королеве... является ее мать.

— Кто говорит? — Он попытался привстать, но упал назад на постель. — Что еще за чепуху болтают теперь за стенами дворца?

— Я бы не сказал, что об этом болтают. Мой источник... благоразумен.

Дадли закрыл глаза.

— Анна Болейн. Боже...

— Это правда?

— Безумная ведьма.

— Анна Болейн?

— Могла бы прекратить все эти разговоры. Отец всегда говорил. Но, может, они нравились ей.

— Разговоры о колдовстве?

— Возможно, думала еще, что это нравится Генриху. Добавляли ей шарма. Помимо одного лишнего пальца и всего прочего. И ее родинки. Говорят, у нее была волосатая родинка, похожая на... — Он снова закрыл глаза. — Может быть, Генриху это нравилась. Возбуждало его. До поры. Пока Анна не стала его женой — и очарование закончилось. Боже, если кто-то подумает, что Бет... — Дадли раскрыл глаза и сердито посмотрел на меня сквозь полумрак. — Знаешь, Джон, лучше забудь об этом, если ничем не можешь помочь.

— Помочь?

— Но ты же не лечишь душу, а, Джон? Не ты ли сам однажды сказал мне об этом?

— Королева Мария...

— Я всегда придерживался мнения, что и королеву Марию тебе тоже лучше забыть.

— Помнишь, ты говорил мне несколько лет назад, будто Мария часто предрекала, что принцесса Елизавета отречется от своей матери и всего лютеранского гнезда Болейнов? Что просила ее вернуться в лоно старой веры, пока не поздно?

— Мне надо спать, — ответил Дадли. — Разве ты сам не говорил мне?

Вернувшись к себе, я стоял у окна и смотрел на залитую луной главную улицу Гластонбери. За ней высились арки аббатства — мрачные спутники смерти.

Я вспоминал разговоры людей, случайно подслушанные прошлым днем в городе, и свое ощущение, будто их повседневные заботы — только игра. Будто все эти люди знали, что в городе есть другая, *подземная* жизнь, которую нужно скрывать ради ее безопасности...кроме тех случаев, когда обращение к ней могло бы потребоваться ради спасения будущего. Как поступили монахи двенадцатого столетия, извлекая останки Артура.

Монахи. Стражи этой священной земли на протяжении почти тысячи лет.

И что это могло означать? Какой смысл имело это теперь? Все аббатства и монастыри служили хранилищами древних и эзотерических знаний, и если аббатство в Гластонбери было старейшим из них — закладной камень английского христианства, — тогда, в самом деле, оно хранило множество священных тайн.

Что же до сохранения материальных ценностей, золота и мощей... пожалуй, планы могли быть составлены загодя и избраны конкретные люди, которым поручили припрятать богатства на случай гибели аббатства в Великом Горниле.

Кое-что, вполне вероятно, могли переправить тайком во Францию или спрятать в самых глухих областях Уэльса.

И все же...

...священное место. Даже если погибнет аббатство. Есть нечто такое, чего нельзя уничтожить. Нечто такое, что составляет суть земли, принадлежит ей.

Я задумался о брате Михаиле, немом спутнике Файка. О том, какие богатства, должно быть, заключены в его безмолвном мире. И я вспомнил аббата Уайтинга, благочестивого старца, который не выдал своих секретов даже под пыткой, до последнего вздоха, пока медленная и мучительная смерть на дьявольском холме не взяла его.

Я думал, что поступил правильно, не став задавать Файку вопрос о костях. Кого бы следовало спросить о них, так это самого Уайтинга.

У меня перехватило дыхание. По другую сторону улицы, под раздутой луной, лежал неутешный, растерзанный труп аббатства.

Шел четвертый час утра. Беспокойство за мою мать и Катерину Медоуз, оставшихся в Мортлейке, кольнуло меня; я встал на колени и начал молиться об их благополучии.

Затем, сознавая, что если я снова лягу в постель, то мои думы и сны вновь устремятся на поиски дочери ведьмы, я сбросил старое бурое платье и потянулся за дневным одеянием.

Глава 18

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Три сферы.

Мир физический; небесный, или астральный; и высший, где живут ангелы.

Хотя матушка никогда не говорила со мною об этом, у меня имеются все основания полагать, что однажды она ходила вместе с нашей соседкой, матушкой Фальдо, к гадалке, которая заявляла, будто видит в своем магическом кристалле лица умерших.

Это произошло вскоре после смерти отца, так что вполне понятно, почему мать решилась на такой поступок. Но

даже тогда я знал, что мои стремления должны быть невышешенными, нацеленными на общение с наднебесным миром, где обитают истина и свет и отсутствует ложь. И, стало быть, нет привидений. Появление привидения в физическом мире неестественно и ненормально. Призвание духа покойного назад в этот мир, или, иначе, некромантия, есть черная магия. Даже если бы дело касалось духа моего несчастного батюшки.

Или тени того, что прежде было божьим человеком?

Я вновь услышал голос епископа Боннера, его слова, сказанные в тот день, когда он пришел ко мне в темницу, чтобы задать вопрос, от которого зависело, буду ли я жить или буду сожжен.

«Скажите мне, доктор Ди... верите ли вы, что душа божественна?»

И я ответил ему то, что считал истиной:

«Душа... не божественна сама по себе, но может приобрести божественность».

И Боннер продолжил:

«Тогда ответьте, доктор, каким образом душа приобретает божественность?»

Он смотрел на меня, словно играя на нервах; его маленькие глазки пылали, точно кончики свечных фитилей.

«Через молитву, — ответил я. — И через знание. Святой Библии... и тайного учения евреев».

Я попал в точку, догадываясь, какой ответ хочет получить Боннер.

Но я не назвал мученичества.

Вроде пыток, повешения, утопления и четвертования.

Ночь была холодной и тихой, хотя не слишком морозной. Укутанный в плащ, я тенью проскользнул за ворота аббатства. Они были закрыты, однако не заперты. Не думал, что проникнуть сюда будет так просто. Хотя что можно было теперь украсть отсюда, кроме самих камней?

Я прочел все, что удалось найти об истории и планировке аббатства. Достаточно для того, чтобы узнать растерзан-

ные руины главного здания монастыря, его огромную трапезную с резной башенкой, казавшейся ледяной в свете луны, и часовню Богоматери, возведенную над могилой Артура.

Однако состояние аббатства поразило меня. Участок земли, некогда представлявший собой, должно быть, тщательно выкошенную лужайку, зарос кустами, и ежевичные ветки хлестали и цеплялись за мои сапоги. Разрушенные стены высились вокруг меня, похожие на сгнивший труп, брошенный на поживу ветрам и воронам, и я даже почувствовал запах тления, зловонный и влажный.

Я остановился в озерце лунного света и огляделся. Где-то неподалеку от этого места когда-то выстроили покои для Генриха VII, деда нынешней королевы. Во время своего первого — и последнего — посещения аббатства он, конечно же, видел гробницу из черного мрамора. Что рассказывали о ней человеку, который примчался в Англию через Уэльс, принеся с собой легенду о бессмертном короле британцев? Усмотрел ли он в этом свидетельстве смерти великого Артура препятствие для признания своего сына новым Артуром?

Однако тогда ничто еще не указывало на предстоящий религиозный раздел, и король Генрих едва ли помышлял тронуть хотя бы пальцем эту или какую-нибудь иную могилу. Да и новому королю Артуру не суждено было стать королем. Наследник престола скончался раньше отца, который вскоре последовал за своим сыном. В печали и скорби, как говорят, и в страхе, что новая ветвь Тюдоров, в наказание за спесь, вместо славы и продолжения рода навлекла на себя неведомое древнее проклятье.

Ему ли следовало переживать за спесивость? Уж если у этого достаточно умеренного, осторожного правителя имелись основания думать, что его род проклят, то что сказать о его сыне, наследовавшем ему вместо Артура? Что сказать о человеке, который вел войны, строил дворец за дворцом — храмы своей особе — и, наконец, дабы оплатить непомерные расходы, санкционировал разгром и грабеж церковных имений? Ничего удивительного, что королева

жила в ожидании худшего и с ощущением, будто зло преследует ее.

Преследует.

Я посмотрел на звезды — на моих далеких друзей, — найдя бриллианты пояса Ориона и яркое в эту ночь семизвездное тело Большой Медведицы. И руки невольно потянулись к ним, чтобы зажать в ладонях, точно гроздь драгоценных камней. Но это меня самого зажали объятья скелетоподобных руин аббатства, чьи стены, золотистые при свете дня, теперь казались жуткими бледно-серыми тенями.

И объятья аббатства не были объятьями радости. Заметив чье-то движение, я повернулся и увидел крошечные мерцающие огоньки.

Боже...

Овцы. Теперь тут паслись овцы.

Я присел на останки стены, чтобы восстановилось дыхание, и представил все эти стены залитыми огнем тысяч свечей, мерцавших в неземном ритме то поднимающихся, то затихающих католических песнопений. Помню, что именно в тот момент наивысшего напряжения я встал и, вытянув правую руку, начал выводить в воздухе, а затем на земле, знак пентаграммы. Древний защитный знак, но одного этого мало. Опустившись на колени в центре воображаемой пентаграммы, среди каменных обломков бывшего входа в храм, я зашептал молитву, взывая к покровительству святого Патрика. Древняя молитва наверняка была знакома Артуру.

Христос со мной, Христос во мне,

Христос за мной, Христос предо мной,

Христос рядом...

И тут я остановился, вспомнив, как Бенлоу держал кость, названную подлинным ребром Патрика.

Что же такое я делал сейчас?

Но слова продолжали сами собой кружить в моей голове.

Естественная магия.

Я скреплю себя Именем,

*Могучим Именем Троицы,
Молитвой о цельном,
Три в Одном и Единство Трех...*

Когда я закончил, я, не раскрывая зажмуренных глаз, вспомнил слова тех, кто знал аббата при жизни — во времена славы и в лихую годину.

Ковдрея: «...видел, как его привязали к плетню и волокли через весь город. Пинали ногами, точно тушу убитого оленя. Старика, избитого до полусмерти, как подлого вора...»

И миссис Борроу: «...помню его морщинистую улыбку и добродушные глаза. Я долго думала, что видела лицо Бога».

Получше, правда? Но еще важнее...

У несчастного мало причин для успокоения.

...если его неуспокоенная душа все еще находилась тут, то разве я совершил бы преступление против Бога и государства, пытаюсь вызвать ее?

Чего я никогда еще не пытался делать, клянусь. Общение с духами покойных не по мне. Слишком отдает мертвечиной и гаданием по внутренностям. Некромантия: в самом этом слове слышится шепот смерти. Можно подумывать, мертвые не имеют иного предназначения, кроме как служить страстям живых.

Боялся ли я?

Я поднялся на ноги. После стольких лет учебы я даже не надеялся испугаться. Наши предки в грозу собирались вокруг очагов, закрывая наглухо окна и двери домов. Даже во времена моего отца были такие, кто верил, что привидения — это ходячие трупы, поднявшиеся на поверхность земли из вонючих могил.

Но теперь мы живем в первый век просветления разума. Теперь мы стоим за стенами из стекла, наблюдая за тем, как гнутся деревья и небо озаряется вспышками молний. Стоим в безопасности и тепле, изучая силу и беспощадность природы. И древние тени тают на наших глазах, а духи умерших переходят в невесомые, прозрачные лучи лунного света.

Я взялся за холодный камень, скользкий от следов слизняков.

Может быть, я сумею помочь.

Послушай меня.

Быть может, мы сумеем помочь друг другу, аббат. Ты и я — двое служителей знания, разделенных лишь тонкой вуалью смерти.

Встав на колени внутри защитной пентаграммы, среди холодных руин нашей веры, я читал нараспев слова и фразы из учебников магии, переданные целыми и невредимыми — или я просто убедил себя в этом — христианской молитвой. Нет, я не собирался заклинять на манер древних магов. Я только просил...

...смиренно, именем Отца, Сына и Святого Духа, просил Святую Троицу явить свою милость. Праведный Боже, если есть на то твоя воля, дабы я помог рабу твоему аббату Уайтингу обрести покой... дабы принял на себя часть его страданий в обмен на скромное знание, то позволь ему явиться ко мне сейчас во всем его... во всем неприглядном виде.

В неприглядном виде. Это важно. В учебниках магии всегда отмечалась необходимость представить себе, в каком облике желаешь увидеть духа.

Сначала твердо определиться. *В неприглядном виде.* Затем уверенно произнести. Воображение, приложенное к человеческой воле, может стать мощным инструментом, способным изменять ход событий, но, предоставленное самому себе, может помутить разум.

И вот, то ли я действительно чувствую, то ли только *воображаю*, что воздух вокруг меня холодеет? Стоит ли мне, как ученому человеку, попытаться утихомирить всякие ощущения, отстраниться от них, стать наблюдателем? Или позволить этим фантазиям окружить меня мистическим облаком, в котором постепенно явится дух, бесцветный экстракт человека?

Колдун за работой.

Бог мой.

Вы думаете, я безрассуден? Вы, наблюдатели, глядящие из-за стекла своего окна? Вы, кого не было там в ту ночь, в холодной утробе аббатства?

Медленно поднимая голову, я представил его под веками закрытых глаз. И в моем воображении аббат явился мне с видом безнадежного горя на лице и ладонями, сомкнутыми в строгое, беспомощное благословение.

Кто может отличить видения от признаков близкого помутнения рассудка?

Должно быть, я находился на грани умопомешательства, когда с замиранием сердца понял, что я не один.

Понял? Как мог я это понять? Услышал какой-нибудь шорох, шаги по опавшей сухой листве или медленные удары совиных крыльев?

Ничего я не слышал. Совсем ничего. Лишь пустоту, безжизненность, онемелость, безмолвие. Жуткую пустоту.

С божьей помощью попытаюсь объяснить это. Без диаграмм и мистических символов. Дабы вы представили тот трепещущий ужас, который я испытал после того, как последняя молитва слетела с обессиленных губ, разрезая воздух вокруг меня новой спасительной пентаграммой, и я начал двигаться, теперь с раскрытыми глазами, по каменному полу залитого лунным светом нефа.

Меня несло прямо к часовне. К тому, что лежало там.

Глава 19

НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ

Позднее Ковдрей вернулся вместе со мной в аббатство.

Но прежде я примчался обратно в трактир и стучал в каждую дверь, пока не нашел комнату, где спал трактирщик — с какой-нибудь кухаркой, должно быть. Теперь, стоя у разрушенной часовни, он вздрогнул, взглянул на то, что лежало на земле, и содрогнулся снова. Прежде чем вернуться, я неожиданно для себя самого даже перекрестился от гнева.

— Пошлю за сэром Эдмундом Файком, — предложил Ковдрей. — И коннетаблями. Надо объявить розыск преступника.

— Нет... погодите.

Немного света. Одинокий фонарь среди моря мрака. Бог мой, Бог мой...

— Доктор, тут такое дело... — В свете луны глубокие морщины на лице Ковдрея казались черными. — Случай необычайный.

— Необычайный? — Я едва держал себя в руках. — А как обычно у вас убивают людей?

— В драке. Или по пьянке. — Его голос звучал ровно. — Но вот так — никогда.

Убитый мужчина лежал с широко раскинутыми руками, словно Иисус на распятии. Тени на стенах монастыря колыхались крыльями ангелов.

— Мне необходимо посоветоваться с моим коллегой, мастером Робертсом, — сказал я.

— Он болен.

— Да, ему нужен сон, и все же...

— Это ему ни к чему, — возражал Ковдрей. — Божье слово...

— Нет.

Я жил в жестокие времена и повидал множество жутких способов казни людей, но с тех пор, как сожгли Бартлета Грина, ничто не тронуло меня так сильно. Я снова повернулся к трупам, глотая желчь и отвращение, и поднял фонарь.

Будто пройдя обряд очищения, убитый лежал головой на восток, в ту сторону, где когда-то возвышался алтарь и гробница из черного мрамора. Остатки свечи торчали во рту, подобно кинжалу в засаленных устах. Только теперь почувствовав запах, я прикрыл ладонью рот и нос: воняло застывшим салом и внутренностями. Свеча, должно быть, горела, и расплавленный воск покрыл лицо маской смерти. Языки воска застыли у самой... О мой Бог! Что же сделали с грудью!

Тело вспороли, внутренности вывернули наружу. Поблескивая в густой луже черной крови, они лежали, словно ранний завтрак среди камней. Меня снова стошнило, и, пригнувшись к земле, я только теперь заметил, что держал этот несчастный в левой руке.

— Господи, Ковдрей!..

Дадли говорил, что помнит Мартина Литгоу с раннего детства. Я познакомился с ним меньше недели назад и считал его хорошим человеком. Добропорядочным человеком.

— В этом городе стало попахивать чертовщиной, — злобно произнес Ковдрей. — Идемте отсюда, доктор.

Уходя, я заставил себя еще раз обернуться на тело. Я ошибся: даже мне, не анатому, доктору только по званию, было очевидно, что в левую руку несчастного Мартина Литгоу вложили его мертвое сердце.

Я шел следом за Ковдреем к воротам аббатства, которое в серых проблесках рассвета возвышалось над нами, словно голый скелет громадного быка.

— Вы правы, — сказал я. — Лучше послать за ним.

Принесенные фонари рассеяли сумерки уходящей ночи, и жизнь будто снова вернулась в аббатство. Обманчивое впечатление. Мысли путались в моей голове, и усталость бессонной ночи сдавила меня со всех сторон, когда появился Файк. Подъехав ближе, он спустился с лошади и неспешно зашагал ко мне.

— Это тело вашего слуги, доктор Джон?

Файк прибыл с тремя коннетаблями с первыми лучами зари на хмуром небе. Он был в кожаной куртке и сапогах для верховой езды. Подойдя ко мне, он поднял фонарь, чтобы осветить мне лицо, словно надеялся прочесть там признание в убийстве. И, возможно, прочел.

— Любопытно, что именно вы обнаружили его, доктор Джон. Почему вы оказались в аббатстве в такое неподходящее время?

— Я... — Боже мой, ведь я даже не подумал о том, чтобы придумать себе оправдание. — Не мог уснуть. Решил, что

удобное, тихое время для осмотра развалин. Пока вокруг никого нет.

— За исключением покойника. Похоже, доктор, вас не слишком пугают ходячие мертвецы?

— У меня работа.

Как же нелепо все это звучало теперь.

— Не будь вы слугой короны, — сказал Файк, — я мог бы предположить, что вы пришли сюда воровать.

— Что тут можно украсть?

— Или даже убить, — добавил Файк. — Не будь вы на королевской службе.

Я промолчал. Двое коннетаблей с фонарями осмотрели остальной неф.

— Сожалею, доктор Джон, однако думаю, пора мне взглянуть на ваши бумаги. Вы не против?

— Я принесу их.

Грамота, подтверждавшая мои полномочия, была выдана не самим Сесилом, что могло бы вызвать ненужные подозрения, но была скреплена необходимой печатью. Я повернулся, чтобы уйти, но Файк задержал меня, вытянув руку.

— Не сейчас — у меня к вам будут еще вопросы. Когда вы видели этого человека живым в последний раз?

— Я... вчера днем, во второй половине. Незадолго до нашей с вами встречи на холме.

— Вы и ведьма? Ведьма видела его тогда вместе с вами?

— Я отправил его назад присматривать за его хозяином.

— Кажется, вы говорили, что его хозяин — *вы*?

— Я не уточнял. Строго говоря, он служил моему... мастеру Робертсу.

— То есть тому человеку, который слег от болезни. Но, вопреки своему врачу, пока не умер.

— Идет на поправку, — ответил я.

— В отличие от этого несчастного. — Файк отвернулся, чтобы взглянуть на Мартина Литгоу. — Смерть которого наступила... А что бы вы сказали о его смерти?

— Отвратительная и несправедливая.

Вонь от трупа теперь чувствовалась сильнее, но Файк даже не пытался отойти в сторону. Сняв шляпу, он склонился над истерзанным телом Мартина.

— Однако исполнено со знанием дела. Разрез от горла до живота. Пользовались орудиями мясника, как вы думаете?

— Я — чиновник, а не мясник.

— Или топором, чтобы разрубить грудину. Взгляните-ка...

Я больше не хотел смотреть на тело. Вместо этого я поднял глаза и перевел взгляд на обвалившееся ребро нефа — еще один растерзанный труп.

— Легкие разделены аккуратнейшим образом, — заметил Файк. — А кишки — видите? — накручены на руку, будто кольца змеи.

Сквозь отверстие в крыше виднелось холодное небо, подсвеченное Венерой — утренней планетой.

— И сердце, как скипетр, помещено в левую руку. Стало быть, логично предположить, что убийца по локоть измазался в крови. Итак, что же сделали с этим человеком?

— Сэр Эдмунд, мы прекрасно видим, что сделали с ним, только не могу ответить, зачем. Он был конюхом. Общался больше с лошадьми, чем с людьми. Добрый человек, безобидный...

— Но способ убийства?..

— В нем есть... что-то ритуальное.

Файк закивал, покачивая короткой, подернутой седьмой бородой. Он хотел, чтобы я сказал это.

— И еще в нем есть признаки святотатства, — добавил я. — Если верить, что аббатство остается святым местом.

— О да, оно все еще свято, — ответил Файк. — Вопрос в том, для кого?

— Кажется, вам повсюду видится вмешательство Сатаны, сэр Файк. — Возможно, мне не следовало так говорить, но я сильно устал. — Да, да, — промямлил я, — вы правы. Если это не дело рук Сатаны, то тогда я не знаю, что это.

Меня обдало жаром светильника, когда Файк подошел ко мне ближе.

— Руки, — сказал он. — Покажите руки.

— Я... — Я заглянул в его мрачное лицо. — Что?

— Ваши руки. Обе.

Двое коннетаблей тут же возникли за его спиной. Я униженно вытянул руки, и Файк неторопливо исследовал их при свете фонаря.

— Благодарю вас. Необходимая формальность.

Я мог только кивнуть в ответ.

— Что бы это ни значило, — сказал Файк, — но в прошлый раз, когда меня вызвали сюда, здесь, на самодельном алтаре из камней, был петух. Признаки святотатства присутствовали... но делу не дали ход.

— Кровавая жертва?

— Уж точно не остатки завтрака, доктор Джон.

— Кто те люди, что совершают такие преступления против Бога?

— Те же, что разрывают могилы и забирают оттуда кости.

Учитывая наше окружение, я подумал, что он имеет в виду Артура, и не мог найти связь. Но я ошибся.

— Не далее как неделю назад, — продолжил Файк, — раскопали могилу человека, которого похоронили чуть поодаль, на кладбище святого Бениния, на другой стороне улицы. Некромантия, доктор Джон. Я вам говорил, в этом городе сплошь растление. Спросите ведьму Борроу.

— Она — лекарь...

— Наивный вы, доктор Джон. Подумайте лучше вот над чем. Этот несчастный не задавал ли, часом, вопросов от вашего имени насчет того, какие богатства могла бы еще получить корона? И не вызвало ли это горьких воспоминаний о другом списке, составленном больше двадцати лет назад?

— О Леланде?..

— Быть может, этот человек приходил сюда ночью с той же целью, что и вы сами? За реликвиями? Вы послали его?

— Нет. Я... Я понятия не имею, зачем он приходил сюда.

— Странное совпадение, не правда ли?

— Пожалуй.

— Что ж, я вынужден отправить гонца в Эксетер и сообщить о случившемся сэру Питеру Кэрю. Поскольку аббатство принадлежит ему, он бы не погладил нас по голове, если бы мы скрыли от него убийство такого сорта. И, э... вы ведь приехали вместе с ним?

Я кивнул. Мысль о том, что разгневанный Кэрю вовется в город, как морской разбойник, не нравилась мне.

— Через день-другой он должен вернуться, — сказал Файк. — Еще менее вероятно, что я позволю ублюдку, сотворившему эту мерзость, долго разгуливать на свободе.

Я взглянул на Ковдрея в надежде узнать, каким будет его мнение об услышанном, но он ушел. Хотелось бы знать, насколько глубоко принимал Файк реформированную церковь. Во все времена находятся люди, которые испытывают удовлетворение, даже кровавое наслаждение, преследуя иноверцев — будь то католики или протестанты, иудеи или сарацины. Говорили, что Боннер как раз такой, но Боннер не принял другую сторону, даже ради свободы.

— Я приведу больше коннетаблей из Уэлса, — сказал Файк, — и тогда мы примемся за дело — и не оставим от этого городишки камня на камне. Мы будем обязаны это сделать. Невинным, конечно, придется туго. Но убийство королевского слуги — пусть и низшего ранга — вовсе не повод для полумер.

Хороший предлог подавить червей. В воздухе воняло салом, кровью и дерьмом. Я с трудом сдерживал рвоту.

Несмотря на вонь, Файк сделал глубокий, медленный вдох и склонился над телом, а я...

Что я увидел потом... Вам надо понять, что я очень устал. Я провел бессонную ночь и мало спал в предыдущую. У меня раскалывалась голова, зрение затуманилось, и воображение, предоставленное самому себе, могло, как я, наверное, уже говорил, помутить рассудок. И кто мог бы отличить видения от признаков близкого помешательства?

Свеча, вставленная в рот Мартина Литгоу, превратилась в холмик желтого воска, залепившего губы, подборо-

док и щеки. Сначала я подумал, что это одна из тех масок, которые надевают нюхатели мочи, но, взглядевшись, увидел почерневший фитиль на верхушке желтого бугорка.

— Джон... что, черт возьми...

О нет, только не это!

— ...тут происходит?

Я обернулся. Роберт Дадли, полураздетый, стоял, держась за обломки стены, — лицо взмокло от пота, глаза словно грязные пятна. Я хотел закричать ему, чтобы возвращался в трактир, но не смог произнести ни звука. Образ расплавленной свечи, как чудовищное подобие Гластонберийского холма, затмил мне разум.

И тогда... именно тогда я понял, — испытал при этом одно из самых необычных, самых болезненных ощущений за всю свою жизнь, — что этот город зажил во мне какой-то нечестивой, порочной жизнью.

Хотя полукруг Луны помещается над солнечным кругом и может показаться главенствующим над ним, нам все же известно, что Солнце — господин и король. Мы видим, что Луна по форме и свойствам соперничает с великолепием Солнца — что для простых людей очевидно, — и все же чело, либо полусфера, Луны лишь отражает солнечный свет. Она до того сильно стремится напиться его солнечными лучами и обратиться в самое Солнце, что по временам совершенно исчезает с неба и появляется снова лишь несколько дней спустя. Потому мы обозначили ее фигурой «Рога».

*Джон Ди.
«Монах иероглифика»*

Глава 20

НАША СЕСТРА

— Жена, — сказал Дадли. — Семеро детей.

Оконное стекло окрасилось розоватым светом, тихий закат разлился над землей молочной зарей.

— Пятеро сыновей, — добавил Дадли. — Две дочки.

Я редко видел его в таком настроении. Еще слишком слабый, чтобы ходить, он сидел на краю постели, дрожа от холода и душевных переживаний.

— Служил младшим конюхом у отца, когда я был ребенком. Клянусь, он отдал бы жизнь за отца — пошел бы на плаху вместо него. Преданность, Джон. Непоколебимая преданность. — Дадли шумно всосал воздух сквозь зубы, что, должно быть, причиняло боль его воспаленному горлу. — К черту Кэрю. Если я первым поймаю этих ублюдков, прибью их на месте, покрошу на куски...

Дадли захныкал, точно ребенок, понимая, что не смог бы срубить и тростинки. Обнаженный наполовину клинок лежал на полу, будто Дадли не хватило сил даже вынуть его из ножен.

Я подошел к окну и выглянул на главную улицу, где собралась толпа женщин, глазевших на то, как у ворот аббатства спешиваются всадники — уэльские коннетабли Файка. Тело Мартина вместе с внутренностями убрали во флигель аббатства до приезда Кэрю из Эксетера.

Я повернулся лицом к залитой розовым светом комнате. Пришло время исповеданий.

— Я отправил его назад, — сказал я. — Вчера. Он шел за мной.

— Хм. Как преданный пес.

Дадли шмыгал носом, плечи дрожали, и я заметил, что убийство Мартина Литгоу увязалось во тьме его болезненного сознания с казнью отца и мрачными воспоминаниями о несправедливых смертях. Дадли многое повидал за свои двадцать семь лет.

Наконец он посмотрел на меня, не стыдясь слез.

— Литгоу всегда было за кем присматривать. После смерти отца его место занял я. Когда я слег с лихорадкой, бедняга пошел приглядеть за тобой.

— А я отправил его назад.

Пальцы рук скрестились у меня за спиной.

— Ради бога, Джон, как ты узнал?

Этого могло бы и не случиться, но какое это имело значение? Стечение обстоятельств. Что побудило меня отправить этого несчастного на самую жуткую, самую гнусную смерть, так это...

Некое незрелое чувство к Элеоноре Борроу. И знаете, что хуже всего? Самое худшее то, что Дадли — иначе он не был бы Дадли — понял бы мои побуждения.

— Куда ты послал его, Джон?

— Назад в трактир. Проследить... чтобы ты пил достаточно много воды.

Знаю. Я знаю. Но если б я сказал, что поручил Мартину разыскать кузнеца, Дадли помчался бы по улицам, как прокаженный, пока не нашел бы того кузнеца сам.

— Не помню, — сказал он, сжимая руками голову. — Не помню, чтобы он возвращался. Тогда я видел его в последний раз, и я не помню.

— Ты, наверное, спал. Тебе надо поспать еще.

— Не могу... — Голова его опустилась ниже. — Не могу даже представить. Что... ради бога, что Литгоу делал в аббатстве среди ночи?

— Возможно, это случилось и не среди ночи. Он лежал там несколько часов.

За какое время сгорает свеча? Сколько времени она находилась там? Или кто-то позднее вставил ее в рот трупа? Пожалуй, только сумасшедший сделал бы это... да и было ли такое возможно, ведь если бы тело оцепенело, челюсти сжались бы намертво.

— А что *ты* делал там, Джон? Какой черт потащил тебя в это аббатство?

— Не спалось.

— Ты пошел туда в одиночку... оттого, что тебе не спалось?

Можно подумать, Дадли не сделал то же самое в предыдущую ночь. Но ложь и полуправда утомили меня. Я решил выложить ему все.

— Аббат, — начал я. — Говорят, аббат не может обрести покой.

— Кто говорит?

— Ковдрей. И если его можно увидеть там... я хотел его увидеть.

Дадли недоуменно смотрел на меня. Я нехотя встретил его взгляд.

— Господи, почему-то все видят их. Королева, ты... все, кроме меня. Увы. Горестное признание получеловека.

С улицы донесся задорный гул рога, за ним последовал громкий хохот. Кровь взыграла, охота началась.

— погоди, давай-ка внесем ясность, — предложил Дадли. — Так ты пошел на эти руины, чтобы вызвать духа последнего аббата?

— Нет! Я не заклинаю духов. Я этим не занимаюсь. Я только хотел...

Моя смелость иссякла. Дадли повалился на подушку и уставился в потолок.

— Хочешь кое-что знать? Если бы духом был я, последним человеком на земле, которому я хотел бы явиться, был бы доктор Ди. Будет ходить вокруг, разглядывать, тыкать пальцем, достанет свою измерительную веревку и будет докучать бесконечными вопросами о загробной жизни, и видел ли я уже Бога, и что...

— Ладно, ладно.

— Или ты, наверное, подумал, что дух аббата с радостью укажет тебе, где кости Артура?

Он почти угадал. Я уселся на стул под окном и сказал, что очень сожалею о том, что не пришел туда раньше, когда Мартин Литгоу был еще жив.

— Что? Чтобы прирезали еще и тебя? И что потом?

— Я мог бы... — Я провел рукой по небритой щеке и подбородку. — Может, я смог бы...

— Показать свое владение боевым искусством? Запустил бы в них парой тяжелых книжек?

Я ничего не ответил на это. Дадли тяжело развел обесиленными руками.

— Прости, Джон, но тот, с кем я говорю, бессилен, как преждевременно родившееся дитя. Провалиться мне на этом месте, если сегодня утром я не проснулся с полной уверенностью в том, что вся эта затея была придумана Сесилом лишь для того, чтобы удержать меня подальше от спальни Бет до тех пор, пока он не образумит ее.

— Его беспокоят донесения из Франции, — возразил я. — Вот и всё.

— А кто такие эти французишки, чтобы читать нам морали? — Дадли запрокинул голову. — Что говорит этот мировой судья?

— Говорит о поклонении дьяволу. Но, похоже, он из тех людей, которые всюду видят колдовство и черную магию. Кроме того, полагает, что у многих остались горькие воспоминания о списке Леланда и последствиях его работы для Гластонбери. Разгром аббатства разрушил жизни людей и лишил их доходов. Возможно, они боятся новых бедствий.

— И за это вспороть живот человеку?

— Я...

— Теперь очередь за нами? Нам дали понять, чтобы мы убিরались отсюда, пока не поздно? Думают, я из таких, кто уносит ноги из дрянного городишки, напуганный ножом мясника?

Кашель помешал ему говорить, и я подошел к его постели.

— Все изменилось. Смерть полностью меняет дело. Быть может, тебе пора вспомнить, кто ты есть. Стоит тебе пошевелить пальцем, отправить письмо, и у тебя будет две сотни людей уже к...

— Нет. Мы закончим дело.

— К черту, Робби. Ты — лорд Дадли, наследник...

— ...море ненависти. Вся Англия ненавидит меня за дерзкий нрав. — Он повернул ко мне свое лицо, измазанное грязью и залитое потом. — Не взглянуть ли им на меня сейчас, Джон?

Я вспомнил наш разговор на реке, его речь о смирении, о трехдневном посте, бдении до рассвета, тихом выезде из Лондона и посещении церквей для молитв. Тогда я принял его слова за шутку, и только теперь вспомнил, как много церквей посетили мы по пути сюда, как часто он уходил один.

Тот, кто преподнесет королеве несомненный символ ее царственного наследия... нечто такое, что придает монархии мистический ореол... Тот может рассчитывать на награду.

Стало быть, все только ради награды? Я не мог думать об этом. Не сейчас.

— Ты болен, — сказал я. — Поспи немного.

— Днем?

Дадли нервно провел рукой по лбу, точно смахивая пыль сражения, в которое он не мог вмешаться. Я поднялся.

— Даже если ты не в силах побороть болезнь. Пусть все идет своим чередом. Я задерну занавески.

— Оставь их.

Я был в дверях, когда Дадли окликнул меня.

— Джон... — Он повернулся на бок, чтобы видеть меня. — Тело Мартина...

— Да, я... Мне найти плотника и заказать гроб? Заберем тело в Лондон?

Дадли закрыл глаза.

— Сердце, — вымолвил он. — Мы заберем домой его сердце.

У подножья лестницы меня встретили Ковдрей и молодой человек лет восемнадцати от роду. Юноша сказал, что прибыл из Бристоля и привез письмо.

— Из Лондона, сэр, — добавил он.

Печать я узнал сразу и попросил Ковдрея накормить гонца сытным завтраком с пивом, а плату записать на счет мастера Робертса.

— Я нашел вам Джо Монгера, — сказал Ковдрей.

— Простите... кого?

— Кузнеца. Вы спрашивали меня вчера.

Вчера: прошлая жизнь.

— Он сейчас во дворе, доктор Джон. Я позвал его подпилить копыта старому ослу.

— Благодарю вас. Полагаю, я должен вам. Пожалуйста, добавьте к нашему счету. — Я кивнул гонцу. — Благодарю и тебя.

— Будете писать ответ, мастер?

— Возможно. Ступай, поешь. Не спеши.

Головная боль еще давала о себе знать. Пройдя через пропахший пивом коридор, я оказался у задней двери с маленьким, затянутым паутиной оконцем над ней. Прислонившись спиной к двери, я сломал печать на письме.

Бланш Перри. Должно быть, она написала его почти сразу после нашего отъезда из Лондона, раз оно так скоро дошло до нас. Я развернул бумагу и поднял листок к окну.

Странно. Написано с непосредственностью, шедшей вразрез с обычной чопорностью Бланш, и в письме она обращалась ко мне с простотой, которой я не наблюдал прежде за этой строгой и целомудренной женщиной.

Братец,

Не все ладно с нашей доброй сестрой. Ее ночи полны кошмаров, а дни — тяжких мук.

Вот что я узнала: нашей сестре стало известно о страшных пророчествах, и ей сказано, будто Моргана не оставит ее в покое до тех пор, пока героического пред-

ка королевы не погребут во славе. Потому я умоляю вас ускорить решение этого дела и поскорее прислать мне весточку о том, как продвигаются ваши поиски.

По понятным требованиям безопасности письмо не имело подписи, но намек был ясен.

...она не обретет покоя.

Миссис Бланш. Она родилась недалеко от тех мест, откуда родом и моя семья — в области, пострадавшей во время разрушительных англо-уэльских войн. Затем те края разорила жестокая война Ланкастеров против Йорков, когда роды вероломно предавали друг друга и сосед шел на соседа.

Осторожные, как никто другой, жители пограничья раскрывают свои карты, если только на горизонте появляется непосредственная и страшная опасность. Однако самоотверженная преданность Елизавете толкала Бланш на отчаянные поступки.

Потому я умоляю вас ускорить...

Я прочел письмо еще дважды. Слово «пророчества» ментально напомнило мне о памфлетисте с павлиньими перьями на шляпе: «Узнайте о конце света!»

Пророчество. Любое пророчество большей частью высосано из пальца. Оно вытекает из ночных кошмаров субъекта и собственных стремлений пророка. Никогда, никогда не путайте его с древним учением астрологов, наблюдающих за движением космоса, на основании чего можно строить только предположения о *возможных событиях*.

Как же ошибался мой сосед, Джек Симм, заявляя, что у всех монархов кожа, как у ящерицы! В действительности королевская кожа бледная и нежная, словно розовый лепесток, и кровоточит, даже если вы подуете на нее, а ветер пророчеств холоднее любой зимней выюги.

Я говорю вам: не бойтесь пророчеств, опасайтесь только пророков. Во всяком случае, тех, кто заявляет что-нибудь вроде: «До тех пор, пока ее героический предок не упокоится...»

Предок — это Артур.

Моргана?

Королева-колдунья артуровских преданий, предводительница печальных женщин, которые, по легенде, отвезли лодку с Артуром на остров Авалон. У меня почти не возникло сомнений, что Бланш здесь подразумевала мать королевы. И по моим ощущениям, завуалированная ссылка не принадлежала самой Бланш — у той не доставало воображения, — но была заимствована ею из составленного кем-то пророчества.

Анна Болейн. Несчастливая, кровавая Анна Болейн — такая же ведьма, как и миссис Борроу. Чья мать...

О, мой Бог, что было известно об этом мне? Что известно любому из нас? Колдовство — по крайней мере белая магия — часто лишь состояние веры, особый подход к достижению примерно тех же духовных целей, к которым стремимся мы все, как христиане. Но для католика пресловутое «лютеранство» Анны Болейн служило худшим образцом магии. Черной магии.

Вот, стало быть, из чего родилась идея наших поисков останков Артура? Из некоего «пророчества», которое прочла королева? Она питала редкостный интерес к знаниям, но при этом жадно поглощала слухи и сплетни и, как я уже говорил, всегда становилась жертвой ночных кошмаров и сомнений, постоянно меняя решения и вечно ожидая знаков свыше.

Ныне, при новых свободах, Лондон, как никогда, кишел лжепророками и шарлатанами, мужчинами и женщинами, стремящимися мистическими хитросплетениями достичь целей, лежащих далеко за пределами человеческого знания.

Почему она не посоветовалась со мной?

Я стоял, прижавшись спиной к двери на задний двор, и ощущение полного одиночества вдруг легло на меня, словно ночная тень. Упускал ли я что-то из виду, нечто настолько явное, над чем все остальные смеялись годами? Действительно ли никто не доверял мне, никто не

уважал меня? Человека, прославленного за границей, но на родине... На родине его либо боялись, как колдуна, либо презирали, как ничем не выдающегося схоластакнижника в век авантюристов в золоченых, блестящих, подобно солнцу, дублетах. Я — простой служитель науки, что составляет звездные карты да делает осторожные предположения о вероятных событиях будущего. Не слишком-то много. И нечего удивляться, что такому человеку до сих пор не было пожаловано ни титулов, ни земель.

Готовы ли вы к общению с ангелами, Джон?

Это спрашивает та, кто иногда навещает меня в доме моей матери, но никогда не заходит внутрь.

У меня взмокла спина. Быть может, у королевы в действительности имелась иная тайна и более способный советник по части таинств? Почему она ничего не рассказывала мне ни о пророчествах, ни о постоянном ощущении, будто тень ее матери преследует ее повсюду?

И откуда появились все те предсказания, которые она принимала так близко к сердцу? Кто сочинял их? Кто в целой Англии пользовался столь прямым доступом к королевским покоям? Я подумал о сэре Николасе Трокмортоне, посланнике во Франции, с коим королева, по словам Бланш, вела оживленную переписку.

Тебе надоело жить в безопасности, Джон?

В отличие от Роберта Дадли, я не находил удовольствия в опасностях — почти несовместимых с наукой. Однако теперь, когда возвращение Кэрю ожидалось еще до заката, время работало против нас.

Я поднялся к себе, взял бумагу и уселся за стол писать письмо для Бланш Перри. Никакой тайнописи, никакого скрытого смысла. Я просил ее прислать мне полный текст этого и других пророчеств, прочитанных королевой в последнее время, а также поделиться со мной своими соображениями по поводу их происхождения.

Затем я спрятал письмо в свой дублет, рядом с кинжалом.

Глава 21

СОСТАВ ВОЛШЕБСТВА

Файк, похоже, не собирался дожидаться приезда Кэрю. Едва я вышел во двор под низким, облачным небом, как с улицы донеслись громкие голоса глашатаев.

Это все, что нам было нужно...

По всему городу формально объявлялось о решении мирового судьи начать розыск преступника, и каждый горожанин теперь был обязан оказывать содействие по поимке кровавых убийц — *нечестивых приспешников Сатаны*, что изувечили и жестоко убили благоверного слугу королевы.

Голоса глашатаев смолкли. С этой минуты городской воздух будет отравлен страхом — не столько перед разгуливающим на свободе убийцей, сколько перед возможной расправой, грозившей ни в чем не повинным жителям в случае, если преступник не будет пойман.

— Не самое полезное дело, — заметил кузнец. — Никто не обязан искать преступника, если неизвестно, кто он.

Его замечание было верным даже для Лондона. Круговая ответственность за преступление, полезная в отдельных случаях, в целом — слепое и ограниченное средство, нередко способное сеять панику и смятение среди людей, отчего неизвестному злоумышленнику бывает лишь проще исчезнуть.

— Сегодня у вас черный день, мне очень жаль, — выразил соболезнование кузнец.

Гибкий мужичок с печальными глазами и редкими пепельными волосами, отпущенными до плеч. Его рабочее платье темно-серого цвета явно изготовили из монашеской сутаны, обрубив ее по колено. Продолжая обрезать копыто осла, словно снимая кожицу с яблока, бывший монах будто вовсе не проявлял ни малейшего любопытства к моей персоне. Словно ему совсем не хотелось узнать, зачем я пришел.

— Господин кузнец, — начал я, — если позволите спросить о нашем слуге, которого убили ночью: вчера он приходил к вам?

— Может, и приходил. Как он выглядел?

— Крупный мужчина. Желтоватые волосы, редкие на макушке. У него был северный говор.

Кузнец задумался, внимательно осмотрел копыто и выковырял из него маленький камушек.

— Нет, сэр. Никогда не встречался с владельцем столь весомых достоинств. К тому же я весь день пробыл в Сомертоне, ставил подковы на пахотных лошадей. Вернулся только к полуночи.

Мастер Монгер опустил копыто на землю, и серый осел благодарственно фыркнул. Затем кузнец поднялся с колен и снял мягкие наколенники.

— А почему вы думаете, что у меня были дела с этим несчастным?

Меня ломило от усталости, потому я не смог дать скорый ответ. Монгер убрал последние инструменты в кожаный мешок, довольно похлопал осла по крупу, и тот медленно потащился в стойло.

— Я спрашиваю просто потому, доктор Джон, что на улице вооруженная стража, и если у вас имеются основания думать, будто я последним видел жертву зверского преступления, то и они могут думать так же.

Он смотрел на меня спокойным и кротким взглядом. Кузнеца отличала особая безмятежность, какую я часто замечал в священнослужителях — кроме Боннера, разумеется, — и в людях, чья работа тесно связана с животными. Редко в людях вроде меня — таких, что блуждают по миру в поисках знаний столь же усердно, сколь иные гонятся за женщинами и выпивкой.

— То, что произошло, — ужасное зверство, — сказал я. — Всем в городе известно об этом?

— Всем. Не знает разве что Симеон Флавий. Говорят, ему уже стукнуло девяносто пять, так что он совсем оглох и выжил из ума.

Кузнец замер и молчаливо ждал моего ответа. Из конюшни доносилось мерное чавканье принявшегося за солому осла. Я вздохнул.

— Должно быть, вы знаете, что нас прислала сюда королевская комиссия древностей. Нам дано поручение выяснить, что было взято из аббатства и что осталось в городе. Мы выяснили, что кое-кто из бывших монахов монастыря, включая вас, по-прежнему проживает здесь... Я попросил Мартина Литгоу разыскать вас. Вот и всё.

Монгер приподнял седую бровь.

— Вы посылали *слугу* поговорить со мной? Вместо того чтобы прийти самому?

Возможно, я принял его слова за утверждение, поэтому не дал ответа. Монгер снова раскрыл свой мешок с инструментами.

— Я жил в аббатстве до самого конца. До тех пор, пока там не осталось ничего святого. И вы, конечно, подумали, что ваш слуга явился ко мне в поисках ценностей, которые я похитил, и я убил его? — Рука кузнеца скользнула в мешок. — Разрубил ему ребра вот этим вот?..

— Нет...

Я отступил назад и нащупал кинжал под дублетом, наклоняясь за рукой кузнеца. Когда он вынул ее из мешка, в руке...

...ничего не было.

— Я мог бы убить его, — тихо произнес он. — Здесь у меня инструменты, которыми можно это сделать. И я сильнее, чем кажется.

— Но вы — монах.

— *Бывший* монах.

Я кивнул.

— Такой же монах, — добавил кузнец, — каким был и наш уважаемый мировой судья. Но это не мешает ему теперь вешать злодеев.

— И злодеек.

— В этом вы правы. — Он снова закрыл мешок и опустил его на землю, поставив между ногами. — Виновного в злодеянии найдут, не сомневайтесь. Уж слишком тяж-

кое преступление, да еще против лондонцев... Его непременно раскроют.

— Хотите сказать, даже если признание придется выбить силой из невиновного?

Монгер пожал плечами.

— Я просто подумал, — ответил он, — что, быть может, вы посылали вашего слугу к кому-то еще. Может, думали, тому человеку известно о ценностях, похищенных из аббатства. К кому-то, кто...

— Убил его из страха, что его выдадут властям? Мы возвращаемся к прежнему мотиву преступления. Простите, но разве сэр Эдмунд Файк, в свете причиненных телу увечий, не объявил преступление сатанинским деянием?

— Да, но...

Возможно, Файк и Монгер вели игру; оба вышли из одного монастыря, и судья, конечно, мог быть важным источником доходов для кузнеца. Я изрядно устал от словесной игры.

— Думаете, — спросил я, — Файк несколько преувеличивает, когда заявляет, что в этом городе полно ведьм и колдунов?

Лицо кузнеца дрогнуло от улыбки, которая, вместе с его темной одеждой, свидетельствовала о преобладании меланхолического Сатурна в его гороскопе.

— Файк преувеличивает лишь в одном, — ответил кузнец. — В своем понимании колдовства.

— Вот как?

— Хотите об этом узнать?

— О чем?

— В чем состоит его заблуждение.

Я попытался уловить его взгляд, но кузнец отвел глаза, вешая на плечо мешок с инструментами.

— Сегодня базарный день. Если пойдете со мной в город, возможно, вам все станет ясно.

Кузнец тронулся в путь, и мне не оставалось ничего иного, как только последовать за ним. Легкий ветерок пошвыстывал в моих ушах. Уже не в первый раз после того, как я приехал сюда, во мне родилось ощущение, что собы-

тия развивались помимо моей собственной воли. Словно я был шахматной фигурой и мог передвигаться только в одном направлении.

И самое ужасное то, что я не знал, какая роль определена мне, как не знал и того, кто — или что — двигало мною.

Базарный день в Гластонбери — возможно, не такой яркий и красочный, как в прежние времена, — оставался все же важным событием в жизни людей. Ряды телег, увешанных кроликами, овечьими шкурами и свежей рыбой. Бочки сидра и пива. Продавец пирогов и кузнец, торгующий лопатами и мотыгами. Все самое необходимое для Гластонбери — в эти нелегкие времена. Однако тем, кто мог позволить себе нечто большее, предлагались коричневатые заморские сласти и местное варенье.

Возле церкви Иоанна Крестителя несколько музыкантов наигрывали на стареньких флейтах и кожаных барабанах веселый сельский мотив. Никто, правда, не танцевал. Мелкие группы людей стояли в тревожной тишине под хмурыми облаками. Вдалеке слышались призывные возгласы: глашатаи и коннетабли собирали толпу.

Монгер указал кивком на маленькую, хрупкую женщину с перевязанным глазом. Она торговала с подноса засахаренными фруктами.

— Джоан Тирр, — пояснил кузнец. — Перебралась сюда года три назад из Тонтон. Торговала на тамошнем рынке, пока ее не забрали, заподозрив, что она поддерживает связь с эльфами.

— С эльфами...

Я взглянул на кузнеца. Бледный солнечный свет пролился в просвет среди облаков, словно гной из отравленной раны.

— Встретила незнакомца на рынке и подружилась с ним, — продолжал Монгер. — Пошла вместе с ним к нему... в его обитель. А когда ее нашли, она ослепла на оба глаза.

Я вздрогнул. Вспомнилась легенда из моего детства: если увидел то, что людям этого мира не положено видеть,

то, вероятно, ты потерял зрение. *«Не уходи далеко, — говорила моя матушка, — иначе забредешь туда, где тебя никто не ждет, и вернешься слепым».*

Должен все же признаться, что никогда не встречал человека, с которым случилось бы нечто подобное.

— К тому времени, когда она предстала перед церковным судом, — продолжал Монгер, — зрение в одном глазу восстановилось.

— В чем ее обвиняли?..

— Не знаю точно, в чем ее обвиняли. В общении с эльфами? *Это* ли преступление? Или страшное колдовство? Должно быть, кто-то донес на нее. Думаю, ей повезло, что хотя бы не угодила в темницу. Потому-то, наверное, и перебралась сюда.

— Не понимаю вас. Почему именно сюда?

— Наверное, подумала, что лучше ей покинуть Тонтон и поселиться там, где к людям с таким особенным даром, как у нее, относятся терпимее. Говорят, когда она снимает повязку, то ее слепой глаз видит не то, что... Взгляните-ка вон на ту женщину.

Леди в сером чепце склонилась, чтобы перекинуться парой слов с женщиной помоложе, голова и плечи которой были укутаны в старый, полинялый красный платок. Она сидела на ступеньке, держа на коленях корзинку, полную розовых ленточек. Молодая женщина поднялась вместе с корзинкой, и благородная дама последовала за ней в переулок.

— На дне корзины, под лентами, — сказал Монгер, — спрятан хрустальный шар для гаданий.

Я ничего не сказал на это. У меня в Мортлейке их было пять штук. По пути я купил в лавке пару увядших за зиму яблок, дал одно Монгеру, и мы двинулись к вершине гордского холма. Там кузнец показал мне женщину, которая училась во Франции предсказывать будущее по картам судьбы. Затем Монгер кивнул мужчине с двумя охотничьими собаками.

Мужчина ответил ему широкой улыбкой.

— Вытащили из дома из-за моего старого прута, Джо. А вдруг найду им рогатого с когтями, который пускает кровь.

Мужчина был невысокого роста, с копной волос на голове и белой, точно салфетка, бородой до самой груди. Живые глаза сверкали подобно крупичам кварца. Монгер скромно улыбнулся в ответ.

— Теперь следует проявить больше благоразумия, Вулли. Даже тебе.

— Мне? Я должен участвовать в розыске какого-то малого, который прирезал того лондонца? Знаешь, Джо, что я отведу на это? Пошлю их подальше.

Кивнув, он похлопал себя по бедру, и собаки последовали за ним в сторону собиравшейся толпы.

— Как и многие другие, — пояснил Монгер, — этот парень выходит сухим из воды, потому что полезен. Файк нанимал его отыскать источник воды в своем поместье, в Медвеле, — так он нашел два.

— Нашел?

— С помощью раздвоенного прута.

— Хотите сказать, что он лозоискатель?

— Кое-кто зовет это занятие колдовством.

Это так. Некогда запрещенное, как колдовство, искусство отыскивать воду лозой во все времена было чрезвычайно полезно, чтобы запрет длился долго, и мне оставалось лишь сожалеть, что я не умею делать этого сам. Я покачал головой.

— Знаете, мастер, такой способ должен иметь научное объяснение. Это целая наука, пока неизвестная нам. Есть человек по имени Агрикола. Говорят, что он умеет находить железную руду, используя те же средства. Трудно поверить, что такое возможно.

— Почти все возможно, — ответил Монгер. — И кое-что невозможное, говорят, случается... здесь. Особенно то, что связано с водой. У нас как-никак остров. Именем Авалон.

Кузнец продолжил путь через рынок, безмятежно, почти скользящей походкой монаха. Словно он все еще был монахом и оставался под защитой закона.

— У меня больше ничего нет! — кричал старик в переднике, стоя в дверях булочной лавки и размахивая руками перед очередью покупателей. — Чертовы коннетабли забрали всё, что было. Ничего не могу поделать.

— У него замечательные пироги, — сказал Монгер. — Мастер Уорти печет лучшие пироги с бараниной во всем Сомерсетшире.

Как только толпа недовольных покупателей рассеялась, кузнец провел меня в лавку.

— Ничего нет, Джо, — предупредил булочник. — Я только что...

— Мы слышали. Знакомьтесь, мастер Уорти, — доктор Джон из королевской комиссии древностей. Готовит опись того, что осталось от аббатства.

Старый пекарь, дородный и наверняка с лысиной, спрятанной под колпаком, заметно напрягся.

— Доктор Джон желает лишь удостовериться, — сказал Монгер, — что все уцелевшие ценности... попали в добрые руки. Тебе нечего бояться.

Я посмотрел на кузнеца. Как он мог быть уверен в том, что старику незачем было бояться меня? Ведь Монгер не знал меня.

Что-то тут было не так.

Когда мы вышли наружу, ангельское крыло желтоватого света внезапно накрыло макушку заброшенной церкви на холме Святого Михаила, показавшейся между торговыми рядами.

— Это они? — спросил я. — Те, кого Файк считает колдунами?

В стенной нише, скрытой за старой нерабочей печью лавки, было спрятано несколько старинных книг, и самая лучшая из них — первый том «Стеганографии», выдающегося руководства по магии и тайнописи Иоганна Тритемуса, одного из первых аббатов в Спонхейме. Вероятно, книгу взяли из монастырской библиотеки, и, если бы меня заперли вместе с ней в той пекарне хоть на неделю, я бы не возражал.

— Эммануэль Уорти мнит себя алхимиком, — ответил Монгер. — Но лишь на том основании, что владеет всеми этими книгами, полными замысловатых рисунков, значения которых ему никогда не понять. Но я скажу вам, что есть и другие люди, более способные. Целитель, который лечит по пальцам ног способом древних египтян. Еще у нас живет женщина — седьмой ребенок седьмого ребенка, — которая предвидит будущее. Наконец, пятеро утверждают, что умеют говорить с мертвыми. О, есть еще изготовитель оберегов из древесины Святого Распятия — хотя с этим я бы поспорил.

— И все при этом знакомы...

— Все знакомы друг с другом, да. Даже разбросанные по всему городу и окрестным деревням, они составляют одну общину. Некоторые из них соберутся позже, после закрытия рынка. По крайней мере, — Монгер оглянулся через плечо, — обычно они собираются. Впрочем, сегодня все будет иначе.

— Они жили здесь в то время, когда вы были монахом монастыря? Вы знали тогда, что это за люди?

— Некоторые жили тут. Не так много, как теперь. А может, мы попросту не замечали их, поскольку в ту пору мы, благочестивые братья, были здесь в большинстве.

Я выяснил, что многие из этих искателей — Монгер называл их только так — пришли сюда со всех концов страны, а кое-кто прибыл из-за границы. В пору расцвета аббатства их если и замечали, то, во всяком случае, не обращали на них особого внимания. Лишь после крушения аббатства, отъезда зажиточных горожан и ухода монахов начали присматриваться к необычным талантам людей, которые не только не покинули город, но, напротив, стали умножаться числом. Многие прибывали, как бедные путники, и селились в палатках на окраине либо занимали брошенные дома. Церковь переселенцы посещали лишь столько раз, сколько это необходимо, чтобы не навлечь на себя подозрений, но в глубине души все эти люди веровали во что-то иное.

Целое сообщество переселенцев отвергло выгоды Лондона или Бристоля ради того, чтобы влачить жалкое существование в этом захолустье. Почему?

— Не все так просто, — ответил Монгер.

Я снова вспомнил, что говорил Файк о полночных кошмарах и людях-червях, воющих на луну.

Происходящее снова показалось мне необычайно странным. Зачем Монгер рассказывал все это мне, лондонскому чиновнику, несомненному последователю реформированной церкви? Подобные странности начинали тревожить меня, однако я был заинтригован, и ученый, живущий во мне, отбросил предосторожности.

Подобно той женщине с глазной повязкой, я получил право войти в неизвестный мне мир.

— Как вы познакомились с этими людьми, мастер Монгер?

— Благодаря своему ремеслу. — Не глядя на меня, он продолжал скользить по земле. — Я научился ему в аббатстве. Присматривал за лошадьми гостей и паломников. Просто удивительно, как мало внимания порой благоверные уделяют своим четвероногим собратьям. В конце концов, в аббатстве мне выделили место под кузницу, а теперь у меня мастерская по другую сторону монастырской стены. И я по-прежнему соблюдаю часы молитвы... и, — не привлекая внимания, — все ритуалы, подобающие монаху.

— Никто не беспокоит вас?

— Кузнец — важная фигура в жизни общества. А *хороший* кузнец — личность почти неприкосновенная. К тому же Гластонбери остается католическим городом, в какую бы церковь ни ходили его обитатели. Аббатство... излучало духовный свет и приносило исцеление. Хромые, ковылявшие на костылях, начинали ходить, ломали свои костыли и выбрасывали обломки.

— Но все это прошло...

— Нет, нет... или вы не поняли?

Торговые лавки закончились, и дальше дома становились беднее и постепенно терялись в пустошах и полях.

Мы остановились, и когда кузнец повернулся ко мне, его тусклый взор просиял ярким светом.

— Не прошло, доктор Джон. Все это существовало здесь до аббатства и существует поныне. Понимаете? Так здесь было всегда.

Во мне рождалось такое чувство, будто звезды зажигались в моей душе. Мне часто казалось, что для строительства больших церквей и монастырей выбирают особенные места, предпочитая гармонию холмов, полей и воды расположению этих мест относительно Иерусалима. Мне так сильно хотелось спросить об этом, но я промолчал.

— Аббатство само по себе лишь плотина, — сказал Монгер, — и потому требуется еще обеспечить каналы для... отвода энергетических сил. В противном случае они могут хлынуть через край и причинить вред.

Не говорила ли Элеонора Борроу нечто подобное о том, что монахи нужны в этих местах для поддержания равновесия? Несмотря на свою образованность, я снова почувствовал себя школяром, перед которым, словно очертания далеких гор, вздымалось могучее знание учителя.

— Тогда большинство из нас плохо понимало это, — продолжал Монгер, — но, если вдуматься, истинное предназначение аббатства состояло в том, чтобы превратить природную энергию этих мест в божественную субстанцию и рассеять ее над миром. Осторожно покрыть ею землю... это как духовное орошение...

— Пожалуй.

И я уже видел и слышал эту субстанцию. Словно поток грегорианского песнопения во всем великолепии своей строгой математической симметрии.

Холодок пробежал по моей спине.

— Откуда вам стало об этом известно?

— Предание, — ответил он.

— Об этом нигде не написано?

— Некоторые предания, — улыбнулся он, — всегда передаются только изустно.

— В таком случае, как?..

Но кузнец уже двинулся в обратный путь, разведя ладони, словно желал дать свое благословение всем горожанам, толпящимся возле бесчисленных торговых палаток.

— Люди еще приходят. Ищут чего-то. Думают, что уже само пребывание здесь, на этой святой земле, поможет им изменить жизнь.

— Святой?

— Громкое, неудачное слово, — ответил Монгер. — Однако у всего имеется обратная сторона. Кое-кто стремится... ускорить процесс.

— С помощью магии?

Я задумался над тем, что говорил Файк о петухе, зарезанном в аббатстве. И о принесенных в жертву младенцах, *лежащих с перерезанным горлом в траве.*

— Используя ритуальную магию? — спросил я.

— Когда новая вера переживает хаос, кое-кто возвращается к религиям прошлого.

Кузнец Монгер безмятежно окинул взором городскую толчею. Так игрок в шахматы осматривает шахматную доску. Я же был в этой игре конем, чей способ передвижения не позволяет легко увидеть, что ждет его впереди.

Кузнец повернулся, и наши взгляды пересеклись.

— На чьей стороне вы, доктор Ди? — тихо прошептал он. — Ибо во всей Англии не найти другого такого города, который был бы так близок вашему сердцу.

Глава 22

ЧЕРНЕЕ САЖИ

Порой я склоняюсь к мысли о том, что, несмотря на свою образованность, я все еще как дитя, незрячее и несмышленное. Я рано уселся за парту и лишь изредка отрывал глаза от своих книг. Теперь я часто чувствовал, что моя личность не получила должного развития, из-за чего я с трудом понимал мир вещей, о которых с такой легкостью судачили менее образованные люди. Ребенок тридца-

ти двух лет от роду. Дадли знал это. «И как только тебе удалось выжить в трущобах Парижа и Антверпена...»

Объяснение было простым: я никогда не бывал ни в трущобах Парижа, ни Антверпена. Только в лекционных залах да библиотеках.

Теперь я робко брел по улицам, словно голый, и следом за кузнецом вошел в дешевый, тесный трактир на окраине города. В его темной, провонявшей сидром утробе я пригнулся в углу возле замазанного сажей камина, под провисшим между балками закоптелым потолком. Голова пухла от вопросов, задавать которые мне не хотелось.

Забившись поглубже в тень, я проводил взглядом девицу примерно пятнадцати лет, разливавшую сидр из глиняного кувшина. Затем перевел глаза на Монгера, ждавшего в очереди позади двух мужчин, похожих на крестьян. Еще четверо сидели на табуретах за другими столами. Насколько я успел услышать их разговоры, речь шла только о ценах на шерсть и овчину. Вскоре Монгер присоединился ко мне. Поставив две кружки сидра на стол, он уселся на низенький трехногий табурет напротив меня, заправил за уши тонкие волосы.

— Мне рассказала Нел, — объявил он.

— Что?

Монгер пригубил сидра, проявив ту же сдержанность, что и Вильям Сесил за бокалом изысканного вина.

— Местный люд с любопытством следит за вашей деятельностью. Между искателями расходятся памфлеты и разные слухи.

Памфлеты. Боже, помоги мне.

— Но, как вы, наверно, успели заметить, — продолжил Монгер, — для большинства жителей этого города слово «колдун» не имеет ничего общего с оскорблением.

Огонь в камине шипел желтоватым пламенем. У меня пересохло в горле, но пить я не мог.

— Человек в горячечном бреде, — сказал Монгер, — редко бывает осторожен в высказываниях. И даже под пьяным дурманом склонен обращаться к другу по имени.

— Ах, вот что.

Я хлебнул немного крепкого сидра.

— Разумеется, одного имени недостаточно, — продолжал Монгер. — Многие носят одинаковые имена. В самом деле, бедная Нел сначала тоже не могла поверить своим ушам.

— Кому еще она рассказала?

— Только мне. Сначала несла всякую чепуху... в расчете на то, что я смогу подтвердить ее догадку.

— Похоже, вы полагаете, что вам это удалось.

— С некоторым риском, по правде сказать. А вдруг вы все же оказались бы агентом королевы?

— Я и есть агент королевы.

— Да, — сказал он. — Это то, что нам нравится в вас.

В нашем углу было слишком темно, чтобы я мог разглядеть лицо кузнеца, но я почувствовал, что он улыбнулся.

— Да и что может знать простой чиновник, — добавил он, — об Агриколе-лозоискателе?

При других обстоятельствах я, возможно, посмеялся бы от души. Мне все стало ясно теперь. Тому, что тревожило меня, нашлось объяснение. Откровенный рассказ Элеоноры Борроу:

«Лучше всего высаживать в новолуние и собирать при полной луне... Они обладают силой... О, не слишком ли я приблизилась к ереси?»

И Монгер... стал бы он показывать магическую библиотеку Эммануэля Уорти человеку, для кого подобные книги — ересь? Стал бы он показывать мне каждого уличного провидца Гластонбери, если бы сомневался во мне?

— Мы оба, Нел и я, допускаем, — тихо говорил Монгер, — что доктор Джон Ди скорее человек науки, чем охотник за привидениями. Однако странно, что человеку, известному широтой своих знаний, понадобилось приезжать в убогий городишко лишь затем, чтобы составить опись жалких останков бывшего величия.

Теперь я оказался в сложном положении. Если я не сумею удовлетворить любопытство кузнеца, он может выдать меня кому захочет. Хотя бы тому же Эдмонду Файку,

для которого различие между наукой и магией почти незримо.

— Вы не так далеки от истины, — ответил я.

Надеясь на то, что Дадли в горячке не называл себя королевским шталмейстером, я хотел было рассказать кузнецу чуть больше об истинной причине нашего приезда, как вдруг деревянная дверь кабака скрипнула и приотворилась узкой полоской света. В щели показалась тень, будто заглядывая внутрь, затем дверь отворилась чуть шире, и в зал проскользнула женщина. Быстро прикрыв за собой дверь, особа с прядями седых волос, торчащими из-под драного чепчика, плотно прижала ее своим задом.

— Налей-ка большую, Сэл! Должно быть, нас ждет дерьмовый год, девочка.

Я узнал ее: женщина с перевязанным глазом.

Монгер поднялся.

— Сюда, Джоан!

— Ты, что ли, брат Джо? Такая темень, что и двумя глазами ни черта не увидишь.

— Кружку крепкого сидра для миссис Тирр! — крикнул Монгер, пока женщина пробиралась к нашему столу, хватаясь костлявыми руками за воздух, словно в поисках опоры. — Что-то стряслось, Джоан?

— Коннетабли. Так называемые. Они везде. Большие ублюдки на здоровенных лошадях. Сегодня больше уже не заработать, Джо, мы слишком приметны, сам понимаешь.

Я подвинул ей табурет. Женщина огляделась по сторонам единственным глазом, приподняла юбку и уселась, неприлично расставив ноги.

— Обычно, если вдруг появятся, толкуешь им про будущее задарма или дашь пощупать за сиську — и они как шелковые. Только не сегодня, не сегодня, мальчик.

— Убит человек, Джоан, — сказал Монгер. — Так что...

— А мы ж тут при чем? Я никого не убивала. — Разглядев меня в полумраке, она вдруг напряглась. — Это кто?

— Друг. Доктор Джон. Из Лондона.

— Чё он тут позабыл?

— По королевским делам, Джоан.

— По королевским? Ладно, это все хорошо, только я не собираюсь сегодня ловить ни одну сволочь. Воздух чего-то какой-то странный. Темный. — Она обняла себя тощими, как тростинки, руками, будто в зале начало холодать. — Чернее сажки над холмом Михаила. Что-то будет. Чувешь? Ты чувствуешь... О, черт...

С грохотом отворилась дверь, впустив с улицы свет. Двое крестьян, что сидели в другом углу, тут же поставили кружки на стол, тихонько поднялись на ноги и прижались к стене.

На пороге стояли двое — две черные тени на ярком свету.

— Джоан Тирр?

— Вот дерьмо, — прошипела Джоан. — Все-таки выследили, ублюдки.

— Вон там.

Один из вошедших показал пальцем на наш стол. Второй начал медленно приближаться к нам. Вставая из-за стола, Джоан взяла табурет и подняла его перед собой, выставив ножками вперед.

— Эй, ребята, держитесь-ка подальше, вы ж знаете, я ничего не сделала...

— Только заставила нас побегать, старая потаскуха.

Широко расставляя руки, мужчина не давал ей прохода, но Джоан смеялась и отбивалась от него табуретом, увильывая из стороны в сторону, пока тот не обезоружил ее, отобрав табурет.

— Довольно! Никуда ты не денешься, Джонни. Ты знаешь, что нам надо.

— Чё? Прям тут?

Когда мужчина запустил в нее табурет, Джоан, гогоча, увильнула в сторону, и табурет с треском раскололся о стену.

— Где женщина, которая называет себя лекарем?

Тут я напрягся.

— Вы были вместе, нам это известно. Где она?

— Так откуда ж мне знать? — ответила Джоан. — Откуда у такой старой рухляди, как я, деньги на доктора?

— Или ты приведешь чертову докторшу к нам, или я...
При этом он метнулся за ней, и Джоан отскочила назад, хотя недостаточно быстро.

— Убери от меня свои лапы... у-у!

Ее голову резко повело вбок, когда другой мужчина ударил ее кулаком по лицу.

Голова Джоан повисла, словно сломанная голова куклы, и я поднялся из-за стола. Но Монгер тут же схватил меня за руку и прошипел в ухо:

— Стой! Будет только хуже...

Глава 23

НИЗШАЯ ФОРМА ВРАЧЕВАНИЯ

В тишине слышался только звон капель пролитого сидра, стекавшего через край стола. Большую кружку опрокинули в потасовке. Джоан Тирр скорчилась на полу, прикрывая лицо рукой. Двое коннетаблей молча стояли над ней.

— Где докторша, миссис Тирр? Если вам так угодно.

Коннетабль — тот, который ударил ее кулаком, — был совсем еще мальчишкой: его голос звучал по-детски.

— Не видела ее, — промямлила Джоан в каменный пол. Глазная повязка теперь сползла на бок. — Богом клянусь.

— Когда видела ее в последний раз?

— Не помню.

— Подумай хорошенько. — Коннетабль приставил к ней носок сапога. — Может, это поможет?

— Ладно, ладно! Ублюдок... Ходила осматривать человека в «Джордж».

— Какого человека?

— Который лежит там.

— Его имя?

— Больше ничего не знаю, Богом клянусь.

— Молись, если говоришь неправду.

— Это правда.

Коннетабль сильно пнул ее в бок. Полоса серебристого света из открытых дверей легла на его лицо, обнажив холодную ухмылку, похожую на глубокую рану, и мне показалось, что я видел его прежде.

Джоан тихонько стонала, но не поднималась с пола, пока коннетабли не вышли на улицу, хлопнув за собой дверью. Двое крестьян, наконец, отлипли от стены и спокойно вернулись на свои места, словно такое происходило здесь каждый день. Вполне возможно.

— У него лихорадка! — кричала с пола Джоан. — О, владыка Гвин, надеюсь, оба грязных ублюдка подцепят ее у него и сдохнут к утру!

Монгер помог ей подняться, и, встав на ноги, Джоан ощущала кончиками пальцев свой подбородок.

— Ладно, вроде ничего не сломали. Как по-твоему?

— Надо увидеться с Нел.

— Похоже, сегодня каждая сволочь хочет ее видеть.

— Так где же она?

— Не знаю, Джо. За городом. Ей хватает ума.

— Что им от нее нужно?

— Они мне сказали?

— Она не могла пойти проведать больного в «Джордже»?

— Почем мне знать? Он же из Лондона, так выпытают у него.

— Ясно. — Монгер повернулся ко мне. — Она не вернется домой. Если знает, что ее ищут, ни за что не станет подставлять своего отца. Джоан, где она может быть?

— Где моя выпивка? — ответила Джоан Тирр.

Больше не прикасаясь к скуле, она выпила залпом две кружки эля. Между тем на щеке и подбородке начинал наливаться зеленовато-багровый синяк, похожий в отблесках каминного пламени на грозовое небо.

Джо Монгер уговорил Джоан послать за ним в любое время, если она почувствует себя хуже после побоев. Кузнец расспросил ее о числе коннетаблей на улицах. По ее словам выходило, что их не меньше дюжины, и ожидали прибытия еще одного отряда из Мендип-Хиллз.

— Джоан могла посчитать одного человека трижды — с нее станется, — заметил Монгер. — В любом случае, все это плохо. Если бы кто-то из нас сейчас вмешался в драку, они сразу позвали бы подкрепление. Нас бы избили, взяли под стражу... здесь бы все разнесли в щепки.

Монгер кивком предложил выйти на свежий воздух. Я последовал за кузнецом, и, едва мы оказались на улице, яркий свет ослепил глаза, заставив нас поморгать. Торговые палатки уже спешно сворачивались, товар грузили на телеги.

На улице царила почти полная тишина. Монгер огляделся по сторонам.

— Это Файк. Он давно искал предлог выступить против... тех, кто поклоняется камням и звездам.

— Червяков, — сказал я.

— Что?

Я покачал головой.

— Так если коннетабли пошли в трактир?..

— Ерунда, — ответил Монгер. — Ковдрей все уладит. Когда они узнают, что больной, которого лечила Нел, из Лондона, они вернутся назад. Не станут связываться со слугой короны.

Обращение коннетаблей с Джоан Тирр казалось мне отвратительным, и я почувствовал за собой вину за то, что сообщил Файку, где я видел в последний раз Мартина Литгоу. Судья ухватился за факт, что Элеонора Борроу была в тот момент со мной. Я рассказал Монгеру о том, что произошло между Нел Борроу и Файком на вершине холма.

— И больше вы не видели ее?

— Позже пытался ее разыскать, но...

У меня на душе скребли кошки. И все-таки что позволяло Файку подозревать, будто женщина могла совершить такое злодейство с Мартином Литгоу?

— Мастер Монгер, за что Файк повесил мать миссис Борроу?

— Это он вам сказал?

— Ничего толком не объяснив.

Монгер зашагал на противоположную сторону улицы.

— Здесь не Лондон, — ответил он. — Тут все гораздо проще.

Решив разузнать об этом подробнее, я последовал за кузнецом вниз по холму, сквозь редящую толпу. Мы шли к центру города. Кузнец держался ближе к монастырской стене.

— Куда вы идете? — спросил я, когда ворота аббатства остались позади нас.

Монгер показал на новую церковь в нижней части города — невысокую и с колокольной куда более скромной, чем у церкви Святого Иоанна. Я поравнялся с кузнецом. Небо над нашими головами казалось теперь шершавой козлиной кожей, туго натянутой на барабан.

— Расскажите мне о Файке, кузнец.

— Я плохо знаком с Файком.

— Разве он не был монахом аббатства в одно время с вами?

— Это еще не значит, что мы друзья. Аббат был очень доволен, что я много работаю в кузне. Обычно я виделся с другими монахами только во время молитвы. За молитвой монахи много не говорят.

— Теперь он протестант.

— Или находит полезным казаться таковым для других. При прошлой королеве, когда появилась надежда получить деньги на восстановление монастыря, он снова стал добрым католиком. Подозрительно часто меняет свои убеждения, знаете ли.

Мы свернули в узкую улочку за церковью. Дома здесь имели жалкий вид, однако под ногами было на удивление сухо — в Лондоне сливные канавы сейчас были бы полны нечистот.

— Файк предложил монахам преподавать в колледже, — сказал я. — Вас пригласили?

— Разве им нужен кузнец? — фыркнул Монгер. — Кстати, монахов из нашего аббатства в Медвеле совсем не много. В основном припленные из других мест — образованные. Тяжеловесы. Файк зовет их божьим воинством. Против зла более древнего, чем христианство.

— Против зла? Джоан Тирр и ее эльфов? Лозоискателя, который раздвоенным прутиком находит воду? Стоит ли Файку бояться этих людей?

— Почему вы думаете, что это страх?

— Поверьте мне на слово, — ответил я. — Всегда только страх.

Тем временем мы подошли к дому, что стоял в конце улицы, рядом с церковью. Он был больше и лучше других, с промасленными деревянными перекладинами стен. В дверях стоял пожилой седоволосый мужчина в чистом полинялом переднике и ермолке цвета старого пергамента.

— Значит, они побывали здесь, — сказал Монгер.

Сжав губы, старик ответил едва заметным осторожным поклоном.

— Сколько их было, Мэтью?

— Трое. Включая самого Файка.

Голос старика был сухим, словно пепел; бледное, напряженное лицо; встревоженный взгляд.

— Но они не застали Нел дома?

— Должно быть, она рано ушла, Джо. Не знаю куда.

— Но вчера вечером она была дома?

— Не знаю... — Плечи старика обвисли. — Я вернулся домой очень поздно. Надо было принимать роды на ферме под Батли. Женщина рожала двойню, и мне пришлось резать, иначе младенцы умерли бы вместе с матерью. Я думал, что Нел уже спит, когда вернулся вчера. А потом... она ушла раньше меня.

Монгер повернулся ко мне.

— Это отец Элеоноры — доктор Борроу. Знакомься, Мэтью, доктор Джон. Приехал к нам по делу... по государственному делу. Но, думаю, ему можно доверять. Что сказал Файк?

— Почти ничего. Только осмотрел весь дом, велел своим людям вытряхнуть все из шкафов и перерыть все полки сверху донизу.

Я вспомнил шутку его дочери про эликсир молодости: девяносто, а выглядит на пятьдесят. Возможно, ему и было

всего пятьдесят — старик выглядел подвижным и крепким.

— Это все? — спросил Монгер.

— Нет.

Свесив руки, кузнец молча ждал.

— Мои инструменты, — продолжал доктор Борроу. — Я вернулся около трех часов ночи. Сразу отправился спать, а сумку с инструментами кинул... просто в угол. Где люди Файка и нашли ее сегодня. Сначала я не придавал этому значения. Больше боялся, как бы они не нашли... неправильные книги.

Вероятно, старик подразумевал те самые книги, по которым его дочь изучала науку о звездах. Может быть, и эти книги тоже из библиотеки аббатства.

— Твои *хирургические* инструменты? — спросил в нерешительности Монгер.

— Знаешь, Джо, по привычке я чищу их сразу, как только возвращаюсь домой. Нехорошо, если больной увидит лезвие, запачканное кровью, которая осталась после предыдущей операции. Но в этот раз я чертовски устал, чтобы сразу позаботиться об инструментах.

— Ты имеешь в виду свои хирургические ножи, верно? — уточнил Монгер. — Хочешь сказать, они нашли у тебя окровавленные ножи?..

— Да, да, да... — Доктор зажмурил глаза. — К несчастью, они нашли их.

— Тебя обвинили в убийстве того человека? — спросил кузнец.

— Лучше бы они обвинили меня. Файк хотел знать, проводила ли раньше Элеонора хирургические операции.

Тревога легла камнем на мое сердце.

— Она оперировала? — спросил я.

— Только если не было другого выхода.

Хирургию называли низшей формой врачевания, ставя ее в некоторых книгах рядом с ремеслом мясника. Я повернулся к Монгеру, но тот избегал моего взгляда, а доктор Борроу, стараясь скрыть явное отчаяние, уставился на

дыры в своих ботинках. Я вспомнил слова Джоан Тирр о зловещей тьме над холмом Святого Михаила.

— Я объяснил Файку, откуда на ножах кровь, — сказал доктор. — Но, кажется, он даже не слушал меня. Поднял сумку, сунул ее коннетаблю. Велел забрать. Улика, говорит.

— Вот и все доказательства, которые ему требуются, — заметил Монгер.

Как быстро все меняется в этом мире, когда волнуется сердце, расставляя заботы в новом порядке их важности! До сих пор я не понимал, какие эмоции желают выразить люди, говоря, что у них разрывается сердце. Или же в Гластонбери чувства становились сильнее... Тут самый воздух будто обострял их, как оселок точит лезвие клинка: мысли становятся глубже, вкус — насыщеннее, а картины, которые видишь, когда закрыты глаза, представляются в более ярких красках.

Откинувшись на спинку дубовой скамьи в гостевой зале трактира «Джордж», я наблюдал за краешком солнца, тщетно пытавшегося пробиться сквозь нагромождения облаков. Я снова вспомнил о ней: сидит среди больших камней у родника железной воды, в центре круга голых деревьев. Вспомнил ее изумрудные глаза, выцветшее синее платье, засученные до локтей рукава и обнаженные — о мой Бог! — смуглые, в мелких веснушках руки.

— Как нам это остановить? — спросил я.

Монгер — он сидел напротив меня — выдержал долгую паузу.

— *Нам?* — удивился он. — Вы уверены?

Я опустил глаза, чтобы скрыть нараставшее во мне волнение и выбросить Элеонору из головы, забыть зеленые глаза и улыбку кривоватых зубов. Я боялся, что выдам себя, открыв слишком многое.

— Мне надо еще посоветоваться с вами насчет плотника. Понадобится гробовщик. Могильщик. Викарий.

— С этим можно подождать до завтра, — успокоил меня Монгер. — Я пришлю их к вам. Хотя мне кажется, лучше не трогать труп до приезда Кэрю.

Когда мы вернулись в «Джордж», Ковдрей сказал, что Файк приходил в трактир лично с твердым намерением расспросить мастера Робертса в его спальне. Однако Дадли лихорадило снова, его глаза горели огнем, ухудшение болезни не вызывало сомнений, и Файк даже не рискнул переступить порога комнаты, боясь подхватить заразу.

— Не думаю, что Кэрю займет иную позицию, — предположил Монгер. — Реформы едва коснулись Запада. Если Кэрю получит веские доказательства, он не станет тянуть дольше, чем Файк.

— У Кэрю здесь реальная власть? Власть шерифа?

— У него столько власти, сколько он хочет. Предводитель рыцарства Девоншира, владелец аббатства и монастырских земель. Похоже, тут у него куда больше прав, чем он имел бы, если б жил в Лондоне. Говорят, что там рыцари идут по две штуки за грош.

— Она — целительница, — сказал я, желая кричать об этом так, чтобы сотрясались стены. — Настоящая. Не то что эти нюхатели мочи в белых масках. Но ведь есть женщина, родившая двойню. Женщина, чья жизнь и жизнь ее детей была спасена, она обязательно скажет перед судом, что доктор Борроу резал ее живот. Подтвердит, что на ноже ее кровь?

— Если выживет. Такие раны часто приводят к смерти. В любом случае, она будет говорить то, что скажет ей муж. А муж... Крестьяне в окрестностях Батли — все арендаторы и еле сводят концы с концами. Они будут сожалеть об этом, но скажут то, что угодно землевладельцу. Я знаю его. Подковываю ему лошадей для охоты, на которую он время от времени ездит со своим соседом. А сосед его — наш мировой судья.

— Файк?

— Кто знает, когда тебе может пригодиться мировой судья, не так ли, доктор Джон?

— Мой напарник, — деловито произнес я, — пользуется влиянием. Он поговорит с Кэрю.

Монгер скривил лицо.

— Вы, кажется, не понимаете. Отрава расползается быстрее, чем мы говорим. Шутка ли: человеку вывернули наружу кишки и выложили, как на праздничном алтаре! Старики уже, наверное, дрожат от страха, прячась за дверью своих домов. Кто следующий? И кого обвинят? Стоит Файку только назвать имя — и появятся люди, которые заявят перед судом, будто у них дохла скотина, если не было денег, чтобы заплатить за услуги доктора Нел Борроу. Жаль... но могу сказать вам, что трудностей с этим не возникнет.

— Она — врач.

— Врач, который стал слишком похож на тех, кто поклоняется камням и звездам.

Я закрыл глаза и вспомнил, как скоро появились лживые свидетельства о темных делах Анны Болейн после того, как муж объявил ее ведьмой.

— Нужно понять, доктор Джон, что все эти люди — искатели — лишь малая часть населения Гластонбери. Коренные обитатели города живут в божьем страхе перед сокрушительной силой этой земли. Они боятся последствий, которые может вызвать вмешательство людей вроде безумной Джоан в заведенный порядок вещей.

— Нового землетрясения, например?

— Вам, просвещенному лондонцу, это может показаться смешным...

— Если вы думаете, что я стану смеяться над этим...

— Простите, — оборвал меня кузнец, вскинув руки. — Конечно, я знаю ваши интересы. Я просто пытаюсь объяснить, что местный люд — не ученые и схоласты, и единственное, чего он желает, — это спокойной жизни, да чтобы был хлеб на столе. Они не суют нос куда не следует. И, несмотря на все разговоры о сокровищах, спрятанных в этой земле, вы не встретите ни одного кладоискателя на холме Михаила. Говорят, будто однажды некий человек поднялся туда с молотом, чтобы добыть строительный ка-

мень, но внезапно среди ясного неба полыхнула молния. Одним ударом по молоту человека сразило насмерть.

— Это был или предание?

— В Гластонбери между ними нет разницы. Говорят, что если приложить руки к некоему опорному камню в углу башни, то испытаешь ощущение, будто тебя ударило молнией.

— Наверняка этому имеется объяснение. — Я вспомнил о своем собственном падении на дьявольском холме. — Научное объяснение. Если бы я располагал временем...

— Тогда и вы очень скоро настроили бы старожилов против себя. Им не нравятся те, кто пытается проникнуть в неизвестное. То, что вы зовете наукой.

— Знаю.

— Нел встала на путь... из зыбучих песков.

— Так же, как ее мать?

Монгер улыбнулся своей печальной улыбкой священника.

— Кейт Борроу вырыла себе могилу собственными руками. Быть может, своей добротой, но все равно она виновата сама.

Темнело. Близилась ночь. Было слышно, как за стеной Ковдрей со служанками подавали сидр крестьянам и, возможно, одному или двум коннетаблям. Однако зала, в которой сидели мы с кузнецом, предназначалась только для постояльцев трактира, и мы по-прежнему оставались одни.

— Расскажите. Расскажите мне о ней, — попросил я.

Глава 24

ГРИБНАЯ ПЫЛЬ

Мать Элеоноры Борроу была травницей. Долгие дни проводила она на клочке земли в два акра отвоеванной у моря суши, где мирно растила зелень и овощи — морковь, репчатый и зеленый лук, бобы и капусту, — чтобы продать их на рынке в Гластонбери.

А также лечебные травы. В доме своего мужа, у церкви Святого Бениния, имелась маленькая каморка, где собранные травы сушили, а затем измельчали в порошок. Мать Нел, скромная женщина, предпочитала, чтобы слава за бальзамы, мази и снадобья для зараженных ран и больных животов доставалась мужу.

— Я познакомился с ней больше двадцати лет назад, — рассказывал Монгер, — когда был еще монахом в аббатстве. В то время она работала у аббата на кухне. Это было еще до того, как она привлекла внимание нового врача и научилась применять и выращивать лекарственные травы... И потом стала дружить с аббатом.

После разгрома аббатства она продолжала заниматься лечебными растениями, хотя и не так открыто. Одна женщина, кухарка из аббатства, иногда помогала ей. Затем, при юном короле Эдуарде, в годы протектората¹, когда общество было терпимее, она получила свободу действий и смогла экспериментировать в тех областях медицины, с которыми редко имеют дело целители тела.

— Не все болезни телесны, — объяснил Монгер.

Кузнец рассказал мне об одном человеке, небедном торговце шерстью, который после гибели жены и дочери во время пожара, случившегося в их доме, разуверился в Боге и до того отчаялся, что едва не наложил на себя руки.

— Жуткие головные боли изводили его, — продолжал Монгер. — И надо сказать, что они вовсе не следствие попыток утопить горе в вине. Это нечто вроде агонии, какая возникает внезапно, вместе со вспышками света в глазах, и даже самое темное помещение не дает облегчения.

— Я слышал о ней.

За стеной, в пивной зале, раздавался звон кружек и грубоватый смех Ковдрея.

— Кейт дала купцу какой-то порошок из грибов, — сказал Монгер. — Его надо размешивать в большом количе-

¹ Т. е. в 1547–1549 годах, когда лордом-протектором при малолетнем короле Англии Эдуарде VI состоял Эдуард Сеймур, 1-й герцог Сомерсет.

стве воды. Результат поразил всех. Словно божье деяние. Точно какая-то мистика.

В одно прекрасное утро Монгер встретил того купца на вершине пологого холма, за восточной окраиной города. Теперь это был другой человек. Он стоял на вершине, вознеся руки к небу, и воспевал красоту мироздания. Говорил, что никогда прежде не видел подобных красок. Позже, в тот же день, купец исповедался Монгеру в трактире «Джордж», в той же комнате, где теперь сидели и мы, и признался, что его душу излечила не молитва и не вера в Святое Писание, но Кейт Борроу и ее грибной порошок.

— Порошок не только снял головные боли, но позволил ему увидеть мир в более ярких красках. — В голосе кузнеца вдруг зазвучало уныние. — Небеса на земле.

Я внимательно слушал его. Ведь то же самое говорили о грибах, которые собирал для меня Джек Симм. Я утайкой готовил из них отвар, который затем распивал вечерами в своей библиотеке, среди книг, в окружении мудрости столетий. Правда, в моем случае я никогда не достигал иного результата, кроме головокружения и легкой головной боли.

— Вероятно, такое зелье пользовалось особым спросом, — осторожно заметил я.

— Но, к несчастью, — ответил Монгер, — имелся — всегда есть — определенный риск. Действие напитка... было непредсказуемо. И, вместо ощущений восторга, частенько случались такие видения, какие не приснятся даже в самом кошмарном сне. Понимаете? Рай или ад. Что выпадет.

Эликсир счастья или кошмара. Я слышал разные толки о нем в Нидерландах год или пару лет назад, хотя тогда его, кажется, называли эликсиром жизни — никогда не знаешь, чему верить.

— И поскольку предугадать действие напитка невозможно, — продолжал Монгер, — Кейт Борроу давала его лишь в крайнем случае. Например, против жуткой головной боли, или если имелись основания предполагать, что

кто-нибудь настолько несчастен и убит горем, что готов отправиться в лес, прихватив с собой кусок крепкой веревки.

— Помимо того торговца шерстью, кому еще?..

— Кейт испытывала воздействие зелья на себе. Только с осторожностью, в малых количествах. Мэтью тоже однажды попробовал отвар — говорит, всего один раз. Они следили за тем, чтобы тот, кто принимал зелье, никогда не оставался один, иначе можно причинить вред самому себе.

— Каким образом?

— Об этом чуть позже.

— Значит, эти... — Я вспомнил слова Сесила. — Эти видения...

— Я... — Монгер заколебался. — Я слышал, что действие зелья зависит от того, где его принимаешь. И думаю, кроме того, зависит от настроения человека в момент приема.

Я ждал продолжения. В комнате сильно стемнело, и я больше не мог разглядеть лица кузнеца, не говоря уже о том, чтобы прочесть его чувства.

— Джоан Тирр, — сказал он. — Прознав о порошке видений, Джоан загорелась желанием испытать его действие. И таким вот глупым, невинным образом она послужила причиной падения Кейт Борроу.

Джоан Тирр сама была травницей, хотя едва ли водила знакомство с Кейт в те времена, когда проживала в Тонто-не, сильно рискуя жизнью из-за своих связей с миром эльфов и фей. Похоже, с помощью эльфов Джоан сообщала людям о сглазе и предлагала им помощь.

Я слышал об этой сомнительной практике, рассчитанной на несчастных и отчаявшихся, и понимал, что она рано или поздно привлечет внимание церкви и будет прекращена.

Я ошибся. Представ перед церковным судом, Джоан созналась во всем и поклялась служить Богу... замышляя при этом вернуться к прежнему занятию где-нибудь в другом месте, как только шум поутихнет. Однако эльфы не

просто забывают предательство и — во всяком случае, со слов самой Джоан, — больше не станут доверять ей.

Эльфы не вернули ей зрение, и Джоан так и осталась почти слепой. Тогда-то она и решилась покинуть Тонтон и податься в Гластонбери, где, как она слышала, преобладало более терпимое отношение к мистике.

— Она видела холм Святого Михаила, — сказал Монгер. — Издали, в вечерних сумерках, он кажется волшебным. И она слышала предания о том, что король эльфов, Гвин-ап-Нудд, все еще обитает в своих чертогах, скрытых внутри холма.

Полагая, что Гвин, возможно, отзовется на ее отчаянные мольбы, Джоан отправилась в Гластонбери, пристав к ватаге путников на случай, если ей понадобится защита. В лесочке у подножия холма Святого Михаила она устроила себе шалаш из молодых деревьев и тростника. Шло лето, и Джоан провела там несколько недель в постоянных молитвах о том, чтобы эльфы забрали ее в королевский зал.

— Значит, связи Джоан с эльфами, — предположил я, — не были только...

— Плодом ее воображения? — договорил за меня Монгер. — Многие считают ее сумасшедшей, но...

Недели сменяли друг друга. Настала осень. Джоан продрогла до костей от промозглого ветра и холодных, темных ночей. Однажды Джо Монгер нашел несчастную женщину в ее шалаше, изнуренную и полуголодную. Кузнец отвел ее в город, передал заботам доктора Борроу, и тот устроил ей постель в передней своего лазарета, где время от времени оставлял больных для лечения. Когда Джоан поправилась, доктор пристроил ее горничной к одной престарелой даме, разделявшей ее увлечение волшебством.

Однако Джоан по-прежнему пребывала в тяжелом унынии, у нее ухудшалось зрение. Узнав об исцелении приятеля Монгера, торговца шерстью, Джоан вернулась в отчаянии к Кейт Борроу и принялась упрашивать ее раскрыть состав порошка из трав, который открывал путь в райские кущи, с их небесами цвета зеленых яблок и лесами, сини-

ми, как далекое море. Или, как это представлялось ей самой...

— В страну эльфов? — догадался я.

— Кейт Борроу, разумеется, отказала, считая Джоан душевнобольной и боясь, что она может нанести себе тяжелый вред. Но Джоан не оставляла ее в покое. Она хотела в последний раз подняться на холм Святого Михаила и там принять порошок видений. Перед развалинами церкви.

— Отважная женщина.

— Одержимая, — поправил Монгер. — К тому времени она совсем перестала принимать пищу. Несколько недель морила себя голодом. Если думаете, что сейчас она худая... Боже мой. Одежда висела на ней, выпадали волосы. Она ждала встречи со смертью. В конце концов Кейт согласилась. При условии, что они с Мэтью пойдут вместе с ней на холм и останутся там, пока Джоан будет принимать зелье. Мэтью, конечно, сопротивлялся до самого конца, боялся, что Джоан Тирр начнет визжать и бесноваться в беспомощном возбуждении на вершине, быть может, самого приметного холма во всем Сомерсете. Потом, наконец, согласился на условия, что это произойдет в канун Дня всех святых.

Я плотнее прижался к спинке скамьи.

— Вот именно, — заметил Монгер. — Однако Мэтью... Вам следует знать, что Мэтью ходит в церковь не чаще, чем требуется, чтобы избежать наказания, и всегда только рад случаю уйти с середины службы, когда какому-нибудь больному понадобится его помощь. Думаю, его наука имеет более узкие рамки.

— Хотите сказать, что он не верит в Бога?

— По-моему, он ни во что не верит... и ничего не боится. Мэтью боится только людей — в отличие от большинства тех, кто живет здесь, как вы понимаете. В канун Дня всех святых город зажигает огни, накрепко запирает двери и до утра отворачивается от холма Святого Михаила.

— Дьявольского холма.

— Наверное, это единственная ночь, когда они могли быть уверены, что никто не потревожит их там. А если

кто-то и окажется на холме... — Мне показалось, что на лице Монгера появилась горькая улыбка. — То кем бы ни был тот сумасшедший, он будет слишком погружен в собственное безумие, чтобы обратить внимание на Джоан Тирр.

— Или надеялись на то, что Джоан, в канун Дня всех святых, сама побоится идти на такой риск и...

— Именно так, — согласился Монгер. — Мэтью говорил, что если Джоан откажется теперь, то всему этому хотя бы будет положен долгожданный конец.

Я ждал, когда Монгер расскажет мне о том, чем все закончилось, но кузнец ограничился только тем, что Джоан не отказалась от своего намерения и, в итоге, в канун Дня всех святых они втроем отправились на дьявольский холм.

Атмосфера на вершине дьявольского холма мне самому показалась довольно необычной, и потому я счел, что Джоан Тирр была либо очень смелой женщиной, либо сумасшедшей, либо была сильно уверена в близости иной сферы существования. И ее благосклонности к ней.

— Мне лишь известно, — продолжил Монгер, — что Джоан заявила, будто, начиная со следующего дня, ее зрение — по крайней мере, в зрячем глазу, — мало-помалу стало улучшаться. — Кузнец пожал плечами. — Хотя мы знаем об этом только с ее собственных слов.

— Вы не говорили об этом с супругами Борроу?

— Ни Кейт, ни Мэтью Борроу долгое время никому ничего не рассказывали об этом. Мэтью, понятное дело, не покидала уверенность в том, что все увиденное Джоан являлось только игрой ее разума. Самое ужасное, дорогой доктор Джон... хуже всего не то, что видели они, а то, что видели их самих. Всех троих. Как они поднимались на холм в самую жуткую ночь, когда смерть покидает могилу.

— Кто же их видел?

— Один крестьянин-арендатор, Дик Моулдер. В ту ночь он искал заблудившуюся овцу и заявил, будто заметил, как они поднимались на дьявольский холм со свечами в руках, а затем он видел, как они собрались у церковных руин. Сказал, будто они плясали и пели, обращаясь к луне.

Я почувствовал сомнение в интонации кузнеца.

— Полагаете, что он вовсе не видел их?

— Думаю, *кто-то* видел их там или слышал. Но я знаю Моулдера: он набожный человек и с наступлением темноты не подойдет к холму ближе чем на милю. Гораздо вероятнее, что их могли увидеть из поместья Медвел. Однако это слишком явно бросает тень на Файка, потому Моулдеру приказали — либо заплатили, — чтобы он сказал, будто видел их. Так все и началось. Новая беда произошла несколько недель спустя, как раз тогда, когда собирали дополнительные свидетельства, чтобы поддержать более серьезное обвинение.

И оно появилось. Все завершилось страшной трагедией.

Разболтала ли Джоан Тирр по всему городу о том, что снадобье Кейт улучшило ее зрение через некое внутреннее видение, Монгер не знал. Точно ему было известно лишь то, что через неделю к доктору Борроу обратился заезжий купец и предложил приличные деньги за небольшую меру порошка видений, сулившего показать небеса. Мэтью отправил торговца ни с чем, но, вероятно, тот вернулся и пробрался в их дом, когда Мэтью занимался больным, а Кейт трудилась в саду. Через два дня зелье появилось на рынке в Сомертоне — городке в нескольких милях отсюда.

Версия кузнеца показалась мне необоснованной, ибо вор не знал, какой именно порошок обладал волшебными свойствами...

— Он взял все, что смог унести в мешке, и распродал — люди покупают задешево все что угодно, тем более если им говорят, что товар заграничный. Одного покупателя, повидавшего райскую жизнь, хватило бы для того, чтобы подхлестнуть спрос на товар.

Однако все вышло не совсем так, как ожидал вор.

— Кейт неоднократно говорила мне, что самое главное — количество принимаемого снадобья, то есть порошка из грибов и всего прочего, что с ним смешано. И количество это... — Монгер поднял руку и почти сомкнул большой и указательный пальцы — очень, очень маленькое.

Кузнец рассказал, что пузырек снадобья купил шестнадцатилетний сын одного крупного землевладельца. Вечером того же дня юноша ушел на гулянку со своими друзьями. И больше не вернулся домой.

— Ребята покинули своего товарища в страхе перед его поведением, — рассказывал Монгер. — Они заявляли, что тело юноши извивалось в конвульсиях... словно в танце. Он кричал, будто черти щиплют его, а руки и ноги горят огнем.

Должно быть, я вздрогнул — Монгер как-то странно взглянул на меня.

— Его тело обнаружили только через неделю, оно запуталось в кустах под мостом. Юноша бросился в реку, чтобы погасить пламя в руках и ногах.

Кузнец рассказал, что торговец бежал из Сомертона, но вскоре беглеца изловили. По предположению Монгера, в обмен на жизнь купец сознался в краже травяной смеси, изготовленной Кейт Борроу.

— И было установлено, что несчастье случилось вследствие приема порошка видений?

Мне показалось, что я уже слышал о чем-то подобном, когда жил во Франции.

— Хотя никто больше не умер таким же образом, юноша не был единственным, кто жаловался на жар в руках и ногах, на видения ангелов и чудовищ, являвшихся под неземным небом. Пузырьки со снадобьем Кейт Борроу купили еще несколько человек. А потом, когда готовилось заседание суда, пришло известие о смерти младенцев.

— Что?

— Новорожденных, чьи матери, как выяснилось, принимали зелье, чтобы облегчить страдания, которые случаются иногда при родах. Люди кричали, что гнев божий пораил их.

В тот же день Кейт Борроу взяли под стражу, обвинили в колдовстве. Потом состоялась казнь.

— Повесили за то, что она готовила смеси из трав?

— За убийство.

— Да любой мало-мальски знающий законник расстроил бы подобное обвинение.

— В Лондоне — возможно...

Голос кузнеца оборвался от горьких воспоминаний. На улице сгустились сумерки, и окно нашей комнаты потемнело. В камине догорал красный огонь.

Да и в Лондоне... Я вспомнил свое заточение. Вспомнил, как благодаря знаниям законов сумел опровергнуть так называемые доказательства, в которых клялся глава рождественских увеселений.

И, тем не менее, мое положение оставалось опасным и меня отправили бы на костер, если бы епископ Боннер не проявил ко мне интерес.

— Полагаю, — сказал я, — Файк не мог судить ее на суде четвертных сессий... или у вас тут не так?

— Не так. У нас все не так. Но закон везде один. Преступление, за которое полагается смертная казнь, может разбирать только выездной суд присяжных.

— В Уэлсе?

— Суд закончился быстро, — сказал Монгер. — Нашелся новый свидетель, которого никто не видел ни прежде, ни после судебного заседания. Однако он заявил, будто видел, как миссис Борроу носила ведрами сырую землю со свежих могил. Чтобы разбросать ее по своему огороду. Это было в самые мрачные дни правления королевы Марии. Все жили в страхе и суеверии. И когда, наконец, Дик Моулдер предстал перед судом, чтобы свидетельствовать о том, как в канун Дня всех святых трое поднимались со свечами в руках на холм, он признался, что миссис Борроу часто собирала травы на его земле.

Дальнейший ход событий был неожиданным. Монгер говорил с надрывом, и я заметил, что обычно безмятежное лицо кузнеца скорчилось от боли при воспоминаниях о Кейт Борроу. Перед судом она заявила, что Моулдер ошибается, поскольку в ту ночь она была на холме одна.

Монгер только предположил, что она сказала так для того, чтобы спасти жизнь мужа. И Джоан Тирр, однажды уже представшей перед церковным судом.

Гробовое молчание прервал Дик Моулдер. Размахивая руками, он закричал: «Если она была там одна, значит, ее спутниками были духи!»

— И в тот же миг, — продолжал Монгер, — дверь судебного зала открыло порывом ветра, и та хлопнула. Холод ворвался в зал, какая-то женщина закричала... всего этого оказалось бы достаточно, чтобы осудить самого папу римского.

— А как насчет смерти юноши? — спросил я. — Неужели она признала себя виновной?

— Нет. Кейт просто больше ничего не сказала. Отказалась отвечать на дальнейшие вопросы суда и только стояла там, бледнея. Она стала белой, как привидение, будто уже отходила в иной мир. Помню, как отчаялся Мэтью, пытаюсь поймать ее взгляд, но Кейт так и не посмотрела в его сторону. Он больше не увидит ее глаз. Никогда не увидит. Это самое страшное.

— Не хотела впутывать его в это дело?

— Будто хотела сказать: «Все кончено и ничего не изменишь. Возвращайся к работе. Забудь меня».

— А что Элеонора? Она была?..

— Ее не было на суде. Ей велели, в интересах ее матери, держать Джоан Тирр подальше от посторонних ушей.

На другой день Мэтью Борроу во главе группы городских старейшин отправился в Медвел, к Файку, чтобы просить о спасении жизни жены. Файк, бывший монах, обещал сделать все возможное, и Мэтью вернулся с надеждой. Удерживая свою обезумевшую дочь, он заверил ее, что они найдут доказательства невиновности матери, добьются пересмотра вердикта, дойдут до королевы Марии...

Но на следующий день, на рассвете, Кейт Борроу без церемоний повесили в Веллсе. Файк милосердно заявил, что, по крайней мере, спас ведьму от сожжения. Затем великодушно позволил им забрать тело с условием, что его не похоронят на освященной земле.

Все это произошло немногим более года назад. Неудивительно, что Элеонора Борроу не терпела присутствия этого человека.

— Никто в городе не поверил в ее виновность, — сказал Монгер. — Скрамная женщина щедрой души жила ради своего садика и тех знаний, которые можно получить с его помощью. Ради новых лекарств из растений, ради людей, которым она могла бы помочь.

— Но... Боже мой, зачем он это сделал? Почему Файк желал ее смерти?

— Думаю, причина в порошке видений. Ходили слухи, что однажды его сын принял порошок. Не знаю, что там произошло, но, должно быть, это напугало Файка. Порошок казался ему опасным... бесконтрольным. Быстрое свидание с Богом без всякой санкции церкви... Раз ей удалось создать такой порошок, что еще она могла сделать?

— Ее казнь должна была послужить примером, и потому...

— Не знаю, что происходит в голове этого человека.

— А что Элеонора?

— Незадолго до тех событий она вернулась из колледжа — двумя годами ранее отец отправил ее в Бат изучать медицину. Она всегда была жизнерадостным ребенком, много смеялась. Всегда было известно, о чем она думает. Потом... — Монгер опустил глаза. — Знаете, что самое скверное в этой истории? До разгона монастырей мировым судьей был сам аббат. Друг Кейт.

Я попытался заглянуть кузнецу в глаза, но их будто скрывали шторы.

— Вопреки своим чудесам, несмотря на атмосферу духовного мятежа, это несчастный город, — произнес кузнец. — Зачем вы здесь на самом деле, доктор Ди?

Глава 25

СДЕЛКА

Проводив Монгера через заднюю дверь, я постоял немного на краю двора. Остатки дня тонули в тяжелом узоре туч над звонницей церкви Святого Иоанна Крестителя. Небо было темнее обычного для этого часа: близилась

буря. Вернувшись в трактир, я остановился во мраке заднего коридора, погруженный в мрачные думы.

Я размышлял о холодной жестокости Файка и ее жертвах. О докторе Мэтью Борроу и страданиях, с которыми ему приходилось жить, просыпаясь каждое утро с воспоминаниями о жене. О том, как стояла она в зале суда, отворачивая от него застывшее, бледное лицо.

Он никогда не увидит ее глаз. Никогда не увидит.

Страдания человека без веры. Никаких надежд на то, что их взгляды встретятся когда-нибудь снова на небесах. Но Борроу продолжал работать, сражаясь бессонными ночами за жизнь других людей, даже ценой собственного здоровья. Возможно, он вообще не задумывался над тем, что работа вгонит в могилу его самого.

Образ доктора, стоящего в дверях дома в переулке у церкви, не выходил из моей головы. Уязвимый, бледный человек во мраке крайней несправедливости: его дочери была уготована судьба ее матери — руками ее же убийцы.

В трактире «Джордж» теперь наступило молчание. Крестьяне поспешили вернуться домой до начала бури. Ковдрей, скорее всего, заперся с кухаркой на своей половине. И только одна Нел Борроу скиталась где-то далеко под грозовым небом.

Я поднялся по темной лестнице, на пару мгновений остановился перед дверью Дадли, прислушался и, ничего не услышав, вошел в его комнату.

Едва дверь закрылась за мной, я ощутил движение воздуха. В зеленоватом свете оконного переплета мелькнула рука, блеснув серебром длинного, тонкого клинка. Его острие застыло в футе от моего горла.

На короткий миг время для меня будто замерло в сверкающем ужасе. Пахнуло болезненным потом. Боевой клинок дрогнул, едва не коснувшись моей кожи на подбородке.

Затем шпага со звоном грохнулась на пол, и в крошечной темноте комнаты раздался глухой стук от падения тела на постель.

— Черт, Джон, мог бы и постучаться.

Я перевел дух.

— Думал, ты спишь.

Должно быть, он, даже с оружием в руке, испугался больше, чем я с острием клинка у груди. Телесная немощь была в новинку Роберту Дадли.

— Больше не могу спать. Дурные сны пожирают меня, как только я закрываю глаза. Голова как пушечное ядро.

— Ты что-нибудь ел?

— Немного бульона. Вкус — будто моча.

— Как горло?

— Лучше. Немного. Наверное. Не знаю. Ненавижу эту клетку, напоминает мне Тауэр. Ты не привел с собой свою докторшу?

— Нет. Она...

— Что?

— Неважно.

Конечно, сейчас это было важно. Важнее всего на свете.

— Надо зажечь свет, — сказал я.

У меня сводило желудок от голода — тайный разговор с кузнецом слишком затянулся. Подойдя на ощупь к окну, я отыскал там две свечи на подставках, спустился со свечами назад в зал, где мы сидели с Монгером, и зажег их от каминного огня. Вернувшись в комнату Дадли, поставил одну из них на окно, вторую — на столик возле постели.

— Я не глухой, Джон.

Он сидел прямо, прижавшись к высокой передней спинке кровати и подоткнув за спину сложенную вдвойне подушку. Шпага, убранный в ножны, лежала у него на коленях.

— Значит, ты слышал, что убийца объявлен в розыск.

— Приспешник Сатаны?

— Робби, этот человек видит ведьм и колдунов под каждым...

— И он заблуждается?

Ответить на это было непросто. Я присел с краю постели и вгляделся в белесые испарения свечного пламени. Рассказал о Кейт Борроу, о том, что произошло с ней. Дадли

подался вперед — исхудалое, в пятнах лицо, растрепанная борода. Он выглядел теперь старше своих лет. Простой человек, лишенный всяких изысков, притворства и положения.

— Он считает, что твоя докторша ведьма? Дурная наследственность? Разве это не достаточное основание?

— По правде говоря, он повесил ее мать вообще без каких-либо оснований.

— Хочешь сказать, то, что сделали с Мартином Литгоу, не достаточное основание? Его убийство похоже на случайную драку, на ограбление? Что с тобой? Налицо все признаки ритуального жертвоприношения. Ты сам все тщательно осмотрел.

— Да, но...

— Кровавая жертва, Джон, — это сделка... цена, которую платит волшебник, заклиная демона.

— Только в теории.

Да, я знал эту теорию, изучив в подробностях ритуалы, описанные в «Ключе Соломона» и магических книгах папы Гонория. Все заклинания предполагали принесение в жертву петухов и прочих домашних животных. Люди верили в то, что сила пролитой крови способна вызывать... не совсем тех ангелов, общения с которыми так жаждал я.

О, Гластонбери... думал ли я, что отыщу тут ответы на мой самый сокровенный вопрос? Возможно. Тогда я об этом не знал. Все казалось слишком сложным, запутанным. Скрытым от глаз.

Однако Дадли, собравшись наконец с мыслями, не отступал.

— Разве кое-кто не счел бы принесение доброго человека в жертву дьяволу или демону разрушения в некогда святом месте... очень святом месте... действенным для того, чтобы навлечь смерть?

Едва ли я мог отрицать, что ритуальная жертва, принесенная в Гластонберийском аббатстве, вполне могла считаться подходящей для этой цели. Я вспомнил о маге Григори Виздоме, лекаре, которого нанял лорд Невилл, чтобы совершить убийство с далекого расстояния. Это убийство

стало, пожалуй, самым известным случаем последних времен. И подобные злоупотребления магией происходили повсюду вокруг нас. Я вспомнил, как оплавилась свеча на губах Мартина Литгоу. Было ли это только игрой моего воспаленного воображения, или свече намеренно придали форму дьявольского холма?

— И предполагаемая жертва — сам Файк? В отмщение за жизнь ее матери? Не видно, чтобы это сработало.

Дадли неодобрительно фыркнул.

— Значит, не сработало. Или *пока* не сработало... О, Боже, как бы мне не хотелось, чтобы убийцей оказалась женщина, лечившая меня от лихорадки! Единственное, чего я хочу... чтобы убийцу Мартина поскорее нашли — мне все равно, как это сделают, — и чтобы мы убрались из этого паршивого городишки.

— А как же кости Артура?

Дадли не ответил. Кто обвинил бы его, в таком состоянии и после всего, что случилось, в том, что он забыл о цели нашего путешествия?

— Скажи мне, что ты думаешь вот об этом? — спросил я, вынув из кармана письмо Бланш Перри и поднеся его к свече на окне.

Восточный край неба озарила вспышка белого света, и вскоре до нас докатились первые тихие раскаты грома.

Глава 26

ФЕЯ

Моя работа — давать предсказания, используя звездные карты, зодиак, таблицы расчетов и конфигураций... Мог ли я хотя бы однажды утверждать, что такое случится?

А те, другие, кто тоже способен предсказывать, — какие книги, недоступные мне, они читали? Что за священную чашу сокровенного знания тайно передавали из рук

в руки? Не знаю. И это самое страшное. Я, презирающий невежество, — и не знаю!

— Кто это написал, Джон?

В лучах свечи лицо Дадли вспыхнуло бисером свежего пота. Я поднес письмо ближе к постели, и он попросил меня прочесть его вслух еще раз, но я лишь повторил главные строки.

Ее ночи полны кошмаров. Моргана не оставит ее в покое до тех пор, пока героического предка королевы не погребут во славе.

— Ладно, — сказал Дадли, — тогда кто мог бы написать такое?

— Или кто-то из наших, или из-за границы. В Лондоне провидцы на каждом углу. В Европе тоже полно пророков. Особенно после того, что случилось с королем Франции¹.

Дадли подвинулся к свету.

— Ты ведь был там? Во Франции, когда это произошло.

— Нет. Но мне написали об этом.

Один ученик, посещавший мои лекции в Париже. Я получил от него письмо с подлинным текстом гороскопа, присланным якобы из Рима. Предупреждение королю Генриху избегать любых поединков в закрытом пространстве, особенно в возрасте сорока одного года. В гороскопе намекали на рану головы, которая приведет к слепоте.

— Из Рима? — удивился Дадли. — Я-то думал, его составил Нострадамус, звездочет при французском дворе.

— Нет, это был итальянец, Лука Гаурико. Он знаком мне не лучше, чем Нострадамус, которому французская королева поручила проверить этого Гаурико и его пророчество. После того, как король посмеялся над предупреждением. На мой взгляд, оно в высшей степени сомнительно.

— Ну, конечно. Все знают, Джон, что ты у нас выявляешь только *настроения вселенной*... и никогда не рискнул бы предсказать ранение или смерть.

¹ Речь идет о короле Франции Генрихе II Валуа, погибшем в 1559 году на рыцарском поединке в результате того, что обломки копья противника вонзились ему в лоб и в глаз. Считается, что именно такая смерть монарха действительно была предсказана Нострадамусом.

— И не стал бы доверять тем, кто этим рискует. — Не обращая внимания на сарказм, я сложил письмо кузины. — Я полагал, что королева ценит во мне именно это свойство — способность видеть обман и давать совет, основанный на фактах. Видимо, я ошибся. Похоже, у нее тайное пристрастие к сенсациям.

— Разумеется... Поэтому она так любит меня. Но что бы ты сказал об этом римлянине, если бы он предвестил гибель *нашей* королевы? Невозможно?

Я подумал о восковой кукле в гробу, обнаруженной в переулке у реки. Не был ли я слишком беспечен, полагая, что изваяние не причинит королеве вреда? Опираясь на свою ученость, разве не отвергал я всякий раз то, что считал невозможным?

— Думаю... это возможно, но маловероятно. Видимо, есть такие, кто видит те же самые звезды, что и я, чертит те же самые графики, но потом... то ли вмешательство Господа Бога, то ли действие некоего врожденного дара, какого-то тайного органа чувств... которого нет у меня.

— Твое слепое высокомерие лишает меня дара речи, — ответил Дадли.

— В большинстве случаев, однако, это обман ради жизни.

И все же...

Я прикусил губу, хорошо сознавая, сколько страху и ужаса посеяло пророчество, сбывшееся на турнире в ознаменование свадьбы дочери французского короля и Филиппа II Испанского.

Если вы не забыли... Французского короля, который, несмотря на свои сорок и один год, был намного крепче нашего Гарри, избрали фаворитом рыцарского турнира в тот роковой день — 30 июня 1559 года.

О том, что там случилось, нам известно из рассказа приглашенного на турнир сэра Николаса Трокмортонна, королевского посланника в Париже. Трокмортону выделили хорошее место. Он видел, как копьё поразило шлем Генриха, отчего шлем раскололся и осколок копья вонзился королю в глаз, войдя в мозг. Генриху помогли сойти с лоша-

ди, затем сняли с него доспехи. Сначала сообщалось, что рана не настолько серьезна, как опасались, — не зная о том, что французские хирурги, как одержимые, отсекали головы только что казненным преступникам, чтобы попробовать понять, как безопасно извлечь осколки.

Усилия были напрасны. К началу второй недели июля король Франции скончался, и вскоре вся Европа поняла значение пророчеств, сделанных с помощью астрологии.

— Ты вроде не веришь, что пророчество вообще существовало? — поинтересовался Дадли.

— Очень похоже на то. Но это неважно. Скажи, — я постучал пальцем по письму Бланш, — ты впервые услышал о пророчестве, в котором Артур связан с Анной Болейн?

Он, конечно, читал только Мэлори, склонного преуменьшать роль чародейки Морганы в повести об Артуре.

— Думаю, это зашифрованное указание придумала сама Бланш.

Фея Моргана. Хотя в ранних преданиях ее иногда называли сводной сестрой Артура, она — по крайней мере, наполовину — сверхъестественное существо. И определенно колдунья.

— Дурное влияние? — предположил Дадли. — Никогда не был в этом уверен.

— Не совсем. Действительно, ее обвиняют в попытке расстроить брак Артура и Гвиневеры. По человеческим меркам, ей нельзя доверять. Приносит несчастья.

— Ну, это точно Анна.

— Однако в истории Артура — в ранних рассказах — роль Морганы, кажется, в том, чтобы испытывать веру и мужество рыцарей Круглого стола. И в заключение истории все заканчивается примирением, а Моргана — в числе дев, которые сопровождают короля в его последнем путешествии на Авалон. Что указывает нам на суть *сего* пророчества... То есть, если останки Артура вернутся на Авалон...

— Тогда колдунья прекратит донимать королеву.

— Поначалу я принял это за чушь, выдумки памфлетистов. Однако в пророчестве слышатся отзвуки древнейших

преданий об Артуре. Возможно, если задуматься, это обстоятельство и есть причина нашего приезда сюда. Или одна из главных причин.

Дадли долго молчал. Наконец он промолвил:

— Откуда известно, что Бланш не сочинила все это сама?

— Доверься хотя бы моему знанию своей кузины. Пойми, ведь даже если предсказание состряпал какой-то мерзавец, чтобы огорчить королеву, он хорошо знал, на что надавить. И таким образом... — Я хотел увидеть глаза Дадли, но он отвернулся. — Как приближенный ко двору, скажи, ты слышал другие пророчества подобного рода?

— Нет.

Его взгляд по-прежнему был обращен к стене, как будто огонь свечи резал глаза. Дадли что-то знал. Он не лицемерил — по крайней мере, со мной, — поэтому я допускал, что единственная причина скрывать от меня правду заключалась в опасении пролить свет на их отношения с королевой.

— Или о чем-то подобном, что могло бы потревожить покой королевы? — добавил я. — Потому что, если кто-нибудь...

— Сам знаешь, что такое королевский двор, — огрызнулся Дадли. — Слухи сыплются со всех сторон. Будто снова замышляют посадить на английский трон шотландскую королеву. Рассказывают даже историю о том, будто правление Марии было незаконным, потому что Эдуард не умер.

Я кивнул. Я и сам слышал об этом, но появление такой истории предсказуемо — либо мечта о возвращении возмужалого Эдуарда, либо намек на то, что Елизавете пора обзавестись достойным мужем, чтобы править страной. Королеве придется до последнего дня доказывать, что вручить английскую корону женщине было волей небес.

Дабы поддержать напряженность момента, я вновь процитировал строку из письма.

Ее ночи полны кошмаров...

Оконные стекла задребезжали от раската грома. Тело Дадли содрогнулось под одеялом. Он повернулся ко мне.

— Что ты хочешь этим сказать?

— О чем ты пытаешься умолчать?

— Я болею, — по-ребячьи обиженно ответил он. — Что за бес вселился в тебя, Джон? Ты же тихоня, книжный червь. Почему бы тебе не пойти почитать?

Я поднялся и взглянул на него сверху. С болезнью он лишился прежнего лоска, усы потускнели, волосы спутались.

— Я должен это знать, Робби. Нам надо понять, зачем мы здесь на самом деле.

Дадли присел, потянулся за кувшином с водой и кружкой. Кувшин оказался для него слишком тяжелым, и вода пролилась на пол. Взяв кувшин, я налил ему немного воды, но Дадли только слегка смочил губы. Гром, точно далекий грохот боевых барабанов, грянул в тот же миг, когда Дадли заговорил:

— Однажды ночью... недели три назад, может, четыре... меня вызвали ко двору в Ричмонд. Записку передали тайно — кое-кто, известный нам обоим.

Возможно, Бланш, подумал я.

— Меня провели в королевские покои. Минула полночь, всех фрейлин отослали, и я застал ее... в полном отчаянии. Она нуждалась в утешении.

— В утешении, — повторил я.

— И мы разговорились. Почти до утра. *Говорили.*

Хм. Я ждал. Наверное, я был первым человеком, кто это слышал. И, возможно, последним.

— Бет была... сильно обеспокоена, можно сказать, предсказаниями грозящей ей смерти.

— Какой смерти? От кого?

— Да Бог знает. Предначертания и знаки. Едва ли это было первое предсказание. Даже не *тридцать* первое. Но она требует, чтобы ей докладывали обо всех. Не утаивать ничего. Все письма и записки выкладывают перед ней каждый день. То пророчество содержалось в памфлете,

найденном на улице, — бредовые измышления изменника. Бет слышала, как две ее фрейлины шептались об этом.

Неспокойно стало у меня на душе.

— О чем в нем говорилось?

— Мол, ее смерть случится... не знаю точно, когда... Но что ей не стоит тревожиться, поскольку она будет не одинока... ее проведут сквозь загробную тьму. И та, что принесла ее в этот мир, увидит, как она покидает его.

— Прямо так и сказано?

— Что-то в таком роде. Что Анна увидит, как она покинет его. И будет следить за ней весь путь до...

— Самого ада?

Молчание. Вспышка молнии осветила стену.

— Всем известно, — сказал Дадли, — что в Тауэре живет призрак Анны Болейн.

На сей раз тишину не нарушило грохотание грома. Дадли сглотнул слюну.

— Представь, что случилось потом. В следующую ночь ей был сон. Как наяву. Знаешь, такой, будто ты спишь в своей постели, вдруг просыпаешься и...

— Анна?

— О боже, да. С такой милой улыбочкой, как на портрете, а вокруг шеи — полоса запекшейся крови. Будто она ради приличия приставила башку назад, по случаю визита.

Я кивнул. Мифический образ в полной красе: Анна Болейн улыбается с лисьим притворством на краю бездны. Губы на поднятой в воздух отрубленной голове еще шепчут слова. Требуется не так много воображения, чтобы представить, какое впечатление произвел простейший намек на то, что своенравная Анна таится рядом под покровами ночи, дожидаясь случая протянуть руку дочери через порог смерти.

— После этого она не хотела спать в своих покоях одна, — продолжал Дадли. — Несколько ночей подряд с ней до рассвета оставались разные фрейлины, и зажигали дополнительные свечи.

— Видения продолжались?

— После того случая — дважды.

— И что это... Анна что-нибудь говорила?

Дадли покачал головой и выпил еще воды.

— Бет спросила меня, не следует ли ей позвать Джона Ди, чтобы создать вокруг ее постели защитный круг, через который... через который не смогла бы пройти ее мать. Я ответил: почему нет?

— Спасибо за доверие.

— Тем не менее, сдается, что кто-то скоро отговорил ее. Вместо этого тайно пригласили архиепископа Кентерберийского, чтобы тот сделал, что в его силах.

— Паркера?

— Ты хотя бы благослови ее ложе.

Я не стал спрашивать, пошли ли на пользу услуги архиепископа, и придвинулся к свету.

— Насчет этого пророчества смерти королевы... кто-нибудь предпринял попытки установить его источник?

— Какой смысл? Ты же знаешь этих собак. Какая-нибудь мелкая печатная мастерская в подвале, где-нибудь в самом сердце Саутварка. Внизу на памфлете стояла подпись. Какой-то библейский пророк — не то Илия, не то Елисей или...

По крайней мере, не доктор Ди. Но меня это все-таки беспокоило. Однажды из-за такого вот гороскопа для королевы я очутился в опасной близости от пламени инквизиции.

— Послушай, — сказал Дадли. — Ее мать... тебе надо понять, что в этом нет ничего нового. Когда детьми мы жили в Тауэре, она часто рассказывала... В общем, чего еще можно ожидать в таком месте, где твой отец отсек голову твоей матери? Она выросла в мире, полном всяческих знаков и дурных предзнаменований, где постоянно живешь рядом, можно сказать... с внезапной смертью.

С визгом карающего топора. Или, в случае Анны, благодаря милосердию Гарри, — карающего меча в твердой руке мастера.

— Хорошо, разберем, что у нас есть, — предложил я. — Анна... Моргана. Две женщины-колдуньи, приносящие

разрушение. Бессмертный король, чей священно-магический ореол позволил Тюдору...

— Пока все это священное наследие не было осквернено нечестивым желанием Генриха завладеть Анной.

— Которая, как он заявил впоследствии, когда ему это было выгодно, очаровала его. Так же, как Моргана околдовала Артура и его рыцарей.

Меня даже бросило в дрожь от того, как гладко все выходило.

— Раз королева, как дочь ведьмы и монстра, боится проклятья, наложенного на ее род... и предполагается, что единственно возможный способ разрушить проклятье...

— Если пойдем по этой дорожке, — сказал Дадли, — тогда кости, если они найдутся, должны оставаться здесь, на Авалоне. То есть не должны попасть в Лондон, как хочет Сесил. А королеве надо приехать сюда, как сделал это Эдуард I, и увидеть своими глазами, как кости заново погребут со всеми почестями.

— В аббатстве, возрождение которого разорит казну?

Вспышка молнии осветила окно.

— Говорю тебе, Джон, завтра же я выбираюсь отсюда, — сказал Дадли.

— Из города?

— Из постели. Мне нужны эти чертовы кости. И, как только найдем их, мы не станем сообщать о них Сесилу сразу, я прав?

— Робби, он же твой друг и был другом вашей семьи целых...

— Не будь таким наивным. У него свои планы на *правильный брак*. И не с англичанином. По мнению Сесила, монархам следует вступать в брак только по политическому расчету.

— И с кем же?

— Есть разные варианты. Мне точно известно, что он носит с идеей объединить нас с Шотландией — и окончательно покончить с влиянием Франции через Марию Стюарт. И если... если избранный Сесилом подходящий иностранец узнает, что его королева-девственница вовсе не...

Закашлявшись, Дадли упал на подушку. Гром прогремел ближе. Свеча у постели потухла.

...не девственница. По мне пробежала дрожь.

— Кажется, мы заболтались, — сказал я. — Поспи немного, дай отдых горлу.

Задув вторую свечу, я вышел и закрыл за собой дверь. Меряя шагами лестничную площадку, зажег масляную свечу канделябра.

Я так много не сказал Дадли. Например, как бы он отнесся к тому, что теперь по крайней мере двое знали, кто я, и одним из этих двоих была женщина, которую разыскивал Файк в связи с убийством Мартина Литгоу? Кому в такой ситуации могли мы довериться? Что сказал бы Дадли о кузнеце, который мне показался честным, добропорядочным человеком? Хотя... что я об этом знал? Что знал я о жизни за пределами книжных страниц?

Я прошел в свою комнату и сел в темноте у подножия пыльной кровати. Не допустил ли я роковую ошибку, дав ответ на простой вопрос Монгера?

Сумасшествие. Ночные мысли.

Зачем вы здесь на самом деле, доктор Ди?

Дождь хлыстнул по стеклу и вдруг перестал, и я задумался над тем, что сказал Монгер, когда я рассказал о том, что мы ищем.

«Сначала с крыши сняли свинец, потом пропали оконные стекла. Мраморная гробница? Она просто исчезла».

Без остатка? И сразу?

«Я слышал, нашли крест — тот, что обнаружили на первой могиле, — но я не знаю, где он теперь. Думаю, это никого уже не заботит. Наше сердце разбито. Некоторые монастыри продолжали действовать, но мы были слишком близко к Веллсу. Уж лучше бы нашего аббатства и во все никогда не существовало, чем остаться вот так, с открытой раной».

Я спросил кузнеца, правда ли, что аббата Уайтинга пытали из-за того, что подозревали, будто он прячет знаменитый святой сосуд Тайной вечери, Святой Грааль. Спрашивал Монгера, верит ли он, что сосуд вообще существует.

«Все зависит от того, что вы называете существованием. Возможно, он существовал как предмет — из металла, глины или дерева. И, возможно, был здесь. Но, возможно, он существует как духовный объект, священный символ, являющийся только в видениях».

Снова эти видения. Монгер недоуменно покачал головой.

«Для кого-то это самое святое место на наших островах, тогда как для других это лишь жалкий городишко, история которого полна мошенничества и обмана, и монахи — гнилой корень всех этих зол».

В былые времена, рассказывал Монгер, ходили слухи — даже среди монахов — о скрытых таинствах, неких чудесах, предшествовавших христианству. Слухи и теперь еще разносились шайкой городских полуязыческих мистиков... хотя последние находились под чарами совершенно другого Артура, представлявшего магическое наследие древнекельтских племен и друидов.

До чего мы дошли?

Трясаясь от холода, я быстро разделся и накинул поверх ночной рубашки халат. Присел на край постели. За окном тихо рокотал гром, словно подкрадываясь черным зверем с холмов, и я не мог не задуматься о Джоан Тирр с ее мечтой о встрече с Гвин-ап-Нуддом, живущим в недрах дьявольского холма.

В комнате послышалось чье-то шуршание. Должно быть, крысы. Они повсюду. Мысли сами собой обратились к королеве Елизавете. И я представил Бет в ее покоях, озаренных красным светом огня в камине. Не решилась спать в одиночестве, боясь, что ее разбудит Анна Болейн, говорящая голова с кровавым ободком вокруг шеи.

Боже... останови это.

Встав с кровати, я нащупал на столе свечу и вышел, чтобы зажечь ее от светильника на лестнице. Хотел достать те немногие книги, которые привез с собой, и поработать, пока не наступит рассвет или сон не сморит меня...

Неожиданно перед окном показалась тень.

Я тут же повернулся, коснувшись пальцами губ.

— Кто здесь?

Тень сидела во мраке перед окном.

Глава 27

СЕСТРА ВЕНЕРЫ

— Я думала оголить грудь, — сказала она.

Свеча повалилась на стол.

Буря, словно хищный зверь, подкрадывалась все ближе. Я неуклюже подхватил свечу, не дав ей скатиться на пол, и торопливо зажег ее от другой свечки. Теперь их горело три, включая ту, что я вынул из лестничного светильника. Я поставил их вместе, и три огненных языка слились в единое пламя.

— Я подумала, — осторожно произнесла она, сидя на стуле возле окна, — вдруг вам захочется удостовериться, что у меня нет третьей груди.

На ней было синее платье, волосы опускались на плечи. В свете пламени цветные стекла оконного витража стали мутными, будто жидкая грязь.

— Говорят, — добавила она, — будто третьей грудью я кормлю своего любовника.

— Я слышал об этом, — ответил я. — То есть знаю... для чего предназначена лишняя грудь.

Я шагнул назад, в полумрак, чтобы перевести дух. Если хотите знать, с тех пор, как закончилось мое детство, всего одна женщина оголяла передо мной грудь.

Миссис Борроу улыбалась мне будто издалека, словно из другого конца громадного лекционного зала.

— Конечно, из книг, — тихо произнесла она будто самой себе. — Он прочел об этом в своих книжках.

Я запахнул домашнее платье дрожащей правой рукой. Мы не виделись с Элеонорой с тех пор, как она спустилась с вершины дьявольского холма, когда Файк назвал ее ведьмой. Она словно перенеслась оттуда сюда: будто по линии, прочерченной с геометрической точностью между двумя точками в прошлом и настоящем, и...

Так и быть... сестра Венеры, если хотите знать. Дело было в Кембридже. Такое случалось редко, но как-то вечером я сильно напился, чтобы стать вровень с товарищами по учебе. Все они были старше меня, еще не искушенного жизненным опытом, слишком застенчивого и неуклюжего и не имевшего... Бог мой, как же она смеялась, та женщина, — холодным и хриплым смехом, похожим на долото, крошащее каменные стены домов, что окружали нас в тесном переулке.

Горькие воспоминания о том событии, должно быть, и задержали мое взросление.

— Вы знаете, что вас ищут? — спросил я.

Глухими, сдавленными словами, похожими на крысиный писк. В тот же миг беспощадная вспышка молнии выдала стыдливый румянец на моем лице.

— Я не позволяю трудностям мешать мне в работе, — почти сразу ответила Элеонора. — К тому же, как вам известно, это вопрос жизни и смерти. Прошу простить меня, доктор Ди, если мой визит беспокоит вас, но для меня спальня мужчины... я столько их повидала...

Снова ударил гром, и стекла окна зазвенели.

— В качестве доктора, — пояснила она. — Боже мой, что же за ночь нас ждет.

При этом она возложила руку себе на грудь, а я мысленно снова помчался вниз по зеленому склону дьявольского холма, крича ее имя. Небо и земля складывались вокруг меня, точно каскад игральных карт... *Элеонора...*

...Нел...

О мой Бог, какой же маленькой казалась она теперь — узкие плечи, полузакрытые веки, пряди волос по щекам...

— В общем-то, — сказала она, — я пришла справиться о вашем друге. Думала сначала постучать к вам в дверь, но та оказалась открытой, так что... — Она подняла глаза на меня, ее белая кожа отливала золотом в свете яркого пламени свечей. — Как он?

— Пока не очень.

— Тогда ему нужна я?

Доктор потянулась за черной холщовой сумкой, лежавшей под сложенным у ее ног черным плащом.

Нужна... Боже мой...

— Он спит, — быстро ответил я. — И... физически ему намного лучше, чем вчера, спасибо. Хотя дух сломлен убийством слуги.

— О да, это...

Она замолчала. Всего несколько секунд спустя громового раската молния вспыхнула вновь, озарив окно ярким, словно дневным, светом. Элеонора содрогнулась от неистовства небесной стихии, и в то же мгновение я заметил в ее глазах то, что так искусно скрывал ее голос. Ее докторский голос, натренированный смягчать свою собственную и чужую боль. Но изумрудные глаза... на миг мне показалось, что я видел в них страх испуганного зверя в хищном лесу. И мне стало спокойнее, ибо эти глаза, определенно, не были похожи на глаза ведьмы.

В комнате вновь воцарился мрак. Возможно ли, чтобы миссис Борроу некуда было деваться, кроме как укрыться здесь, где Файк и его соглядатаи не угрожали ей?

Однако насколько безопасным в действительности было для нее это место?

— Вы видели сегодня Джо Монгера? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Я не встречалась с ним.

Я кивнул, почувствовав, что она говорит правду. Стало быть, было самое время спешить на охоту. Не на нее, разумеется, ведь если бы охотник был я, тогда она попала бы прямо мне в сети.

Придерживая свое платье левой рукой, чтобы оно не распахнулось, я протянул правую руку Элеоноре.

— Джон Ди, — представился я.

Вот так и начались перемены. Ночь стремительного превращения.

Как мне рассказать об этом? С чего начать?

Скажите-ка, доктор, каким образом может душа?..

С помощью алхимии.

Мы говорим о ней. Мы рассуждаем о *трансформации* — мы, книжники, люди науки. Мы заявляем: есть формула, должна быть некая формула, с помощью которой простой металл превратится в чистое золото, а человек трансформируется в существо, приближенное Богу. Некая древняя тайна, быть может, известная Пифагору и Платону. Вопрос оккультизма.

Обычно мы заявляем, будто потребуется пройти трудный путь через тьму к далекой планете света. Но жестокая правда состоит в том, что ни один из нас никогда не достигнет того источника света, увидев лишь краткие вспышки, подобные всполохам молний на черном грозовом небе. И потом, увидев те вспышки и глубоко покопавшись внутри самих себя в поисках более надежной основы, мы лишь останемся навсегда в кромешной тьме.

Элеонора Борроу рано покинула дом в то утро, спеша к больному ребенку на бедной ферме, на болотах близ Уэлса. Всадник, посланный туда с письмами, нагнал ее в пути и сообщил об убийстве. Возвращаясь назад в Гластонбери, Элеонора понимала, что должна проявлять осторожность, ибо хорошо знала, как некоторые люди могут поступить с одинокой путницей, когда объявлен розыск преступника.

Оставив главную дорогу и пробираясь в город овечьими тропами, она встретила Джоан Тирр, и та рассказала ей худшую новость о том, что Элеонору ищут повсюду. Пришлось спешно вернуться обратно в лес, откуда она вышла лишь затемно, хорошенько укутавшись в плащ.

Элеонора не побежала домой, но прямоком отправилась к Ковдрею, который, проводив Файка с его коннета-

блями, накормил ее и выделил комнату на чердаке. Затем тайно отправил весточку ее отцу сообщить, что дочь в безопасности. Элеонора сказала, что Ковдрей чудесный человек, если, конечно, вы готовы ждать по полгода с оплатой ваших услуг. Ее отец заботился о жене Ковдрея перед ее смертью, делая все, что было в его силах, чтобы облегчить страдания несчастной, и трактирщик не забывал об этом.

Я уверил ее, что мой друг, мастер Робертс, расплатится в срок. Разумеется, я опасался, что Дадли, назвав мое имя, выдаст и себя самого. К счастью, этого не случилось, но, похоже, мой товарищ едва не раскрыл свой секрет.

— Когда ваш приятель проснулся в то утро, — сказала она, — он не знал, где находится. И не знал, кто я. Один раз он даже назвал меня Эйми.

— Слава богу, — прошептал я.

Слава богу, он не назвал ее Бет.

— А потом, в бреду, он дважды назвал вас по имени. «Где Джон Ди? Позови Джона Ди!»

— Ну... мало ли на свете людей с таким именем, — возразил я.

— Других я не знаю. И, в любом случае, в поведении вашего друга было что-то особенное. Видно, что он привык повелевать и ждет, что другие будут повиноваться одному щелчку его пальцев. Но меня он интересовал уже меньше, чем вы. Я должна была догадаться. Это очевидно.

Наконец я увидел ее улыбку и вспомнил ее ученую речь о влиянии небесных светил на свойства трав, о чем она рассказывала мне во время нашего путешествия к святому источнику. И потом, когда мы беседовали о природной энергии земли, во мне все сильнее пробуждался интерес к этой женщине. И все, о чем мы говорили тогда, граничило с ересью.

Ересь! Внезапно мне захотелось кричать, заявить во всеуслышанье, что мне нравится эта ересь.

Или... Элеонора.

— Конечно, я старалась изучать ваши труды, — сказала она. — Насколько это было возможно по листовкам с памфлетами, которые оставляют в городе проезжие путники. Кое-кто утверждает, что вы умнейший человек в Европе, хотя другие...

— Мне известно, что говорят обо мне другие. И то, и другое — искажение действительности.

— Но все говорят, что королева о вас высокого мнения. Это тоже неправда?

Элеонора сидела с очень серьезным, благопристойным видом, опустив взгляд на свои маленькие ручки на коленях. Почему же руки тряслись у меня? Я сел на кровать и подsunул их под себя. Не подобало садиться на постель в присутствии женщины, но она заняла единственный в комнате стул.

Свечи, горевшие на столе между нами, пускали в стороны золотые стрелы-лучи, образуя яркий световой шар. Миссис Борроу наклонилась, откинула плащ и сунула руку в черную холщовую сумку.

— Вы, наверное, уже видели это, — сказала она.

Я привстал, взял у нее сложенный в четверть памфлет и поднес его ближе к свету.

ВАЖНО ДЛЯ ВСЕХ ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

*Знаю, что королева получила ясное предупреждение
о близящемся конце света. То, что предсказано
в Книге откровений от Иоанна, скоро свершится.
Доктору Ди, королевскому звездочету, поручено
предсказать число, когда Англия, в коей находится
Новый Иерусалим, увидит второе пришествие
Нашего Спасителя....*

Читать дальше не было смысла.

— Полное дерьмо, — сказал я. И тут же покраснел. —
Прошу простить меня за грубость...

— Ерунда, я же врач. — Она закатила глаза. — Мужчины выражаются и похлеще, когда им отрезают ногу.

Простое упоминание о хирургии привело меня в напряжение. Однако в тот момент я едва ли обратил на это внимание. Вернув памфлет, я подумал, не сочинил ли его тот павлин с лондонских улиц, или были еще и другие? Было ли это лишь тонкой веточкой громадного дерева лжи? Или — что гораздо серьезнее — я не заметил чего-то в конфигурациях звезд?

— Откуда это у вас?

— Привозят купцы.

— Тогда вам следует знать, что никто в мире никогда не просил меня назвать точный день апокалипсиса или второго пришествия.

— Никогда?

— Вы, кажется, разочарованы.

— Фу, доктор Джон, вы же королевский астролог.

— Так меня называют.

Элеонора молчала. Но рано или поздно должна была спросить меня о том, какая нужда привела королевского звездочета в Гластонбери. И в свете событий, произошедших со времени нашего появления в городе, казалось, больше не имело смысла скрывать причину нашего приезда.

Поэтому, дождавшись, когда стихнет очередной раскат грома, я все рассказал ей. Рассказал, не разоблачая личность Роберта Дадли, о том, что цель нашей миссии — найти кости, которые находились в могиле короля Артура, кому бы они ни принадлежали.

Нечто похожее на облегчение появилось в ее глазах, напряжение покинуло тело. Похоже, она ожидала худшего.

— Но ведь кости исчезли.

— Исчезли из аббатства.

— Из города.

— Откуда вам это известно?

— Я... — Элеонора немного замешкалась, затем пожала плечами. — Мама как-то рассказывала мне.

— Да?

— Хотите спросить, откуда узнала об этом моя мать?

Я ничего не сказал. Миссис Борроу перевела дух.

— Она поддерживала связь с аббатством. Всегда. То есть с его настоятелем. Я говорила вам, что запомнила аббата. Это потому, что он часто бывал у нас дома. Отец, который редко общался с церковнослужителями, хорошо относился к нему, потому что аббат интересовался целительством.

— Однако аббат доверял только вашей матери?

— Но все, о чем они говорили, оставалось в строжайшей тайне. Мама ничего не рассказывала ни отцу, ни мне, и мы научились не задавать ей вопросов. Но однажды вечером отец читал нам Мэлори, хотя и не любил его версию рассказов...

— Не без оснований.

— Книгу читали только ради забавы. И мы завели разговор об Артуре и его погребении на Авалоне, и отец заметил, что с гробницы воруют мрамор. Но позже мама сказала мне, что это не имеет значения, поскольку гробница к тому времени уже опустела. Она была пуста.

— Думаєте, что кости забрал аббат, догадываясь, какая грядет беда?

— Кто-то должен был это сделать.

— И ваша мама сказала, что костей в городе нет.

— Кажется, она сказала: бесполезно искать их в Гластонбери.

— Намекая на то, что ей известно, где они спрятаны?

— Этого я не знаю. Правда, не знаю. Она больше никогда не заходила об этом речи, хотя иногда, когда мы оставались наедине, кажется, она хотела что-то рассказать мне.

Не много, но это было только начало. Однако миссис Борроу еще не закончила — только замолчала ненадолго, словно оценивая, насколько священной была эта тайна теперь, когда все посвященные в нее мертвы.

— Мать... думаю, знала, где находятся многие секретные реликвии. Или останки Артура.

Я даже выпрямился, вспомнив, что говорил Монгер о сокровенных чудесах. Но улыбка Элеоноры Борроу была полна сожаления.

— Я не имела в виду Святой Грааль. Хотя большинство людей считает, что его не существует в материальном мире. Это только видение.

— Только ви...

— Но как-то раз упоминался Круглый стол короля Артура.

— Ваша мать верила в остатки Круглого стола короля Артура? Где он? Здесь, в городе?

— Она только обмолвилась о нем... Почему это важно?

Я рассказал ей о Бенлоу-костолобе и кусочке дуба в деревянном ларце. Я мог бы забрать его, но, в конце концов, велел костолобу сохранить его у себя. Элеонора рассмеялась.

— Должно быть, он посоветовал вам спрятать деревяшку в гильфике, а потом предложил свою помощь?

— Хм... — вздохнул я. — Подозреваю, что Бенлоу не входит в число искателей Авалона.

— Правильно подозреваете.

— Значит, ему нельзя доверять секреты...

— Доктор Джон, этот человек продал бы кости родной матери на рождественский холодец. — Ее лицо снова стало серьезным. — Когда мама упомянула о Круглом столе, мне показалось, что она говорит о нем скорее в духовном смысле, так же как мистики понимают Грааль. Моя мать была редкой женщиной. Думаю, она многое знала о том, что происходит внизу.

— Вы имеете в виду под землей?

— Я и вправду не знаю, доктор Джон, — ответила миссис Борроу. — Но уверена, что именно поэтому...

Она замолчала при белом зареве молнии, и мы оба замерли в ожидании громового раската. На сей раз он прогремел очень скоро, через пару мгновений. Окно затряслось мелкой дрожью, забряцали стекла.

— Я уверена, что именно поэтому ее и убили.

Глава 28

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Горка блестящего свечного сала натекла на столе между нами. Талое сало. Зловонное, как освежеванная туша.

Я откинулся назад, сложил руки, точно в молитве, упервшись большими пальцами в подбородок, и задумался. *В каком случае казнь превращается в убийство?*

Ответ: когда ее целесообразность не обусловлена правосудием. Когда нити и пряди закона растягиваются и сплетаются так, чтобы приговорить к смерти. Помыслите сами: был ли виновен король Генрих в убийстве Анны Болейн и Екатерины Говард?

Это великая тайна. Законы людей, предъявленные как законы Господа Бога, скорее только орудие в ловких руках власть имущих.

— Для вас будет хуже, сударыня, — тихо произнес я, — если узнают, что вы говорите подобные вещи.

— Я редко говорю такое. Разве что в присутствии кого-то, кому могу доверять... — Она заколебалась. — Как своему сроднику.

Во мне зажегся огонек, крошечный и странный, как светлячок.

— Миссис Борроу, я...

— Родство может проявляться по-разному. Когда я училась в Бате, то прочла некоторые из ваших работ. Потом встречала разных людей, которые знали вас по Лёвену, где, говорят, вы читали бесплатные лекции. У меня сложилось мнение, что знание и дух для вас — одно и то же. А еще... — Она снова замешкалась, скручивая себе пальцы. — ...Еще я знаю, что однажды к вам приблизилась смерть... пострашнее, чем смерть моей матери.

— Нас нельзя сравнивать, — тихо возразил я. — Потому что со мной ничего не случилось.

Я дал ей понять, что Монгер рассказал мне о суде и казни Кейт Борроу, судя по всему, разделявшей мое любопытство о границах материального мира. Это ли подразумевая

ла ее дочь под родством? Мне бы пришлось признать некоторое разочарование, будь это так.

— Расскажите мне о Файке, — попросил я. — Почему после того, что он сделал с вашей матерью, он пытается уничтожить и вас?

— Здесь нет ничего загадочного. Он смотрит на меня и видит ее.

— Хотите сказать, вы напоминаете ему о его поступке?

— Нет, нет! — Элеонора резко закачала головой, и пряди волос заскользили волнами по ее щекам. — Он должен был бы испытывать угрызения совести, но ни чуточки не сожалеет о том, что сделал. Просто видит во мне еще одну образованную женщину с глазами Кейт Борроу.

— То есть угрозу.

— Доктор Джон, я расскажу вам об этом человеке. Он был монахом аббатства перед его разгромом. Тогда-то ему и пожаловали эти земли. И деньги, чтобы превратить их в уголья и отстроиться.

— Так он получил земли... в наследство от дяди?

— *От дяди!* Землю пожаловали ему, клянусь чем угодно.

— Кто?

— Кто дарит земли? — Ее тело аж вздрогнуло. — *Кто у нас дарит земли?*

— Миссис Борроу...

— Элеонора, — поправила она, закидывая волосы. — Нел. Зовите меня Нел. Так короче и... требует меньше времени, чтобы произнести.

Нел.

Комната будто была наполнена энергией. Мои ладони покрылись влагой. И гром гремел теперь так часто, словно буря бушевала внутри гигантского военного барабана. Хотя не так громко, как мое сердце и биение крови в жилах.

— Доктор Джон...

Она посмотрела в мои глаза, и мне захотелось прошептать ей: «*Джон, просто Джон*», и я не смог. Это волнение ее волос... Боже милосердный. Я сложил руки на коленях.

— ...чтобы было понятнее, — сказала она, — вам надо знать, что большая часть имущества, что теперь принадлежит Файку, когда-то была собственностью аббатства.

— То есть земли, которые именем короля захватил Томас Кромвель? И которые потом отошли королю... чтобы он раздавал их, кому пожелает.

Мы ходили по краю.

— Отцу известно больше, чем мне, — ответила Элеонора. — Имение Медвел стояло на границе монастырских земель и пустовало. А потом... в общем, в городе об этом знают лишь то, что через несколько лет после разгрома аббатства заброшенную ферму вдруг перестроили с большим размахом. И что обитателем дома был Эдмунд Файк, бывший монах. Который потом стал сэром Эдмундом.

— Об этом известно всем в городе?

— Да, все знают, но что с того? Файк не только глас закона, многие склонны видеть в нем благодетеля. Урожаи плохи, но никто не голодает, как бывало после падения аббатства. Дело сейчас обстоит таким образом, что большая половина горожан усматривает в нем доброго соседа... или, по крайней мере, меньшее из возможных зол.

Я кивнул в знак согласия. Мог бы назвать с десяток землевладельцев, как у нас, так и в Европе, которые покупали себе популярность, дабы загладить былые обиды.

Напрашивался важный вопрос.

— Почему же даритель земли отнесся с такой благосклонностью к бывшему монаху?

— Действительно, почему?

— Полагаете, ваша мать что-то знала об этом? Знала, какую услугу оказал Файк Кромвелю и толстяку Гарри, чтобы заслужить подобную милость?

Дурное предчувствие внезапно охватило меня, и я огляделся по сторонам. Поднялся с кровати и босыми ногами подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул наружу, затем вышел на лестницу и посмотрел вниз. Внутри лестничного колодца мерцал бледный свет, зажигаясь попеременно то у одной двери, то у другой, словно какие-то

люди подавали друг другу сигналы, прикрывая светильники одеялами.

Однако никого из людей я не увидел, вернулся назад и затворил за собой дверь. В тот же миг снова ударил гром. Мне было неловко за свою ночную сорочку, и я пожалел, что не был одет в платье. Снова натянув рубаху на голые колени, я сел на кровать, спрятался в тень и объявил:

— Все спокойно. Все... спокойно под луной.

— Слава богу.

Постепенно я привыкал к приятному ощущению взаимности, какого никогда прежде не испытывал вблизи женщины. Тем более если учесть мрачную природу разговора, к которому мы подходили.

— Так, значит, гластонберийского аббата притащили на вершину холма, — сказал я, — и повесили перед разрушенной церковью. Топили и четвертовали. А потом один из его монахов становится богачом.

— Именно так, — подтвердила Элеонора. — В этом вся суть.

Должно быть, еще сверкали молнии и грохотали громы, но на пару минут я будто забыл о них.

— Вы не представляете, что тогда здесь творилось, — рассказывала Нел Борроу. — Я была только ребенком, но память сохранила картины растущего страха и скорби — сторбленные фигуры людей в серых одеждах, опущенные глаза. Череп долго висел над входом в аббатство. Никто тогда не задавал вопросов, боясь лишиться и своей головы.

Я погрузился в раздумья. Взвесил все известные факты. Обвинения, выдвинутые против аббата Уайтинга, состояли в том, что он спрятал некоторые предметы перед приходом Кромвеля, включая и золотой кубок. Кроме того, у аббата нашли рукописи, обличавшие короля. *Порочающие* короля.

Кто нашел их? Кто мог сказать? И, скорее всего, чужаку узнать о подобных записках было бы намного, намного сложнее, чем своему.

— Файк предал аббата, — заявил я.

— Он совершил более страшную вещь, чем предательство.

Монах сыграл главную роль в обвинении Уайтинга в воровстве и измене. Едва ли в этом стоило сомневаться, ведь он получил в награду и землю, и деньги, и положение — маленький кусочек от самого жирного в Англии монастырского пирога.

Если только... если только эта редкая, миловидная женщина не лгала. Или не сделалась жертвою заблуждения из-за собственного страшного горя. Боже мой, как не хотелось мне думать об этих возможностях! Однако наука выживания в этом мрачном мире учит принимать во внимание все вероятные версии, сколь бы болезненны они ни были.

— Вполне закономерен вопрос, — продолжала Элеонора, — зачем понадобилось убивать аббата?

— В назидание остальным.

— Да? Кому... после стольких погромов?

Она была права. Аббатство в Гластонбери одним из последних отошло во владение короны. И монахи совсем не походили на армию мятежных клириков, выступления которых требовалось упредить с помощью устрашения. Показное убийство аббата, с расчленением и публичной демонстрацией тела, казалось бессмысленным. Даже для своего времени. Значит, чтобы заставить его замолчать навсегда? А затем прикрыть преступление кровавым спектаклем?

И снова возникает вопрос: зачем? И потом... хотя рассказ Нел не позволял мне усомниться в причастности Файка к заговору против аббата Уайтинга, означало ли это, что Файк сфабриковал обвинения в колдовстве и убийстве против Кейт Борроу с тем, чтобы заткнуть рот тому, кто подозревал его в злодеянии? Вероятно, и она не была одинока в своих подозрениях, хотя никто больше не пострадал... Или все-таки были еще и другие смерти?

Словно прочитав мои мысли, Нел приподнялась со стула.

— Я полагаю, можно выяснить больше... — Она снова уселась и покачала головой. — Если только знать, где искать.

Я заметил, что она вся дрожит. Нел не могла предоставить надежных улик против Файка, и она понимала это. Однако меньше всего хотелось мне показаться безучастным к ее судьбе в такое трудное для нее время. Правда, требовалось подумать еще кое о чем — вопросы, которые задаст мне Роберт Дадли, когда поутру я сообщу ему обо всем, что узнал.

— Файк говорит о языческих обрядах на холме Михаила, о колдовстве и приношении в жертву новорожденных младенцев...

— Он такое сказал? — Нел посмотрела на меня широкими глазами.

— Рассказывал мне о людях, которые сползаются, как червяки, на вершине холма, — объяснил я, — молятся и воют на луну. О младенцах с перерезанным горлом.

— Господи, прости нас. — Она склонилась к плащу, сложенному на ее черной докторской сумке. — Ну, да, я знаю, откуда это идет. В прошлом году там нашли младенца. Мертворожденного. Всего одного младенца. Такое случается. И, разумеется, с древних времен люди поклоняются луне и солнцу, если это можно назвать поклонением. Обычно это не более чем суеверные мольбы, порожденные нищетой и отчаянием. Но никаких кровавых ритуалов, доктор Джон. Больше никаких. Клянусь.

— Не считая, — возразил я, — вчерашнего случая в аббатстве?

Гроза бушевала теперь точно слепой великан, бредущий на ощупь по главной улице города. Нел сильно дрожала.

— Это не то. Знаете... — Она накинула плащ на плечи. — То, что случилось с вашим слугой... Да, это, несомненно, ужасно, тем более что он был замечательным человеком. Но все эти разговоры о черной магии, жертвоприношениях...

— Говорят, для призвания дьявола нет более подходящего места, чем руины святыни.

— Ради Бога, доктор Джон, мы бы знали! Говорю вам, если бы у нас были такие люди, мы бы знали о них.

— Мы?

— Здесь у нас есть такие, — она перевела взгляд на окно, — которые знали бы.

— Но мировой судья не из их числа, — заметил я.

В ответ Нел сжала крепкие кулаки.

— Послушайте, — сказал я. — Уверен, что вы непричастны к убийству. И вся эта охота на вас — просто безумие...

— Нет, не безумие, — возразила она неожиданно яростно. — Вы не слушали меня? Это заговор. Файк распространяет лживые слухи — весь этот смрад — лишь затем, чтобы скрыть что-то еще более страшное. Он изображает себя богоносцем в борьбе с силами Сатаны, но загляните ему в душу — вот где скрывается истинное зло. Клянусь вам.

Я не понимал ее.

— Нел, мы живем в просвещенное время. Сравнительно просвещенное. То, что произошло с вашей матерью, больше не повторится. Сожжение, даже повешение, за ересь и колдовство должны отменить. Теперь такая политика. Королева хорошо помнит, с каким размахом применялись казни в прошлые времена. Она не желает идти этим темным путем, и ее монаршая воля возвещается по всему королевству.

Снова ударил гром. Нел раскрыла глаза, и я заметил в них слезы. Сердце сжалось в моей груди.

— Мы поможем вам! — обещал я, срывая от отчаяния голос. — Я изучал право...

Нел посмотрела на меня сквозь пелену слез. В ее взгляде не было презрения, но я не увидел в них и веры. И кто бы стал осуждать ее? Мне хотелось сказать ей, что мой друг один из самых влиятельных людей в королевстве — по крайней мере, гипотетически. Что в наших возможностях получить поддержку высочайших кругов.

Хотя было ли это правдой? Я подумал о Роберте Дадли и его сильных подозрениях относительно мотивов сэра Вильяма Сесила. *У него свои планы.* Вновь задумался о Великой Тайне.

И затем — самое худшее — я вспомнил о хирургических ножках с пятнами запекшейся крови. Казалось, сама судьба склонилась на сторону заговорщиков. Я сомневался, что Нел Борроу, которая больше суток не виделась со своим отцом, знала об окровавленных ножках, и решил, что ни к чему говорить ей о них.

— Вы сказали, вам здесь приготовили комнату, — сказал я. — На ночь.

— Если она мне понадобится. Но если меня тут найдут, Ковдрею придется туго. Не хочу доставлять ему неудобств.

Она поднялась. Я хотел закричать ей: «Останься тут, и пусть неудобства достанутся мне!» — но промолчал. Не осмелился даже встать, боясь, что подол поношенной сорочки не послужит надежным прикрытием моего низменного желания.

Нел начала завязывать плащ на шее.

— Наверное, будет лучше, если я уйду.

— Куда вы пойдете? За домом вашего отца будут следить.

— Джоан Тирр приютит меня. Ее дом — лачуга, но это лучше, чем подземелье.

— Уже поздно. Она наверняка легла спать.

— О нет, — улыбнулась Элеонора. — Не сегодня, доктор Джон. Только не в бурю. Джоан будет теперь стоять у порога и наблюдать за вершиной дьявольского холма... вдруг появятся эльфийский король и его псы.

— Дикая охота?

Я вспомнил, как отец пугал меня страшными историями о псах Аннуна, когда я был ребенком. Говорят, будто эльфийский король со сворой белых красноухих собак мчится в бурю, собирая заблудшие души.

— Джоан всегда надеялась, — сказала Нел, — что когда-нибудь в грозовую ночь король заберет ее в свои чертоги и сделает своей земной невестой.

Нел рассмеялась, обнажив кривоватые зубы, словно доказательство веры в собственные силы. Потом накинула на голову капюшон.

— Не уходите, — попросил я.

Она повела бровью.

— Останьтесь, — повторил я.

Нел подняла глаза к потолку. Губы дрогнули в полной сожаления полуулыбке.

— Со стороны Ковдрея было очень любезно предложить мне ночлег, но я не останусь. Комната на чердаке...

— Наверняка холодная и сырая. И тем не менее...

— И самая беспокойная. Так говорили путники и пилигримы. По ночам хлопают двери, хотя ветра нет. Или рыдает ребенок. Скрипят столы, будто кто-то ходит по ним, хотя вокруг ни души.

— Привидение?

— Так говорят.

Должно быть, я задумался над этим не дольше, чем на секунду.

— Тогда оставайтесь тут, у меня, — предложил я, — а я переночую там, наверху.

Глава 29

БУРЯ

Стена окрасилась белым заревом молнии, и прежде чем снова стемнело, удар грома, мощный и гневный в своей неумной силе, раздался прямо над нами.

Быть может, на чердаке. Мир духов, будто смеясь надо мной, в очередной раз проявился поблизости, недостижимый для меня. И так было всегда. Я казался жалким шутком, выставленным на посмеище немилосердными небесами.

— Вы не боитесь провести там всю ночь в одиночку? — поинтересовалась Нел.

— Мой жизненный опыт подсказывает, что привидения избегают меня.

Она взглянула на меня, не вынимая рук из-под плаща. Капюшон сполз, и Нел, склонив голову набок, рассматривала меня, как диковинку.

— Может, это оттого, что вы слишком упорно добиваетесь знакомства с ними?

В памяти всплыли слова Дадли о том, что на месте привидения он меньше всего хотел бы повстречаться с доктором Ди.

— Скорее оттого, — возразил я, — что я скучный человек, привязанный к своим книгам, и не умею видеть.

Мне стало стыдно, и я, наконец, встал. Вспомнил, что говорил Дадли, когда мы плыли по Темзе: «...разве наш Джон Ди не величайший авантюрист из всех искателей приключений? Человек, который отважился выйти за пределы этого мира!»

Тогда я не заметил насмешки. Но голая правда состояла в том, что я был фальшивкой, пустым человеком с большой библиотекой, и Дадли один только раз говорил без притворства, когда, разыгрывая мой арест, прошипел: «Увести самозванца!»

— Вот так, — смущенно произнес я. — Тайна раскрыта. Человек, обвиняемый в колдовстве, который даже не способен увидеть того, что наколдовал. Переход между сферами может открыться другим. Только не мне.

Пожалуй, я впервые признался в этом открыто другому человеку и, в наступившей тишине, пожалел об этом. И хотя я, несомненно, проямлил признание тихими, невинными словами, в моих ушах оно прозвучало полным горечи, скрипучим воем органа.

— Чепуха, доктор Джон.

По-прежнему склонив голову, Нел Борроу собрала губы в маленький, нежный бутон. То ли жалость, то ли усмешка — меня не радовало ни то, ни другое. Нел прижалась к моей постели.

— Помните, когда в первый раз вы поднялись на дьявольский холм и взошли на вершину...

— Я упал.

— Но если бы я предупредила вас, что вы можете упасть под действием необычной силы этого места... тогда, возможно, вы бы и не упали.

Я молчал.

— Вы много думаете. Пытаетесь обмерить всякую неизвестную вещь аршином своих познаний. Можно, наверное, даже сказать, что вы знаете слишком много.

— Сударыня, очень часто мне кажется, что я не знаю и половины. И если вы хотите сказать, что я должен забыть себя самого и все, что мне удалось познать, чтобы увидеть, почувствовать то, что скрыто...

— Забыть себя? Нет. Возможно, вам просто следует помнить, кто вы.

— Не понимаю вас.

Боже мой, я действительно не понял ее.

Всполохи света озаряли стену и гасли, точно смеясь.

— Знаете, — сказала она, — мне самой с трудом удается заглянуть внутрь себя дольше, чем на пару мгновений. Заглушить голос разума и постичь свои мысли и чувства... и в то же время перестать составлять с ними единое целое. Отделиться от них. Взглянуть на саму себя со стороны. В таком состоянии... можно разглядеть истину. Так говорят.

— Кто? Где вы этому научились?

— Немногие паломники все еще приходят сюда.

— Я хочу сказать... ведь это не христианское учение, так?

Она настороженно взглянула на меня. Грянул гром. Но в воздухе между нами царило спокойствие. Нел сложила ладони.

— Я сказала «паломники-христиане»?

— Продолжайте.

— Время от времени у нас появляются люди из... дальних стран, о которых я даже не слыхивала. Они лежат дальше, чем Франция и Испания, дальше, чем Низинные Земли. Наверное, даже дальше тех мест, откуда к нам приходил Иосиф Аримафейский.

— На востоке?

— Где-то там.

— Вы имеете в виду святых людей? Волхвов?

— Верхом на этих... на верблюдах? Разодетые в дорогие шелка? — Она рассмеялась. — Скорее в лохмотьях и пешком. Они не владеют никакими ценностями, кроме духовных. Мы снабжаем их пищей и даем кров, и они облачаются в наши одежды. Посещают наши святыни, пьют из источников. И делятся с нами своим... пониманием жизни.

— Файк знает?..

— О нет. Хотя некоторые из них в прежние времена бывали в аббатстве. Встречались с аббатом и старшими монахами.

— И вашей матерью?

— Возможно.

Я облизал обсохшие губы.

— Какие травы она выращивала, Нел?

— В основном собирала. Она собирала в полях и в лесу больше трав, чем выращивала. Искала лекарства — от оспы, от овечьей чумы. Ее стремления и помыслы были безгранично чисты.

— А порошок видений?

Первые ручейки дождя заструились по стеклам окна.

— Ах, это, — сказала она.

— А если меня тоже подослали сюда, чтобы узнать о нем?

Нел не ответила.

— Если бы я оказался здесь, когда ваша мама была жива, наверное, я тоже умолял бы ее, как Джоан Тирр, дать мне пузырек...

Нел развязала одним коротким рывком шнурок, и плащ упал с ее плеч. У меня задрожали руки.

Она наклонилась, покопалась в холщовой сумке и достала оттуда заткнутый пробкой глиняный горшочек.

— Это он?

Гроза теперь окружила нас со всех сторон.

Наверное, вы думаете, я сошел с ума, доверяя этой женщине, завладевшей моими чувствами?

Возможно, вы правы. Возможно, в ту ночь во мне и впрямь поселилось безумство, рожденное многолетней неутоленной жаждой. Скажу лишь одно: едва я услышал о том, что в Гластонбери еще можно найти порошок видений, я понял, что не уеду из этого города, пока не испробую действие снадобья на себе.

Однако я и представить не мог, что Нел Борроу носит его с собой в своей сумке.

— Он помогает роженицам, — сказала она, — когда у них тяжелые роды. И облегчает страдания женщин, если у них сильное кровотечение после родов.

— Это обычная практика?

— Еще его принимают те, кого мучают беспричинные головные боли, вызывающие яркие круги перед глазами.

— Ваша мать впервые выявила эту болезнь?

— Конечно же, нет. Она была известна, в том или ином виде, с древних времен. Удивительно, что вы не слышали о ней в ваших университетах.

— По правде сказать, — ответил я, — слышал.

Я вспомнил об этом заболевании, наблюдая за тем, как Нел Борроу выставляла ряд предметов на освещенный свечой стол. О болезни я узнал не из книг, лишь с чужих слов, а все, о чем не написано в книгах, всегда вызывало у меня подозрения. Да и как могло быть иначе?

*Ignis Sacer*¹.

Об этой малораспространенной, но страшной форме чумы мне рассказывали во Франции в прошлом году. Тогда умерло много людей, но скорее от самой болезни, чем от ее воздействия на рассудок. Выжившие говорили о видениях, одновременно ужасных и великолепных.

Священный огонь.

Болезнь вызывала жжение внутри тела: страшные мучения, конвульсии, полная потеря контроля над движениями. Монгер назвал это *танцем*. Описание хорошо соот-

¹ Священный огонь (лат.).

ветствовало тому, что случилось во Франции, где разносилась молва о гневном Господнем, посланном на людей за неверие. Я не читал о болезни в книгах и потому не доверял разговорам, посчитав их преувеличением, нацеленным на то, чтобы посеять страх и заставить людей подчиниться религиозным догматам.

Нел расстелила на столе чистую белую скатерть, выложила на нее маленький нож и деревянную ложку. Потом появилась склянка с водой, которая краснела при взбалтывании. Вероятно, воду взяли из Кровавого источника. Еще на скатерти были хрустальный кубок, полоска бумаги, яблоко и маленькая деревянная чашечка.

Нел вынула пробку из глиняного горшочка.

— Расскажите мне, что это такое, — попросил я.

— Порошок? Это основа, сделанная из грибов. Такие растут на злаках. В данном случае на ячмене. Гриб свисает с него черным ушком. Мама толкла его в ступке вместе... с другими травами.

— Она показывала вам, как готовится снадобье?

— Никогда. Я целый год училась делать его правильно — заставили обстоятельства. Надо было облегчить страдания нашей соседки, Эллис, — ее мучили головные боли. По ночам бедняжка стонала так, что просыпалась вся улица. Действительно, были какие-то странные крики в ту ночь, когда Эллис приняла... — Нел вдруг подняла глаза на меня. — Вы уверены, что хотите попробовать?

Я ответил решительным кивком. У меня не будет другого шанса испытать действие снадобья, когда Дадли поднимется на ноги и снова будет крутиться вокруг меня.

— Кто знает, — сказал я. — Может, зелье еще и не оказал на меня никакого действия.

Потом я рассказал Нел о своем опыте приготовления отвара из измельченных грибов, собранных Джеком Симмом в нашем саду. Эти крошечные грибы появляются осенью.

— Вы делали это в Лондоне?

— В своей библиотеке в Мортлейке. Думал, что в окружении мудрости древних действие отвара могло бы... Почему вы улыбаетесь?

— Просто так, доктор Джон. Просто так.

Пожалуй, я сам улыбнулся бы. Если бы Монгер не сказал мне, что *«действие снадобья может изменяться в зависимости от места, где его принимают»*.

— Где лучше всего его выпить? — поспешил спросить я, боясь, что могу передумать. — Я должен принять его на свежем воздухе?

— В грозу? Думаю, это неподходящий момент. Я слышала, как одному человеку струи дождя показались градом стрел. — Она посмотрела на меня. — Вы потеряете контроль над собой.

— Разве не в этом суть?

— Просто вы создаете у меня впечатление человека, для которого полное самообладание...

— ...возможная причина, — произнес я почти шепотом, — всех моих недостатков. Не на это ли вы намекали сегодня?

Но живущий во мне ученый уже размышлял о возможности дальнейшего исследования зелья, если удастся увести хоть немного его с собой в Лондон. Не я ли уже задумывался о том, как могло бы изменяться действие снадобья в зависимости от времени года или положения звезд в момент его приема?

Нел Борроу склонилась над столом, насыпая ложечкой смесь из горшочка на полоску бумаги.

— Количество должно быть очень маленьким, едва заметным неопытному глазу, иначе последствия... Одному Богу известно, сколько проглотил тот юноша из Сомертона. — Она подняла глаза. — Вы слышали когда-нибудь о болезни, которой дали название «огонь святого Антония»?

— Так вы слышали о ней?

— Не знаю только, почему ее так называют. У святого Антония бывали видения?

— Кажется, у всех святых бывали видения.

— Да, — согласилась она, — но видения, которые являются в результате приема снадобья... Такие ли видения вы бы назвали святыми?

— Не знаю, — ответил я. — К тому же в них может скрываться ересь.

Последовала тишина, стих даже дождь. Или так только казалось из нашей священной обители.

— Разве невозможно... — Нел Борроу поднесла склянку к свечному пламени, и жидкость стала янтарной. — ...чтобы чувства под воздействием трав пробуждались к общению с духовным миром?

Теперь жидкость окрасилась в красновато-золотой цвет. В свете пламени глаза Нел засияли янтарно-зеленым блеском. Дождь, точно предупреждая, вновь застучал в окно, когда она подняла пальцами полоску бумаги и высыпала порошок в деревянную чашечку. Добавила туда немного воды и еще чуть больше налила в хрустальный кубок.

Что увижу я сквозь дно кубка? Путь к Богу? Или дорогу в ад?..

И что — о мой Бог, — что же скрывалось за блестящими глазами из изумруда?

То, что происходило потом, чем-то напоминало мессу, которой я по-прежнему верен, ибо в ней, несомненно, заключена древняя алхимическая формула высшей трансформации.

Нел передала мне кубок.

— Это из Кровавого ключа. А это... надо держать в руке.

Камень. Светло-коричневый окатыш, как будто со дна реки, величиной с куриное яйцо. В моей руке он давал ощущение прохлады.

— Что это?

— Я нашла его внутри башни на дьявольском холме. — Нел разрезала ножом яблоко на две половины. — Это удержит вас на земле.

Я кивнул и, держа камень в руке, поднес кубок к губам.

— Погодите, — остановила меня она.

Я поставил сосуд, пролив немного жидкости на поверхность стола.

— Вы боитесь, — сказала Нел. — У вас дрожат руки.

— Холодно.

— Нельзя это пить, если боишься. — Она взяла меня за руку, и я даже вздрогнул от тепла и энергии ее пальцев. — Джон... Мне кажется... я думаю, вам не надо этого делать. Кому, как не вам, должно быть известно, что есть и другие пути. Подумайте над этим.

— Не я ли думаю слишком много?

— Чего вы не рассказали мне? — спросила она.

Мне ужасно хотелось перевернуть свою руку, чтобы пожать ее пальцы, ее ладони, но лицо Нел было таким серьезным. Вместо этого я сделал глубокий, медленный вдох, и плохие воспоминания поднялись наружу.

— Мне снятся сны, — прошептал я. — Все время одни и те же сны.

Я не стал рассказывать дальше. Не стал говорить о снявшемся мне костре, о моих обугленных руках и ногах, лежащих на пепелище. Я будто отделился от самого себя, хотя, наверное, не совсем так, как описывала это состояние Нел. Я вспомнил шествие горожан, которое наблюдал на днях у церкви Иоанна Крестителя. Все эти люди тогда показались мне актерами, игравшими пьесу. Их тела изображали обычную жизнь, но подлинная жизнь этих людей велась где-то на ином уровне. Теперь я чувствовал, что и сам становлюсь частью этой игры. Я словно получил разрешение проникнуть в иную реальность.

— Послушайте... — Нел наклонилась ко мне. — Есть другие пути. Мы вместе найдем их.

Она потянулась за кубком, но я схватил его раньше и выпил все без остатка.

Гром понемногу стихал, но буря, возможно, лишь началась.

Глава 30

ПОДОБНО СОЛНЦУ

Я сидел на краю кровати, и мы говорили. Вернее, говорила Нел. Я только сидел и слушал тихую, печальную музыку ее голоса. Она рассказывала мне о своем отце, о том,

как он, после казни ее матери, погрузился в работу, спеша каждую ночь на помощь больным и больше не задерживаясь подолгу в опустевшей постели.

Трагедия их семьи отразилась болью в моем сердце и настолько потрясла меня, что я пустил слезу.

— Вот так раз, — пробурчала Нел Борроу. — А что вы делаете, доктор Джон, чтобы отвлечься от повседневных забот?

— От забот? — Выдавливая улыбку, я вытер слезы рукавом. — Ничто меня не тревожит, если я занят работой. Ваша мать волновалась о чем-нибудь, когда ухаживала за садом?

— У нее... — Она задумчиво улыбнулась. — Было две сотни разных трав. Они требовали много внимания. Если бы жизнь состояла лишь из труда и мы могли бы работать не покладая рук...

— Тогда печаль была бы неведома некоторым из нас.

Как и радость, бросила бы в ответ моя мать. Не понимала она пьянящего удовольствия науки.

— Ей было так спокойно в своем саду, — продолжала Нел. — Оттуда видно всю землю до самого моря, а с другой стороны поднимался холм Святого Михаила и парящие вершины аббатства. Рай, да и только. Авалон.

Я вспомнил о своем небесном саде, с его созвездиями, похожими на цветники, едва различимая симметрия которых вызывает во мне чувство более глубокое, чем сама ночь.

— Вы по-прежнему ухаживаете за садом?

— Да... по мере сил. Теперь там осталось меньше половины бывшего разнообразия трав. Раньше, до падения аббатства, монахи помогали ей. Даже аббат... Бывало, он приходил, и потом они подолгу гуляли в полях и вдоль болот, у реки, собирая растения...

Я слушал ее рассказ и словно видел блестящую гладь реки, мерцание водных лент у границ летних полей, голубоватый туман, плывущий по воздуху, как привидение, с далекого моря.

— ...и мастер Леланд тоже бывал там.

Я поднял глаза.

— Джон Леланд? Джон Леланд, антиквар?

Я уцупнул себя за ногу, чтобы убедиться, что я еще не перешел в другую сферу.

— И составитель карт. Топограф.

— Джон Леланд работал с вашей матерью и аббатом?

— С аббатом — нет. Настоятель, кажется, сторонился его. Он приходил иногда и ходил на прогулки с мамой. Бедный господин Леланд.

Нел вздохнула, и вздох печали создал вокруг нее полотно теней. Ее тело замерцало бледным светом на фоне бурых лесов на том полотне, и мне пришлось отвести взгляд. Не знал, что Леланда интересовали травы. Только древние манускрипты да устройство земель.

— Так это было не в первый приезд Леланда в город.

— Он возвращался.

— Я знаю. После роспуска монастырей.

Роспуска. Слово сорвалось с губ и зажурчало, словно звонкий ручей по камням. Я пригнулся и подставил под ручей пальцы.

— Я помню, как мастер Леланд приходил в наш дом. До сих пор вижу его выбритое лицо, скуластое, как римская статуя. Помню, как он кричал: «Вы не понимаете, теперь я принадлежу самому себе». Все время повторял это.

— Что он хотел этим сказать? Был ли он в здравом уме? Ведь...

— Откуда мне знать? Я была только ребенком.

Только ребенком.

Мое внимание приковали свечи. Маленькие, тугие языки пламени слились в единое тело, похожее на полную золотую луну, и я почувствовал, как раздувается сердце в моей груди, — словно бутон кроваво-алого мака, готового вот-вот раскрыться.

Стой. Боже мой. *Надо подумать.*

Я поднял глаза. Простое движение, кажется, заняло у меня уйму времени.

— Вам известно, что Джон Леланд, в конечном счете, сошел с ума? — Меня повело вбок, и я ухватился за бли-

жайший столбик кровати. — Говорили, будто он много на себя взял, и разум не справился с нагрузкой... задачей составить карты всего государства.

— Мне известно лишь то, что мой отец не доверял ему. Говорил, что в первый раз он приезжал, чтобы забрать сокровища, а во второй — нашу землю.

Камень в моей руке шевельнулся.

— Отец говорит, что в последний раз Леланд приезжал, чтобы повидать бывших монахов аббатства. Он разыскивал их.

— Леланд?

Я раскрыл руку — камень лежал неподвижно.

— Только они не желали иметь с ним дела. Частично возлагали на него вину за убийство аббата Уайтинга.

— Чего он хотел от монахов?

Вопрос, кажется, попал в самую точку. *Что могли знать монахи?* Я потянулся за ответом — ствол яблони жестко уперся в мое плечо.

— Не знаю. Как не знаю и того, что было нужно ему от моей матери. От сокровищ давно не осталось следа.

Я пытался разглядеть выражение ее лица, но оно пряталось в крошечной тьме. Нел удалялась все глубже в кольцо деревьев и кустов, все дальше от света луны.

Камень в моей руке ворочался и раздувался, как жаба.

Не осталось следа.

Я обхватил рукой ствол дерева. Дьявольский холм во всем своем холодном величии вырастал передо мной из бурого густого тумана, и небо кружило в водовороте над его башней. И вдруг ночь была уже не ночь, но и не ясный день — просто темнота над моей головой, биение черных крыльев. Я поднял глаза — небо наполнилось каркающим вороньем, а вдали — человек грузно спускался ко мне по склону холма, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

— Когда Леланд?..

Крылья ворон заглушили слова, и я отвернулся, прикрывшись руками от разъяренных птиц, роящихся вокруг меня со всех сторон. Но вороны вдруг налетели на меня,

клевали мне руки, рвали плоть, пытаюсь добраться до глаз. И я закричал, и повалился лицом на мокрую землю, и словно сроднился с ней.

Я лежал, часы улетали в вечность, а подо мной все та же жирная почва, рожденная гниением мертвых тел, — основа для ростков новой жизни. Я долго думал об этом, размышлял о дивном плодородии земли, пока не заметил, что вокруг меня тишина, мрачное, гнетущее безмолвие, которое, в конце концов, заставило меня обернуться. И предчувствие не обмануло меня — надо мной стоял Мартин Литгоу. Он смотрел на меня недоуменным взглядом, сомкнув руки на животе, чтобы удержать блестящие кишки в кровавом бульоне.

Я попытался отвести взгляд и не смог. Тело не подчинялось мне. Теперь я знал наверняка, что это я. Я убил его. Отправил на смерть. Умертвил его, как Кейт Борроу убила мальчишку из Сомертона... Две родственные души, колдун и ведьма. В поисках знания мы призываем мрак ночи.

Виновен.

И пытался, с помощью магии, убить или причинить серьезный вред Ее Величеству...

Изо всех сил я пытался вздохнуть.

— *Не двигайся,* — сказала она. — *Не двигайся, Джон.*

Увести его.

Руки связаны сзади. Спина прижата к столбу. Ржавый железный обруч сдавил мне грудь. В воздухе показался сизый дымок — предвестник беды, и вот я уже чувствую запах старой соломы, слышу волнуящий кровь треск сухих веток, подернутых первым огнем.

Ересь.

Ядовитые газы проникли в горло, и мне уже не вздохнуть, не могу даже прокашляться, ибо вокруг меня только дым. Хочу закричать, но воздух наполнен удушливым газом, треском горящих сучьев и болтовней собирающейся толпы.

Тонкая грань, доктор Джон.

Солома быстро схватывается огнем. И тихонько шипит.

Клинок, Джон, клинок.

Епископ Боннер появляется передо мной. В монашеских одеждах и с широкой, зубастой улыбкой мясистых губ. Посмеивается, наблюдает, как огонь раскаляет кожу и пожирает одежду, медленно вытекая дымом из рукавов.

Тогда скажите-ка мне, доктор Ди, каким образом душа может приобрести божественность?

Его смех — точно нестройный звон колоколов, а в воздухе слышится запах свиного жаркого, сочный и соблазнительный.

Через молитву...

Прошептал я сквозь шипение жирных брызг.

...и страдания.

Лучезарная улыбка Боннера затмевает пламя костра, и я опускаю глаза и вижу: одна рука обуглилась, кожа морщится, пальцы чернеют и рассыпаются пеплом.

Я кричу изо всех сил, чтобы заглушить гул в ушах, рычание раскаленного воска, но крик не выходит наружу. Рот полон ядовитого газа, в глазницах от жара закипают глаза, и вдруг искры сыплются мне на голову, волосы вспыхивают огнем, и повсюду слышится гул...

...иступленный восторг толпы знаменует славный момент появления адского гало: голова колдуна охвачена безумством пламени. И превращается в огненный шар. Подобие солнца.

Подобие солнца.

Глава 31

ДУРМАН

Когда я умер, шел дождь.

Нежный, красочный дождь, будто разноцветная радуга на обугленном небе.

Вдали кто-то пел, мягко и мелодично, а в воздухе слышался легкий аромат яблок.

Я рассказываю вам об этом, но не знаю сам, сколько часов длилось мое путешествие в иной мир, ибо время шло

там по-другому. Там все было иначе, и, хотя я знал, что я мертв, я также знал, что это еще не конец.

Я шел по воде.

Чистой и теплой. Она искрилась в траве и стекала каскадом по склону холма. Ее журчание звучало подобно музыке.

Я шел босиком, и трава скользила между пальцами ног. Меня вели за руку, и я ступал по мягкой земле, спускаясь под полог, сплетенный ветками яблонь, и легкий ветерок доносил до меня ароматы яблок, привкус сидра и запахи позднего лета.

А с другой стороны высились дьявольский холм и островерхие башни аббатства.

Я шел через старый сад. Ветки яблонь царапали мне голую кожу.

И вдруг, незаметно, я оказался в небе.

Оставив свое тело внизу, я воспарил, точно дух, сотканный из эфира. Я гулял по небесному саду, где звезды рассыпались у моих рук. Звездные миры, которые я мог бы черпать ладонями. Но я не хотел, желая лишь жить с ними в гармонии и мире и с ощущением вечного чуда. На короткий миг я почти постиг Его думы.

Наверное, я провел там много часов, а, может, всего несколько минут, прежде чем упал вниз, с чувством тревоги... вернулся в мир, так похожий на наш, но другой. В котором я снова увидел землю — окрестности Гластонбери — с паутиной кристальных рек и ручьев.

И потом, под лоскутным покрывалом полей, лесов и холмов, я увидел утробу острова, внутренние железы и сосуды, связанные течением подземных вод — грубой и грозной силой, двигателем земли, скрепленной костями холмов и всеми костями святых, что лежали здесь; костями Авалона.

И вдруг облик земли начал меняться у меня на глазах. Звери из песка и глины вырастали на ней... лев и голубка... и рыбы поплыли в траве. И земля накренилась, и звери окружили меня огромным кольцом.

— Где вы?

— Я лечу, — отвечал я.

— *Возвращайтесь*, — сказала она. — *Наверное, уже хватит.*

Когда видение расплылось бледным пятном и телу вернулся вес, боль сожаления пронзила меня. Но потом я услышал знакомое мелодичное пение, журчание расплавленного золота, и сверху увидел аббатство, лежавшее золотым телом у подножья дьявольского холма.

...рай. Авалон.

И тогда я услышал эти слова, тихие, но отчетливые.

Всякая алхимия зависит от Солнца и Луны. Солнце — ее отец, Луна — мать, и всем доподлинно известно, что красная земля питается лучами Солнца и Луны.

Солнце было в моей голове. Жар жег мой разум, как раскаленные газы Солнца. А Ллуна...

...Луна ждала Солнце.

Я шел к вершине дьявольского холма.

Что ты видишь?

Небо.

И?..

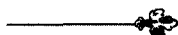
Башню.

Подойди к ней. Прислони ладони к ближайшему углу на уровне груди.

Я открыл руки, и камень, что я держал, выпал. Я потерял связь с землей. Дрожь охватила руки и грудь, меня отбросило в сторону, но на этот раз я не упал.

Не упал.

Галун, который я держал в руке, снова сросся с высоким камнем, чей дух обитал в башне на вершине холма. И башня, и камень жили во мне, когда я спускался по склону, мнимый плеском воды в Кровавом источнике у подножья холма. Я катился, скользил, поднимался и снова катился по склону холма, оставляя позади разодранные в клочья одежды, и она ждала меня — без плаща, без платья, без нижней рубахи, — но она только призраком в прозрачном воздухе.

Призрак. И нежность травы, где лежали мы вместе. И нежность губ, и башня, и колодец, что разверзся среди зарослей. И потом, вобрав в себя всю энергию, башня провалилась в колодец и исчезла в глубине. И потом — о мой Бог, — язык между перекрестившимися зубами, и зеленоватые глаза в серебристой воде, поток белого света, света тысяч свечей, реки белого света потекли сквозь меня.

И потом, чуть позднее, солнце взошло в моем сердце.

*И я отправляюсь на Авалон, к честнейшей из дев...
...и она излечит мои раны и исцелит меня.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Суеверие требует легковерия, так же как истинная религия требует веры. Глубоко укоренившееся легковерие столь могущественно, что может быть принято, в ложных религиях, за способность творить чудеса. Ибо, если иной твердо верит, что его религия истинна, даже если сей факт есть заблуждение, он поднимает свой дух легковерием, пока не уподобится вождям и первосвященникам той религии. Кажется, лишь в таком состоянии он способен сотворять дивные вещи, неподвластные пониманию тех, кто пребывает в здравом и трезвом уме.

*Корнелий Агриппа
(1486–1535)
De Occulta Philisophia*

Глава 32

СЛОВО

Я проснулся перед рассветом — будто проспал несколько дней. Или, точнее, я будто не спал несколько дней подряд. И мое тело...

...я ощущал свое тело не так, как прежде. Потянувшись в постели, я вдруг почувствовал его целиком — от ступней до самой макушки, а между ними медленное биение беззаботного сердца. И я чувствовал...

Цельность. Я чувствовал свою цельность. Полноту. Завершенность. Во мне будто сияло солнце, его священные лучи открывали для меня путь к вожденной свободе, и я повернулся, чтобы обнять...

Пустоту.

Как только рука опустилась на холодную постель, меня охватил ужас. Я раскрыл глаза, словно дверь в темноту. Присел. Увидел пустой стул, пустой стол. Пустую кровать. В полумраке комнаты я был один.

Ушла. Провела свой алхимический опыт и ушла. Я потерялся: неужели это был только сон, ночные похождения души? Упал на постель. Тяжелая пустота наполнила мое тело.

И потом, едва лицо скользнуло между подушками, ее запах вернулся ко мне, полужвериный мускусный аромат ее тела, и дыхание застряло в моей груди.

Боже. *Господи, Господи...*

Я выбрался из постели и понял, что я совершенно гол, холодный рассвет кусал мою плоть. Но я испытывал чув-

ство неги, впервые в жизни холод доставлял мне удовольствие. Я стоял, наслаждаясь пульсацией и томным покалыванием в своем теле, будто все звезды зажглись во мне. Другие мужчины тоже ощущали такое? Все ли мужчины испытывают эти чувства после?..

После того, на что почти без сомнений указывает памятная постель и исходящий от нее аромат. Растроганный до слез, я снова лег на кровать, окунув лицо в сладостный запах, и едва я закрыл глаза, как вновь поднялся туман, чехарда образов, луна и вода, земля и...

...огонь. Даже огонь был мне приятен.

Боже!

Я снова поднялся с кровати и медленно подошел к окну. Прикоснулся к нему. Как необычно было стекло... Как дивно было глядеть сквозь него...

Разумеется, произошло что-то еще. Нечто более существенное, нежели действие порошка, — пусть даже благодаря снадобью для меня отворилась дверь во внешний мир. Но, если разобраться, все случилось так, как случилось, только благодаря Нел, и ее участие имело название. Для него было придумано слово.

Нижние квадраты окна, выкрашенные в оранжевый, красный и голубой цвет, отражались яркими красками в лужице на подоконнике; я залюбовался ее красотой и, должно быть, простоял так несколько минут...

Ах да, слово.

Оно всегда было с нами, превратно истолкованное, вечно гонимое. Церковники наделили его дьявольским смыслом — те самые святоши, что проповедовали нам открытость к высшим влияниям.

Мокрые крыши за окном зардели красным сиянием. Я поднял глаза к первым лучам восходящего солнца, накатившим на ветхие бастионы ночных облаков. Дрожь бежала по всему телу. И я произнес это слово, прошептал его медному пламени новорожденного дня.

Магия.

Потом я встал на колени и начал молитву.

— С вами все хорошо, доктор Джон? Вид у вас...

Ковдрей, в суконном переднике, с грубой седой щетиной на лице и тревогой в глазах, стоял у подножья лестницы.

— Все хорошо, благодарю вас, — ответил я.

Я словно первый раз в жизни услышал собственный голос. Тонкий, незрелый, мальчишеский голос.

— Кажись, все плохо спали прошлую ночь, — заметил Ковдрей. — Вроде как самая жуткая буря за целую зиму.

Мне хотелось бы возразить ему, сказать, что это лучшая буря из бурь. Но что-то удержало меня. Спускаясь по ступеням, я по-прежнему ощущал себя так, будто мое тело парит, словно световой луч, но хорошо понимал, что должен покончить с благостным волшебством своих чувств, прежде чем они перейдут в безумство.

— Вы видели Нел Борроу?

Ее имя отныне было для меня свято. Теперь оно звучало словно воззвание к ангелу.

— Нет. — Выражение лица Ковдрея стало пустым. — Вчера не видел весь день.

Конечно же, он видел ее, даже предложил комнату на чердаке, однако осторожность Нел заслуживала похвалы, и я прекратил расспросы. Она все равно потихоньку ушла бы еще до рассвета, чтобы никому не доставить хлопот. Именно это она и сделала: потихоньку ушла.

Но я отыщу ее. Она была нужна мне как никогда. Ее поиски были теперь важнее всего остального, ибо она и Цирцея, и Медея, и фея Моргана, и... Живой образ ее застыл в моей памяти — смотрит на меня, стоя между двух высоких деревьев у начала тропы, ведущей к святому ключу.

А разве знание можно получить только из книг?

Судя по слегка встревоженному выражению Ковдрея, я начал подозревать, что весь пропах дикими ароматами Нел.

— ...божий, — продолжал говорить он.

— Что-что?

— Такие бури — редкость для этого времени года. В народе поговаривают, что это гнев божий за прегрешения и поганое язычество, расцветшие в этом городе.

— Кто это говорит?

Ковдрей зловеще ухмыльнулся, но ничего не ответил.

— Мастер Робертс зовет вас.

— Он встал?

— Больше часа назад, — ответил Ковдрей. — Просит вас прийти к нему в аббатство. Ждет вас в надворной постройке за кухней аббата, там, где... где лежит тело. Труп вашего человека.

Черная тень всегда стоит перед светом.

— Прямо сейчас?

— Я пока приготовлю вам завтрак. Не очень-то терпелив этот ваш мастер Робертс.

Строение, похоже, сохранилось со времен короля Эдуарда, когда в аббатстве поселились фламандские ткачи. Ставни на окнах накрепко заколотили гвоздями, крышу местами еще покрывала солома. Свежим, прохладным утром я добрался до места в приподнятом настроении. Но едва подошел к открытой двери постройки, на меня пахнуло едкой, пронзительной вонью гниющей плоти, и от легкости бытия не осталось следа.

Именно зловоние трупа и воскресило в моей памяти наш задушевный разговор при свечах накануне моего путешествия в иной мир.

То, что случилось с вашим слугой... ужасно, вне всяких сомнений... но все эти разговоры о черной магии, жертвоприношениях...

— Где тебя черти носят?

Дадли, в буро-сером камзоле государственного служащего, поджидал меня у дверей. Никогда еще я не видел его таким исхудалым и изможденным.

— Поздно встал, — отвечал я. — Ночная гроза...

— Никому не дала уснуть. Кроме этого несчастного.

Его лихорадка будто отступила на время, глаза иступленно горели неистовой яростью, словно некий бездуш-

ный механизм управлял им. Он ступил шаг наружу, вытирая губы и усы тыльной стороной руки. Градины пота еще блестели на лбу.

— Зайди. Зайди, посмотри.

— Робби, я оглядел все, что мог. Какой смысл?

— Нет! — Его лицо напряглось, все до последнего мускула. Он как будто вышел из длительной спячки, разбуженный жестоким вызовом реальной жизни. — Посмотри еще, прошу тебя. Поближе. Ты разбираешься в таких вещах, ты изучал анатомию.

— Я читал *книги* по анатомии...

Книги, книги, книги...

— Послушай, Джон. Ты поспешил отвести подозрения на ритуальное жертвоприношение. Но если это не жертва, то что? О чем может поведать нам его тело?

— Робби, мне кажется, ты еще не вполне здоров, чтобы...

— К черту мое здоровье. Лучше иди и взгляни.

Я кивнул и, против собственной воли, вошел внутрь строения, стараясь дышать только ртом.

В самом деле, войти туда было все равно что в мясную лавку, однако вид трупных останков всегда приводит меня на грань отчаяния. Трудно признать, что душа погибла навечно, и тем более трудно после всего, что видел я прошлой ночью.

Тело Мартина Литгоу лежало на столе, сооруженном из двух перевернутых кормушек для скота. Оно потемнело и утратило блеск. Свечу вынули изо рта и бросили возле тела, ничто в ней больше не напоминало о холме Дьявола. Всего лишь подлое оскорбление жизни и человечеству.

— Что я могу?... — В отчаянии от собственной беспомощности, я, едва не плача, покачал головой. — Что я могу сказать еще, Робби... кроме того, что ты и сам в состоянии увидеть?

Правая рука Мартина была перекинута через рассеченную грудь; разбитое, сморщенное сердце зажато в локтевом сгибе. Я вспомнил, как призрак Мартина явился ко

мне в тумане видения. Тогда он ничего не сказал. Молчал и теперь.

Левая рука свесилась через стол, и Дадли поднял ее, поддерживая кисть руки, более не скованной трупным окоченением.

— Что скажешь об этом?

Сдерживая дыхание, я неохотно склонился к руке покойника.

— Ого...

Я бы не обратил на это внимания при других обстоятельствах. Вы осмотрели бы рассеченную грудь, вырванное сердце и, наглядевшись до тошноты, отвернулись бы, и мелкие, но многозначительные пятна запекшейся крови на кончиках пальцев остались бы незамеченными. Как и почерневшие, расколотые ногти.

— Средний палец, Джон. У него почти оторван ноготь. Видишь?

— Похоже, он дрался... — Я присел, опустив одно колено на устланный грязной соломой пол, и поднес холодную, побелевшую руку ближе к глазам. — Или это означает, что тело волокли после смерти?

— И то, и другое возможно, — ответил Дадли. — Только мне кажется, все еще хуже. Взгляни еще раз. Поближе.

— Что это?..

Бурые хлопья упали мне на ладонь. Вряд ли они были запекшейся кровью.

— Ржавчина. — Дадли опустился на колени рядом со мной. — От старого гвоздя. Видишь?

— Где?.. О, Бог мой...

Острые гвоздя вышло наружу у самого корня расколотого и почерневшего ногтя. Вздвогнув, я в ужасе отпустил мертвую руку.

— Забивали под ноготь, — пояснил Дадли, — пока шляпка не отвалилась.

— Тогда это?..

— Его пытали, — ответил Дадли. — Перед смертью несчастного подвергли пытке.

Я вяло поднялся, пытаюсь найти иное объяснение, и не нашел.

— Зачем?

— Зачем обычно пытаются?

— Чтобы заставить признаться...

— Угу, — промычал Дадли, покачивая головой. — Чтобы заставить заговорить.

— О чем? Что он-то мог знать? Он же не местный. Приехал лишь потому, что...

— Приехали мы. Он приехал с нами. Он знал, кто мы такие и почему оказались здесь.

— И ради этого убивать?

Дадли взглянул на меня, как на ребенка, но глаза Мартина Литгоу, словно холодные, серые булыжники с мостовой, навсегда усталились в темноту.

— Надо, чтобы кто-то засвидетельствовал это, — предложил Дадли. — Кэрю уже здесь? Или тот... второй?

— Файк.

Изображает из себя божьего человека, борца с силами Сатаны, но загляни в душу — вот где скрывается зло.

— Мы не расскажем об этом Файку, — возразил я. — Я даже не уверен, что стоит говорить об этом Кэрю.

Дадли посмотрел на меня прищуренными глазами.

— Доверься мне, — ответил я.

— Ладно. Тогда зови Ковдрея.

— Нет... Есть кое-кто получше.

Отмахиваясь от свисающей с потолка густой паутины, я поковылял к выходу за глотком свежего воздуха.

Глава 33

ДОРОГОЙ МУЖЧИН

Не стану скрывать, у меня был свой интерес. Мэтью Борроу — знаток медицины и хирург — был бы для нас наилучшим свидетелем. Он смог бы подтвердить наши предположения о том, что Мартина Литгоу пытали. Но, возможно, он также знал, где искать свою дочь.

И я побежал.

Нел. Мое тело еще содрогалось нежными и призрачными воспоминаниями о ней.

И чувством тревоги.

Небо, почти безоблачное в то утро, ясно синело над моей головой, и ноги быстро уносили меня все дальше от аббатства по грязным улицам, покрытым лужами и бурой грязью, оставленными ночной грозой. Что-то побуждало меня продолжать бег, промчаться через весь город с двумя церковными башнями на разных его концах и бежать еще дальше, в сырые поля, прямо к солнцу.

Однако вскоре кое-что показалось мне странным, и я замедлил движение.

После бури воздух был прохладнее и свежее, однако теперь, в девятом часу, на улицах не было никого, кроме меня.

Я остановился и огляделся вокруг: каменные дома, мазанки, дым растопленных поутру очагов. Я будто увидел этот город впервые — до чего беспорядочным и безобразным казался он теперь, когда аббатство лежало в руинах! Мертвая планета без солнца, отдавшая всю жизненную энергию дьявольскому холму.

Он *снова* обрел ее. И самый холм казался на первый взгляд безмятежным и окутанным ореолом святости... только святость эта, его *магия*, была стихийна и не имела ничего общего с дисциплиной аббатства. То была магия хаоса.

Совершенно внезапно передо мной предстало мрачное зрелище. На миг мне почудилось, будто я смотрю на Гластонбери глазами сэра Эдмунда Файка. И чувствую то же, что чувствует он. Ощущение потери. Пустоту, заполненную ныне гневом.

Я понял, что за мной наблюдают, и повернулся. Я начал замечать серые лица в дверных проемах и окнах, украдкой раздвинутые занавески.

Немой страх. В маленьком городе новости разлетаются со скоростью звука. Будто гонимый инстинктом, я побежал по улицам и переулкам. Наконец добрался до улицы,

где стояла новая церковь Святого Бениния, и тут до меня донеслись голоса...

— *Остановите их!*

Пронзительный женский крик заставил меня резко остановиться. Прижавшись к ветхой глинобитной стене, я осторожно выглянул за угол. В облаках утреннего печного дыма у колокольни танцевали фигуры людей, точно куклы на лесках.

— Убирайтесь! — Громкий голос отрезал, словно удар хлыста. — Кто сунется, пойдет с нами.

Давясь от кашля, я медленно подвинулся к краю стены и увидел десятка два людей: женщины с детьми и старики выстроились по обеим сторонам улицы, как на парад.

Между ними двое мужчин держали за руки третьего, постарше их возрастом, который тщетно сопротивлялся им. За его спиной, на ступенях дома, появился еще один человек, в кожаном камзоле, и, вероятно, ударил пленника короткой дубинкой, отчего тот рухнул на мостовую, будто он марионетка и ему обрезают лески.

— *Гос... Стойте!*

Упавший на камни мужчина тотчас попытался откатиться в сторону. И я узнал в нем доктора Борроу. Нога занеслась над его беззащитной головой. Закричав, я бросился вперед.

— Прекратите! Немедленно прекратите, подонки, именем королевы!

Воцарилось молчание. Сапог застыл в воздухе.

— Не суйся не в свое дело. — Обломанные зубы сверкнули в седеющей бороде. — Тебя это не касается... кто бы ты ни был.

Под кожаным камзолом промелькнул полуобнаженный клинок. Все внимание теперь было обращено на меня, кто-то шевельнулся в дыму, и мне стало ясно, что их было пятеро, а я оказался в неприятнейшем положении. Никто из горожан не повел бы и пальцем, чтобы спасти меня.

— Тут мы — закон, приятель, — сказал человек в кожаном камзоле. — Даже думать не смей одурачить нас.

Я стоял один посреди улицы, но меня не беспокоило это.

— Я — доктор Джон, из королевской комиссии. Прибыл сюда вместе с сэром Питером Кэрю. Если этот человек получит увечья, вам достанется. Это я обещаю. Каждому. Понятно?

Боковым зрением я заметил, как пытается уползти Мэтью Борроу.

— Не смейте, — сказал я. — Оставьте его.

Мой голос звучал тихо, но, похоже, возымел действие. Странно, но я чувствовал себя спокойно. Я пристально глядел на человека в кожаном камзоле, сумев каким-то образом выдержать долгую паузу, прежде чем заговорил вновь.

— Теперь уходите, все. Иначе сами не заметите, как вернетесь к прежней убогой жизни бродяг и воров.

Быть может, подействовал мой тон — даже не знаю, как это звучало, — но человек в камзоле, похоже, был готов сделать шаг назад — глаза забегали из стороны в сторону, будто я наступал на него. Потом он покачал головой.

— У тебя только слова, приятель. Твое слово против моего... и *его*... — Он показал поднятым большим пальцем в сторону своих спутников. — И *его*.

— За вас не дадут и гроша, — тихо произнес я. — За лютого из вас. Вы всего лишь шайка наемников. Расходная часть.

Возможно, он недопонял последнее выражение, но, несмотря на то, что я был небрит и одет кое-как, он все же уловил элемент угрозы и мою уверенность в себе, которой не ожидал даже я. Он огрызнулся, но избегал смотреть мне прямо в глаза. Наконец, фыркнув, пихнул клинок в ножны под кожаным камзолом. Я же оставался на месте и ждал. И чувствовал... будто отделился от себя самого. Дурман возвращался. Казалось, что я парю в воздухе, обзревая сверху происходящее, и жалкие дома, и грязные улицы, и заваленные мусором дворики.

— Проваливайте, — сказал я. — Пока я не запомнил ваши лица.

Человек в кожаном камзоле подал короткий знак своим людям и грозно зашагал на меня. Но я не тронулся с места, и он грубо задел меня сбоку своим плечом. Я почувствовал боль, но странный восторг овладел мною, и я не дрогнул.

Сопrotивляясь желанию потeреть плечо, я обратил внимание на его руки, когда после столкновения человек в кожаном камзоле вернулся в равновесие. Кинжал не покинул ножен во второй раз. Я смотрел прямо перед собой, будто ничего не случилось, и обратил внимание на некоего юношу. Он озадаченно наблюдал за мной, и на мгновение мне показалось, что я уже видел его, только не в камзоле и не в чулках.

Две женщины, одной из которых была Джоан Тирр, помогли Мэтью Борроу подняться по ступеням дома, однако доктор явно не желал заходить в него. Взгляд Мэтью был устремлен в другой конец улицы, мимо церкви; правая рука повисла, словно пустые ножны.

Я подошел к старику.

— Ради всего святого, доктор Борроу, что все это значит?

Старик раскашлялся, и женщина рядом с Джоан Тирр обратилась ко мне.

— Они пришли с рассветом, сэр, постучали в дверь и потребовали дать им обыскать дом.

— Ублюдки, — прошипела Джоан Тирр.

— Отведи его в дом, Джоан, — велела женщина. — Ступай, приведи себя в порядок, Мэтью. Я скоро буду. — Она говорила с валлийским акцентом, характерным для южного Уэльса. Потом снова повернулась ко мне. — Я живу в доме на той стороне. Мой муж — викарий. Я видела, как они вошли в дом. Едва дверь открылась, прижали доктора к стенке и ворвались внутрь.

— Но ведь они знают, кто он. Наверняка он даже лечил...

— Нет, — возразила жена викария. — Они не знают его. Эти люди не из Гластонбери. Мы никого из них не знаем.

Ничего удивительного. Желających поучаствовать в поимке преступника хватало. Некоторые даже приходили

издалека просто ради охоты и насилия и возможности поживиться за чужой счет.

— В городе их полно, это точно, — сказала жена викария. — Прошлую ночь, во время бури, сидели в тавернах. Приехало несколько дюжин.

— Ублюдки, — снова выругалась Джоан.

— Несколько дюжин? — Я пошел по улице следом за женой викария. — Что им здесь было нужно?

Жена викария посмотрела на меня задумчивым взглядом. Полная женщина с желтоватыми волосами, убранными под чепец.

— Была страшная ночь, сэр. Мой муж, викарий, с самого рассвета у алтаря молится о прощении. Грех тяжелым грузом лежит на всех нас.

— Джо Монгер может за меня поручиться, — заверил я. — Что они искали здесь, миссис?

— Они нашли, что искали, — ответила она. — Но этого было мало. Конечно, уж они-то знали, что отец не станет стоять в стороне, и, когда он побежал следом за ней, они набросились на него. Не его вина, что она его кровь и плоть.

— О чем...

— Зачем она вернулась, так того я не ведаю.

— Кто? — Небо словно треснуло пополам. Я едва сдержался, чтобы не схватить жену викария за плечи. — Говорите.

— Должно быть, они следили за домом всю ночь. Я так думаю.

Казалось, небо вот-вот рухнет на землю.

— Вы не видели, как ее увели? — удивилась жена викария.

— Боже...

Она испуганно смотрела на меня недоверчивым взглядом, и мне хотелось встряхнуть ее, вытрясти из нее все это показное сочувствие, заменившее здравый смысл.

— Говорите же!

Моя голова словно пылала огнем, и, вероятно, заметив в моих глазах признаки бешенства, жена викария попятилась назад. Я снова обратил внимание на юношу, наблюда-

ющего за нами, и понял, что это брат Стефаний, один из двух монахов, которых я видел с Файком в день нашей первой встречи на вершине дьявольского холма.

Жена викария убрала под чепец выпавшие пряди волос.

— Говорю, она... В общем, мы слышали ее, все слышали. Кричала с лестницы, что пойдет сама, если отпустят отца. Конечно, как только ее потеряли из виду...

Я огляделся по сторонам. Толпа уже начала расходиться. Мои губы бесплодно двигались, будто лишенные дара произносить слова.

— Это ведь несправедливо — избивать человека за грехи его дочери, — сказала жена викария. — Да?

Я посмотрел на нее пристальным взглядом.

— Грехи?

— Она даже ничего не сказала, когда они зачитали ей приговор. Когда ей сказали, что она ведьма и убийца, она не сказала им, что они неправы. Люди предвидели, что так и будет, — молодая девица, которая думает, будто может идти дорогой мужчин, когда ей пора выходить замуж и быть помощницей мужа в домашних делах.

— Миссис, — ответил я, — клянусь Богом, если у женщины есть способности...

Но ее лицо уже погрузилось в выражение пустоты и целомудренного безразличия, которое я так часто видел в этой разобщенной стране.

Из сердца города донеслись вопли и злые насмешки.

Глава 34

ПЕРЧАТКА ВЕНЕРЫ

— Вы могли сейчас быть покойником.

Коренастый, бескомпромиссный, чернобородый, сэр Питер Кэрю, предводитель рыцарства, пытался сокрушить меня своим презрением.

— Валялись бы сейчас, как падаль в грязной луже. Это вы понимаете?

Я молчал.

— И все ради какого-то знахаря и его ведьмы, — не уни-
мался Кэрю. — Рассказы о вашей учености, похоже, силь-
но преувеличены. У вас мозги мягкие, как кусок дерьма.

Питер Кэрю и его спутники приехали около полудня
из Тонтона, где они задержались на ночь. Он, Дадли и я си-
дели в гостиной «Джорджа» одни, и на столе перед каж-
дым из нас стояло по бутылки ядерного сидра. К своему на-
питку я даже не прикоснулся. Сделав глоток, Кэрю вы-
плюнул его на каменный пол.

— Уж не думаете ли вы, что в этой дыре все как в Лон-
доне?

— При нынешнем состоянии города, — заметил Дад-
ли, — любой усомнился бы в этом.

— Я только хочу сказать, что закон тут с острыми зуба-
ми, лорд Дадли. С острыми зубами.

Остывающий пот охлаждал мне кожу. Одетый лишь в то,
что осталось от потрепанного полотна ночных видений,
я неся очертя голову по улицам города мимо церкви Кре-
стителя, пока дьявольский холм не встал на моем пути.
Я был почти убежден, что, догнав их, смогу остановить.
И вернуть ее.

Но они исчезли. Вместе с ней, и я теперь просто жаждал
наброситься на Кэрю и повыдергать ему бороду, прядь за
прядью.

Дадли предупредил меня грозным взглядом. Он пола-
гал — и, должно быть, не без причины, — что Кэрю толь-
ко и ждал подходящего повода, чтобы швырнуть меня на
каменный пол.

Поэтому я сохранял спокойствие.

— Я так понимаю, сэр Питер, что до роспуска монасты-
ря правосудие в городе отправлял аббат. Сколько ведьм он
изловил?

Дадли сердито посмотрел на меня.

— Это не дело, — сказал я. — Файк возомнил себя бо-
жьим ставленником для надзора за религиозным культом
в городе, и это опасно...

— Для надзора за *колдовством*, — перебил меня Кэрю.

Сегодня я больше не желал ввязываться в бесполезные споры о том, что считать колдовством.

— Послушайте, доктор, — сказал Кэрю. — Насколько известно мне, никто из тех, кто предстал перед судом за колдовство, не был совершенно безвинен.

— Просто...

— Выслушайте меня. Этого требует народ. Люди не могут удержаться от того, чтобы не прикоснуться к божественному. — Опустив руки на колени, он откинулся на спинку стула. — В наших краях, доктор, жизнь и религия, с тех пор как мы послали подальше первосвященника Рима, стали простыми и непритязательными. По субботам ходишь в церковь, стоишь там часик на коленях, думаешь, с кем проведешь следующую ночь, и — если ты не викарий и не епископ — идешь по своим делам. У меня нет времени на тех, кому этого мира, пока они пребывают в нем, недостаточно. Что же касается вашей ведьмы...

Он с отвращением отвернулся. Дадли опустил веки, и выражение его лица сказало мне: «Не заводишь». С улицы донесся шум, и Дадли вздрогнул, покосился на окно, но не сдвинулся с места.

— Я только хотел сказать, Кэрю, — елеинно произнес он, — что если она и прибегла к помощи демонов, чтобы выгнать мою лихорадку, то это намного лучше пиявок.

Он не имел в виду ничего дурного, однако упоминание о демонах было лишним. Голоса на улице продолжали кричать, и я не удержался: встал и подошел к окну, но стекло было скверным и мутным. Оба моих собеседника остались сидеть.

— Я был о вас лучшего мнения, — сказал Кэрю. — В самом деле, какая была бы польза для человека с репутацией колдуна прилюдно выступать в защиту признанной некромантки?

Я тяжело опустился на стул.

— Джона никто здесь не знает, — резко заметил Дадли. — Но если его имя стало бы всем известно, то я знаю, от кого...

— Почему некромантка? — перебил его я.

Кэрю наконец повернулся ко мне и расплылся в широкой бородатой улыбке, обнажив черный просвет на месте выбитого зуба.

— Вы ничего об этом не знаете, доктор?

— Мы оба об этом не знаем, — быстро отозвался Дадли.

— Это при том, что убили вашего слугу? Ах да... вы ведь, кажется, захворали, милорд?

— Сейчас мне уже лучше, Кэрю.

— *Некромантия*, — заметил я.

— Я, конечно, не такой знаток, как вы, доктор, но если свежий труп используется для приманки духов...

— Какие имеются доказательства, что эта женщина причастна к убийству?

— У нас есть орудия убийства! На них осталась кровь!

— Так, но чья это кровь? Это инструменты ее отца, кажется? А он в ту ночь проводил операцию.

Кэрю посмотрел на меня с любопытством.

— А почему, позвольте спросить, вас это так беспокоит, доктор?

Я стоял на зыбучих песках, но мне уже было все равно.

— Я скажу почему, — начал я, но вмешался Дадли.

— Я отвечу, Кэрю. Потому что пришло новое время. Потому что и королева, и Сесил против религиозных преследований.

— Королева еще молода, — тяжело произнес Кэрю. — И однажды она поймет: то, что *вы* называете преследованием, а я называю порядком, есть единственное средство удержать под каблуком мятежников, которые пока еще в состоянии низвергнуть ее. К тому же это еще и расследование *убийства*.

— Убийства, которое используют, чтобы спровоцировать охоту на ведьм. Обвинить в убийстве проще всего, и мы знаем, как часто это делалось в прошлом. Но мы живем в просвещенное время, и прогресс человеческих знаний позволяет объяснить то, что когда-то отменялось, как ведовство...

Дадли с шумом подтащил бутылку сидра, отхлебнул, поморщил лицо и обтер губы.

— Два дня назад, — сказал он, — я думал, что умираю, но знание трав помогло этой женщине излечить меня. Так что, можно сказать, ее арест больше всего меня беспокоит.

Я посмотрел на Дадли взглядом признательности, но он спрятал глаза.

— Ну, а что, если я скажу вам еще кое-что? — возразил Кэрю. — Если я сообщу вам о других мертвецах, вырытых из могил?

— Где?

— За церковью Святого Бениния, как мне сказали. Мертвецов вырыли ночью.

Я вспомнил, что Файк говорил об этом. Упоминал некромантию. Все это не нравилось мне, но я не мог показывать свои чувства.

— И как связана с мертвецами эта женщина?

— Вам лучше поговорить с Файком.

— Аббатство в твоем ведении, Кэрю, — заметил Дадли.

— Но закон — в его, — ответил Кэрю. — Прошу извинить меня — кажется, я должен еще осмотреть труп. В своем аббатстве.

Мы с Дадли проводили Кэрю в аббатство. Внутрь надворной постройки, где лежал труп Мартина, я не входил. Кэрю формально осмотрел мертвеца и, с выражением исполненного долга, ушел. Позже Дадли признался мне, что не стал говорить Кэрю о наших подозрениях насчет пыток. Теперь мой друг соглашался со мной в том, что нам не следовало доверять верноподданническим заверениям этого человека. Невольно мне вспомнились слова несчастного Мартина Литгоу, которые он сказал мне накануне нашего приезда в Гластонбери, когда Кэрю упрекнул меня за то, что я никогда не служил своей стране с оружием в руках. «Этот сукин сын слишком часто воевал под чужими знаменами, доктор Джон».

Позже мы с Дадли поднялись поговорить ко мне в комнату — свою мой друг велел вычистить и привести в порядок, чтобы ничто больше не напоминало ему о болезни. Однако ее остатки все еще проявлялись в градинах пота, бле-

стевшего на его лбу в разноцветных потоках света, проникавшего сквозь окно.

— Рассказывай, — начал Дадли. — Все рассказывай.

Я плотно закрыл за собой дверь и встал к ней спиной.

— Хирургические инструменты принадлежат ее отцу. Он использовал их той же ночью, чтобы сделать кесарево сечение, когда принимал роды. Отсюда и кровь на ножках.

— И это можно доказать?

— Он подтвердит.

— Он же ее отец.

— Она не ведьма.

Кого я старался убедить? Колдовство — что это? Где лежат его границы?

Дадли обвинил руку вокруг кроватного столбика, который всего на несколько часов, в ночном дурмане, стал для меня стволом яблони.

— Джон, если этому Файку понадобится доказать связи с демонами, он сделает это. Он — мировой судья. Он знает законы. Знает судей. Он добьется своего. Ее повесят.

— Если только кто-нибудь...

Я замолчал. Отвращение сдавило мне горло, когда я вспомнил, что сам недавно говорил Нел: «Мы живем в просвещенное время. Сравнительно просвещенное. То, что произошло с вашей матерью, никогда больше не повторится».

— Людей вешают каждую неделю и за меньшие преступления, — добавил Дадли. — *Ей* это должно быть известно. Какого черта она вообще вернулась? Могла бы просто бежать в другой город. С такими способностями она непременно...

— Ради отца. — Я нервно подошел к окну. — Только ради него она вернулась домой прошлой ночью. Она боится за своего отца. Файк повесил ее мать за то, что она всего-навсего...

Мы уже говорили об этом. Я стоял у окна, вцепившись пальцами в подоконник, и смотрел вниз. На главной улице, возле пекарни, где в базарные дни продавались свежие пироги с бараниной; у той самой пекарни, хозяин которой

штудировал старые книги по магии, мечтая получать золото из свинца, — собралась толпа.

— Кэрю — грубая скотина, — сказал Дадли, — но он знает, как устроен мир. Его предупреждение тебе... в нем явно есть смысл. Если узнают, что ты просишь сохранить жизнь ведьмачке, и, чего доброго, откроется твое настоящее имя, ты окажешься в дерьмовом положении, Джон. — Он пожал плечами. — Мы оба, если на то пошло.

Дадли был прав. Мы оба могли нажить неприятностей, и не только потому, что наша дружба была широко известна. В сплетнях и памфлетах его самого неоднократно ставили на порог колдовства, чем нередко пользовались в своих интересах люди, стоящие на одном уровне с Сесилом.

Я вспомнил, что Дадли говорил прошлой ночью о Сесиле, который хоть и считался его другом, но все же не одобрял его близости с королевой. Станет ли Сесил рисковать своим положением ради спасения Дадли, если тот окажется вовлеченным в скандал, связанный с черной магией и убийством его слуги?

Повсюду ловушки. Я сел на стул у окна. За несколько часов моя жизнь поднялась в такие выси, о которых я никогда не мечтал, но затем сорвалась вниз и разбилась вдребезги.

Моя жизнь — тусклое, ограниченное книгами существование ученого. Я опустил голову на ладони и сквозь пальцы уставился на свое отражение в стекле. Дадли был моим другом, и при дворе у меня не было друзей лучше, чем он. Благодаря его поддержке и влиянию я добился благосклонности королевы. Должен ли я был теперь усложнять ему жизнь рассказом о подозрениях Нел в том, что Файк нажил свои богатства и положение предательством своего настоятеля? Ведь этому не имелось никаких доказательств, кроме совпадений. Хотя часто ли в суде располагали более надежными уликами?

— Что это?

Я почти не заметил, как Дадли соскользнул с кровати. Когда я обернулся к нему, он стоял на коленях, доставая

что-то из-под стола. Потом поднялся, зажав какой-то предмет между большим и указательным пальцами; взгляд простого любопытства быстро сменился лукавой улыбкой.

— Так, так...

— Что ты там нашел?

Дадли протянул мне открытую ладонь, на которой лежал влажный, сморщенный, желтоватый предмет. Своей формой он напоминал трубку. Возможно, кусочек звериной кишки. Вещь была мне незнакома.

— Джон, ну ты подлец...

Лицо Дадли выражало озорной восторг. Я не видел его таким со времен его детства — проказливый мальчишка, замысливший сорвать наш урок. Я встал со стула.

— Что это?

— Что *это*? — закатил глаза Дадли. — Боже, Джон, сколько лет мы знаем друг друга?

Я не понимал его. Дадли потряс кусочком кишки, снова зажав ее между большим и указательным пальцами.

— Я видел их в Париже. Даже воспользовался один раз такой штукой — во Франции лучше не играть с судьбой в прятки, но это уже другая история. — Он уставился на меня. — Черт возьми, взгляни-ка на свою рожу! Похоже, ты ничего не помнишь... Ты что, был пьян?

— Я почти не напивался за последние пятнадцать лет, ты знаешь...

— Думаешь, я не рад, что в наше опасное время ты воспользовался «перчаткой Венеры»?

Я снова уселся на стул.

— Чем?

Дадли положил предмет на стол, вынул платок и вытер руку. Улыбка сохранилась на его лице, перекосив губы, словно подвешенный к ним сбоку груз. Я молчал. То, что Дадли назвал «перчаткой Венеры», должно быть, осталось от бывшего постояльца. Или так, или...

— И кто это был, Джон? — спросил Дадли. — Можно спросить? Какая-нибудь кухарка, соблазненная твоей застенчивой красотой или изысканной замкнутостью?

— Я...

Возможно, тут на мои глаза навернулись слезы. И думаю, он их увидел. Поднес руку к губам, затем резко отвел ее и вернулся к кровати. Обняв кроватный столбик, он стоял там и слегка раскачивался из стороны в сторону.

— Вот болван, — сказал он. — Не смог разглядеть очевидное.

Глава 35

ЧЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ

Моя исповедь, должно быть, заняла больше часа, ибо солнце склонилось к серым сумеркам и в комнате потускло.

Едва ли я утаил что-нибудь, подробно рассказав Дадли о своей первой встрече с Файком на вершине холма и о том, что мне сообщил Монгер о матери Нел. Рассказал я и о нашем с ней последнем разговоре. Дадли ни разу не перебил меня. Словно он снова был тем мальчишкой, что внимательно слушал мои уроки во времена моей юности, когда тема занятия казалась ему особенно интересной, как астрономия, и он тихо сидел, медленно переваривая факты, точно смаковал сладости.

Хотя приятного было мало. И меньше всего в рассказе кузнеца о монахе, который предал своего аббата и присутствовал при его пытках и убийстве. Так какую же тайну не желал раскрыть настоящий? Я задал вопрос, и Дадли задал другой.

— Кто знает об этом, Джон?

— Никто об этом не знает. Никто не остался в живых. И очень немногие всего лишь подозревают. Но кто осмелится об этом сказать?

— Стало быть, казнь матери миссис Борроу была затеяна потому, что у нее имелись свидетельства против Файка?

— Кузнец Монгер думает, что причиной всему стал порошок видений, но Нел подозревает наличие свидетельств.

— Но с тех пор прошло двадцать лет. Плохие дела твоились тогда. Да и какую такую тайну не желал раскрывать аббат Уайтинг головорезам Кромвеля?

— Говорили, будто он спрятал какую-то чашу. Это все, что мне известно.

— Часом, не Святой ли Грааль?

— Вряд ли. Полагают, что ту чашу все равно отыскиали. Будь это Грааль, думаю, король Гарри не преминул бы им воспользоваться, я прав? Как хранитель самого священного из сосудов... Даже усталое золотом поле не шло бы с ним ни в какое сравнение. Однако, возможно, это было нечто такое... нечто, о чем знала Кейт Борроу благодаря дружбе с аббатом. И она знала, что он очень хотел сохранить тайну. Возможно, нечто такое, в чем Файк нуждался даже сильнее, чем Кромвель.

— Тайна каким-то образом связана с мощами Артура?

— Не знаю, но...

— Нам известно доподлинно, что кости исчезли во время разгрома монастыря, — сказал Дадли. — Возможно, их переправили в безопасное место по велению аббата. Если он подозревал, что сам король намерен либо забрать кости, либо уничтожить их, чтобы усилить их легендарность... поддержать предание о том, что Артур возродился в Тюдорах...

— Тогда он непременно спрятал бы их. С двенадцатого века кости Артура служили основой для особого положения Гластонберийского аббатства.

— И если бы Уайтинг знал, где они спрятаны, то ни за что не выдал бы потаенное место... даже под пытками.

Пытка. Как только Дадли произнес это слово, я понял ход его мыслей. В моей памяти всплыл образ ржавого острия гвоздя, торчащего из-под черного ногтя Мартина Литгоу.

— Даже принимая самую страшную смерть, Уайтинг молчал. — Дадли сурово взглянул на меня. — Ты меня слушаешь, Джон?

— Конечно.

— Ты как будто паришь в облаках.

Я тряхнул головой, пытаюсь собраться с мыслями. В будущих записях надо непременно отметить, что порошок видений оказывает куда более длительное воздействие на тело и разум, чем спиртное. Уже несколько раз я непроизвольно возвращался в состояние неземного забытья, теряя ощущение действительности. И это пугало меня — буду ли я возвращаться туда до конца своих дней? Возможно, Файк был прав, стремясь покончить с употреблением порошка.

Я должен был сейчас рассказать Дадли о своем опыте. Как он к этому отнесется? Я вспомнил снова, что говорил он на барке: «Разве Джон Ди не величайший авантюрист?.. Человек, который отважился перешагнуть границу этого мира».

— Тут особенный воздух, — сказал я. — Я нигде не дышал таким. В нем чувствуется одновременно и трепет тревоги, и... ожидание чуда. Особая атмосфера — вот что притягивает сюда некоторых людей, и Файк боится, что она-то, в конце концов, может подорвать его власть.

— Это можно сказать обо всем государстве, Джон. Надежды и страх.

— Здесь они сильнее.

— Ну, да. Ты же у нас мистик.

— И я не одинок. Волхвы приходят сюда из дальних стран. Сюда. Не в Англию, а именно в Гластонбери. На Авалон. Здесь что-то есть. Я знаю. Я... чувствовал это.

— Чувствовал? Как это?

Я вздохнул.

В заключительном акте я не сказал ни слова о своих чувствах. В конце концов, переживания человека могут быть и слишком болезненными, и исключительно личными, чтобы делиться ими даже с преданным другом.

Однако мне следовало сообщить все обстоятельства, какими бы колдовскими они ни казались, и, повествуя о них, я начал постигать значение ритуала, имевшего смысл

даже для самого Гермеса Величайшего¹: путешествия-посвящения из тьмы к свету.

Мои ладони покрылись влагой.

Я отважился предположить, что в здешних местах существует нечто такое, что изгнало из меня демонов ночных кошмаров — страх мрачной смерти, гибельный взрыв газов в мозгу. Воспоминания о том, чего никогда не случилось со мной наяву, но годами терзало меня во сне, прошли. Огонь уничтожил их, и затем...

Жар закалил во мне дух.

...из пламени в воду. Солнце нашло Луну, со всеми ее женскими свойствами. Теперь я видел все каббалистические параллели, как и более прозаические — путешествие из книжной схоластики в реальную жизнь.

И земную любовь. От нее не уйти.

Заканчивая рассказ, я рассказывал по комнате кругами. Дадли сидел неподвижно.

— Не тот ли это порошок, что вызывает «огонь святого Антония»?

— Думаю, это он.

— Черт возьми, Джон. Зачем так шутить?

— Я думал, это поможет открыть путь к душе. И, возможно, это так.

Или же мною завладела черная энергия бури, войдя в нечестивый союз с моими собственными примитивными страхами? Может, те края, в которых я побывал, на деле находятся ближе к дьяволу, нежели к Богу? И в действительности меня только околдовали? Граница между божественным и колдовским слишком тонка.

Я закрыл глаза от неуверенности и страданий и стоял так, пока Дадли не заговорил вновь. В его голосе звучало нечто очень близкое к жалости.

— Это случилось впервые, Джон?

Лгать не имело смысла.

— Почти.

Дадли кивнул.

¹ Имеется в виду Гермес Трисмегист, вымышленный автор концепции герметизма.

— Так надо полагать, теперь ты... влюблен?

Слова поэта.

— Я... — отвечал я, неловко переминаясь с ноги на ногу. — С того мгновения, когда мы в первый раз завели разговор. Я... тогда еще не знал... во что могут перерасти определенные чувства.

Дадли залился хохотом.

— Да, — сказал он, — женщина, которая готовит для тебя обед, да еще следит за тем, чтобы тебе потом не пришлось накрывать стол на третьего едока, — в самом деле, редкий подарок. Как намереваешься обыграть это дельце?

— Обыграть?

— Плохое слово. Но все же...

— Не думал, что тебе захочется играть в игры.

— После того, что случилось с Мартином Литгоу? После того, что мы видели этим утром?

— Думаешь, за этим стоит Файк?

— Если он, тогда он — покойник.

— После надлежащего судебного процесса, — осторожно заметил я.

— Или раньше.

— Ты — лорд Дадли.

— И скоро могу стать графом. Сесил ясно мне намекнул, что по возвращении с этого... задания возможность моего назначения в Тайный совет более чем вероятна.

— По возвращении...

Полагаю, мы оба не хотели и думать о том, что в некоторых кругах не ждали скорого возвращения Дадли в Лондон — и в королевскую спальню, — не говоря уже о том, что...

...что его возвращение отсюда не предполагалось вообще.

— Не все вопросы решаются здесь легко и просто, — сказал Дадли. — Но кое-что можно сделать. Например, учитывая то, что Роберт Дадли никогда не бывал в этом городе, никто не сможет заставить его отвечать за любой... акт первобытного правосудия, исполненного мастером Робертсом.

На мгновение краски померкли в моих глазах. Клянусь, я даже увидел, как Дадли окружила живая черная тень.

— Твоя ведьма... чаровница... — сказал он. — Сейчас, должно быть, пугает крыс в подземелье.

— Да, она там.

— И ждет приезда окружного судьи.

— Которого непременно подкупят.

— Непременно, — согласился Дадли. — Так я повторю вопрос: что ты намерен делать?

Мысль о том, что я мог бы просто уйти от ответа, даже не приходила мне в голову. Когда я впервые понял, что какая-то частица этой земли поселилась во мне, я не знал, насколько глубоко она пустила корни и какими путями изменяет все мое существо.

— Мать и отца, — тихо ответил я, — переполняла радость, когда я вернулся домой доктором права. Думали, что я бросил другие занятия. Образумился. Овладел стоящим ремеслом.

— Хорошо же ты им овладел, — заметил Дадли, — если тебя самого судили за попытку убийства королевы Марии. Говорят, ты блистал редкостным красноречием перед самыми суровыми судьями королевства.

— И Боннером. В прошлом он сам был законником.

— Редкая скотина этот твой Боннер, — заметил Дадли.

— Бывает иногда.

— И все-таки тебе каким-то образом удалось провести говнюка. — Дадли прижался спиной к шаткому кроватному столбику. — Стало быть, хочешь выступать ее защитником?

— Если она примет меня в этом качестве.

— Полагаю, ей известно, кто ты.

— Мм.

— Файку?

— Вряд ли.

— Ты ходишь по краю, Джон.

— И, возможно, буду ходить всегда.

В комнате стало темно, хотя было только начало четвертого. С самого утра мы оба ничего не ели, и я вспомнил, что говорил Дадли в день Сретения, когда мы плыли на лодке из Лондона. Всякий великий поход начинается с молитвы и поста.

Дадли поднялся с кровати и повернулся спиной к окну. Я заметил, что и в нем тоже произошла перемена. Хотя волосы и борода были причесаны и приведены в порядок, былая спесь испарилась. Руки, в рукавах потертого темно-зеленого камзола, безвольно повисли.

— Когда ты ушел за доктором, я не смог оставаться с Мартином наедине, зная, что с ним сделали, пока я беспомощно валялся в постели. Я вышел к монастырским воротам, хотел подождать тебя там. Оттуда я и услышал шум, и начал наблюдать. Видел, как они вели ее через город.

— Нел?

Кулаки сжались у меня сами.

— Их было человек девять, — добавил Дадли. — Надели на нее цепи. Веселились, как будто... праздничное торжество. Потом вдруг набежала толпа. Мужики выкрикивают ругательства. Бабы швыряют в нее гнилые яблоки. Всюду вопли. *Убийца, ведьма*. Да... скажи только толпе невежественных крестьян: «Это убийца, это ведьма»... Даже если она будет им сестрой, никто не станет спорить. Я уже видел такое.

Я закрыл глаза и представил, как это было. Вообразил процессию и толпу оголтелых горлопанов.

— Она шла с распущенными волосами. Платье на плече оборвали до самой груди. Но она шла... с достоинством — насколько это возможно, когда ты в цепях. Она шла с поднятой головой и не смотрела по сторонам. А эти... обращались с ней так, будто она могла сбежать в любую минуту, и не переставали лапать ее...

— О нет...

— Мужчины остаются мужчинами, — заметил Дадли. — Особенно те, что из Лондона.

Казалось, будто все мускулы в моем теле сжимались, стягивались и вязались узлами под кожей. Когда я открыл глаза, Дадли уставился на стол пустым взглядом.

— Послушай, Джон... я говорил что-нибудь об Эйми?

— Ты часто говоришь о ней.

Я солгал.

— Я имею в виду, в бреду. — Дадли поднял взгляд на меня. В его глазах не осталось и следа лихорадки. — Помоему, я говорил что-то об Эйми, только не знаю, было ли это в моем воспаленном сне... или я наболтал что-то тебе.

Повисло молчание, стихло даже на улице, но это безмолвие было похоже на дикий собачий вой на луну.

— Должно быть, тебе приснилось, — ответил я. — Не припомню такого.

Сказано было достаточно. Мы с Дадли спустились в пивную, и кухарка подала нам хлеба и сыру. Ковдрея нигде не было видно, и крестьяне еще не вернулись с полей.

Как обычно, мы молча поели, затем вышли в сумерки улицы — и узнали о новой смерти.

Глава 36

ЧТО ГРЯДЕТ?

Главную улицу окутала серая мгла. Лавки закрылись. Я заметил, что две из них вовсе были загорожены досками — возможно, на случай нового разгула стихий.

В густеющих сумерках трое людей стояли у лавки булочника. Джоан Тирр и лозоискателя Вулли я разглядел сразу, не узнал только Монгера — движения кузнеца, прежде легкие и скользящие, теперь казались скованными и принужденными, словно действия механизма, приводимого в движение с помощью тросов и рычагов.

Однако вскоре стало понятно, что напряжение его тела было вызвано внутренним гневом. Я видел его таким впервые. Ярость, засевшая в нем, ранние сумерки и безрадостность создавали в вечернем воздухе обстановку смутной тревоги.

Монгер держал в руке книгу, и я сразу узнал ее: «Стега-нография» Тритемиуса. Вернее, то, что осталось от книги, — несколько листов в кожаном переплете. Руки у кузнеца заметно дрожали. Сунув остатки книги под мышку, Монгер провел нас во дворик позади лавки.

— Расскажи им, — велел он Вулли. — Расскажи все.

Неухоженная, седая борода Вулли белела, точно луна в сумрачном серо-голубом небе.

— Они пришли за хлебом, — начал он. — Стучат в дверь, просят хлеба. Голодные мужики. Прибыли из Тонтонна по-полнить ряды наемников.

— Никогда не думал, что в Тонтоне столько коннетаблей и бейлифов¹, — заметил Монгер. — Хотя что мне известно о военном наборе черни? Я лишь кузнец.

— Ну вот, булочник пустил этих ублюдков в лавку. И пока они ждут хлеба, шаря по всем углам, в лавку является мастер Стивен Файк.

— Не понял? *Брат Стефаний?* — удивился я.

— Завышенное самомнение. В Медвеле предпочитают носить монашеские одеяния, чтобы внушить впечатление, будто все его обитатели сплошь люди молитвы и учености в золотых традициях аббатства. Рядом с жестокостью этого мальчика даже виселица покажется шуткой. По-моему, вы уже видели, как он недавно избивал ногами Джоан Тирр.

— Черт... сразу показалось, что мне знакомо его лицо, но там было темно.

— Настоящий сын своего отца судьи. Зальет глаза и бродит по улицам, как бешеный волкодав, — сказал Вулли. Один глаз у него был наполовину закрыт, а кожа вокруг него почернела. — Я, значит, — за ублюдками, потому что не нравилось мне это все, и потом они раз — и закрыли дверь, и вдруг слышу: «У-у! что это тут у нас? Что-то не похоже на Святое Писание». А другой тычет

¹ Бейлиф — судебный пристав в Англии.

пальцем в рисунки и разные символы, а Файк им и говорит: «Да это же заклинания, ребята!» Все, что им и было нужно.

— Только ради этого они и пришли, — добавил Монгер.

— Прижали булочника к стене, начали кричать на него, что он чертов колдун, а Файк давай вырывать страницы, одну за другой, и швырять их ему в лицо, а потом бросил их в печь. Двое держали Уорти за руки, и он разрыдался и завыл так, будто спалили его детей.

— Эти книги и были его детьми, — пояснил Монгер. — Он даже надеялся когда-нибудь научиться читать их.

Я недоуменно взглянул на кузнеца.

— Теперь слишком поздно, — сказал он.

— Он не умел читать?

— Один его старый приятель раздобыл эти книги в аббатстве, — объяснил Вулли. — Так Уорти дал себя убедить в том, что книги магические. И если он будет держать их в теплом месте, что-то вроде того, то их тайны откроются ему... и он наверняка озолотится.

— Он хранил их почти двадцать лет, — добавил Монгер. — Ему известно было лишь то, что название книги — невероятно длинное слово и, значит, особо магическое, и... — У кузнеца задрожала скула. — Боже, Джон, куда нас несет?

Вулли показал на подбитый глаз.

— Не смог удержаться, когда они начали избивать его. Скакнул за книжкой — думаю, выхвачу и дам деру. Только вот Файк бац меня по лицу, да об угол печки... наверное, прибили бы меня, если бы... если б Уорти...

— С ним случился припадок, — договорил Монгер. — Как будто сердце прихватило.

— Бедный старик так и рухнул на них, изо рта пена, глаза закатились, и кто-то как заорет: «Демон, демон! Смотрите, в нем сидит дьявол». Думаю, они в штаны наложили — и давай врассыпную, убежали. А Уорти дохает, как больная овца, задыхается. Я подумал, что надо за доктором Борроу. Так его не было.

— *Сволочи.*

Джоан Тирр стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу, как потрепанный дрозд. А в каменном доме напротив забрезжил первый огонек зажженной свечи.

— Когда я вернулся, бедный старик уже лежал мертвым, — продолжал Вулли. — Наверное, он давно болел, но ведь никогда об этом не знаешь. Образец здоровья, вон на нем сколько сала, а ведь ему, поди, было не больше тридцати девяти, как думаешь?

Монгер, став немного спокойнее, кивнул в сторону Дадли.

— Ваш спутник, доктор Джон, из... э-э... королевской комиссии древностей?

— Многое теперь открыто. Мастер Робертс... знает все, что известно мне.

— Тогда вам обоим следует знать, что это только начало. Файк, как мировой судья, наделен полномочиями усмирять всякие гражданские волнения и беспорядки и намерен использовать свою власть в полную мощь.

— В этом городе есть беспорядки?

— Беспорядками можно назвать что угодно, даже скопление людей, пришедших оплакать смерть булочника. Я постоянно всем говорю, чтобы не высывались на улицу, но люди не слушают. Не видят они, что грядет.

— Простите мою лондонскую наивность, — вмешался Дадли, — но что же такое грядет?

Монгер прошел к дворовым воротам, выглянул на улицу и вернулся. Заметно похолодало.

— Бурю объявили недобрый знамением. Будто Господь страшно разгневан на Гластонбери, и город вот-вот утратит свою святость, как собственная обитель Иисуса в Англии. И если в домах учиняют обыски, избивают людей, так на то ясная божья воля искоренить ложную веру в городе грешников.

— И город получит прощение, лишь пройдя через суровые испытания? — заметил я.

— Для служащего по части древностей, доктор Джон, ваше понимание провинциальной теологии на удивление точно. Любое скопление людей можно истолковать как

беспорядки и беспощадно расправиться со смутьянами. Всякого, кого назовут колдуном или ведьмой, из личной корысти либо по принуждению... Сосед будет доносить на соседа.

— Неужели никто не противится этому? Куда смотрит викарий?

— Куда прикажут. Викариев у нас два, один из которых — невежественный чинуша, который едва может прочесть Писание.

Как и многие другие священники в то время — время раскола. И если где и требовался мудрый, образованный священник, так это в Гластонбери.

— Где миссис Борроу? — спросил я.

— Ее увезли в Веллс. Особое заседание выездного суда назначено на понедельник.

— Каково обвинение?

— Пока неизвестно. В любом случае, готовится обвинение в преступлении, за которое полагается смертная казнь, иначе дело вел бы сам Файк.

— Кто будет судьей?

— Это имеет значение? Здесь у них круговая порука.

Время близилось к ночи. Последние лучи солнца подсвечивали облака за башней церкви Святого Иоанна Крестителя. Вулли смерил взглядом стену пекарни.

— Надо бы вынести тело старика из дома. Весь день пролежал в тепле.

— Подождем до полной темноты и вынесем. — Монгер опустил руку на плечо Вулли. — Для Гластонбери еще не пришло время провонять сладковатым смрадом тления.

Я подумал о том, что говорила мне Нел, сравнивая город с открытой раной... *заражение и гной, умерщвление плоти*. Я повернулся к Монгеру, но в темноте не смог прочесть выражения его лица.

Позже мы с Дадли спустились в пивную трактира «Джордж», чтобы обсудить дальнейшие действия, однако место оказалось неподходящим. В чаду свечного сала то

и дело вспыхивали горячие угли насилия и жестокости, подобно бликам вчерашней грозы.

Ковдрей подавал выпивку сам; никто из женщин не помогал ему в тот вечер, а завсегдатаев заведения — крестьян и торговцев овчиной — заметно потеснили коннетабли. Последних сидело около двадцати, и кое-кого из них я начал уже узнавать.

Весь этот сброд вел себя, как стадо свиней у кормушки. Как только кружки пустели, они беззастенчиво лезли к прилавку без очереди, и всякий, кто осмелился бы возражать, горько пожалел бы о том, что не остался сегодня у домашнего очага. Одного человека сильно избили ногами у меня на глазах, и несчастный долго стоял на четвереньках, истекая кровью из рассеченного уха. Позже завязалась жестокая драка между коннетаблями из Уэлса и Тонтона. К девяти часам вечера лавки уже сверкали от пролитой крови и сидра.

Обстановку разрядил здоровяк со всклоченными седыми волосами и сломанными зубами, тот самый, что командовал налетом на дом Мэтью Борроу. Разведя дерущиеся стороны, он поднял большую бутылъ и присоединился к своим.

— Никогда не видел, чтобы так долго, почти два часа.

— Иди ты!

— Да говорю ж тебе! Коротышка был, коренастый, шея — как у свиньи. Почти не двигался, повис, как мешок муки.

— Как это они узнали, что он не сдох?

— А, так они-то все думают, что сдох... приходят обрезать веревку, и вдруг раз — он скалит им зубы. Вот так: бляяаяамс! Все лыбится и лыбится, и тут они повисли у него на ногах, все трое.

— И что?

— Что, что... помер. Только тогда и помер.

— С лыбой на роже?

— Мощная шея, знаешь. Такие держатся долго. Вот бабы — смотреть не на что, большинство из них...

— Кажется, нам пора, — тихо сказал мне Дадли.

Мы встали из-за стола, но что-то заставило меня задержаться. Я остановился у лестницы и опустил глаза на свои сапоги.

— С бабами слишком быстро, — произнес звонким голосом кто-то из собеседников. — У них нет сил сопротивляться.

— Ну, не скажи, — возразил седобородый. — Это смотря что за баба. Если тощая да костистая, как воробей, то может держаться долго. Не хватает весу, чтоб натянуть хорошенько веревку.

— Джон...

Дадли взял меня за плечо. Я узнал Бенлоу, торговца костюмами. Он ссутулился над кружкой и был пьян.

— Бывает, смешно так они пляшут, — многозначительно заметил человек невысокого роста. — Ножками туда-сюда.

— Тебя интересует только одно, Саймон: заглянуть им под юбку!

— Занятно посмотреть, что там под юбкой, когда баба на виселице, — ответил Саймон, заливаясь смехом.

Потом мы ушли, но я плохо спал в ту ночь.

Глава 37

ЕРЕСЬ

Хотя выпил я всего маленькую кружку, на другое утро еле стоял на ногах. Голова разрывалась от боли — так же, как мое разбитое сердце. Сны прошлой ночи окрасились мраком и стали похожи на картины одного сумасшедшего художника, которые я видел в низинных землях. Крошечные мужчины и женщины роились вокруг меня, словно бесноватые насекомые. Или черви, которых будто бы видел Файк на вершине дьявольского холма. Они извивались вокруг моих ног, пока я брел по бесконечным эфирным холмам Гластонбери, мнимый далеким звоном церковных колоколов. Вечно недостижимых... Как только я добирался до первой церкви, от нее оставалось лишь эхо, сме-

шавшееся с криком ворон, а люди-черви по-прежнему преследовали меня, извиваясь и ползая возле моих сапог. Кое-кто из этих крошечных карликов хватал меня крошечным топором по ногам, причиняя мне боль. Потом я снова слышал звон с другой отдаленной церковной башни и снова трогался в путь, но, когда доходил до места, все повторялось. И так до рассвета.

Утром я встретился с сэром Питером Кэрю. Я застал его в трактире с бутылкой сидра в руках. Запах пота и рвоты так и не выветрился с прошлого вечера. Как только представился случай, я объяснил ему, чего хочу, но Кэрю ответил, что мечтает дожить до тех времен, когда увидит, как я лезу на стену борделя.

— Это ваш способ выразить свой отказ, сэр Питер?

Кэрю накрыл грубой ладонью запястье другой руки, пальцы сжались в кулак, показывая тем самым, что он мог придумать и более выразительный способ отказа. Едва ли мы могли стать друзьями. Быть может, он видел знамение, предвещавшее гибель многовековому верховенству воителя, которое, в конце концов, уступит место хитрости мыслящего человека. Но только не при его жизни. Пока он жив, этому не бывать.

Но я не отступил.

— Вам ничего не придется делать, — сказал я. — Только устройте мне свидание с обвиняемой в Веллсе.

— Бог мой, чертов вы... — Кэрю повернулся к выходу, но путь в дверях ему преградил заспанный Дадли. — Ты скажи ему. Объясни ему, что это безумие — выступать против Файка от имени ведьмы.

— Он служит королеве, Кэрю, — ответил Дадли. — Не Файку. И не тебе.

— Чертов колдун!

— Даже если это было бы правдой, то он был бы чертовым колдуном королевы. Так что на твоём месте — да простит меня Господь — я бы соблазнился его предложением.

— Предлагаешь сказать Файку, мол, мой приятель из комиссии древностей считает своим долгом представлять

интересы женщины, обвиненной в убийстве слуги его же коллеги?

Дадли устало улыбнулся.

— Попробуй. Почему нет?

Кэрю покачал головой.

— Ладно, помогу вам. Помогу вам увидеть слабость ваших суждений. Открою глаза и тебе, и колдуну на то, что вы намерены защищать.

Пытаясь продать мне новую мантию, Бенлоу-костолоуб предупреждал, что самые суровые зимние холода, возможно, еще впереди, однако этим утром погода как будто собиралась оспорить его прогноз. Солнце светило ярче, чем во все предыдущие дни, и застенчивые нарциссы уже показали ростки вдоль обочин дорог. И казалось, что ночная гроза, объявленная было выражением божьего гнева, на самом деле явилась предвестницей ранней весны, призраком давно умершей пляски Иванова дня посреди февральской пустыни.

Ощущал ли я близость Элеоноры Борроу, когда мы подходили к ее саду трав? Чувствовал ли ее здесь, на этом склоне холма? Да, теперь ее присутствие ощущалось повсюду, словно она стала душой этого необычного города и всего, что он дал мне.

Путь до сада от трактира «Джордж» занял у нас не более десяти минут. Мы перешли улицу, достигли окраины города, затем перебрались по лестнице через ограду и зашагали по грязной тропинке вдоль склона длинного холма, прикрывавшего город, словно огромная рука. Я остановился у деревянных ворот, обегая взглядом полосу земли вдоль стремительного ручья, обнесенную со всех сторон живой изгородью. Большей частью пустые, аккуратные грядки будто выстроились против дьявольского холма, боевая башня которого венчала высшую точку горизонта. В воздухе мерцали капельки алхимической росы. И я почувствовал...

Будто я обнажен. Обнажен до самых глубин души. Ее словно вывернули наизнанку, и каждый мог видеть, что

происходит во мне. Я находился на грани срыва, и потому отвернулся от Кэрю и Дадли. Стоял и таращился на линию горизонта, где солнце позолотило до самого моря водные глади прудов и каналов, пока самообладание не вернулось ко мне.

— Что это она тут выращивает? — поинтересовался Дадли.

— Ее мать выращивала здесь двести разновидностей трав, — тихо объяснил я, и голова Кэрю тотчас повернулась ко мне.

— Кто вам это сказал?

— Я... забыл. Может быть, Файк.

— Во всем мире не растет столько трав, — возразил Кэрю.

— Во всем мире их растет гораздо больше.

И ничто не мешало им расти здесь, на этой защищенной, хорошо увлажненной земле с богатыми почвами. Наблюдение побудило меня задуматься о том, что я когда-то прочел о цветнике провидицы Хильдегарды Бингенской, женщины, которая намного опередила свое время, связав науку с творчеством и предложив использовать растения для лечения меланхолии.

— Так вы хотите знать, что она там растила? — криво улыбнулся Кэрю. — Я покажу. Стойте *там*.

Кэрю пошел по участку, но я ослушался его приказа и тихо побрел вверх по пологому склону. Мне казалось, что Нел идет рядом со мной, я слышал, как шелестит ее платье по мокрой траве. Я медленно поднимался вдоль голых кустов ограды к вершине участка, где стоял деревянный крест.

На нем не было имени, но я обо всем догадался.

Ей было так спокойно в ее саду. Открытый простор до самого моря, а с другой стороны высится холм Святого Михаила и золоченые купола аббатства.

Я повернулся, и оно раскинулось внизу передо мной, сверкая золочеными арками, словно солнечными лучами. Вот он, *рай. Авалон.*

Когда-то это были земли аббатства. Почти все на многие мили вокруг принадлежало монастырю. И аббат передал этот кусок земли Кейт Борроу, дабы она продолжала ставить опыты с растениями и травами. Этот участок, с его превосходным видом на монастырь и холм Михаила, и заболоченные земли внизу... как будто в этой точке собиралась вся энергия этих священных мест.

Больше того. Все силы земли пересекались тут. И христианская святость, и языческий культ. И мне показалось, будто я уже побывал здесь в то время, когда мой рассудок отдался во власть порошка видений. Интересно, что произошло бы со мною, когда бы я принял зелье на этом холме, да в такое дивное утро?

Это уже не имело значения. Порошок видений, подобно жиру, смазал заржавелые замки и отомкнул дверь. Большого и не требовалось. Теперь дверь была открыта... или, во всяком случае, приотворена.

Бег времени ненадолго остановился, и я переживал состояние глубокого отчаяния, какое испытывал лишь однажды, вглядываясь с тоской в бесконечную ширь звездного неба. И думал о том, чему учила нас церковь: всякая жизнь существует во славу Бога, и всякая награда ожидает нас не в этом мире, но в будущем.

Однако люди, обитавшие в этом городе, где ступали подошвы Спасителя — и Мерлина, — не приняли учения клириков. И кто под сей сенью древнейшей магии мог бы упрекнуть этих людей за склонность верить в возможность обретения — здесь, в *этой* жизни — земного рая? Словно само пребывание на этой земле, через молитву и просвещение, давало им много больше того, что, согласно церковникам, обещает Господь.

Никаких книг, никаких догм, *просто быть здесь*.

В этом суть авалонской ереси.

Объекта лютой ненависти сэра Эдмунда Файка.

— Что, ведьмина могилка?

Я обернулся. Передо мной стоял Кэрю, раскачиваясь на каблуках, убрав руки за спину и злобно сверкая глазами. Дадли, с унылым видом, находился рядом с ним.

— Видимо, запретили хоронить на освященной земле, — сказал Кэрю.

— Или просто земля в этом месте по-своему священнее любого церковного кладбища, — сказал я.

Кэрю вонзил в меня сердитый взгляд. То, что я сказал, — тоже ересь. Да и черт с ним. Было трудно поверить, что королева могла передать аббатство в грубые ручки этого человека. Которые, впрочем, больше не были спрятаны у него за спиной. Косым взглядом Кэрю свирепо смотрел на них сквозь просвет в седой бороде, словно хотел уподобить выражение лица тому, что держал в руках. Двум побуревшим от сырости черепам без нижних челюстей и со сломанными зубами.

— Вот что она выращивала, *доктор Джон*, — сказал Кэрю. — Она растила здесь смерть.

Глава 38

СТАРЫЕ КОСТИ, НОВЫЕ КОСТИ

— Выглядит скверно, — сказал Дадли.

Можно подумать, была нужда произносить это вслух. Мы смотрели вслед Кэрю, выходящему легкой поступью, едва ли сообразной его действительному весу, на солнечный свет. В его шагах и повсюду в воздухе звучала весна, но теперь это была другая весна — замаранная, как и улыбка Кэрю, бездушным злорадством.

Я прошел еще по тропинке и поднялся чуть выше по склону холма, увеличив расстояние, отделявшее нас от Кэрю... и сада трав. Теперь он был осквернен, и я не желал больше возвращаться туда.

Перед уходом Кэрю прилежно закопал черепа на том месте, где взял их. Затем, прежде чем попрощаться с нами, он обещал послать весточку в Уэлс, чтобы устроить мое свидание с пленницей — с надеждой, что я расспрошу ее об остальных частях тела, которые, возможно, еще откопают в ее саду.

— Я и сам знаю, как это выглядит, — ответил я, — и знаю, как посмотрят на это в суде, только это всего-навсего грязный подлог. Нел Борроу *не закапывала* там эти кости.

На сей раз благородное лицо Дадли выразило сомнение, и мне стало горько смотреть на него.

— Откуда ты это знаешь, Джон? Ты не можешь этого знать. И не ты ли рассказывал мне о доказательствах, представленных во время суда над ее матерью, которые свидетельствовали о том, что она удобряла свой огород, рассыпая землю с кладбищенских могил?

— В тех доказательствах столько же правды, сколько и во всей этой истории.

— Но ты ведь не знаешь, Джон. — Дадли отчаянно развел руками. — Так ведь? Да и что еще создала она своей некромантией, кроме зелья, которое вызывает «огонь святого Антония», отчего люди страдают мучительным бешенством?

— Это не так, — возразил я, закачав головой. — Порошок видений получают из грибка, который растет на злаках. Он не встречается здесь.

— И все-таки эта женщина делает порошок. Знаю, знаю... таким, как ты, он высвобождает сознание и придает ясности мысли. Но к концу дня ее мать болталась на виселице, как ведьма. И вместо того чтобы бросить это занятие, твоя... первая любовь избрала путь своей матери. Вот что они скажут — так скажет судья. И даже ты не можешь этого отрицать.

— Путь врачевания благороден.

Мы прошли еще немного и приблизились к вершине холма, откуда открывался вид на город и монастырь. Остановились возле одинокого тернового дерева, и я опустил на траву.

— Думаешь, Кэрю замешан в этом?

Дадли задумался, устраиваясь между корнями дерева.

— Грубоватая прямолинейность в характере Кэрю. Он будет поддерживать Файка, потому что тот представляет закон. Если Файк подтасовал улики против аббата... тогда

были трудные времена, да и аббат все-таки был закоренелым папистом.

— Но ты-то сам веришь в его причастность?

— К заговору против аббата?

— Меня больше интересует случай Кейт Борроу.

— Кэрю не заговорщик. Он человек действия. Хотя, думаю, что предпочитает менять образ, когда это продиктовано стратегией. Он — солдат. Прагматик. Для него хороши все средства.

— Я даже знаю, откуда взялись те кости, — сказал я.

— Думаешь, они из тех оскверненных могил, о которых нам рассказывал Кэрю?

— Скорее, их дал Бенлоу, торговец костями. Я выясню это.

— Выбьешь из него правду?

— Потолкую с ним.

— Тогда я... — Дадли поднялся с земли, отряхивая одежду, — отправлюсь в Батли, разыщу женщину, которая родила двойню.

Утром он тщательно вычесал бороду, и его усы снова начинали вытягиваться и завиваться, словно в знак того, что здоровье возвращалось к нему.

— Могут возникнуть трудности, — предупредил я.

И рассказал о боязни Монгера, что та женщина, под давлением родственников, может отказаться подтвердить слова Мэтью Борроу.

— Мой дорогой Джон, — Дадли расчесал пальцами лоснящиеся волосы, — клянусь, еще не родилась та женщина, которая откажет Роберту Дадли.

Когда мы вернулись в трактир, на сердце у меня чуть полегчало. Дадли зашел в конюшню готовить лошадей и седла; я же сразу отправился на поиски Ковдрея — ведь это он первым указал мне на торговца костями.

Я нашел Ковдрея в пивном зале, где он занимался уборкой — широко раскрыв окна, оттирал рвоту с половых плит.

— Занимаетесь женской работой?

Ковдрей грубовато улыбнулся, вытирая руки о суконный передник. Я пододвинул к себе табурет и присел.

— Знали времена и похуже?

— Некоторые требовали, чтобы я наливал им бесплатно, — ответил Ковдрей. — Такого я не припомню.

— Наливали?

Он оставил мой вопрос без ответа.

— В саду Нел Борроу нашли чьи-то кости, — сказал я.

— Что вы хотите от меня услышать, доктор Джон? Костей тут полно.

— Правда ли то, что говорят насчет осквернения могил? Ковдрей сунул метлу в ведро.

— Раскопали могилу Большого Джейми Хокса. Сломали гроб. Кости разворошили.

— А старые могилы?

— Лет пятнадцать-двадцать тому.

— Косто... — Я не решался спросить. — Бенлоу...

— А... — Ковдрей нетерпеливо мотнул головой. — Кто знает? Может, ему опять понадобилось бедро святого Дунстана. Он продал их уже с сотню. Знаете, когда я первый раз рассказал вам о нем, наверно, я выразился яснее, только я...

— Знали меня недостаточно хорошо, чтобы назвать его мошенником?

— Примерно так, — ответил Ковдрей.

— У него рискованное занятие.

— Может быть.

— Вы, наверно, считаете его везунчиком, раз ему столько времени удастся избежать ареста. В иных местах церковь не стала бы смотреть на подобные дела сквозь пальцы. Даже здесь, в такие-то времена...

— О, теперь он уважаемый торговец овчиной, доктор Джон.

— Однако все знают, что он хранит в подвале.

— Я так понимаю, вы хотите меня спросить, — ответил Ковдрей, — предпочитают ли некоторые господа, наделенные властью, делать вид, что не замечают определенные занятия мастера Бенлоу?

— Взамен на... некоторые услуги?

— Кое-кто так и думает.

— А где он берет эти кости? В принципе?

— Доктор Джон...

— Вас это не коснется, Ковдрей, я обещаю.

— Ай... — просипел он, вытирая тыльной стороной руки нос и губы. — Обещанного три года ждут.

Яркий солнечный свет лился сквозь открытое окно, и даже грубая щетина Ковдрея переливалась золотом. Я выдержал паузу.

— Большинство костей Бенлоу покупает, — ответил Ковдрей. — Чаще у бедняков, которых нужда заставляет по ночам раскапывать могилы или вламываться в заплеванные гробницы. Он не занимается грязной работой. Снимает сливки.

— Сливки?

— Старые кости, новые... для него они все как алмазы.

— Он показал мне свой склеп.

— Я бывал там, — сказал Ковдрей. — Хватило одного раза. Этот человек не в своем уме. Любит... чего не должно любить.

— Мужчин?

— Если бы это было самое страшное... Он любит мертвецов. В бедняцкой семье помрет сын или дочь... так если нету какой заразы, он предлагает им продать ему тело. Говорит, якобы для медиков из анатомического театра в Бристолле. На самом же деле... тело часто так и остается в его доме.

— О, Боже.

— Мой совет — держитесь подальше от его спальни.

Я вспомнил удушливый ладанный запах у лестницы на чердак. Тем временем Ковдрей снова взялся за метлу, колотая ею в ведре.

— Он приходил сюда, доктор Джон. Спрашивал вас.

— Когда?

— Вчера пару раз. Сказал, будто ему показалось, что вы хотели с ним встретиться.

— И что вы ответили?

— Сказал, что если бы вы хотели его увидеть, то знали бы, где его найти, и не стали бы тащить его в мой трактир.

Ковдрей поднял метлу, затем энергично уткнул ее в пол, и вода растеклась грязной лужей по каменным плитам пола.

Я не стал разыскивать Бенлоу. Если кости, найденные в саду Нел, давал он, то я был бы самым последним человеком, кому он признался бы в этом. Остаток утра я бродил по улицам Гластонбери, главным образом один на один с мрачными мыслями.

Что бы я мог представить сэру Эдмунду Файку, дабы заставить его отвести подложные свидетельства против Нел Борроу? Только секрет, который он пытался выведать у аббата Уайтинга. Хоть кто-то да должен был знать об этом.

Но если отзывать обвинения против нее было поздно, тогда мне непременно следовало идти в суд — странный суд в странном городе, — чтобы изложить свои доводы перед враждебно настроенным выездным судьей, уже натравленным Файком.

Я прислонился к освещенной солнцем монастырской стене, вспоминая о своем судебном процессе, когда против меня выдвинули обвинение в попытке убийства королевы Марии с помощью магии. Обвинение, построенное на лжесвидетельстве и моей репутации астролога в то время, когда сама астрология многими воспринималась как ересь. И тут я в ужасе понял, что улики против Элеоноры Борроу были так же тверды, как стена, на которую я оперся.

Если только Нел не знала чего-то еще.

Около полудня стук копыт заставил меня спешно вернуться в «Джордж». Кэрю и с ним трое спутников остановили лошадей возле ворот конюшен и начали спешиваться. Кэрю бросил поводья конюху как раз в тот момент, когда я переходил на другую сторону улицы.

— Ну, как вы тут, доктор Джон?

Казалось, он пребывал в добром расположении духа. Недобрый знак.

— Вы из Уэлса?

— Оттуда, — ответил он. — Чудесно провел время. В такой денек мысль о том, что Иисусу пригляделся этот уголок Англии, кажется вполне вероятной. — Он не взглянул на меня. — Чувствую, хотите узнать насчет вашей встречи с ведьмой.

— Когда?

— Вели Ковдрию подать мяса, — сказал он одному из своих спутников. — И сидра чтоб самого лучшего, а не этой мочи. — Затем он ответил мне через плечо. — Сожалею... но не сегодня.

— Когда же?

— И не завтра.

— Кэрю, не...

— И даже не послезавтра, — весело ответил он. — Ведьма не желает говорить с вами. Или даже не хочет видеть вашего бледного ученого лица.

— Вы лжете.

Я онемел от неожиданности. Один из его помощников резко глотнул воздуху и отскочил на шаг назад, когда конь решил опорожнить кишечник, и лицо Кэрю сделалось вдруг пустым, как грифельная доска.

— Что вы там сказали? — Я подошел прямо к нему. — Вы негодай, Кэрю. Почему я должен верить, что вы вообще виделись с ней?

Кэрю, казалось, даже не шевельнулся, и я понял, что произошло, лишь когда оказался в грязи у его ног. Кэрю потер кулак, и я почувствовал жар на лице от удара. Потом появилась боль, и я понял, что Кэрю, наконец, нашел повод сделать то, что давно хотел.

— Почему должны *верить*? — сказал Кэрю. — Потому, доктор, что вы говорите с человеком чести.

Легким толчком сапога он повалил меня спиной на теплую кучку конского навоза и прошел мимо меня в трактир.

Глава 38

НЕЧЕГО СКРЫВАТЬ

Доктор Борроу оказался на месте, в своей хирургической — снимал повязку с руки женщины. Я присел и начал наблюдать за его работой. Вопросы, точно назойливые мухи, роились в моей голове.

— Лучше пока не поднимать ребенка этой рукой, — советовал Борроу больной. — Не хотелось бы, чтобы вы возвращались сюда... если только с деньгами, конечно. Или, если не будет денег, то сойдет недельный запас молока.

Доктор улыбнулся. Я просто не понимал, как он мог быть таким спокойным. На его щеке возле уголка рта остался шрам, губа опухла, однако я заметил, что он не прикасался к своим ранам ни пальцами, ни языком.

После ухода больной Борроу заткнул пробкой склянку с окопником, спутанной травой в темно-коричневом масле, и поставил ее на полку вместе с другими аптекарскими сосудами.

— Пришли ко мне за бальзамом, доктор Джон?

— Мм... нет. — Я не удержался и прикоснулся к скуле. Говорить стало больно. — Оступился и... это неважно. Я к вам по другому делу. Перейду сразу к сути, доктор Борроу. Я думал защищать вашу дочь в суде.

— Понимаю.

— Я изучал право. И ненавижу несправедливость. Я просил сэра Питера Кэрю устроить встречу с ней, чтобы подготовить дело. Полчаса назад он вернулся из Уэлса и заявил, что она не желает видеть меня.

Борроу кивнул. Во всяком случае, мне так показалось. Доктор представлялся мне полной противоположностью Кэрю — умным и миролюбивым человеком, в ком соблюдался правильный баланс внутренних жидкостей, хотя в его движениях и речи ощущалась крепкая смесь меланхолика и флегматика в равных пропорциях.

— Вы знаете почему? — спросил я.

— У нее мало денег.

— Ради Бога, доктор, она же вылечила моего друга! Я не прошу денег...

— Понимаю. — Длинными, тонкими пальцами Борроу смотал около ярда перевязочной ленты. — Надеюсь, вы не думаете, что это непризнание ваших способностей. Лично я в них несколько не сомневаюсь.

Доктор поставил моток ленты на полку, затем повернулся ко мне и вздохнул — первый вздох простой человеческой слабости.

— Меня она тоже не хочет видеть. Никого не желает видеть.

Он посмотрел на меня стеклянными глазами. Передо мной стоял человек, который изо дня в день имел дело со смертью и болью, привыкший не принимать близко к сердцу реакцию людей на мрачный диагноз.

— Бессмысленно, доктор Борроу. Так же бессмысленно, как отказ ее матери сражаться за свою жизнь.

— А... Джо Монгер рассказал вам.

Я кивнул. Доктор указал мне на стул для больных. Я присел, и доктор расположился на своем месте с другой стороны хирургического стола из скобленной сосновой доски.

— Он думает, что она пыталась спасти вашу репутацию, — добавил я. — Не хотела втягивать вас.

— Кейт всегда была невысокого мнения о своих способностях и превозносила мои. Я собирался давать показания в ее пользу и оспорить их поспешные суждения. Но случай так и не представился.

— Можно спросить, каким образом?

— Подвергнув сомнению примитивную чушь о так называемом колдовстве. — Борроу говорил спокойно, без малейшего признака ненависти. — Не знаю, как к этому относитесь вы, но разум подсказывает мне, что вся эта чепуха отойдет в историю к исходу нашего века.

— Что именно?

— Вопрос веры — другое дело, и, возможно, понадобится больше времени, чтобы она отмерла. Но поверьте, и ей уже роют могилу. Римскому папе дали под зад, и церковь

в Англии ныне управляется светским лицом — к тому же женщиной. *Женщиной!* Мог ли кто-нибудь, даже лет тридцать назад, поверить, что такое случится? Вы бы поверили?

— Думаю, нет.

— Все это рушится, доктор Джон. Человечество возвращается к своему разуму.

— Вы не верите в Бога.

— Разве я единственный человек на земле, кто заметил, что величайшие достижения человечества рождаются волей отдельных личностей? Разве не видно, что даже изгнание папизма из этой страны, бывшей некогда главным бастионом церкви, есть следствие не поднятия духа, а... мужского органа?

Он улыбнулся глупости своих слов. Разумеется, и я слышал подобные толки в кулуарах Кембриджа и Лёвена, но обычно такие суждения выносились молодыми и легковозбудимыми людьми.

— То есть, если я вас правильно понимаю, — ответил я, — вы собирались выступить перед судом и объяснить им, что, возможно, никакого колдовства не существует в природе, потому что не существует ни Бога, ни Сатаны и так далее?..

— Я предпочитаю тихую жизнь, но... — Он пожал плечами. — Я сделал бы это.

— Ваша жена знала о ваших взглядах?

— Мои убеждения были известны ей.

— Но вы ходите в церковь...

— Меня обязывает закон.

— Как же вы... в этом городе...

— Как мне удастся жить и работать в таком городе, как Гластонбери? Легко. Я родился тут. Сообщество людей, среди которых немногие разделяют одно убеждение, лишь подчеркивает глупость оногo.

— Но ваша жена...

— Боюсь, была превосходным образцом тех, кто редко хранит верность одному убеждению дольше двух дней. Жаль, но я часто подтрунивал над ней. Вечно в поисках

нового лекарства от чего-нибудь — и, заметьте, как правильно, находила его. Но она извлекла бы куда больше пользы из своих знаний, если бы ее не отвлекали бесконечные мечтания о... о золотом веке, который никогда не наступит просто потому, что его никогда не было. — Он замолчал и посмотрел на меня взглядом скорби. — Вы, конечно, не ожидали, что я стану говорить о ней дурное.

Во время молчаливой паузы Борроу достал с полки пару склянок и поднял их на свет, а я тем временем подумал, что значит иметь родителей с такими крайними точками зрения.

— Отвечая на ваш молчаливый вопрос, — сказал, наконец, доктор, — в конечном счете всегда побеждало согласие, благодаря нашей общей вере в возможности медицины.

— И что вы думаете теперь?

Доктор медленно втянул воздух, потом медленно выдохнул. Быть может, он хотел выдохнуть вместе с воздухом дрожь? Быть может, в душе Борроу клокотали возмущение и ненависть? Трудно сказать. Я встречал многих людей — взять хотя бы Дадли и королеву, — чьи супруги или родители погибли от рук палача, и лишь немногие из них выказывали такое спокойствие. Кто знает, однако, была ли их сдержанность знаком смирения...

Доктор снова скрылся за ширмой, снимая крышку со склянки и размешивая ее содержимое деревянной палочкой. В нем было что-то особенное... нечто такое, что я подметил у Монгера, только еще выразительнее. Натура священника. В безбожнике. Словно его неверие давало ему некую внутреннюю основу, на которую он мог опереться, как другие опирались на веру в Бога и церковь.

— Вы знаете, что она невиновна, — сказал я, вставая. — И если вы не верите, что ее возможно спасти молитвой и верой в справедливого Бога... что делать тогда?

Доктор поставил склянку на стол и подвинул ее ко мне.

— В составе тысячелистник с ромашкой. Разведите в холодной воде, пропитайте тряпицу и приложите к больному месту.

— Это мне?

— На лицо, — пояснил он. — Берите. Заплатите, если поможет.

— Благодарю.

Он отмахнулся рукой.

— И в будущий раз, — почти вежливо добавил он, — смотрите под ноги.

Только никакой бальзам не помог бы моей душе. Спускаясь по лестнице к выходу, я испытывал еще большее волнение, чем до прихода сюда.

Странно, что лицо Мэтью Борроу не выражало ни внутренних переживаний, ни направления его дум. И вместе с тем прежде я не встречал еще человека, чье лицо выражало бы столько зрелого понимания самого себя. Старик ни за что не стал бы докапываться до смысла своих собственных снов, и ничто не вдохновило бы его на вычисление размеров вселенной. Для такого человека, как он, сокровенное не значило ничего ровным счетом, ибо скрывать было нечего. И если он не боялся Бога, значит, ничего не боялся. Его внутреннему спокойствию можно было лишь позавидовать.

Однако ярость *должна* была овладеть им, когда наемники Файка схватили его дочь. Он самозабвенно ввязался в драку и был жестоко избит. Оставил ли он попытки увидеться с Нел? Должно быть, нет. Но, что бы старик ни замышлял, он не хотел посвящать меня в свои планы.

Да и, часом, не знал ли он, кто я такой? Чем занимаюсь?

Человек, дерзнувший познать мысли Всевышнего... как никто иной достоин презрения безбожника. Проходя мимо церкви Святого Бениния, я погрузился в смятение и отчаяние — сколь много иронии в том, что Мэтью Борроу жил напротив богоугодного заведения. Человек, что невзлюбил Бога и презирал дьявола. Имелась ли хоть чуточка правды в этом бурлящем котле убеждений?

Мысль эта настолько потрясла меня, что я побежал, и, свернув за угол, едва не столкнулся с худощавым человеком, шагавшим по склону от трактира «Джордж».

— Джон, где тебя черти носят? Что...

— Дадли... Ты нашел ее?

Я прислонился спиной к церковной ограде, чтобы перевести дух. Двое мальчишек в рваных одеждах подскочили с другой стороны стены и пустились бежать, подняв в воздух душок испражнений.

— Что у тебя с лицом? — спросил Дадли.

— Ерунда, — ответил я, подняв в руке склянку с бальзамом. — Доктор дал.

— Ее отец?

— Она не хочет говорить со мной, — сказал я. — Не желает даже видеть меня. И вообще никого. Как съездил в Батли? Говорил с той женщиной? Она пойдет на суд?

— Джон...

— Ты нашел ее?

— Идем, — сказал Дадли.

— Куда?

— К доктору. У меня к нему есть вопросы.

— Ради всего святого... — Я запрокинул голову к небу. Зеленоватые облака плыли с побережья, оглашаемые криками чаек, и я закричал: — *Ты нашел ее?*

Женщина с корзинкой яиц испуганно перебежала на другую сторону улицы. Дадли продолжил путь, и я быстро зашагал за ним.

— Объясни, что стряслось?

— Я говорил там с разными людьми... В частности, с тамошним кузнецом, которому я всучил денег за откровенность. И от которого узнал, что в Батли за последний год не рождалось никаких близнецов. Никаких. И, если на то пошло, не рождалось последние лет десять.

Я выбежал вперед и остановил его. Горькая желчь заструилась по моим жилам.

— И ты поверил слову одного человека?

— Послушай меня. За последний месяц у них вообще никто не родился. Включая внебрачных. Подтвердил при-

ходский священник, который, к тому же, клянется, что на его памяти у них вообще ни разу не доставали младенца прямо из брюха. — Глаза Дадли горели гневом. — Что теперь? Не желаешь пойти потолковать с твоим чертовым лекарем?

Глава 40

ДРУГОЙ КАНОН

Хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Роберт Дадли был не такой, как Кэрю. За маской высокомерия моего друга скрывались образованность и пытливый ум. Просто он был еще молод, импульсивен, с замашками солдафона, и потому здравый смысл и благоразумие порой отступали на второй план. И тогда его рука хваталась за эфес шпаги и атмосфера вокруг него опасно накалялась.

— Эти ножи...

Стоя в дверях хирургической доктора Борроу, Дадли был подобен холодной метели. Зимняя стужа трещала в его сдавленном голосе.

— Пожалуйста, придите позже. — Застегнув свою кожаную сумку, доктор закинул ее на плечо. — Меня сейчас ждут больные.

— Позже вы будете гореть в аду, доктор Борроу. Куда отправляются все лгуны.

Пространство между ними заполнилось тишиной, гнетущей, словно затишье перед отсечением головы.

— Кто вы такой? — ответил Мэтью Борроу.

— Вам известно, кто я.

— Мне известно только то, что вы заявляете о себе. — Голос старика прозвучал лишь на чуточку выше тона полного безразличия. — Однако опыт подсказывает мне, что простой служащий из комиссии древностей вряд ли смог бы содержать конюха. Сдается, вы одеты намного скромнее, чем подобает человеку вашего истинного положения, и если говорить о лжецах...

Ничто не дрогнуло в его небесно-серых глазах. Он прочел настроение Дадли, однако не испугался. Быть может, даже принял его поведение за признак слабости. И, каким-то образом, дал мне надежду, ибо меньше всего на свете хотел я услышать, что он солгал про окровавленные ножи. Я надеялся, что кровавые следы на ножах имели какое-нибудь объяснение, которого никто из нас не предусмотрел. Объяснение, не связанное с Элеонорой Борроу.

Доктор снял с плеча сумку, и Дадли, потеряв терпение, ворвался в хирургическую и захлопнул за собой дверь.

— Доктор Борроу, завтра воскресенье. В понедельник ваша дочь предстанет перед судом по обвинению в колдовстве и убийстве моего слуги. Это она убила его?

— Я ее отец.

Борроу раскрыл руки — на одной два кольца темного металла, которыми пользуются для снятия судорог.

— Вы будете защищать ее перед судом? — спросил Дадли.

— Если позволят, я представлю доказательства ее доброго нрава и буду просить суд снять с нее все обвинения.

— И расскажете судье и присяжным правду об окровавленных хирургических инструментах?

Молчание.

— Так в чем же состоит правда, доктор Борроу?

Ответа вновь не последовало.

— Ради Бога, доктор Борроу, расскажите нам правду, — вмешался я. — Мы на вашей стороне. На стороне вашей дочери.

Взгляд, которым Дадли одарил меня, означал, что я поспешил с заверениями, но мне было трудно сдерживать свои чувства.

— Клянусь вам, — сказал я, не сумев подавить волнение души, — что дойду до самого верха, лишь бы ее освободили.

Борроу приподнял бровь, и я глубоко вдохнул, пытаюсь овладеть собой и не дать щекам раскраснеться.

— Послушайте, — сказал я. — Если посмотреть на факты беспристрастно, то кажется совершенно невероятным,

чтобы женщина убила и расчленила мужчину такого роста. Причины преступления также неочевидны. Однако тот факт, что вы не делали кесарева сечения — и вообще не принимали никаких родов, — свидетельствует о том, что ваше объяснение кровавых следов на ножах...

— ...свидетельствует о том, что я солгал. — Борроу опустил руки. — Да. Если бы я узнал об этом чуть раньше, придумал бы объяснение получше.

О мой Бог.

Кое-что, вероятно, являлось правдой.

То, что доктор поздно вернулся домой, сильно устал и бросил свою сумку под лестницей, где так же обычно оставляла свои инструменты и его дочь.

В ту ночь инструментами доктора, похоже, никто не пользовался. Борроу открыл дверь, чтобы показать нам место, где они хранились. Тесное помещение с узкой деревянной приставной лестницей.

— У вас не было причин доставать их оттуда, — сказал я, — до тех пор, пока на другой день...

— С какой целью? Они были чистыми. Накануне ко мне не приходил никто, кому бы потребовалась операция.

— Стало быть, кровавые следы на ножах?..

— Человек Файка вытащил сумку и передал ему, и он спросил: «Что это такое? Чья это кровь?» Он вынул нож, и я увидел, что на нем кровь, и ответил... первое, что пришло в голову. Только Файк меня все равно не слушал. Как я уже вам говорил, он нашел, что искал. И был удовлетворен.

— Как вы догадались, что окровавленные инструменты принадлежат Нел?

— Мои все еще лежат здесь. Чистые.

— Вы видели там инструменты дочери перед тем, как Файк нашел их?

— Нет. Их быстро передали из рук в руки и вынесли за дверь.

— Тогда как же вы поняли, что эти ножи — ее? А не чьи-то еще, которые мог принести Файк и... и подложить вам?

Слова не успели слететь с языка, а я уже понимал, что пытаюсь зацепиться за воздух.

— В таком случае... где же тогда инструменты Элеоноры? — ответил Борроу. — Доктор Джон, я благодарен вам за то, что вы пытаетесь нам помочь, но боюсь, ваш друг прав. Я солгал... и не очень удачно.

— Она убила моего слугу? — вмешался Дадли.

Борроу тотчас посмотрел ему прямо в глаза.

— Конечно же, нет. Как могла женщина...

— Тогда кто?

— Не знаю.

— Она не могла одолжить свои инструменты кому-то, кто вернул их в таком состоянии?

— Я не знаю.

— Кому она могла бы одолжить инструменты, доктор Борроу?

— Мастер Робертс, если бы я это знал, то назвал бы их имена без колебаний. Должно быть, кому-то, кому она доверяла. Может, именно поэтому она не говорит мне... Не говорит никому.

— Она выгораживает кого-то?

Борроу только пожал плечами. Во мне теплилась последняя надежда на невиновность Нел, хотя веры оставалось все меньше. Ведь получалось, что она должна была передать инструменты и потом принести их домой, не смыв с них кровь?

— Того, кто, совершив преступление, не помыл инструменты, чтобы избавиться от улик, — продолжал Дадли. — Не отнес их на реку... или к одному из местных источников.

К Кровавому источнику, горько подумал я. Борроу взглянул на Дадли, закачал головой, и я понял, что перед стариком стояла трудная дилемма. Лучше промолчать, чем раскрыть самую страшную ложь.

— Кого она хотела бы защитить? — спрашивал Дадли. — Ради кого она готова пойти на смерть? У нее есть любовник? — Он даже не взглянул на меня.

— Отец, — ответил Борроу, — всегда узнает об этом последним. Особенно если у него редко бывает время на разговоры с дочерью.

Дадли бросил на меня взгляд. Его глаза говорили, что мы выяснили все, что могли, и нам пора уходить, но теперь я не мог уйти.

— Вы рассказали нам все? — продолжил я. — Все, что могло бы помочь?

— Доктор Джон... — Я заметил в нем первые признаки раздражения. — Откуда мне знать, что могло бы помочь?

Я мысленно вернулся к событиям грозовой ночи, случившимся в моей спальне.

— Хорошо... подумайте вот над чем. По убеждению Нел, казнь ее матери устроили потому, что она хранила некое доказательство... возможно, свидетельство причастности сэра Эдмунда Файка к предательству аббата Уайтинга.

— Похоже, доктор Джон, вы очень хорошо познакомились с моей дочерью. Да еще за такое короткое время.

— Вы верите в это?

Борроу ответил не сразу.

— Нет... не верю. Смерть Уайтинга и самый способ его казни, должно быть, на совести Томаса Кромвеля. Приказ отдал он. Файк тут ни при чем. И я сомневаюсь, что у Кейт могли оказаться так называемые доказательства. В бумагах, которые остались после нее, нет ничего... стоящего. Да и сама она, разумеется, никогда ничего не говорила мне об этом...

— Но, как вы сами сказали, у вас много работы. И совсем мало времени на раз...

— Вы поняли слишком буквально, — спокойно ответил он. — Дочь сказала бы мне. Возможно, я и не разделял религиозные убеждения Уайтинга, но ценил аббатство, как средоточие знаний.

— Ваша жена и аббатство...

— Она была в долгу перед монахами, доктор Джон, все очень просто. Кейт не получила образования в детстве. Монахи научили ее грамоте.

— Когда это произошло?

— Когда она была молода. Кейт хотела уплатить им свой долг, выращивая травы для монастыря. Уайтинг интересовался целительством, у Кейт был редкостный дар выращивать все, что растет. Я имею в виду растения и плоды, которые никто никогда не сажал здесь до нее. Семена привозили в аббатство, часто из-за границы, и жена сажала их и потом ухаживала за всходами. Она будто чувствовала, какие условия лучше подходят растениям.

— Значит, земля... участок под травы.

— Его дал ей аббат. Уайтинг восхищался ее способностями. Считал их... — Борроу скривил губы. — *...божьим даром.*

— Вы говорите, от нее остались бумаги? — напомнил Дадли.

— Они исчезли.

— Что в них было написано?

— Если бы она хотела показать их мне, то так бы и сделала.

— Вам не было любопытно?

— Есть некоторые вещи, — ответил Борроу, — которые меня совершенно не интересуют. Поскольку, по моему мнению, подобный вздор — всего только глупый миф, придуманный для того, чтобы удержать простой народ в подчинении. У нас была точка соприкосновения. То, о чем мы с Кейт могли говорить ночи и дни напролет, — лечебные свойства растений, пропорции, в которых... — Борроу резко взмахнул рукой. — Черт! Идеи о том, что каждое растение наделено неким божеством целебными свойствами, в согласии с каким-то божественным планом единой соборной вселенной...

Дадли подмигнул мне. Я понял, что хотел сказать Монгер, называя науку доктора Борроу другим каноном в сравнении с моей.

— Ваш голос одинок в этом городе, — сказал я.

— Поэтому я предпочитаю молчать. Я не ищу проповедей, доктор Джон. Мне слишком поздно обращаться в *религию*.

— Однако вам должно быть известно, что местные предания воздействуют на людей. И если вы чувствовали, что ваша жена приобщена к тайному знанию...

Подобно канату, крепящему лодку к причалу во время шторма, сдержанность доктора, в конце концов, лопнула, и он потерял самообладание.

— Знание? Вы называете это суеверие *знанием*? Веру в то, что здесь якобы хранится великая тайна, оберегаемая монахами... и что, несмотря на крушение аббатства, тайна осталась?... Будто удача отвернулась от Кромвеля и короля Генриха потому, что они так и не раскрыли этот *секрет*? Вы действительно полагаете, что вся эта чепуха — не простой бальзам утешения для бедняков? Подобный вздор такая же глупость, как и нелепая обида на Веллс за то, что там есть собор и благополучие, которое он приносит, а в Гластонбери остались только руины.

Настала моя очередь сделать глубокий вдох и успокоиться. Так или иначе, я должен был выяснить все до конца.

— Что вам известно об этой якобы тайне?

Доктор медленно втянул воздух, потом выдохнул.

— Доктор Джон, как бы мне получше выразить свое презрение к теме нашей беседы... Могу сказать только одно: если бы Кейт не втянули во всю эту чепуху, сейчас она была бы жива.

— Кто втянул ее?

— Аббат... все эти люди. Они завели ее на просторы безумства и бросили там.

— Какие люди?

— Каждый из них. Все те, что топтали эти холмы, облачившись в сутану. Кейт была знатоком трав и не знала себе равных, но она позволила вести себя вслепую по пути глупости. А потом умерли люди.

— Порошок видений? Вы это имели?...

— Думаете, никто не поощрял ее риск? Да любой чертов полоумный монах мечтает о видениях... чем бы они ни были вызваны: хоть кровавым бичеванием плоти, хоть постом до полуголодного обморока. Все годы, что она потра-

тила на угождение их бесплодным стремлениям... мне это отвратительно.

Доктор приподнялся, опираясь обеими руками о стол и тяжело дыша. Дадли молчал, уйдя в себя.

— После казни, — продолжал Борроу, — Файк заявился ко мне со своими людьми — я знал, что это случится, — вывернул наизнанку весь дом и забрал все снадобья Кейт.

— Он искал порошок? — спросил я.

— Чтобы уничтожить все составные части микстуры, вызывающей жжение, — так он мне объяснил.

— И чего же, по-вашему, он больше всего боялся: жжения или видений?

— Он не называл их видениями. Усматривал в них прямой путь для людей в объятия бесов. Так что он забрал все, что только сумел найти в ее мастерской: пузырьки, разновесы, снадобья, бумаги... с тех пор как Кейт научилась писать, она находила особое удовольствие предавать все свои мысли бумаге. Надеюсь, Файк и его школяры потратили немало бесплодных недель, пытаясь найти в них... тайны.

— Тайны... — Я сурово взглянул на доктора Борроу. — Те тайны, в которые ее посвятили монахи?

— Ради этого вы и пришли, не так ли? — ответил он. — Древности. Королева или кто-то из ее приближенных прослышали о тайнах и решили, что непременно должны обладать ими.

Я промолчал.

— По моему убеждению, если хотите знать, у монахов Гластонбери не было иных тайн, кроме секрета обогащения.

Я не был расположен к спору на эту тему.

— Значит, Файк все забрал?..

— Все, что сумел найти. Некоторые бумаги я заблаговременно вынес из дома. Мне они безразличны, но эти бумаги были дороги сердцу Кейт и ее разуму. Идеи, которые, по моему мнению, погубили ее. Я больше не желаю их видеть, но не намерен передавать их Файку.

— И что это за идеи?

— Идеи, которые мне никогда не понять, да я и не желаю. Слишком многим они стоили жизни.

Я перевел взгляд на полку с аптечными сосудами. Солнце ушло, и склянки больше не сверкали в его лучах. В моих мыслях снова звучал голос Нел.

Все сокровища давно исчезли.

Но сокровища не исчезают бесследно, точно утренняя роса, испаренная солнцем. Они просто сменили хозяев.

— Что бы ни было в тех бумагах... вы не думали передать их Нел?

— Зачем? — Он посмотрел на меня так, будто я сумасшедший. — Вложить в руки дочери ключ к падению?

— Кто-то сделал это.

— Порошок? — спросил он. — Мы говорим о порошке?

— Она знает, как его приготовить. Полагаю, не многим людям известен его состав. Случаи горячки святого Антония, видимо, произошли при неосторожном употреблении грибка. Тот, кому могло быть известно, в каких пропорциях и с какими ингредиентами следует готовить смесь, чтобы достичь видений без вреда здоровью, обладал бы ценнейшим знанием, вы согласны?

— Она научилась этому сама, — ответил доктор Борроу. — Но это опасное знание.

— В таком случае возможно ли, что это один из секретов? Нечто, известное здесь много веков назад? Но изготовление... практические детали... были забыты? Не помогла ли ваша жена монахам заново открыть то, что было утрачено?

— Доказав тем самым, что легендарная магия этих мест не более чем форма отравления, интоксикация? Заманчивая идея, доктор Джон.

Это совсем не то, что я подразумевал. Меньше всего я хотел бы увидеть дух этой земли настолько приниженым. Однако я не стал вступать в спор. Боялся, что потеряю доверие доктора. Боялся, что он примет нас за ничтожных искателей сокровищ.

— Значит, формула порошка не интересовала его?

Нет ответа.

— Доктор Борроу, — сказал я, — мне нужно нечто... что-нибудь, что помогло бы мне повлиять на Файка.

— Файк честолюбив. Стоит понять это, чтобы оценить его по достоинству.

Я ничего не сказал.

— Я пытался возненавидеть его, — продолжал Борроу, — но, боюсь, у меня нет права на это. Файк не слепой. Он видит то же безумие, что и я. Разница между нами в том, что я усматриваю в любой религии скрытое стремление разрушить всякую надежду человечества на прогресс... тогда как, по убеждению Файка, если бы все люди земли держались единственной веры и всякое знание принадлежало бы только представителям его класса...

— Его класса?

— То есть не...

— Не червям?

— Файк — по-своему разумный человек. В прошлом он был казначеем аббатства и, возможно, занял бы место аббата, не начнись Реформация.

— Я об этом не знал.

— Он добивался этого места. Как я и сказал, Файк всегда был полон честолюбивых стремлений.

Я попробовал снова.

— Так если не ради порошка видений, то?..

— Ничего особенного мне неизвестно, — ответил Борроу. — Кейт подружилась с Джоном Леландом. Должно быть, вы его...

— Конечно, я знаю, кто это.

— Перед смертью Леланд завещал ей некоторые бумаги. Конечно, безумец оставил после себя беспорядок, и прошло несколько лет, прежде чем кто-то додумался прислать их Кейт.

— И что... что это за бумаги?

— Чушь. Ничего стоящего. *Оккультизм*. Леланд превратился в раба всей этой бессмыслицы. Астрология, алхимия... Боюсь, Кейт придавала этим бумагам слишком большое значение... Просиживала над ними часами последние несколько недель жизни.

Я почувствовал покалывание внутри.

— Вам известно, о чем эти рукописи?

— Боюсь, у меня имеются более важные интересы...

— Могу ли я увидеть бумаги?

— Вряд ли.

Борроу холодно рассмеялся. Дадли подался вперед.

— Доктор Борроу... эти бумаги... возможно, и есть те сокровища?

— Барахло.

— Но, если этим... сокровищем... не владеет ни Файк, ни ваша дочь, кто же тогда?

Борроу печально покачал головой, снова присел и сомкнул длинные руки, словно изображая молитву.

— Кейт, — сказал он. — Бумаги все еще у нее.

Глава 41

КТО ЗАБОТИТСЯ О БЕССМЕРТИИ ДУШИ...

В ту ночь я проснулся уже в третий раз — лежал и пялился в потолок, пока его дубовые балки не проявились отчетливо в свете луны, похожие на прутья темницы.

Темницы этого мира.

Я лежал в раздумьях, пока тяжесть долгих минут того не сдавила мне грудь, что я, в приступе удушья, едва сдержав крик, выскочил из постели на безжалостный холод.

Сон пропал окончательно. Я стоял у окна и смотрел на пустынную улицу и серые тени аббатства, едва различимые в свете туманной луны. Потом встал на колени в молитве и надежде на то, что Господь откроет мне свои замыслы, хотя бы на этот раз. Или же сама ночь разбудила меня, призывая проникнуть в еще более мрачные глубины тьмы?

Мысль об этом наполнила меня страхом, побороть который могли лишь мысли о Нел Борроу, лежащей без сна

в зловонном, сыром подzemелье, разделив его с холодом, смятением и крушением надежд.

Однажды я тоже побывал там, и мысль о подzemелье была мне невыносима. Я знал, что должен предпринять что-нибудь. Склонив голову над сомкнутыми в молитве ладонями, я тихо заплакал, и слезы полились из глаз, словно кровь.

Кровь.

Что это здесь? Чья это кровь? — ликовал Файк, держа перед доктором Борроу его сумку с железными уликами.

Пятна крови. Поросячьей или куриной. Боже праведный.

Я медленно поднялся с колен, затем лихорадочно натянул на себя старое бурое домашнее платье. И тотчас бросился в спальню Дадли, даже не подумав о том, что он может снова встретить меня острием своего клинка.

Правда, этого не случилось. На этот раз Дадли спал.

— Робби...

Хотя и не очень крепко.

— Наконец-то. — Дадли лежал неподвижно. — Джон Ди. Где тебя так долго носило?

— Слушай, — сказал я. — Хирургические ножи. Они не принесли ножей с собой.

— Ножи?

— Файк. Он не приносил их. Эти ножи — ножи Нел, а кровь... кровь могла принадлежать даже Мартину Литгоу, но ее...

— Какой в этом смысл?

— Они не приносили ножей... принесли *кровь*. Они принесли кровь, чтобы пролить ее на что-нибудь... на что угодно... во время обыска. На одежду — кто знает? Пузырек крови. И находка ножей, должно быть, стала подарком судьбы.

— Джон...

— Вот что он делает. Подставляет людей — аббата с кубком, Кейт Борроу с подложными уликами и могильной землей... Файк подтасовывает улики.

— Когда такая мысль пришла тебе в голову?

— Только сейчас. Не мог уснуть.

— И поэтому решил разделить бремя бессонницы со мной? Как милосердно.

— На случай, если забуду.

— Да ну тебя, — рассердился Дадли. — Сам знаешь, что тебе этого не доказать, и мы оба понимаем, почему ты здесь.

Он поднялся с постели, сбросил с себя одеяло, и в свете луны я разглядел, что он уже был одет в уличное платье.

— Одевайся, полоумный, — велел Дадли. — Если другого выхода нет, лучше сделать это еще до рассвета.

«Я не прошу тебя выходить с лопатой и потайным фонарем», — говорил мне Сесил перед нашим отъездом в Гластонбери.

Нам потребовалось некоторое время, чтобы найти лопату. Лучшие инструменты Ковдрей, должно быть, держал под замком. Единственная лопата, которую нам удалось отыскать, была старой и ржавой, с трещиной на черенке.

— Мог бы хотя бы все подготовить, — ворчал Дадли.

— Я не знал.

— Все ты знал. Мы оба знали. Просто никто из нас не отважился завести об этом разговор.

И мы продолжили разговор не раньше, чем городская окраина и сладковатый дым яблоневого поленьев остались позади нас. Перед тем как мы тронулись в путь, я нашел масляный фонарь и зажег его от огня в камине пивного зала. Я держал фонарь притушенным, пока мы не покинули город, продвигаясь в свете бледной луны, затянутой влажной дымкой.

Лестницу через стену мы нашли без труда. Дадли поставил ногу на ступень, но тут же опустил ее снова на землю. Тихо рассмеялся.

— Ты знаешь, который час?

— До рассвета еще далеко, это самое главное, но если хочешь точнее... — Я поднял взгляд на луну. Редкие звезды были видны сквозь туман, но я разглядел Юпитер на юге. — По моим расчетам, сейчас около полуночи.

В Лондоне в это время ходил бы дозорный с колотушкой и псом.

Двенадцать часов пополуночи, проверьте замки и засовы.

Следите за огнем в очаге и свечами,

И пусть Господь дарует вам спокойную ночь.

Спокойная ночь. Домашний уют. В Гластонбери сейчас на улице были только совы да мы, и я нигде не находил никакого уюта. Я был городским человеком, особенно с наступлением ночи, когда даже в Мортлейке...

Говорят, если человек заботится о бессмертии своей души, то не станет ходить мимо вашего дома после заката и на Мортлейкское кладбище. Опасаются, как бы не раскрылись могилы.

Боже мой, если б только Джек Симм видел меня сейчас, готового добровольно покрыть себя позорным пятном некромантии...

— Мы накануне воскресенья — вот что я хочу сказать, — объяснил Дадли. — Мы затеяли это дело в шабаш.

— Да.

— Я бы помолился о божьем благословении, но боюсь, что это уже само по себе богохульство.

Деревянный крест оказался не совсем там, где я приметил его днем, однако ночью глазам доверять нельзя. Я смотрел на него и думал о том, как часто Нел опускалась перед ним на колени, и представил тот ужас и гнев, который она испытала бы, узнай о наших намерениях. Благородный дворянин и презренный колдун. *Да простит меня Господь.*

Зная, что мне начинать первым, я поставил фонарь на траву и потянулся к кресту. Вкопанный неглубоко, он сразу поддался и с тихим чваканьем легко вышел из грунта.

— Там, что, вода? — спросил Дадли.

— Вода здесь повсюду.

Я положил крест возле могилы. Огляделся. Лес вокруг садового участка стоял, словно войско, затаившееся в тени перед началом боя. Слышались шорохи: видимо, вышли

на охоту ночные звери. Или неуспокоенные души людей, чьи кости недавно рассеяли по этой земле, словно конский помет?.. Я поднял лопату и опустил взгляд на траву, залившую огнем фонаря.

— А если Борроу солгал? — сказал я. — Он уже лгал нам раньше.

— О да. Врать он умеет, — ответил Дадли. — Одно из требований его ремесла. *Конечно же, вам будет лучше...* Главный вопрос в другом: что он за человек, если хоронит личные бумаги жены, даже не выяснив, что написано в этих бумагах?

— Человек, который знает их содержание. Или полагает, что знает. Озлобленный безбожник. Человек, одновременно разбитый горем утраты и исполненный холодного гнева. Человек, который считает покойную жену виновницей своего несчастья.

— И что же можем найти мы в этих бумагах?

— Возможно, мы не найдем в них ничего важного, — ответил я. — Или узнаем, наконец, истинную причину, по которой Файк преследовал Кейт Борроу и охотится за ее дочерью.

С соседних полей донесся прерывистый кашель старой овцы. То ли знак одобрения, то ли недоброе предзнаменование.

— Копай, — сказал Дадли.

И я воткнул лопату в могилу Кейт.

Глава 42

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Размышляя однажды о смерти, я наблюдал за работой могильщика в Мортлейке. У меня же все выходило иначе. Земля церковного кладбища — часто сухая, изрытая почва, полная осколков почерневших костей: одно захоронение над другим, смерть на смерть, земля освящена и все начинается заново... Но здесь почва была богата, покрыта гумусом и теплая внутри.

Мы не привыкли к такой работе и, углубившись на пару футов, решили передохнуть. У меня пересохло горло, но никто из нас не догадался захватить с собой ни эля, ни сидра. Физический труд плохо был знаком нам обоим.

— Если бы с нами был Мартин... — вздохнул Дадли.

— Тогда нам не пришлось бы приходить сюда.

— Верно.

Движение — и мы оглянулись. Неподалеку от нас по траве проскакал кролик. Нет... ночной заяц. Несколько прыжками он домчался до живой изгороди и исчез в тумане преданий.

В эту ночь я не искал знамений.

— Как мне отвезти его сердце в Лондон? — задумался Дадли. — Никогда раньше не приходилось заниматься такими вещами.

— Тебе нужен деревянный ларец. Нечто вроде раки для мощей. Я бы предложил обратиться к Бенлоу-костолобу, только, боюсь, он предложит... и не узнаешь, что хранилось там прежде. Лучше спросить у викария церкви Иоанна Крестителя или Святого Бениния. Они, конечно, заломят цену, но оно того стоит.

— В обычное время я бы только отдал приказ — взмах руки, и готово. — Уткнув кулаки в поясницу, Дадли выгнул спину назад. — Боже, только посмотри на меня... среди ночи, и все руки в могильной грязи. Великий поход. Напомни-ка мне, когда это у Мэлори Артуровы рыцари опускались до рытья могил?

Над нами в полном безмолвии пролетела сова, и Дадли натянул шляпу на голову.

— Знаешь, что она мне подарила? Монастырь, один черт.

— Еще один?

— *«Дарую тебе монастырь, — говорит. — Вильям подготавливает бумаги».*

— Когда?

— Дней десять назад, недели две... Хуже всего, что я не могу даже вспомнить названия этого чертова места. Просто монастырь, несколько сотен акров земли. Только когда

я приехал сюда и пару часов походил среди людей, для которых лишняя краюха грубого серого хлеба...

— Ты о деревне Бутли?

— Там никто не боялся меня. Старуха напоила коня, налила мне сидру и дала кусок пирога. Она бы не вышла из дома, если б знала, кто... — Дадли посмотрел на меня. — Странно... Я не думал, что у них есть своя жизнь. Мне казалось, они живут только для того, чтобы прислуживать. И вдруг я начал завидовать им. Всей моей жизнью руководят обстоятельства и борьба за положение. Монастырь или кусок пирога — что из них самое?..

— Тс.

Дадли резко обернулся. Вокруг ни души, однако даже шепот мог далеко разнестись в такую глухую ночь.

— Прости, — прошептал он.

— Разумеется, твоя зависть не продлилась бы долго.

— Конечно, нет. Надолго меня б не хватило. Пару дней в той деревне, и будничная скука одолела б меня. Но всего на пару часов... быть может, это мое выздоровление так повлияло... — Дадли сверкнул зубами в свете тусклого фонаря. — Я даже завидовал когда-то тебе — за то, что ты свободно мог ездить по Европе, учиться и плевать на границы, установленные Господом Богом.

— Теперь я квартирант в доме у матери. Однажды унаследовать дом и заставить его доверху книгами — единственное, на что я могу рассчитывать.

— На большее, Джон, и ты это знаешь. Ты же сам учил меня... Знаешь, учил бесполезным вещам...

— Я учил тебя математике. Учил арифметике, чтобы ты смог подсчитать, сколько тысяч акров земли сумела присвоить твоя семья за многие годы, и... Кажется, мы заболтались. Даром теряем время.

— Теряем, ты прав, — улыбнулся Дадли и перекинул мне через яму лопату. — Твоя очередь.

Он держал фонарь под холмиком сырой земли, которую мы накидали с краю могилы со стороны города. Хватило ума хотя бы на это.

И я с яростью копал землю, стерев нежные ладони до кровавых мозолей. Чем глубже мы продвигались, тем легче поддавались почва и камни. Или нам так только казалось. Нас словно глубже и глубже затягивало в греховность нашего предприятия. Будто мы сами себе рыли дорогу в ад.

Дадли спросил меня сверху:

— Они возвращаются? Мертвецы?

— Думаю, такое случается.

— Но ты ведь ни разу не видел... своими глазами?..

— А ты... в аббатстве?

— Лихорадка. Мы сами создаем себе привидения.

— И, возможно, с помощью магии, создаем призраков, которых видят другие. — Подо мной брызнула ледяная вода, и я отошел на шаг назад. — Кто еще видел призрака Анны Болейн у королевской постели? Хоть кто-то видел?

— Ей нужен мужчина под боком, — ответил Дадли. — И не только Сесил.

О нет. *Нет*. Не сейчас.

Я продолжал копать, яростно и неумолимо. Снял дублет и остался в одной, мокрой от пота, рубашке. Под сапогами чавкала скользкая, грязная жижа. Но я знал, что бывает земля поопасней, чем эта, и потому снова и снова работал лопатой, пока не сбилось дыхание, не загудело в ушах. И я мог бы поклясться, что за нами вели наблюдение, и во все не кролики скакали меж кустов и деревьев — там прятались люди.

Взять его.

— Давай, Джон. Говори все, что считаешь нужным сказать.

Я поднял лопату.

— Ты же знаешь, что у вас нет будущего. — Снова вонзил лопату в мокрую землю. — Ты женат.

— Пока женат.

— Нет... что бы ты там ни говорил... О боже.

Лезвие лопаты скользнуло по твердому предмету.

— Она нездорова, — ответил Дадли.

Я вынул лопату из ямы. Хотелось швырнуть ее подальше в кусты и убежать. Но я не смог даже пошевелиться. На окраине участка выросла тень, и я вздрогнул.

— Люди думают, будто я прячу ее в деревне, — продолжал Дадли. — На самом деле с ней что-то не так... Она больна.

Эйми. Его жена.

— Чем?

— Всем. Боли. Недомогание. Слабость.

— Может быть, у нее в голове?

— Кажется, нет. Мы говорили об этом. Она сказала мне... правда, сказала: «Наверное, я скоро умру». Как будто она узнала об этом от самого Господа Бога.

— Может, обратится к врачу?

— Уже обращалась. К нескольким. Шуты гороховые, Джон. Не знают, с чего начать.

Как и я. Он держал светильник у ног, и потому лица Дадли мне не было видно, но внутренним зрением я снова представил его в поту и горячке.

У меня было полужелание, чтобы она... исчезла из моей жизни... Хотя полужеланий, кажется, не бывает?

— Ты любишь ее, — отчаянно сказал я. — Ты любишь Эйми.

— Всегда любил. У нас был брак по любви. Часто ли такое случается с людьми моего положения?

Дадли уселся на земляной холм, свесив ноги над ямой и надо мной.

— Разбила мне сердце своим взглядом. Говорит так, будто думает, что это предопределено. Для высшего блага страны.

— Говорит... с кем?

— Не знаю. Не смею даже и думать. Встаю на колени в своей часовне, ненавижу себя и громко взываю к Богу... — Дадли наклонил ко мне лицо, залитое мерцающим светом. — Джон, я не знаю, о чем я молюсь. Не скрою, я прошу для себя, но чувствую, что это более...

В долине одна сова отвечала другой. Совы. Духи мертвых.

Прошу тебя, Боже, не надо знамений. Не теперь.

— Я молю Бога, — продолжал Дадли, — чтобы Он открыл мне свою волю. Чтобы я хотя бы узнал, что правильно... что предназначено...

— Помоги мне, — ответил я.

Я стоял на плоском камне.

— Мы с Бет родственные души. Родились в один час, в один день.

Похоже, Дадли сам сочинил эту легенду и старался рассказывать ее при каждом удобном случае. Но так ли было на самом деле, мне неизвестно. Однажды он попросил меня составить единый гороскоп для королевы и для него самого, но я отказался.

— Мы лежим, болтаем, смеемся всю ночь и наводим в мире порядок. Рассуждаем о том, что мы могли бы еще сделать, и это больше... Пойми ты, наконец: наша связь *больше, чем просто любовь*.

— Ты мне можешь помочь? — Я опустил руку и почувствовал воду. Камень лежал в воде. — Посвети мне.

— Это неправильно, — возразил Дадли. — Святотатство.

— Да.

Я не знал, что он имеет в виду — то, что мы делали, или то, о чем он говорил. Неправильно было и то, и другое.

Дадли распластался на краю ямы, опустив фонарь ниже, и я разглядел под камнем нечто похожее на окостенелую кисть руки. Быстро осмотревшись, я начал копать круговой канал, чтобы отвести воду.

— Ладно, вылезай, — сказал Дадли. — Я сам все сделаю. Моя душа — потеря.

Тело накрыли тремя плоскими камнями — либо для того, чтобы дикие звери не добрались до него, либо для того, чтобы однажды положить сверху еще одно. Сумев поднять каждый камень по очереди, Дадли передавал их мне.

Под ними, сквозь тонкий слой почвы, проглядывали ошметки материи. Остатки погребального савана.

Срезав лопатой со стен ямы тонкие пласты глины, Дадли покидал их себе под ноги, и стоял теперь в образованной таким образом нише у тела, лежащего на возвышении, словно на земляном помосте. А вокруг — канава черной воды. Стоячей могильной воды.

Бездействие было для меня еще хуже — мысли и чувства уже не утопишь в тяжелом труде. Без дублета мои плечи и грудь замерзли, пальцы рук онемели, а подозрение, что за нами следят, стало почти невыносимо. Казалось, тени крадутся через поля костей за моей спиной, поднимаются и тянут лапы...

По спине пробежала дрожь. Свет фонаря колыхнулся за мутным стеклом.

— У-у!

Дадли отскочил назад, словно пара мертвых рук потянулась за ним. Затем я тоже почувствовал запах.

— О, Бог мой...

— Все в порядке. Воняло и хуже, Джон. Просто неожиданно.

— Погоди... пожалуйста... лучше мне... Возможно, они все равно испорчены. Давно истлели. Возможно, мы напрасно тратим время.

Несколько мгновений спустя Дадли выбрался из могилы.

— Да. — В его голосе заметно слышалось облегчение. — Лучше тебе.

Ее лицо я видел лишь мельком.

Запах... скорее затхлый, чем гнилой, — ведь прошло столько времени. И все же я старался дышать через рот. Стекло фонаря запотело, и он светил подобно маленькой луне в облаках. Или ночной лампадке возле постели.

Тело лежало передо мной. Обернутое в истлевший саван. Маленькое и скорченное.

Что теперь?

Я не спросил у Борроу, но как бы я смог? Где они? Прижаты к груди? Пожалуй, самое подходящее место. Я с надеждой поднес фонарь ближе к телу, где, по моему мне-

нию, должна была находиться грудь. Но руки были разведены, прогнившая кожа и бурые кости, и ничего больше, кроме размякшей ткани и лоснящейся слизи, похожей на гнилую мякоть плода, сорванного с ветки порывом ветра.

Что еще я ожидал увидеть? Гвиневеру? Тонкие кости и косу золотых волос, которые рассыпались бы в пыль при первом же прикосновении?

Глаза, которые когда-то, наверное, были зелеными, давно потухли; нижняя челюсть отпала; зубы покрылись черными дырами. Все почернело.

— Ты видишь их? — спросил Дадли.

— Фонарь гаснет. Света мало.

— Зато я что-то вижу. Кажется, бумаги у нее под... помоему, ее голова лежит на них, как на подушке.

— Уверен?

— Нет, но... надо поднять ей голову и посмотреть.

— Не могу понять, где голова.

— Может, лучше... вон там. Дай-ка я сам, если...

— Нет... не надо...

Я старался дышать равномерно. Вспомнил, как прозвучали тихие возгласы изумления, когда я вынул восковую куклу из гроба недалеко от набережной Темзы.

Доктор Ди, большой знаток таинств. *Боже...*

Я зажмурил глаза, словно это могло облегчить задачу. Однако это принесло мне воспоминания лишь ненадолго забытого образа и миг сладких мучений. Воспоминания о моментах, потерянных для меня с той грозовой ночи, и о реке ослепительно белого света. О восходе солнца в сердце и Нел Борроу в моих объятиях — колдун и ведьма, две родственные души.

Больше, чем любовь. Сердце обливалось кровью в моей груди.

— Джон, как ты там?..

— Сейчас.

Я погрузил обе руки в ее волосы, которые не рассыпались в пыль, но облипли вокруг пальцев, и влажная, гнилая кожа головы сползала склизкими лоскутами. И вдруг мои пальцы погрузились в отверстия, где когда-то сидели

ее глаза. Глаза, что видели в последний раз, как занимался день, пока шею не стянула веревка.

Если тощая, так может продержаться некоторое время.

С негромким, но отвратительным хрустом костей я приподнял ее голову. Тяжелее, чем вы могли бы подумать. Вся тяжесть смерти.

Глава 43

РИСУНКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Вернувшись в маленькую гостиную «Джорджа», мы плотно закрыли ставни на запотевших окнах. Затем заново развели огонь в камине, добавив к почти затухшим углям свежих поленьев, раздобыли и зажгли побольше свечей, пока, наконец, не создали вокруг себя светлое и теплое гнездышко. Но я долго не мог согреться, и меня по-прежнему трясло мелкой дрожью. Вот что значит, скажу я вам, душевный холод.

— Если бумаги сгнили... — Дадли стянул мокрые сапоги и поставил их у камина. — Я даже не смогу рассмеяться.

Руки у меня покраснелись, потрескались и покрылись множеством порезов и царапин. Я пытался размять их над огнем, когда с лестницы до нас донеслись шаги. На пороге появился Ковдрей. Сложив руки на животе, он остановился в дверях. Синеватые мешки под глазами выдавали его усталость.

— Мы не воры, хозяин, — сказал ему Дадли. — Разве что взяли у тебя охапку дров.

Ковдрей посмотрел на стол и отвел взгляд, ибо могильная грязь была повсюду вокруг стола. И на нас. От нас воняло могилой.

— Я видел, как вы уходили. Подумал, может, смогу вам чем-то помочь.

— Ты, что, никогда не спишь?

— Не сплю, если чувствую, что придется проснуться, мастер Робертс.

— Как можно быть в этом уверенным? — удивился Дадли. — Который теперь час, мастер Ковдрей?

— Четвертый. Я все равно встал бы через пару часов. Принести что-нибудь?

— Маленькая... маленькая кружка пива... была бы кстати. — Я не смог подавить волнение в голосе. — И немного покоя. Если не трудно.

— Думаю, он хотел сказать, что если заявится Кэрю, то не пускай этого ублюдка к нам, — добавил Дадли.

— Я принесу вам пива. А сэр Питер остановился в Медвеле.

— Вот как?

— Говорят, они с сэром Эдмундом уедут после утренней службы в Уэлс.

— На суд.

— Суд будет утром, — добавил Ковдрей. — В понедельник.

— Ковдрей...

Он повернулся ко мне. Хлопья подсохшей земли упали с моего рукава.

— Если вы видели, как мы уходили, то не заметили ли вы кого-либо за нами?

Дадли хмуро посмотрел на меня, но я проигнорировал его взгляд. Что должен был подумать Ковдрей, видя, на кого мы похожи?

— Нет, доктор, — ответил он. — Никого не было.

Перед уходом он мельком взглянул на то, что лежало у нас на столе. Предмет примерно в один фут длиной и шириной — дюймов девять, но не толще моего запястья. Зловонный и грязный.

— Он знает, кто мы такие, — сказал я. — Черт, он *знает*...

— Нет, — возразил Дадли. — Он только знает, что мы не те, за кого себя выдаем. Открывая бумаги.

Мы подвинули стол ближе к огню, и я склонился над кожаным свертком. Его со всех сторон запечатали воском.

Дадли держался на расстоянии.

— То, что ты ожидал увидеть?

— Не знаю, чего я ожидал.

Я вынул кинжал и принялся отковыривать воск. Перед возвращением в трактир мы положили камни на место, засыпали могилу землей, утрамбовали ее ногами как можно плотнее, и с помощью черенка лопаты вбили крест в грунт. Затем, несмотря на холод, страх и настойчивую необходимость поскорее уносить ноги, я просидел несколько минут у ручья на границе участка, смывая ледяной водой грязь с рук и лица.

— Если это чертова Библия... — ворчал Дадли.

Сняв печати, я медленно переворачивал листы.

— Это дневник, — ответил я. — В кожаном переплете.

Я сел и смотрел на него. На передней странице не было ни одной надписи. Листы побурели и пропитались сыростью, некоторые склеились вместе.

— Не сильно пострадал, Джон? Читаемо?

Я просунул лезвие между двумя страницами. Развернул. Взглянул на чернильные диаграммы и написанные каракулями пояснения к ним.

— Читаемо... надеюсь?

— Не спеши...

Присмотревшись поближе, я заметил, что некоторые записи были выскоблены, затушеваны и замазаны чернилами, будто в гневе. Я перевернул еще несколько листов — всего их было не более двадцати, часть страниц осталась пустой.

— Больше половины страниц занимают фрагменты карт. Некоторые расположены на двух страницах. А некоторые... — Я развернул книжку. — ...сделаны в другом масштабе.

— Только о чем это все говорит?

— Не имею... — Я поднял глаза. — ...ни малейшего представления.

— То есть умнейший человек в мире...

— Иногда на это уходят месяцы... даже годы.

— Но у тебя, конечно, *есть* это время.

— Погоди-ка...

Запись «Холм Михаила» нельзя было перепутать ни с чем.

Я заметил ее в правом верхнем углу страницы. И чуть дальше — «Аббатство».

Пододвинув ближе еще несколько свечей, я расставил их вокруг книги, будто в надежде на то, что сама их симметрия поможет истолковать смысл записей на страницах.

— Здесь план этой местности... какой-то ее части, во всяком случае.

— Карта сокровищ?

Я пожал плечами. Постепенно я разобрал названия мест: Гластонбери, прежде всего. Затем Меар. Стрелка указывала на Уэлс. На плане были обозначены холмы, дороги, река; волнистые линии явно подразумевали болото. В центре страницы была начертана окружность, внутри которой изображались фигурки — одни нарисованы грубо, другие выведены более тщательно. Символы — крест, колокол, маленький череп. Стрелка указывала на север.

Я присел и задумался. Дадли пристально смотрел на меня, будто ожидая начала объяснений, решения загадки.

У меня ломило руки. Мозг словно ооченел.

— Нарисовано рукой Леланда? — спросил Дадли.

— Похоже на его почерк. В моей библиотеке имеется несколько его рукописей. И я видел гораздо больше. Студентом писывал с них копии, когда изучал географию и картографию. И нам известно, что он работал с Кейт Борроу.

— Над планом этих мест? Как-то связано с его планом дорог?

— Здесь его путевые заметки.

Я снова медленно пролистал дневник. Слов было мало, и все — названия мест или топографические особенности: ручей, камень, живая изгородь, граница. И рисунки различных предметов.

— Работа не завершена. Только начальная стадия. Только скелет карты.

— Тогда почему Кейт Борроу так упорно ее изучала?

— Возможно, она тоже работала над составлением карты. Думала, что когда-нибудь он вернется.

— И потом он помешался рассудком?

— Перетрудился. Как говорят. Взвалил на себя неподъемную задачу составить карту всей Англии и описание ее топографии. Вникал в исторические подробности каждого холма и долины, каждой реки королевства... Его интересовало все, что можно отметить на карте. Он даже не представлял всей трудности своей задачи. И быстротечности человеческой жизни.

Я мог ему посочувствовать. Я и сам хорошо знал, что значит просыпаться среди ночи, в страхе осознавая краткость отведенного мне времени жизни и невозможность познания всего, что должно узнать. Неудивительно, что Леланд, как и я, тянулся к алхимии и астрологии в надежде, что помощь небес приведет нас к созданию эликсира.

— Может быть, он уже потихоньку сходил с ума, пока чертил свои карты, — предположил Дадли. — И уродовал их картинками для детей.

— Что?

— Разными зверушками.

Я недоуменно посмотрел на него.

— Ты издеваешься?

— Ладно, что видишь там ты? Смотри. — Дадли склонился к карте и начал водить по ней пальцем. — Вот пес... и птица с хвостом, как у павлина.

— Робби, — ответил я. — Лучше принеси пиво.

Леланд. Образованнейший человек. И хорошо знакомый с магией карт. Необъятные просторы суши и моря в уменьшенном виде нанесены на бумагу так, что наш глаз видит их будто бы с высоты. Как и я, Леланд изучал работы Платона и Пифагора, и, кроме того, труды Гермеса Трисмегиста Египетского.

Образованнейший человек. Доведенный знанием до помутнения разума.

Дадли вышел из комнаты и зашагал по коридору к пивному залу, оставив меня снова и снова перелистывать стра-

ницы в иступленном молчании. Наклонив книгу, я едва не подпалил тонкую бумагу в свечном пламени.

Потом обнаружил еще один рисунок, где был обозначен дьявольский холм. На сей раз один из его склонов был жирно выделен чернилами, являясь частью гораздо большего изображения, принятого Дадли за птицу с павлиньим хвостом. Внутри рисунка тонкими линиями были выведены границы полей.

Возможно, будь я сейчас дома, я разобрался бы в этом с помощью тех работ Леланда, которые хранились в моей домашней библиотеке. Либо, в конце концов, понял, что все это не представляет никакой важности. Бессмысленные каракули сумасшедшего, винившего себя в падении разоренного Кромвелем Гластонбери.

Дадли поставил на стол кувшинчик пива и пару кружек — две превосходные оловянные кружки, как я заметил. Такую честь нам оказали впервые.

— Может, будет проще понять, если вырвать листы и сложить их вместе?.. — предложил Дадли. — Хотя бы какой-то шанс.

— Если бы он захотел, он так бы и сделал, — возразил я. На самом же деле мне просто ужасно не хотелось испортить книгу. — Мне нужно время, Робби.

— У тебя нет времени. — Дадли опустошил свою кружку и, позевывая, потянулся. — Не понимаю. Не считаю себя идиотом, но просто не понимаю, как можно стоять на земле и наносить на карту холмы и реки, как будто ты птица и видишь их сверху.

— Это длительный и трудный процесс, Робби. Приходится много ходить по земле... Ты едва оправился от болезни. Тебе нужен покой. Почему бы тебе не вздремнуть до рассвета?

Дадли взглянул на меня сверху кривой улыбкой.

— Не значит ли это, что ты хочешь остаться наедине?

— Кто сказал, что я не научил тебя ничему полезному? Я засмеялся. Должно быть, смехом отчаяния.

Разочарование в бумагах, которые мы нашли, должно быть, выразилось у меня на лице.

Когда я проснулся, два часа спустя, лежа головой на руке поверх стола, три сальных свечи расплавились в зловонную жижу. Меня тошнило от самого себя. Поленья в камине истлели в уголь и пепел, и я вновь вспомнил о Нел. Еще один день в подземелье Уэлса, и она предстанет перед беспощадным судьей и самодовольными, благочестивыми присяжными заседателями из черни.

Моя одежда высохла и задубела от грязи. С первым светом бледной зари я вышел до ветру во двор. Стоял и слушал щебет утренних птиц и гулкие распоряжения Ковдрея, которые тот раздавал служанкам. С другой стороны двора осел добродушно наблюдал за мной у входа в конюшни.

Луна еще не скрылась из виду, и кое-где догорали последние звезды — остаток моего ночного сада.

Моего сада.

Джон Ди... величайший из всех искателей приключений... человек глубочайших познаний и эрудиции... ее Мерлин.

Какой же я был болван. Ничего не достиг, не продвинулся ни на йоту. Всего-навсего неудачливый собиратель костей.

Глава 44

БЛУДНИЦА

Хорошенько очистив себя от грязи, я надел запасной дублет поверх старой, мятой рубахи и потащился в церковь. Дадли еще не выходил из своей комнаты, поэтому я пошел один: доктор Ди, знаток сокровенного, отдался на милость Господа Бога, чьи помыслы он самонадеянно дерзнул разгадать. Доктор Ди, томимый любовью, убитый горем, запятнанный грехом, в тщетной надежде на правосудие.

Утреннее небо скоро стало зловещим: едва тонкая полоса восхода успела показаться над гребнем длинного холма,

как пелена густых облаков накрыла Гластонбери от горизонта до горизонта.

В церкви викарий страдал прихожан близящимся концом света. Боже милостивый, чего же я ожидал: утешения, твердости духа и непоколебимой надежды на спасение?

Из двух городских церквей я выбрал ту, что поменьше, — Святого Бениния. Файк с Кэрю, должно быть, отправились в церковь Иоанна Крестителя, сооружение более впечатляющего вида, и мне не хотелось повстречаться с ними.

Крестьяне и их домочадцы с окрестных холмов заполнили церковь до отказа. Я стоял в заднем ряду, в самом темном углу.

В сущности, как в крошечной тьме ада. Алтарь без свечей; проповедь без причастия; ничего, что напоминало бы мессу; и ни малейшего намека на таинство. И в речи дородного валлийца-викария я слышал что-то знакомое: наставления Абея Медоуза.

— Ибо предсказано: в конце дней ангелы света и тьмы сойдутся в великой битве, и поле той битвы будет душа человека — ваши души, дети мои, наши души. В каждом из нас... *в каждом из нас* будет идти эта последняя битва. Готовы ли вы вернуть себя, тело свое и душу свою Господу нашему?

Тяжело дыша, викарий наклонился через кафедру и окинул взглядом свою паству. Я видел, как бледнели мужчины. Видел, как женщина отчаянно выкручивала себе руки. Я чувствовал, как воздух наполняется холодным страхом.

— Или отторгнете душу свою? Подобно тем, кто уже отдал ее, не подозревая об этом, вложив свою веру в амулеты и талисманы. И раскрыл рот, чтобы напиться зелья из ведьмино котла... *Чтобы глотать сироп Сатаны...*

Я в гневе прижался к стене, веря, что аббат Бир, просветитель, построивший эту церковь, возненавидел бы разжиревшего пастора, когда бы услышал такое.

— И говорит Исая: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы».

Викарий приподнялся над кафедрой, грозя пальцем.

— Скоро, говорю вам, мы очистим и себя, и наш некогда святой град от греха, неверия и *ложной веры*... прежде чем то, что предсказано в Писании, не стало явью. Тех же, кто не покаются, пусть поглотит вечный мрак!

Послышалось шарканье ног — в обмороке упала женщина. И тут я заметил Мэтью Борроу — он, несомненно, пришел на службу лишь для того, чтобы не платить двенадцать пенсов штрафа. Протискиваясь сквозь толпу, доктор спешил на помощь упавшей женщине. Его пустой взгляд не выражал никаких чувств. И мне стало ужасно стыдно за то, что мы напрасно осквернили могилу его несчастной жены. Отныне я постараюсь избегать встреч с ним.

— Глас божий прозвучал громом! — надрывался викарий. — Да, Господь разверзнул ночь силой речей своих, повелевая нам искоренить зло до конца дней. Так не должно нам отвращать уши свои от Его воли, ибо Господь наш... — Палец плавно начертил линию от лица к лицу. — Господь всемогущий узнает правду. И я говорю вам: спасите души свои, пока не поздно!

Из церкви я вышел первым.

Монгер, одетый в простую изношенную сутану, догнал меня у церковных ворот. И сразу перешел к сути.

— Читает по евангелию от Файка. Файк хочет, чтобы побольше народу видело казнь Нел, и хочет подогреть инстинкты толпы. Только смерть...

— Как же смогут эти люди обратиться против нее? Люди, которых она лечила?

— Кто? Люди, которые приписывают свое выздоровление милости божьей? Напуганные тем, что к ним прикасалась рука Сатаны? Ведьма, порожденная ведьмой, пряталась среди них все это время. Не слышите, что они теперь говорят? «О, как же не разглядели мы, кто она? Как могли

позволить ввести себя в заблуждение ее добрым нравом? » Те, кого она вылечила, теперь боятся, что их исцелило колдовство лгуньи.

Хотя, по правде сказать, в заблуждение их вводил человек, который, по моему разумению, едва ли годился в священники.

— А женщина, которая упала там в обморок? — продолжал Монгер. — Знаете, почему? Я отвечу. Нел вылечила ей воспаленное горло, но женщина теперь убеждена, что у нее изменился голос, охрип, будто демон говорит за нее. Понимаете? Ай... хватит об этом. Говорят, Нел не желает вас видеть.

Когда я подтвердил слухи, Монгер втянул губы и отвел меня в конец улицы, откуда зеленый луг спускался к серой прозрачной реке.

— Смысл ее отказа не совсем мне понятен, доктор Джон. Мне казалось, вы с ней нашли... общий язык.

— Мне тоже, — ответил я. — Джо...

Он отвернулся в сторону. Начинался дождь.

— Все повторяется, — сказал он. — Какой-то злой рок. Ее будто преследует родовое проклятье.

— Верно.

— Может быть, в Уэльс съездить мне? Хотя, раз она не желает видеть ни отца, ни вас, то каковы шансы никчемного кузнеца? Вы по-прежнему готовы защищать ее перед судом? Даже без ее согласия?

— Вряд ли это понравится, но я готов попытаться.

— Под вашим подлинным именем?

— В этом, — ответил я, — как раз главная трудность. — Но теперь у меня появилась еще одна. — Джо... нужна ваша помощь. Над чем работала Кейт Борроу перед арестом?

— Не знаю, у нее было много дел. Ее работа была для нее всем.

— Например?

— Давняя мечта Кейт и Мэтью найти средство для лечения овечьей чумы или причину болезни. Потратили на это много лет.

— Меня больше интересует что-нибудь, связанное с топографией. Она ведь работала вместе с Леландом?

Отвернув лицо, Монгер побрел к реке. Сначала я подумал, что он отвернулся от дождя, но потом понял, что холодные струи хлещут ему прямо в лицо. Кузнец прятал глаза от меня. Я догнал его.

— Это важно. Кейт Борроу владела чем-то — или что-то знала, — что нужно Файку. Нечто такое, над чем она работала вместе с Леландом.

— Лучше спросить у Мэтью.

— Спрашивал. Леланд оставил ей какие-то бумаги. Мэтью положил их в могилу вместе с женой, потому что она очень не хотела, чтобы бумаги оказались в руках Файка.

— Похоже, это очень личное дело. Я ничего об этом не знаю.

— Чего хотел антиквар от травницы?

Монгер так быстро зашагал к берегу, что мне показалось даже, будто он сейчас войдет в воду.

— Это как-то связано с картами, — сказал я.

Кузнец остановился у самой воды и уставился на реку, словно в надежде разглядеть там тень Эскалибура, меча Артура. Сэр Бедивер, если помните, бросил клинок в воду.

— Леланд обращался ко всем нам. Ко всем, кто жил раньше в аббатстве и еще оставался в городе. Спрашивал, какую тайну не выдал аббат даже под пыткой, за что и преу терпел мучительную смерть.

— И что вы ему рассказали?

— Ничего. Мы ничего не знали. Те, кто могли что-нибудь знать, давно отсюда ушли.

— Куда?

— Кто куда. Одни подались в Бристоль, Лондон... даже во Францию, самые преданные. Там их никто не будет тревожить. Но кто-то, должно быть, рассказал Леланду о том, что Кейт проводила с аббатом много времени.

— Так произошло знакомство Леланда с Кейт?

— Нет... они познакомились раньше. Когда он приезжал сюда составлять опись древностей. Кажется, он повернул ногу, и тогда Кейт или Мэтью лечили его. А в сорок

пятом он вернулся совсем другим человеком. Он был одержим. Думаю, всем тут надоел.

Как сейчас вижу его выбритое лицо, скуластое, словно римская статуя. Помню, как он кричал: «Вы не понимаете, теперь я принадлежу самому себе».

И вдруг меня осенило: Леланд пытался уверить Кейт в том, что он больше не служит трону и все, что она расскажет ему, останется между ними.

— Вы сказали, что он был одержим...

— Я имел в виду, что его пленил этот город и его тайны.

Я вспомнил, что рассказывала мне Нел о впечатлениях своего отца: в первый раз Леланд приезжал, чтобы забрать сокровища, и во второй — забрать самую землю. Возможно, это было связано лишь с описанием топографических особенностей местности, хотя, зная об интересе Леланда к сокровенному...

— Тайна, которую, по мнению Леланда, хранили монахи... могла ли Кейт, по-вашему, знать ее?

— Трудно сказать. Несомненно лишь то, что Кейт состояла в более близких отношениях с аббатом, чем любой из живущих за пределами монастыря. Даже среди нас, монахов, мало кто был так близок с ним, как она. — Кузнец стер рукавом капли дождя со лба, а вместе с ними, возможно, и проступивший от волнения пот. — Мне надо идти, доктор Джон. По воскресеньям я навещаю мамушку.

— Джо... чего вы недоговариваете?

— Ничего такого, что могло бы помочь. Я говорю все, что мне известно.

Кузнец развернулся, чтобы уйти, и, хотя я знал его только короткое время, мне стало ясно, что он не похож на самого себя. Я не двинулся с места. Пройдя десять шагов, Монгер остановился и повернулся ко мне. Поборов нерешительность, он все-таки крикнул:

— Поговорите с Джоан. Последняя лачуга слева, в верхнем городе, за кабаком.

Затем он развернулся, накинул на голову капюшон сутаны и, сделав пару нетвердых шагов, почти побежал к го-

роду сквозь проливной дождь. От прежнего хладнокровия не осталось следа.

Почему?

Жилище Джоан Тирр, построенное из плохо подогнанных друг к другу бревен и булыжника, похоже, совсем недавно служило конюшней или овчарней. Спереди зияли два пустых дверных проема, в соломе ковырялись тощие куры. Внутри еще одна дверь, залатанная комками грязной овечьей шерсти, вела в комнату, где жила Джоан Тирр.

— Шиллинг? — сказала она. — Сегодня ведь воскресенье, и обычно я не работаю. Как вам мое предложение, господин лондонец?

И Джоан благоговейно принялась доставать из стеной ниши над печкой свой кристальный шар. Не знаю, как удалось женщине с таким скромным достатком обзавестись подобной вещью. Маленький, но хорошего качества, кристалл был почти таким же прозрачным, как мой. Я попытался объяснить, что сегодня побеспокоил ее не ради гаданий.

— Тогда шесть пенсов?

— Миссис Тирр...

Вынув из кармана шиллинг, я положил его на перевернутую кормушку для скота, превращенную в стол. Комната Джоан оказалась чище, чем я ожидал. Над коптящим огнем висел железный котелок, и крепкий аромат тушеного мяса наполнял воздух.

— Ага-а-а... — Джоан раскрыла рот широкой, беззубой улыбкой. Затем, поставив кристалл, она размотала платок и раздвинула на груди ворот старого платья. — Вот чего вы...

— *Нет!*.. Я только... только хотел поговорить с вами.

— Поговорить?

— Поговорить.

Джоан снова закопалась поглубже в овчину, положенную поверх лавки. Бледный свет падал на нее через щели в ставнях и дымовое отверстие между стропил.

— Беспокойтесь о женщине? Вижу... сильная печаль за-
села в вашей душе. Вы очень взволнованы. *Очень*. Верно?

— Да.

— Это женщина, сомнений нет. И она живет здесь. Это
так же верно, как то, что я еще жива.

— Миссис Тирр, не знаю, что вы слышали...

Джоан снова укутала костлявые плечи платком, попра-
вила глазную повязку и взглянула на меня сквозь дым.

— Джо Монгер говорит, будто вы намерены защищать
Нел в суде?

— Сделаю все, что в моих силах... — Я проглотил слюну.

— Вы хороший человек, — ответила Джоан. — Я это
чувствую. Честный. Если б только побольше людей знало,
какой вы есть. Но ведь хуже всего... — Она заглянула
в дым и легонько кивнула. — Хуже всего, что они никогда
не узнают, большинство из них. — Она взяла шиллинг
и довольно скрестила на груди руки. — Ладно, парень,
спрашивай, что хотел узнать?

— Расскажите мне об эльфах, — вдруг попросил я.

Не знаю, как родился этот вопрос. Но порой внутреннее
чутье показывает нам верный путь.

Глава 45

ГЛАЗ

Эльфы были настолько же реальны, насколько реальны
люди на улице. Насколько реальной была ее семья. Даже
ближе. Она слышала их с давних пор... быть может, с тех
времен, когда впервые проступила кровь зрелости. Слы-
шала голоса эльфов.

— Какие именно голоса? — спросил я.

Джоан съежилась, словно птичка на ветке в зимнюю
стужу.

— Голоса мужчин, женщин. Велели мне выполнять раз-
ные поручения... чтобы заставить поволноваться мою
мать. Вот что они делают, эти эльфы — проверяют тебя, ис-
пытывают твои силы. Примерно тогда все и началось.

Я узнала разное... — Она подалась вперед, пахнув на меня ароматом мяты. — Чего мне не следовало знать. О прошлом людей.

Джоан рассказывала об этом с наслаждением. И мне пришла в голову мысль — хотя я и оказался неправ, — что до меня никто не задавал ей таких вопросов. Она подошла к котелку, помешала свою стряпню длинной деревянной ложкой, попробовала кушанье на вкус и, довольная, вернулась назад. Бурая струйка варева мерцала на ее подбородке, отражая слабые отблески огня.

— Мамаша вышвырнула меня из дома! — продолжила она с гордым видом. — Сказала, я слишком много знаю.

— От того, что вы рассказывали ей? Рассказывали ей то, что вам говорили эльфы?

— То, что я знала сама. — Джоан придвинулась ближе ко мне и теперь буравила меня своим зрячим глазом, пока я не отвел взгляд. — Просто я говорила, что это эльфы. Понимаете? Так было лучше всего. Всегда говори, что это сказали эльфы, и тогда никто не станет тебя обвинять.

— Но узнавали вы...

— Тьфу ты! Я была совсем еще юной. Я и самой себе говорила, что это эльфы. Так проще. Только это не так, господин лондонец. В итоге для меня все кончилось плохо. Катишь бочку на эльфов, эльфам это не нравится... и потом ты по уши в дерьме.

Ей пришлось туго, когда она оказалась перед церковным судом в Тонтоне. Ей припомнили все. Что сулят эльфы, если отдаешься им в рабство? Как они могут лишить тебя зрения? Когда же она созналась во всем перед Богом и ее отпустили, люди стали бояться ее. На улице показывали на нее пальцем. Гадили ей под дверь. Подкидывалидохлых крыс.

Отныне к ней шли только дурные люди, желавшие в надежде на отмщение за какую-нибудь мелкую обиду, чтобы эльфы причинили вред обидчику. Пару раз Джоан так сильно нуждалась, что взяла деньги. И потом, если кто-нибудь умирал по неизвестной причине, люди винили ее.

И все это время голоса оставались в ней, говорили в ее голове, будили ее по ночам... и, как и предупреждали в церковном суде, ее зрение стало слабеть, а потом один глаз эльфы забрали себе.

Джоан приподняла повязку. На месте глаза осталось лишь углубление, затянутое сросшейся сморщенной кожей.

— Так и не дали мне никакого покоя. Все кричали: «Сделай это! Сделай!» Заставляли меня идти в лес, к эльфийскому холму, а там на вершине... острой палкой. Я так и сделала! А-а-ах! — Схватив костлявый кулак другой рукой, Джоан ударила себя в поврежденный глаз.

— Боже!

— Пришлось уйти, господин лондонец. Ночью собрала пожитки, какие поместились в старом платке, и пошла.

Вот что случилось с Джоан Тирр перед ее бегством в Гластонбери, где, по выражению Джо Монгера, терпимее относились к мистике. Она подалась в город, где дружба с эльфами обеспечивала теплый прием в некоторых домах.

Конечно, даже в Гластонбери эту хрупкую женщину, соорудившую ветхий шалаш на вершине дьявольского холма, по-прежнему считали немного сумасшедшей. Отличие в том, что местные жители, которые с детских лет жили бок о бок с разного рода безумствами, хотя бы находили ее безвредной. Особенно Кейт Борроу, которая пригрела ее в своем доме, а потом устроила прислуживать одной старухе. Вскоре старуха умерла, оставив Джоан немного денег, и той некоторое время удавалось сводить концы с концами, не прибегая к помощи своих дарований.

Но когда деньги закончились, Джоан, по-прежнему вдохновляемая голосами, снова обратилась к волшебству. И к дьявольскому холму, в недрах которого обитал король эльфов. А когда однажды узнала о порошке видений, она вернулась к Кейт Борроу, о чем уже рассказывал мне Джо Монгер.

— А за чем же еще я, по-вашему, пришла сюда, раз сам владыка Гвин призвал меня?

Хихикнув, Джоан подскочила во второй раз, чтобы снять пробу с похлебки. Когда она вернулась на место, я не стал торопить ее. Часто случается так, что необыкновенные таланты обнаруживаются у людей, отторгнутых обществом. Во времена учебы в Кембридже один из моих учителей отвел меня в хижину на болотах, где жил диковатый старик, про которого сказывали, будто он умеет вызывать духа Хереварда¹ и говорить его голосом по-старосаксонски. В лачуге старика стояла невыносимая вонь, а сам ее обитатель явно подвинулся разумом... Тем не менее я слышал, как он говорит молодым голосом, и достаточно понимал по-англосаксонски, чтобы перевести слова сказания о вылазках против захватчиков-норманнов.

Но я еще должен был узнать, что случилось на дьявольском холме в ночь накануне Дня всех святых.

— Что там произошло? Вы можете рассказать мне?

— Не знаю. — Единственный глаз Джоан покосился в сторону под странным углом. — Не знаю.

— Джо Монгер говорил обо мне... так?

Вы хороший человек. Я это вижу.

— Ничего не произошло, мастер, — ответила Джоан. — Понимаете? Ничего.

Я сделал вторую попытку.

— Тот фермер... Моулдер? Во время суда над Кейт он заявил, что вы были на луну. Что-то в таком роде. Но потом Кейт сказала, что была там одна, и Моулдер предположил, что в таком случае, вероятно, он видел духов.

— Там были я и она, и все, — ответила Джоан. — И ни на кого мы не были. Мы вели себя тихо. Как покойники. Она просто показывала мне, как надо сидеть.

— А зелье?

— Какое зелье, мастер?

— Из порошка видений.

¹ Херевард (р. ок. 1035) — лидер народного англосаксонского сопротивления в период нормандского завоевания Англии.

— Она не дала его мне. Понимаете это? — Глаз Джоан метался по комнате. — Я никогда не пила его.

— Тогда что же?..

— Сидели и говорили. Разговаривали до рассвета. В жизни ни с кем не говорила лучше, чем в ту ночь.

— О чем?

— Об эльфах. О голосах. Она сказала, что голоса — никакие не эльфы. Голоса — это просто голоса. Сказала, что лорд Гвин и ему подобные не склонны общаться с такими, как я. Сказала, что если мне хочется с кем-то поговорить, то надо говорить с Мерлином, который занимался магией всю свою жизнь.

— И что вы об этом думаете?

— Не знаю, что и думать. Там, наверху, у старой башни, было очень тихо... День всех святых. Миссис Кейт помогла мне усесться. Сказала, что на небе взошли все звезды, но я не видела их. Мой глаз к тому времени почти ослеп. Я и на холм-то поднялась, держась за руку миссис Кейт, не могла даже разглядеть тропинку. Но мы просто сидели там, и она рассказывала мне о том, что видел лорд Мерлин — людей и зверей из звезд.

— Зверей?.. Ах да, созвездия.

— Кого?

— Неважно. Что было дальше?

— Она рассказывала про них, а я видела их в уме. Старые голоса... я еще слышала голоса, только теперь они звучали где-то далеко-далеко. И мне так спокойно стало. Помню только, что потом поднималась заря, и помню туман, большой белый туман — густой туман, если хотите, — везде вокруг холма. Смотришь вниз, и там все белым-бело, как будто мы стоим...

— На острове? Именно так и было.

Я был с ней, боже мой, я был там.

— Только небо над нами яркое, как золото. Я видела его сквозь слезы. О, как я рыдала, господин лондонец. Слезы так и лились из моего единственного глаза, как из Кровяного источника в половодье. Никогда так не рыдала, даже в детстве, а миссис Кейт обняла меня, и я так вся и растая-

ла, прямо раскололась на части. А потом она говорит: смотри... смотри, Джоан.

Она привстала с лавки и взглянула на огонь под котелком.

— Туман начал рассеиваться, а миссис Кейт все говорит: «Гляди, Джоан, вон Рыбы, а вон там Орел. *Увидь эти звезды*».

— Глядя вниз? — Картина разворачивалась передо мной, словно громадное колесо мельницы, перемалывая мозг жерновками. — И вы видели? Видели их, Джоан?

Джоан Тирр подняла глаза к потолку, где дым очага выходил спиралью в отверстие в крыше.

— Нет, мастер, — ответила она. — Зато стала видеть много других вещей.

Я едва сдерживал себя от того, чтобы не пуститься со всех ног назад, в трактир «Джордж», чтобы еще раз взглянуть на дневник Леланда.

Вот пес... и птица с павлиньим хвостом.

Да, и даже рыцари. Бог мой!

— Что это там? — Джоан вновь подскочила, метнулась к двери и резко открыла ее. — Вон! Убирайся отсюда, чертов ублюдок!

Я тоже поднялся и подошел к двери. Снаружи, посреди бывшего стойла, стоял Бенлоу. Джоан запустила чем-то ему в лицо, и Бенлоу прикрылся рукой. Куры в панике бросились врассыпную.

— Опять шпионишь за мной! — вопила Джоан. — Чертов говноед. Убирайся!

Бенлоу попятился к выходу, но задержался у пустого дверного проема, смахивая пучки грязной соломы со своего зеленого с желтыми прорезями дублета.

— Жду, когда вы снова навестите меня, милорд. Я могу помочь вам, поверьте. Могу помочь вам найти то, что вам нужно.

— Этот ублюдок — лживый болтун, — сказала Джоан. — Вам нельзя иметь с ним никаких дел.

— Я могу помочь вам, — прохрипел Бенлоу. — Я знаю, кто вы, и могу помочь.

— Вон! Убирайся из моего дома, вонючая задница!

Я почувствовал дуновение воздуха и увидел, что Джоан схватила ржавый серп. Замахнувшись, она бросилась к Бенлоу, и тот юркнул в дверной проем.

— Поверьте, милорд. Приходите.

Когда Бенлоу ушел, Джоан повернулась ко мне, сжимая серп в руке у груди.

— Держитесь от него подальше, мастер. Если в этом городе есть еще кто-нибудь более недостойный, чем я, так это он. Вонючий ублюдок. Держитесь от него подальше.

— Постараюсь, — ответил я.

Напрасно. Но как бы я мог знать об этом тогда, охваченный огнем прозрения?

Не выяснив всего, чего хотел, я подавил на время волнение.

— Кейт Борроу, — сказал я.

— Вернула мне глаз, вишь.

Я кивнул.

— Она и лорд Мерлин. Теперь этот глаз видит все. Он один лучше двух. — Джоан блеснула в полутьме зрячим глазом. — Эта женщина просто святая. Вернула мне глаз, но потеряла жизнь. Святая мученица!

— Но она никогда не давала вам порошка.

— А зачем? У нее была своя магия.

— Что сказал Мэтью Борроу?

— Доктор? Она просила ничего ему не рассказывать.

— Но ведь он все равно знал, раз был там. Или его с вами не было?

— Доктора не было.

— Но Джо Монгер говорил... Разве вы не втроем поднялись на вершину?

— Доктора с нами не было. Мы двое и лорд Мерлин.

— Миссис Тирр, — сказал я. — Что известно об этом Нел? Она знает, что вам не давали порошка видений? Она знала об этом с самого начала?

— Миссис Кейт просила никому не рассказывать. Так я и молчала. Пока не поднялась буря и я не поняла, что все изменилось.

— Буря? Которая была позапрошлой ночью?

— Она приходила ко мне.

— Нел... приходила?

Джоан Тирр приютит меня. Она живет в жалкой лачуге, но это лучше, чем подземелье.

Я-то думал, что Нел сразу отправилась домой к отцу, но Джоан сказала мне, что Нел пробыла у нее до самого рассвета.

— Как она вела себя? В каком настроении была?

— Настроение? О, она светилась от счастья. Все искали ее, но я видела ее такой счастливой только ребенком. Мы сидели и разговаривали часа два или больше...

— И вы рассказали ей о том, что произошло на холме?

— Она спросила, почему я не жду старого Гвина, и я рассказала ей о Мерлине и миссис Кейт. — Джоан рассмеялась. — Она подумала, что я имела в виду ее отца, когда сказала о Мерлине.

— И вы рассказали ей... о тайне Мерлина?

Она посмотрела на меня, склонив голову набок.

— О сокровище Мерлина, — пояснил я. — Об образе небес.

Джоан не понимала меня.

Я похлопал ее по плечу.

— Благодарю вас, — сказал я. — Спасибо, Джоан.

Она засветилась улыбкой.

— Все образуется, мастер! Не бойтесь.

— А?..

— Поздновато, но вы еще наверстаете упущенное. Вы женитесь... — Джоан начала считать на пальцах. — Один... два... *трижды?* Бог мой, три раза! И третий — слушайте меня — третий брак будет *самым счастливым*. И знаете еще кое-что? — Она наклонилась вперед, единственный глаз, казалось, собрал весь свет в комнате. — Она просто еще не родилась. Не родилась! Нежная юная плоть... Подумайте об этом, господин лондонец.

Глава 46

ОБРАЗ НЕБА

Море светилось вдали холодным металлическим блестящим брошенного на поле битвы нагрудника, и вся земля... изменилось ли все навсегда?

А я?

Я не спал больше суток, не ел даже церковных просфирей. И теперь передо мной разворачивалось нечто такое, во что я едва мог поверить. Какая-то мистика. Или иллюзия. Или же я приблизился к поворотному моменту в своей жизни.

Мы с Дадли стояли на вершине дьявольского холма. Я чувствовал, что Файк видит нас, но мне было решительно все равно.

— Я вижу Рыб, — сказал Дадли. — Я вижу Рыб? Потом Орел... в книжке это заметнее.

— Его еще называют Фениксом, который в некотором роде представляет созвездие Водолея. Следуй линиям холмов, их изгибаю. Не столько водолей, сколько судно.

Дадли не видел его. Да, по правде сказать, не видел и я, хотя открытие обжигало мне душу. Чтобы установить истину, нам надо было бы подняться выше, намного выше. Воспарить, как орлы.

Я лечу.

Возвращайся, позвала она.

Образ небес. Я видел его, когда, сотканный из эфира, брел по своему ночному саду, лаская звезды руками. В те мгновения мне казалось, что я почти угадал Его замыслы. Так ли это? Случилось ли это на самом деле, или то были только лживые воспоминания?

— Джон?

— Извини, — ответил я.

Среди людей его положения едва ли нашлись бы такие, кто смог бы справиться с этой мудреной наукой лучше, чем Дадли. И все же я страстно желал, чтобы рядом со мною сейчас была она. Та, которая встречалась в грозную

ночь с Джоан Тирр и, услышав ее рассказ, все поняла, соединила звенья цепи. И затем, пренебрегая опасностями, на рассвете помчалась к отцу, чтобы спросить, что известно ему о великой тайне... Его, Мэтью Борроу, безбожника и прагматика, который, если что-то и знал о тайне, то придал ей так мало значения, что похоронил ее вместе с женой, посчитав эту тайну много опаснее, чем она в действительности была. Тайна Мерлина. Ушла в могилу.

Но теперь ее снова извлекли на свет.

Мы присели на краю небольшой плоской вершины холма, где, быть может, сидели Джоан Тирр и Кейт Борроу. Во мне все бурлило. Будь я настоящим волшебником, так мог бы вызвать дух безумного Джона Леланда и пригласить его побыть с нами. По крайней мере, у меня имелся его дневник. Теперь я хотя бы знал его помыслы.

И я завел разговор об Артуре, который, как рассказывали, являлся потомком Брута Троянского, первого британского короля. Леланд страстно увлекался Артуром. Где бы он ни бывал, составляя описания дорог и земель, он повсеместно обнаруживал новые следы своего кумира. Помнится, даже утверждал, что земляные работы вокруг холма Кэдбери, что стоит неподалеку отсюда, якобы дали бесспорные доказательства, будто это место и есть артуровский Камелот.

— Теперь, значит, ясно, почему он провел столько времени в Сомерсетшире, — сказал я, — и почему вернулся сюда после падения аббатства. Только ради *Артура*.

— Или ради его костей?

— Все не так уж и прозаично. Этот город символизирует волшебство Артура. Как раз сюда феи пригнали его ладью, и тут он должен был либо умереть, либо уснуть, чтобы снова проснуться, когда стране понадобится его помощь. А здесь — где мы сейчас сидим — жил его чародей. Мерлин. Который появился раньше и подарил ему круглый стол. Начинаешь теперь понимать?

— Честно говоря, — ответил Дадли, — несколько.

— Нел Борроу рассказывала, что ее мать ничего не знала о Святом Граале, однако слышала, будто какие-то останки Круглого стола Артура еще хранятся где-то здесь. Естественно, это должно иметь прямое отношение к местным преданиям, поскольку Бенлоу-костолоуб уже предлагал мне купить кусочек стола.

Я протянул руку к голой земле, соскреб немного и выставил ее на открытой ладони.

— На деле вот это и есть частица стола.

Достав книгу в кожаном переплете, я раскрыл ее и повернул таким образом, что рисунок, поначалу принятый за змею, теперь больше походил на лебедя с раскрытым клювом.

— Все это звездные знаки, символы зодиака — Рыбы, Водолей, Весы... Я смог бы начертить их даже во сне. Да, здесь они выглядят иначе — нынешние астрономы изображают их по-другому. Потому мне и понадобилось столько времени, чтобы во всем разобраться. Эти рисунки, возможно, представляют собой гораздо более древние версии.

— На земле?

— Знаки зодиака, созданные на земле... гигантские знаки, расположенные по кругу, который имеет в поперечнике миль десять, а то и больше. Их воссоздали с учетом природных особенностей окружающей местности — формы холмов и течения рек, линий дорог... полей... живых изгородей. Это и есть великая тайна Гластонбери, переданная друидом Мерлином и оберегаемая монахами.

— Но кем же?..

— Я не знаю. Древними людьми. Древними бриттами. Или теми, кто жил тут во времена Пифагора. Или еще раньше... когда Гермес Трисмегист ходил по земле. Самими творцами этой земли... быть может, с помощью самого космоса...

— Остановись, Джон, иначе тебя хватит удар.

— Извини. — Я сглотнул и, не вставая с колен, осторожно заглянул вниз, едва дыша. — Это... *зеркало неба*. Это место — самая священная на свете земля. Боже, как дивно!

— Если это верно, мой друг, — сказал Дадли. — Если она *здесь*. Просто не могу представить, как им удалось все это сделать. Если никто не может увидеть все эти знаки полностью даже с самой высокой точки...

— Но ты также не мог понять, — напомнил я, — как удастся одному человеку наносить на бумагу границы земель, очертания холмов, линии морских берегов... Дело в том, что если бы можно было увидеть из одной точки весь круг, то это не было бы тайной. Ее сила кроется в самом *осознании* ее существования... и ее влияния на разум. *Что вверху, то внизу*.

Разумеется, теперь, по прошествии многих столетий, все это не было столь очевидно, как прежде. Холмы выветрились, реки расширились, а некоторые совсем пересохла.

— Но ведь если бы дело коснулось изменения линий, образованных дорогами, — предположил Дадли, — или даже перемены направления рек и каналов... тогда слишком много людей непременно узнали бы о секрете, и тайна бы перестала быть тайной.

Я покачал головой.

— Не совсем так. Кто владел этой землей или ее большей частью? Аббатство. Кто отдавал распоряжения по землеустройству? Решал, где проходить дорогам и как вести каналы для осушения заболоченных земель?.. Аббат. Крестьяне и строители выполняли его поручения.

— Так ты полагаешь, что это и есть та самая тайна, которую не раскрыл аббат Уайтинг?

Я только пожал плечами.

— Бог мой, — промолвил Дадли.

— Надо думать, эта же самая тайна и довела Леланда до безумства. Не свела ли она воедино две главные цели в жизни этого человека — составление карты всего государства...

— И Артура, — согласился Дадли. — Боже мой, Джон, на что мы наткнулись?

— Не наткнулись. Мы достали тайну из-под земли.

Я взглянул на книгу: грубые наброски — плод безумного разума? Я знал, что иду по тому же пути, что и Леланд, — по пути в сумасшедший дом.

— Давай рассуждать хронологически. Мы не знаем, чье это творенье, но следует предположить, что все это было тут в дохристианские времена.

— Значит, никакого аббатства...

— Наоборот, Робби, это объясняет *причину* появления монастыря. Если эта земля была чудом древнего мира, островом звезд, тогда история о пребывании здесь Христа получает обоснование. Здесь должна была находиться школа, в которой друиды давали знания.

— Мерлин?

— Именно Мерлин, кем бы он ни был. Но, по всей вероятности, он был друидом. Самым могущественным из всех. Он-то и открыл Артуру великую тайну небес... иными словами, *преподнес ему Круглый стол*.

— Но когда же здесь появился Артур, до или после Христа? Я хочу сказать, что у Мэлори...

— Мэлори писал сказки, но не историю. Не имеет значения, кто из них пришел раньше, зодиак удовлетворяет обеим версиям. Артур прибывает сюда, чтобы умереть в самой священной земле во всей Англии. Иисуса привозят сюда ребенком, чтобы он изучил таинства астрологии. Иосиф Аримафейский строит аббатство, чтобы оберегать и присматривать за великим зодиаком.

— Но потом аббатство разрушили...

— И наступило забвение. Если предположить, что тайна зодиака хранилась только аббатом и, может быть, еще одним или двумя монахами, которым он доверял, как себе самому... не теми ли двумя, которых казнили вместе с ним?

— Здесь. — Дадли оглянулся через плечо. — На этом самом месте, где мы сидим.

Я не мог не почувствовать предсмертные муки аббата Уайтинга. Его затащили сюда. Повесили. Затем, полумертвого, сняли с виселицы, чтобы четвертовать. Я посмо-

трел на Дадли, заметил, как напряглись мышцы его лица, и понял, что он думает не только об Уайтинге, но вспоминает и Мартина Литгоу. Оба они не обрели после смерти покоя.

— Думаю, можно допустить, — сказал я, — что Файк не входил в число монахов, которым доверили тайну. Однако, имея намерения стать следующим настоятелем монастыря, он наверняка знал о существовании тайны. И пошел бы на что угодно, лишь бы раскрыть ее.

— Чтобы самому владеть ею?

— Чтобы самому владеть ею.

Дадли поднялся, озирая сверху город под пурпурно-серой лентой заката. Все лежало перед нами, как на ладони, начиная от обглоданного падальщиками скелета руин, что некогда были аббатством, и заканчивая Рыбьим холмом, на склоне которого покоилась Кейт Борроу.

— Ты полагаешь, что Файк пытал Уайтинга?

— Или поручил делать это другим. — Я встал, подошел к Дадли и тоже посмотрел вниз. — Я отдал бы все, чтобы доказать это.

— Даже если бы ты и смог... прошло больше двадцати лет. То были тяжелые времена. Зверства творились ежедневно. И паписты были хуже. Я бы не стал долго оплакивать смерть паписта. Да и кто обвинит Файка теперь? Что ему предъявить?

— Это подмочило бы его репутацию, — ответил я.

— Он ведь тогда был простым монахом?

— И что? Он из богатой семьи. Не так уж и трудно снять благосклонность Томаса Кромвеля.

— Соблазнив его разговорами о тайне?

— Возможно, этого и не требовалось, — возразил я. — Кромвель искал доказательства измены Уайтинга. А кто бы мог подтасовать улики лучше монаха из аббатства?

Я мысленно вернулся к той ночи, когда Нел Борроу поделилась со мной подозрениями в том, что Файк предал своего аббата, и затем...

Он совершил больше, чем предательство.

— Похоже на то, — сказал я, — что Кромвеля вполне устраивали улики, которые свидетельствовали о том, что Уайтинг прятал драгоценную чашу и хранил бумаги, порочащие короля.

— Файк надеялся вывести более важную тайну и сохранить ее для себя?

— Ты бы не воспользовался таким шансом?

— Сомневаюсь, что стал бы ради этого пытаться старика.

— Он повесил ни в чем не повинную женщину, — сказал я, — и хочет повесить другую.

— А Литгоу? Литгоу тоже?..

— Кажется, я сказал достаточно.

Поворот ножа в свежей ране. И если бы понадобилось обвинение против Файка...

На несколько мгновений все смолкло. Даже вороны покинули башню. Дадли расслабил плечи, развернулся и посмотрел туда, куда должно было зайти незримое солнце, закрытое облаками.

— Здесь центр звездного круга?

— Нет. Пока я с этим не разобрался. Но я разберусь.

— Как, по-твоему, Леланд узнал об этом?

— Не знаю, — вздохнул я. — И вряд ли мы уже об этом узнаем. Но для своего времени он лучше других умел подмечать топографические особенности земли. Он постоянно находился в разъездах. Общался с различными людьми — дворянами, йоменами¹, крестьянами. И имел доступ ко всем книгам монастырской библиотеки.

Благоговейный трепет, припомнил я. Благоговейный трепет.

— И Нел, и кузнец Монгер утверждали, что Леланд встречался с бывшими монахами аббатства. По словам Монгера, те немногие, кто мог бы знать тайну, давно покинули эти края... однако Леланд, возможно, кого-то нашел. Он побывал во многих местах.

Но между тем Леланд непременно должен был переговаривать и с Кейт Борроу, которая была близким другом аб-

¹ Йомен — мелкий землевладелец в Англии.

бата Уайтинга. Вероятно, в расчете на то, что аббат, предчувствуя скорую смерть, поделился с Кейт, хотя бы частично, тайной зодиака.

Предположение не казалось таким уж невероятным.

Но что рассказала Леланду Кейт? Насколько я мог судить о ней, она никогда не предала бы доверие аббата.

— Джон...

— А?

— Кто-то идет.

Слышались голоса. Смех.

— Если это Файк, я... — Дадли был без оружия, но его рука машинально дернулась к тому месту, где обычно висел клинок, — ...не имел пока случая встретиться с ним.

— Не спеши. Еще не время. — Я огляделся в поисках наиболее подходящего пути для спуска. — Он спросит, зачем мы здесь. Но ведь мы не хотим подавать ему повод подозревать, что нам что-то известно. Пока мы не будем готовы.

Теперь стало ясно, что голоса приближались со стороны Медвела, поэтому я показал Дадли на общую тропу. Если бы мы продолжили спуск тем путем, нас бы заметили, так что нам следовало двигаться поперек склона холма. Но лучше было бы спрятаться вблизи вершины и подождать немного. В густеющих сумерках мы присели за торфяной кочкой, что некогда была частью запутанных земляных укреплений, и я услышал голос сэра Эдмунда Файка.

Затем пыхтение, напряженные вздохи. Мужчины вопреки чему-то на вершину холма? Догадка освежила во мне образ Уайтинга, распластанного на плетне. Неудивительно, что тень старика еще бродила по городу. И останется там навсегда.

Напрягая силы, мужчины переговаривались между собой. Обрывки их разговора долетали до меня.

— ...там?

— Слишком... в тени... от башни.

— ...там тени нет.

— ...будет видно.

Чьи-то шаги приближались к нам. Я прижался к земле, спрятав голову в траве. Дадли последовал моему примеру, но с явным неудовольствием: лорд Дадли склонял голову лишь перед единственной женщиной. Едва дыша, я поднял глаза и увидел в каких-нибудь пятнадцати шагах от себя блестящие кожаные сапоги.

— Ставь ее, — прозвучал голос над моей головой. — Ставь там!

Когда сапоги удалились, я рискнул приподнять голову и сквозь высокую траву увидел брата Стефания, сына Файка.

— Левее, — прокричал он. — Я сказал *левее*, болван!

На плоской площадке перед расколотой башней Святого Михаила двое мужчин поддерживали деревянные опоры виселицы.

Глава 47

МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Наконец я уснул. Не раздеваясь, опустил голову на руку поперек стола в своей комнате, и немного спустя прежний сон начался вновь. Я брел по холмам, следуя за перезвоном далеких колоколов. Только на этот раз мои шаги вычерчивали на земле замысловатый рисунок — магический знак, с помощью которого открываются двери к душе, и когда я взошел на дьявольский холм, все колокола загудели с его пустой башни. Только все они звонили теперь невпопад и так громко, что я рухнул на землю и, закрыв уши руками, катался по траве в жутких мучениях. Катался, пока не замер, не застыл в ступоре, в черной, Т-образной тени виселицы — и проснулся в муках самого страшного пробуждения.

Едкий запах талого сала ударил мне в нос. Роберт Дадли, со свечой на подносе, показался в дверях.

— Боже, Джон, да ты выглядишь как кусок собачьего дерьма недельной давности.

Подходя к окну, он произнес это жалобным тоном и открыл створку.

— Сколько ты спал?

— Пять... шесть?

Дадли вздохнул.

— Хочешь сказать, минут?

Книга с записями Леланда еще лежала у меня под рукой, залитая свечным салом.

— Хочу сказать, что должен хоть кто-нибудь во всем этом разобраться.

— И если кто-нибудь может, так это ты. — Дадли поморщил свой благородный нос от запаха погасших свечей. — Просыпайся, дружище... едем в Уэлс?

Одна мысль об этой поездке предвещала самый тяжелый день в моей жизни. Тяжелее тех долгих, томительных дней, когда меня доставили в Хэмптон-Корт дожидаться суда по обвинению в колдовстве. Хотелось бы знать, что чувствовал Дадли в то утро, когда судили его отца и конец был известен. Мы никогда не говорили об этом.

— Там внизу, на столе, хлеб и сыр, — сказал Дадли.

— Мне не до еды.

Прошлой ночью я спросил Ковдрея, не был ли кто-то еще повешен на вершине дьявольского холма в последние годы... вообще кто-нибудь. После аббата там не вешали никого, ответил мне Ковдрей. Всех остальных, включая и Кейт Борроу, вешали в Уэлсе. Потом он с грустью посмотрел на меня, но ничего не сказал. Однако и так было ясно, что появление виселицы на вершине холма, даже скрытое ночной мглой, не прошло незамеченным.

И как только я мог уснуть?

— Лошади тоже готовы, — добавил Дадли.

— Хорошо.

— Ты по-прежнему намерен?..

— Да. Боже мой, да.

Я тяжело поднялся, мысль о Уэлсе давила мне грудь, словно пушечное ядро. Книгу Леланда я взял с собой. Всю ночь я изучал ее записи, вникая во все, даже мельчайшие

подробности, чертил собственные карты, приложил все усилия, чтобы разобраться с этим. Качая отяжелевшей головой, я вспомнил, что добился успеха; правда, теперь он казался мне смехотворным.

— Эм, Робби... — сказал я, снимая прядь волос с утомленных глаз. — Судя по всему, я думаю, что смогу указать тебе место, где лежат кости Артура.

Мы выехали под моросющим дождем и серебристым небом, клубящимся, словно сваленные в кадушку угри. Казалось, темные силы уже покинули свою обитель. Путники на дороге почти не встречались в тот день. Помимо повозок с товаром, двигались группы всадников, разодетых, точно на ярмарку. Я не знал, кто они. Должно быть, торговцы шерстью и мелкие сквайры, для которых судебное заседание стало удобным поводом провести день в трактире.

В предрассветный час Гластонбери молчал. Дожидаясь, пока мальчишка Ковдрея выведет наших лошадей, я приметил Бенлоу. Он шел с улицы Святой Магдалины и явно намеревался подойти ко мне, как вдруг увидел Дадли и передумал. Я помчался за ним, догнал, схватил его за плечи и прижал к стене дома.

— Говоришь, что можешь помочь мне?

— О, я могу вам помочь, милорд, поверьте...

Бенлоу захихикал охрипшим голосом. Выглядел он неважно. Сильно вспотел. Возможно, в последние дни он сильно пил, но я не почувствовал запаха и отпустил его, развернул к себе лицом, чтобы поговорить.

— Прошу... едем с нами в Уэлс. Признайся в суде, что это ты дал кости, которые разбросали в саду Элеоноры Борроу.

— В суде? Перед самым сэром Эдмундом? Быть может, я болен, милорд, но не сошел с ума.

— Чего ты боишься?

Он покачал головой, и я сказал:

— Мы можем защитить тебя.

- Милорд, мне не выйти из Уэлса живым.
 - Значит... ты не можешь помочь мне.
 - Я могу рассказать вам, где найти мощи Артура. Могу помочь найти его кости.
 - Сомневаюсь, мастер Бенлоу.
 - Клянусь.
 - Можешь клясться, чем пожелаешь.
- Я разочарованно развернулся, и Бенлоу снова исчез в полумраке.

Впереди нас показались другие путники, и, когда мы почти поравнялись с ними, Дадли притормозил лошадь.

— Как собираешься действовать?

Битый час я размышлял над этим и не видел просвета.

— Хотелось бы посмотреть, кто будет выступать свидетелем. Понять, как можно их уличить во лжи. Кто, например, дает показания о костях, найденных в саду? Кто, в отсутствие Мэтью Борроу, выступит в качестве врача и даст описание увечий, причиненных Мартину Литгоу?

— Если бы тебя формально признали ее защитником, ты обо всем бы узнал, — ответил Дадли. — Но если она прилюдно откажется от твоей защиты? Ты об этом подумал? Если заявит, что ты ей не нужен?

— Будет защищаться сама? Запрещено. Она может только представить свидетелей.

— А если не отыщется ни одного свидетеля... в смысле, даже если она согласится на твою помощь, как тыстроишь защиту?

— Кажется, я уже достаточно знаю, чтобы уличить во лжи их свидетелей.

— Перед кем? Чтобы это сработало, тебе нужен беспристрастный судья, который прислушается к тебе. И беспристрастные присяжные заседатели.

— Это помогло бы.

Дадли натянул шляпу.

— Если не ошибаюсь, это Кэрю сказал: *здесь не Лондон*.

До Уэлса оставалось миль шесть. Говорили, что он совсем не похож на Гластонбери — свой кафедральный собор и обнесенный рвом дом епископа.

Когда город показался вдали, уже совсем рассвело. Или рассвело ровно настолько, насколько могло в такой хмурый день. Дадли остановил лошадь на краю мокрых полей, примерно в полумиле от города.

— По словам Кэрю, суд занимает половину дома перед рынком. Во второй половине помещается шерстяной склад.

— По крайней мере, там верно расставлены приоритеты.

— Да. Эмм... Джон... раз в нашем распоряжении имеет-ся немного времени для разговора, я...

— Хочешь узнать, где кости Артура?

— За ними мы сюда и приехали.

— Верно.

Нас окружала плоская равнина, голая, сырая земля, разрезанная канавами холодной воды. Мы спешили к обочины дороги, и я изложил выводы трех, может быть, четырех часов упорной работы.

— Они где-то в центре земного зодиака. Вчера ты предположил, что центром является дьявольский холм. Я не согласился с тобой — и оказался прав. Позднее я понял, насколько может быть важно установить, где находится центр круга. И поставил перед собою задачу разобраться с этим с помощью добытых нами карт.

— И что?

— Насколько можно судить, центр находится рядом или в самом селении Бутли. В котором ты, кажется, имел большой успех. На карте Леланда обозначен лесок. Нарисовано нечто вроде черепа.

— Дальше.

— Центр *небесного* зодиака — северная звезда. Ось, на которой вращается великое колесо. Место большого космического значения. Лежит в созвездии Ursa Minor.

Я обернулся на топот копыт. Двое всадников приближались к нам, и еще больше ехало следом за ними. Вроде, провожатые всадников и повозки.

— Малая Медведица, — задумался Дадли.

— Именно.

— И?

Заметив нас, всадники замедлили движение. И я узнал среди них седовласого головореза с переломанными зубами, который руководил арестом Нел Борроу и избиением ее отца, а позже рассуждал в трактире на тему повешения. Он ехал прямо на нас, и я быстро повернулся к Дадли.

— Как по-валлийски будет «медведь»?

— Откуда мне знать?

— Артур, — ответил я. — По-валлийски значит «медведь».

— *Боже.*

— Теперь понимаешь?

— В самом центре своего Круглого стола?

— Возможно.

— Какого черта...

— С дороги, — крикнул нам кривоzubый.

Дадли шагнул вперед.

— Я вижу здесь только обочину, *милейший.*

Кривоzubый свесился с лошади, будто собираясь ударить Дадли в лицо.

— Тогда не путайся под ногами.

Я заметил, что Дадли напрягся, правая рука привычно потянулась к левому бедру, где обычно находился эфес клинка. Но кривоzubый уже повернул лошадь и ускакал вперед, уводя за собой колонну всадников. Их было около дюжины — впереди, позади и по бокам повозки. На телеге лежала фигура, словно разбитая статуя.

Во мне словно обрушилась гора.

Повозка продолжала катиться, и я пошел следом за ней. Потом непреодолимая черная сила овладела моими ногами, и я уже бежал возле телеги, объятый яростью, под косым дождем. Ко мне потянулись руки, но я отчаянно отбивался от них локтями.

— Кто ты, приятель? — спросил незнакомый голос.

— Писарь из Лондона, — гаркнул в ответ кривоzubый. — Возомнил себя...

— Куда вы едете? — прокричал я у телеги.

Я начинал задыхаться, поскольку колонна прибавила шаг.

Та, что лежала в телеге, была закована в цепи. Серое лицо, неподвижное, точно камень. Непокрытые волосы измазаны грязью. Обнаженные руки в веснушках.

— *Стойте!*

— Чего ради?

— Я ее адвокат.

Волна смеха прокатилась по рядам всадников.

— Поздновато, приятель. Мы везем ее домой.

На мгновение мне почудилось, будто еще есть надежда на ее освобождение, но потом я представил вес ее оков и цепей и понял, что всадник, который глядит на меня, — брат Стефаний, сын Файка. Только вместо сутаны на нем был вишневый дублет с короткой накидкой и черная широкополая шляпа.

Вцепившись в деревянный борт телеги, я на короткий миг заглянул в дрогнувшие глаза Нел Борроу — единственное движение, которое я заметил в ней перед тем, как руки скрутили мне за спиной и приставили к горлу острие шпаги. Стефан Файк спустился с коня.

— Оставьте, оставьте его. — Он подал знак, и клинок убрали. — Он всего лишь безобидный конторский. Еще напугаете его до смерти.

Меня оттолкнули, и телега покатила своим путем, оставив нас со Стефаном Файком наедине. Он стоял передо мной и глядел пустыми глазами.

— Не понимаю, — сказал я. — Суд ведь еще не закончился.

— Какой суд?

Юная бородака придавала его худощавому лицу оттенок лисьего коварства, в глазах и голосе звучала холодная власть. Ему было всего восемнадцать лет.

— Я так понимаю, доктор Джон, у вас имеется особый интерес к этой женщине, связанный с недомоганием вашего спутника. Однако, как видно, теперь он вполне здоров. И думаю, вы благодарны за это.

Я молчал.

— Дело более не требует вашего участия, — сказал он. — Вчера эта женщина сама решила избавить нас от судебных тяжб и дала признание. Сегодня с восходом солнца явилась к судье за приговором.

Стефан Файк бросил короткий взгляд на телегу, которая с грохотом катилась все дальше за его спиной.

— Как вы догадываетесь, это не заняло много времени.

Глава 48

ПРИЗНАНИЕ

Я смеялся, словно умалишенный, если это вообще можно было назвать смехом. Одной половиной еще в этом мире, другой — в чистилище, в том самом чистилище, которого, по утверждению реформаторов-протестантов, больше не существовало. Новоявленные реформаторы церкви могли перестраивать целую вселенную по своей прихоти, сносить соборы одним взмахом руки.

В «Джордже» меня ожидало письмо — вероятно, от Бланш Перри, — и, вернувшись в трактир, я немедленно распечатал его прямо в пивной, на глазах Дадли и Ковдрея.

И начал читать: *Anwyl Sion...*

Выражение моего лица вынудило Дадли вздохнуть.

— Ну, что там еще?

Я поднес письмо к его лицу. Мой батюшка, как вам известно, был кровным валлийцем. Как часто он говаривал мне о вящей пользе знания живого валлийского языка, с его устными, эпическими традициями, в сравнении с греческим и латынью...

— Хочешь сказать, что ты не говоришь на этом языке? — удивился Дадли.

— Бланш, видимо, полагает, что я говорю.

Anwyl Sion. Мой дорогой Джон. Это все, что я знал.

— Черт возьми, Джон, здесь наверняка кто-нибудь умеет прочитать это.

— Например, жалкий викаришка из церкви Бени-ния? — ответил я почти криком. — Не совсем тот человек. Мне бы не хотелось, чтобы он знал о содержании письма. Письмо, как я понимаю, особой важности, иначе зачем бы понадобилось писать его... этой старобританской грамотой? — Я повернулся к Ковдрею. Могли ли мы доверять ему? Меня это почти не тревожило. — Вы знаете кого-нибудь, кто бы говорил по-валлийски, но не был бы связан с Файком?

— Я подумаю, — пообещал трактирщик.

— Только не слишком долго, мастер Ковдрей.

Закрыв глаза, я запрокинул голову и сжал кулаки. Когда я выпрямился, Ковдрей смотрел на меня с хмурым видом — усталые глаза, свинцовая кожа. Бог знает, что он обо мне подумал.

— Должен сообщить вам, — нерешительно произнес Ковдрей, — что трепали здесь прошлым вечером наемники Файка. Насчет... повешения.

— Подозреваю, они не намерены тянуть с этим, — заметил Дадли.

— Завтра на рассвете.

У меня перехватило дыхание.

— Времени на королевское помилование у нас почти нет, — с грустью объявил Дадли.

Согнувшись от кашля, я пытался сообразить, который час и сколько времени у нас осталось. Дадли не смотрел на меня, пока я силился изобразить хотя бы видимость самообладания.

— Город разделился, — сказал Ковдрей. — Прежде, в трудные времена, людьми руководили монахи. Их слово принимали за божью волю. Но теперь викарии...

Я с тревогой взглянул на Дадли — среди нас троих не было более убежденного протестанта, чем он.

— Продолжай, — сказал Дадли.

— Нел, ее отец, мать лечили здесь всех. Теперь людям говорят, что все, к чему она прикасалась, требует очищения. В умах брожение, мастер Робертс.

— Если б мы все... — промямлил я.

— В одном можете быть уверены, господа: никто из них не пойдет на Медвел. Поговаривают, что оружия там хранится больше, чем в королевском арсенале.

— Не могу поверить, — сказал Дадли, — что они намерены проводить казнь на холме вместо того, чтобы обделывать дело... втихую.

— О боже! — закричал я. — Ее казнь должна стать примером. Так же, как убийство Уайтинга служило предостережением для папистов. В назидание всем, кто осмелится мыслить иначе, чем позволено Библией, какой бы из ее вариантов ни был сегодня в почете. А мы... у нас есть только остаток дня и ночь, чтобы остановить казнь.

— Только Кэрю мог бы остановить ее, Джон. Даже не остановить, но хотя бы отложить на время, пока мы добились бы вмешательства на более высоком уровне. Если, конечно, его уговорить.

— Но Кэрю...

Ковдрей заглянул через мое плечо, и я обернулся. В дверях стоял Монгер. Кивнув, я пригласил его войти.

— ...Кэрю знает, что суд — не более чем жалкая комедия.

— Разумеется, знает. Но, если дело касается колдовства, он готов исполнить примитивное правосудие. В душе он моряк. Вешать на реях, топить в море — это в его стиле. И чтобы расшевелить его, надо оспорить справедливость самого обвинения. Если... *если* нам удастся найти того, кто в действительности убил Мартина Литгоу, тогда...

— И пытал его, — сказал я. — Не забывай *об этом*.

— Думаешь, я мог бы такое забыть? Думаешь, что я *когда-нибудь* смогу позабыть об этом?

Глаза Дадли горели пламенем ярости, в комнате царил уныние, а во мне, по всему телу, разливалась холодная тоска осени.

— Прежде всего, — сказал я, — если представить Кэрю доказательства того, что кости на участке Нел были брошены...

— Собираешься выколотить всю правду из этого мерзкого костолоба?

Монгер откашлялся, и Дадли повернулся к нему.

— Костолоб болен, — сказал кузнец.

— Сильно?

— Возможно, смертельно.

— А если точнее?

— Мы полагаем, это овечья чума.

Ковдрей затаил дыхание. Монгер пожал плечами.

— Сомнений почти никаких. Мэтью осмотрел его.

У Бенлоу появились язвы с черными сердечками.

— Это все проклятая шерсть, — проворчал Ковдрей. — Небось, кто-то из фермеров спихнул ему по дешевке шкуры зараженных овец. До сих пор ничему не научился. Вот черт, только этого нам не хватало...

— Если хотите поговорить с ним, — сказал Монгер, — то лучше поторопиться. Просто не подходите близко.

Последовало молчание. Бенлоу неважно выглядел этим утром, но я посчитал его состояние следствием обильной выпивки.

— Я иду, — сказал я. — Он тоже хотел поговорить со мной. Сказал, что может указать, где лежат кости Артура. Я думал, это только уловка, потому как...

Я посмотрел на Дадли, который лишь махнул раскрытой ладонью, показывая, что соблюдать осторожность теперь уже было поздно. Я обратился к Монгеру.

— У нас имеются основания думать, что кости Артура перезахоронили в Бутли. В лесу. Возле церкви.

— Там, рядом с церковью, действительно стоит небольшой лес, — подтвердил Монгер. — Только этот лес молодой.

— Совсем необязательно, чтобы он был древним. Если кости перенесли на новое место только перед арестом Уайтинга, то это случилось лет двадцать назад. Возможно, деревья посадили вокруг могилы.

— Ты можешь помочь нам с этим, кузнец? — спросил Дадли.

— Нет, но я знаю людей в Бутли, которые могли бы помочь, если бы решили, что для этого имеются весомые основания. Бутли не такой уж большой.

— Ты мог бы убедить их? Можешь поехать с нами?

— С нами? — возмутился я.

— Если кости там, нам лучше побыстрее найти их, — ответил Дадли. — Предлагаю покончить с этим прямо сейчас. некогда терять времени. Ибо завтра...

Он посмотрел на меня и отвел взгляд, как будто предчувствовал, что завтра я могу выкинуть какую-нибудь глупость и провалить нашу миссию.

— Возьмем человек двенадцать, — велел Дадли Ковдrey. — Кэрю пока не беспокойте. С ним я поговорю позже.

Двенадцать?.. Я посмотрел на Дадли, затем на Ковдrey. Трактирщик кивнул.

— О, только ради бога, Джон... — Дадли с болезненным видом плюхнулся на стул. — Ты думаешь, я бы потащился сюда, не обеспечив нам прикрытия?

— Что?

— Как ты думаешь, почему Кэрю относится к нам с такой неприязнью? Да потому что его просто бесит, что столько людей, опытных солдат, занимаются только тем, что тайно прикрывают задницы двух человек, которых он... — Дадли надул щеки. — Знаешь, меня он просто не любит. А тебя презирает.

— Сколько?

— Сколько солдат? Не знаю. Двадцать, самое большее. Не целая армия.

И почему я решил, что живу в одном мире с этим человеком?

— То есть, если я правильно тебя понимаю... Вооруженные люди оберегают нашу жизнь с тех пор, как мы приехали в Гластонбери? — Я повернулся к Ковдrey. — *Вы* знали об этом?

— Охрану удвоили после убийства вашего человека, — ответил Ковдrey. — Даже сэр Питер забеспокоился. Он такого не ожидал.

— Однако предвидел трудности?

— Он сам не знал, — возразил Дадли. — Никто из нас не знал. Несколько человек приехали раньше нас по приказу

Сесила. По крайней мере, выходит, моя жизнь что-то да значит для Англии. И даже твоя, по-своему.

— Шестеро живут у меня в подвале, — сказал Ковдрей. — Ночью выходят сторожить подступы к трактиру. После объявления розыска убийцы жизнь в городе замерла, и лишних людей никто не заметил.

— И когда Кэрю, ммм... ездил в Эксетер, — добавил Дадли, — на самом деле он находился не дальше, чем Уэлс. Теперь ты все знаешь.

— Благодарю покорно.

— Джон... пойми... если и есть на свете человек, который проживает свой день с оглядкой, так это ты. Тебе необходимо понять, кто ты на самом деле.

— Неуверенный в себе человек?

— Просто решили, что неразумно беспокоить тебя такими вещами.

— Кто это решил? Ты? Кэрю? Сесил? Может, скажешь еще, что и Файк обо всем знает?

— Файку ничего не известно о наших делах, — отрезал Дадли. — Понимаешь? Ты опять за свое. Вот потому-то тебе ничего не сказали. Стал бы ты разрывать могилу, если бы знал, что за тобой наблюдают? Мы, конечно... — Дадли развел руками. — На такой случай их было только двое. Приказано было не подходить ближе подножья холма. Им не полагалось видеть, чем мы занимаемся.

Унижение было мне нестерпимо. Я чувствовал себя чужим в этом провонявшем сидром доме. Я думал уйти, чтобы поразмышлять в одиночестве. Но, дойдя до дверей, вспомнил, что говорил Дадли в тот день, когда мы плыли по Темзе. Задержавшись, я развернулся и высказал ему в лицо:

— *Редкая возможность побыть простым человеком, без помпы?..*

— Фигуральное выражение, — ответил Дадли. — Что-то вроде того. Ты прав. Ты мой друг, и мне следовало сказать тебе. Всею виной лихорадка.

— Поезжай за своими чертовыми костями.

Я развернулся и вышел на улицу, в серый слепополуденный полумрак. Я до сих пор ничего не ел, но времени

на еду не было. По крайней мере, я выполнил свою задачу, расшифровав записи Леланда. Если костей Артура в Бутли не было, значит, я переоценил мудрость гластонберийских монахов.

Теперь у меня были хотя бы развязаны руки, чтобы приложить все оставшиеся силы к выполнению задачи, которая казалась мне намного важнее. Дождь перестал, и, несмотря на холодное небо, день был на удивление теплым для этого времени года.

Яркие вспышки огня полыхали в моей голове, пока я брел по главной улице города.

Наполовину в чистилище, наполовину в доме для умиренных.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

О, Гластонбери, Гластонбе-
ри... Сокровищница, полная
останков столь славных и столь
необычных личностей... как
прискорбны ныне дела твои?

Джон Ди

Глава 49

РАДИ ЗАБАВЫ

Свечи горели повсюду.

Оссуарий Бенлоу походил скорее на храм в час торжественной службы. Дешевые свечи из сала, дорогие — из пчелиного воска; многие из них медленно стекали горячими струями на безымянные черепа, выдаваемые за останки королей и святых.

— Пусть горят все, — сказал Бенлоу. — Ухожу в самом расцвете.

Стены, пол, свод подвала — все мерцало беловато-золотым светом. Откуда-то доносился аромат запретного ладана, и воздух казался здесь удушливо-сладким, будто самые кости источали благоухание. Говорят, такое случается иногда с мощами святых.

— Я хотел, чтобы вы увезли меня в Лондон, — продолжал Бенлоу. — Собирался просить вас. Если бы вы не натравили на меня эту старую стерву.

Одетый в золотистый дублет и мягкую шляпу из бархата, он сидел на скамье, держа в руках череп. Бенлоу сказал, что это якобы череп короля Эдгара, доброго саксонца. Вокруг Бенлоу дрожали тени и свет, и казалось, будто мы переместились в астральную сферу, где все бестелесно и призрачно.

— Почему я должен доверять вам? — спросил я. — Ваше ремесло основано на обмане.

— Больше никакой лжи, милорд. Молчание — может быть, но никакой лжи.

— Молчанием никому не поможешь.

— Никто не поможет мне.

— Сделайте доброе дело.

— Доброе? — Бенлоу наклонился вперед. — Расскажите же мне, что есть добро. Не можете? И никто не сможет! Какому богу мне отдать свою душу? Или лучше выплакаться Богоматери? Дозволено ль мне? Есть ли у Него мать?

Он засмеялся, но смех тут же перешел в кашель. Бенлоу прикрыл рот рукой, потом посмотрел на ладонь.

— Долго ли осталось, прежде чем начнет выходить кровь? — Он подвинулся в конец скамьи. — Сядьте рядом со мной. Бойтесь? Думаете, я заражу вас черными язвами?

Я робко шагнул вперед. Чья-то хрупкая косточка треснула и рассыпалась под моим сапогом. Подойдя ближе, я сел в противоположном углу скамьи. Но даже теперь я должен был напрягать слух, чтобы расслышать Бенлоу, чья речь звучала едва ли чуть громче шепота.

— Кто вы?

— Я — Джон Ди.

Бенлоу вздохнул.

— Придворный колдун.

— Придворный астролог и советник.

— Колдун. Признайте это.

— Нет. Это было бы ложью.

— Всё — ложь. Вся жизнь — только ложь. Скажите же мне: чей бог не ложь? Или все они лживы? И даже отсутствие бога тоже есть ложь. В этом городе лживо все. Вы — разумный человек. Расскажите мне что-нибудь. А я кое-что поведаю вам. Совершим сделку. Люди заключают их со мной постоянно.

— Истина существует, — ответил я. — Истина, мастер Бенлоу, — в сути вещей.

— Откуда вам знать?

— Я — математик и вижу геометрию истины. Я могу нанести на карту геометрию небес и земли.

— Неплохо, неплохо... пока неплохо. Вы умный человек, мастер Джон. Говорят, во всей Европе не сыскать человека умнее вас.

— Тоже ложь. Хотя... у меня крепкий ум. — Я чувствовал, как намокают мои ладони. — Ваш черед, мастер Бенлоу.

— Я действительно выкапываю мертвецов, — признался он. — Чтобы привести их в порядок.

— Расскажите мне лучше, чего я не знаю.

— Что же вы знаете?

— Например, то, что это вы дали кости, которые затем зарыли на участке Элеоноры Борроу. Мне известно, что это вы раскопали могилы у церкви Святого Бениния. Чтобы привести кости в порядок, как вы изволили выразиться.

— Недурно.

— Я знаю также, что вы делаете все это по поручению сэра Эдмунда Файка, который, в свою очередь, пообещал не чинить препятствий вашим занятиям.

Дыша с едва заметной хрипотой, Бенлоу подался назад, вынул небольшой пузырек и поставил его на череп короля Эдгара.

— Доктор Борроу дал мне вот это.

— Снадобье для... вашей болезни?

— Она неизлечима. Доктор сказал, это поможет мне уснуть, если потребуется.

— Вы легче уснете, — ответил я, — если очистите свою совесть.

— Так всегда говорят. Какое вам до этого дело, доктор Ди?

— Дочь доктора Борроу приговорили к повешению. Без вины.

Бенлоу повернулся ко мне. Лицо лоснилось от пота.

— А ведь вам, милорд, она нравится?

— Да.

— Она никогда не осуждала меня. Я скажу это ради нее. — Бенлоу закрыл глаза. — Расскажите мне еще что-нибудь.

— Вы пока не сказали мне ничего стоящего. Сделка может не состояться.

— Ваш слуга... славный был человек. Высокий.

— Хороший был человек.

— Я пошел следом за ним, — признался Бенлоу. — Я часто слежу за людьми. Особенно за мужчинами. Нечем было заняться, вот я и пошел за приятным, высоким мужчиной...

— Когда это случилось?

— Когда он следил за вами. Когда вы с Элеонорой Броу отправились к Кровавому источнику, а потом полезли на дьявольский холм. Он шел за вами. Я шел за ним.

— Думали узнать что-нибудь важное. Чтобы потом продать новость Файку.

— Торговля костями уже не та, что раньше.

— Каким путем он шел?

— Как странно он говорил... Я с трудом понимал его.

— Вы слышали, как он говорил? Где это произошло?

— У Кровавого источника. Вы проверяете меня, доктор Ди? Вы отослали его поговорить с Монгером. Только ваш человек не пошел, куда было велено. Он продолжал наблюдать за вами, держась на значительном расстоянии, когда вы с Элеонорой поднимались на холм. Я стоял еще дальше — боялся, что меня заметят. С вершины холма вся округа как на ладони. Но я видел, как вы говорили с Файком. С ним еще был старый монах и чертов Файк-младший. А когда вы ушли, ваш человек начал следить за *ними*.

— Он пошел следом за Файком?

— Вплоть до самого Медвела. Хотел взглянуть, что там, и перелез через стену. Обрато он вышел уже через ворота — люди Файка вывели его, скрутив руки за спиной.

— Что за люди?

— Двое слуг. Один из них нес молоток, и я еще подумал, что хотят ставить ограду. Я держался на достаточном расстоянии. Я не хожу туда. Потом вижу, выходит Стефан Файк и... Теперь расскажите что-нибудь вы. — Бенлоу хлопнул ладонями по бокам черепашки. — Какую-нибудь *тайну*.

Я начал было рассказ о том, как смастерил сову, которая будто летала по воздуху, однако Бенлоу моя история показалась скучной — видимо, оттого, что секрет совы заключался в механике — поэтому я сменил тему. Я расска-

зал о сферах — земной, небесной и наднастральной. Бенлоу посмотрел на меня влажными глазами и спросил:

— Куда отправлюсь я после смерти?

— Куда бы вам хотелось?

— Никуда, — ответил он. — Мне бы хотелось жить здесь. Свободным от тела и всех его хворей. — Бенлоу приподнял череп и показал мне. — Пустой сосуд, видите? Не похож ли он на опустевшую чашу, из которой вытек сок жизни?

— Возможно. Но влага испаряется. Уходит в воздух.

— Да.

Помолчав, Бенлоу продолжил:

— Стефан Файк — жестокий мальчик. Любит причинять боль. С ним шли еще трое. Они отвели вашего красавца слугу в лес. Я плохо слышал, что они говорили, но они знали, кто он и что приехал сюда вместе с вами. Требовали, чтобы он ответил, кто вы такие и какое дело привело вас сюда. Конечно, он не сказал. Не знал, с кем говорит. Долго не отвечал. Слишком долго. На его месте я бы рассказал все, что им нужно, не задумываясь. Но я ведь знаю, что за человек Стефан Файк. Я помню, как он еще мальчишкой калечил животных. Лошадей. Ради забавы.

По словам Бенлоу, начав пытать Мартина Литгоу, чтобы заставить его говорить, Стефан Файк и его люди уже не останавливались до тех пор, пока Мартин не испустил дух. Все зашло чересчур далеко. Чересчур далеко и слишком быстро.

— Стефан пришел в ярость. *Добавь ему еще. Попробуй вот так... отойди, дай я сам.* Ко времени, когда слуга выдал ваше имя, его совершенно изрезали, не осталось живого места — я больше не мог смотреть. И мастер Стефан сказал, что теперь лучше прикончить его. Я ушел, но еще слышал его жуткие крики. А потом все стихло.

— Как близко вы находились от них?

— Прятался в кустах ежевики. Это была пытка — все же я долго не двигался. Вел себя тихо, будто умер. — Он улыбнулся. — Я очень аккуратен, милорд. Могу раскопать могилу и потом снова засыпать так, что никто не заметит.

Если только меня не попросят оставить следы, как было с могилой Большого Джейми Хокса.

Я вспомнил про Джейми Хокса.

— У церкви Святого Бениния? Бенлоу... как мне вас убедить рассказать обо всем сэру Питеру Кэрю? Про Литгоу. И о том, что случилось с костями Джейми Хокса.

Бенлоу хотел рассмеяться, но смех застрял комком в глотке. Подавленный, он схватился за горло.

— Вы больны, — сказал я.

— Так быстро... Совершенно здоров, меньше недели назад я был совершенно здоров. Господи...

— Идемте со мной.

— Этот человек — свинья.

— Вам хочется увидеть Нел Борроу на виселице?

— Нет.

Бенлоу наклонился вперед, через силу глотая воздух. Потом положил руку мне на колено. Я стерпел.

— Никогда не думал, что встречу такого знаменитого человека, милорд. Я попросил бы вас забрать меня в Лондон. Я хотел. Сделка. Рассказал бы вам все, если бы вы взяли меня с собой.

— Вы можете перебраться в Лондон, когда захотите.

— Но не с вами... без *рекомендаций*. Ты не просто переезжаешь в Лондон. Едешь туда уже как *персона*. Или хотя бы с *кем-то*. Теперь слишком поздно. — Он пристально посмотрел на меня, словно я должен был упасть в обморок от его взгляда. — Может, увижу еще короля Эдгара, как помру? Если, умирая, буду держать его в руках, станет ли он дожидаться меня?

Бенлоу будто забыл, что череп в его руках не имел ничего общего с королем Эдгаром, да и вообще едва ли в его подвале хранилась хотя бы одна косточка кого-нибудь из великих.

— В небесной сфере, — ответил я, — возможно все.

— Вы действительно верите в это? Вы знаете об этом благодаря вашей науке и магии?

— Кое-кто верит, — ответил я, — что жизнь в этом городе уже сама по себе благодать. Я сам не понимал, как это

возможно, но... сегодня я нашел доказательства тому, что это место благословлено небесами, как ни одна другая земля на свете. Я расскажу... Когда я в прошлый раз приходил к вам, вы сказали, что смерть наступает тут легче.

...где ткань, разделяющая сферы, тоньше муслина. Это выражение Бенлоу запомнилось мне лучше всего.

— Знаете, почему это так? — спросил я. — Тогда слушайте.

И я рассказал ему — зачем, разве не жаль было времени? — рассказал о тайне, которую скрывали монахи и которую хотел нанести на карту Джон Леланд. Я вынул из-под дублета его записную книгу и показал Бенлоу рисунки. Дал разъяснения о зодиаке и зеркальном отражении неба.

— Вот оно что, — улыбнулся мне Бенлоу. — Откуда это у вас, милорд?

— Не могу сказать.

— Где *откопали* вы эту книгу?

Его ногти прошлись по моим чулкам, когда я подскокил и больно ударился головой о деревянный полог подвала. Только теперь я заметил язвы на шее Бенлоу. Набухшие волдыри с черными сердечками внутри.

— Кто-то должен был похоронить ее, — сказал Бенлоу. — Жаль, что мне не позволили забрать кости. Я бы привел тело в порядок. У меня она снова была бы красавицей.

В считанные минуты я покинул этот храм смерти и помчался назад в трактир «Джордж», словно все демоны ада гнались за мной.

Глава 50

АУРА

Я нашел Ковдрея в полумраке гостиной, где он заменял огарки новыми свечками.

— Где Монгер?

— Уехал с мастером Робертсом. В Бутли. Я думал, вы знаете.

— Ну, да. Конечно. — Я рухнул на стул, подперев голову руками. — Черт!

Ковдрей отложил свечи в сторону и подошел ко мне.

— Не желаете ли мяса, доктор Джон?

— Нет... нету времени. Если только маленькую пива?..

— Знаете, я должен сказать... — Ковдрей застенчиво обтер руки о свой передник. — Я понятия не имел о том, что вам чего-то недоговаривают... Кэрю и ваш приятель. Не мое дело... То есть, знаете, мое дело следить, чтобы не обрушились стены этой халупы.

— Ковдрей, я ни в чем не виню вас. Трудно отказаться от денег, которые вы получите за людей Кэрю. Я все понимаю. Просто... это как-то неправильно. Очень неправильно.

Мне так хотелось рассказать ему о том, что Стефан Файк сделал с Мартином Литгоу. Хотелось кричать об этом на всю улицу.

— Доктор Джон...

Взгляд Ковдрея переместился во мрак за моей спиной. Я обернулся.

Слева от окна, в самом темном углу, сидела женщина с длинными распущенными серебристо-светлыми волосами. Я прежде не видел ее. На столе перед ней лежали бумага с пером и стояли чернила.

— Миссис Кадвалад, — представил мне женщину Ковдрей. — Она говорит по-валлийски.

Я поприветствовал ее поклоном, но решил не спешить и действовать осторожно.

— Мой брат был монахом в аббатстве Страта-Флорида, — сказала миссис Кадвалад. — Я приехала сюда вместе с ним некоторое время назад и решила остаться. Служила при аббатстве кухаркой.

— После чего, — добавил Ковдрей, — помогала Кейт Борроу с травами в ее саду. Если это важно.

Если и есть на свете человек, который проживает свой день с оглядкой, так это ты. Ты должен это понять.

— Благодарю, — прошептал я. — Благодарю вас, Ковдрей.

Мой дорогой Джон.

Пишу на нашем родном языке. Боюсь, что письмо могут перехватить. Мне известно, что вы не знаете валлийский, однако, надеюсь, вы найдете возможность прочесть письмо полностью.

Полагаю, пророчества доходят к нашей сестре благодаря стараниям ее доверенного лица во Франции. Источником коих, должно быть, является личный советник французского семейства. Все обстоятельства сего дела мне неизвестны, за исключением того, что сведения, похоже, получены тайным путем.

Вот полный текст последнего пророчества. Надеюсь, перевод с французского на английский и далее на валлийский сохранит смысл оригинала.

Состояние нашей сестры по-прежнему оставляет желать много лучшего.

Я оторвал взгляд от бумаги.

— Мне очень жаль, что не все в порядке в вашей семье, — сказала миссис Кадвалад. — Но обещаю забыть обо всем, что прочла в письме.

— Буду очень признателен.

Я снова опустил взгляд на перевод послания.

Двое из упомянутых личностей не вызывали сомнений.

Доверенное лицо во Франции: сэр Николас Трокмортон, посланник Ее Величества. Я встречался с ним только однажды, но знал, что он близок к семейству Дадли. И то, что он происходил из старого католического рода, хотя теперь безоговорочно принял протестантство. Мне также было известно, что Трокмортон пользовался особым доверием королевы и преданно снабжал ее сведениями относительно замыслов властолюбивых Гизов, добывающих английский трон для дочери Марии де Гиз, королевы шотландской, а ныне королевы французской.

Что же до личного советника французского семейства, то им мог быть только придворный французский астролог Нострадамус. Боже правый, я едва мог в это поверить.

Мишель де Нострадам. Этот человек с самого начала бросал долгую и слегка зловещую тень на мою карьеру. Лет на двадцать пять старше меня, он был любимцем французского двора и пользовался уважением во многих государствах Европы... за то, чего никогда не решался делать я сам. Я ни разу не виделся с ним и не искал встречи. Если угодно знать, я не доверял его пророчествам, столь претенциозно изложенным четверостишиями, хотя втайне всегда подозревал, что подлец и впрямь наделен неким даром, коим не наградили меня.

Он был известным астрологом, однако если эти предсказания черпались им на небесах, значит, мы часто видели разные звезды.

Я прочел стих, аккуратно выписанный миссис Кадвалад.

*В стране великого церковного раскола
Мертвая ведьма будет преследовать свою дочь,
Пока та не приложит уста к костям короля всех
бриттов
И снова не погребет их во славе.*

Сказано однозначно. *Мертвая ведьма*, но не фея Моргана.

В каком порядке следовали события? Когда получили послание? Видения являлись королеве до или только после его получения? В любом случае Нострадамус, если это был он, хорошо представлял, что делает. Во Франции давно ходили слухи о мнимой колдовской связи между королевой и ее матерью.

И тогда лживое пророчество, возможно, умышленно сочинили с той целью, чтобы расшатать рассудок королевы? Как давно это происходило? Задумайтесь сами. Восковая кукла, разговоры о которой Уолсингем задушил до того, как они дошли до двора... Памфлет с предсказанием смерти королевы, который все-таки как-то смог просочиться сквозь стражу в королевские покои... Кто организовал эту травлю, смесь магии и интригантства в духе Макиавелли?

И почему никто не объяснил королеве, что все это, возможно, лишь тонко продуманная, изощренная атака на ее разум, верхний и нижний, в часы дневного досуга и в ночных снах?

Если только ей не дали ложное объяснение, будь то намеренно либо по неведению.

Возможно, ответ скрывался в строке о том, что *сведения, похоже, получены тайным путем*.

Естественно, у нас имелись шпионы во Франции на всех уровнях общества. Неужели кому-то из них удалось получить доступ к неопубликованным четверостишиям Нострадамуса, касавшимся королевы Англии? Если бы этот стих, к примеру, получили как *секретные данные* разведки, то, несомненно, доверие к нему значительно возросло бы.

Королева была суеверна, тогда как Нострадамус пользовался неоспоримым авторитетом во Франции. Я много раз слышал, как именно ему приписывали то грозное пророчество гибели французского короля Генриха во время турнира, хотя на самом деле оно пришло из Италии. Если Нострадамус заявлял, что воздух испорчен, французы не покидали своих домов, а крестьяне откладывали сбор урожая. Один из наших архиепископов, Паркер, однажды признался — хотя впоследствии и отрицал это, — что предсказание Нострадамуса побудило его отказаться от предлагаемой должности в Кентерберии.

И вместе с тем опубликованные предсказания пророка, имевшие отношение к королеве, содержали в себе столько злобы, что их скорее следовало бы принять за грязную брань, брошенную французскими католиками в ее адрес. *Доселе не знала корона одного королевства более нечистых рук* — было написано в ту пору, когда путь Елизаветы к трону был чист и невинен. Намекая при этом и на ее жалкое родословие.

Тайные сведения из Франции передавались королеве лично сэром Николасом Трокмортонем, чья репутация, впрочем, не была столь безупречной. Преданный протестант, он все же происходил из рода ревностных католи-

ков, и... Боже мой, все перепуталось в моей голове. Знали об этом хотя бы что-нибудь Сесил?

— Вы выглядите взволнованным, доктор Джон, — прервала мои раздумья миссис Кадвалад. — И, если позволите, я бы добавила, очень усталым.

Принеся кувшинчик пива, Ковдрей оставил нас наедине.

— Все в порядке, — ответил я.

Строить дальнейшие домыслы было бессмысленно. Вскрывшиеся обстоятельства следовало обсудить с Дадли: он знал Трокмортонa гораздо лучше меня.

— Мастер Ковдрей, — сказала миссис Кадвалад, — когда просил меня помочь вам, говорил, что вы были довольно близки с Элеонорой.

Я испуганно поднял глаза. Передо мной стояла женщина, можно сказать, зрелой красоты, и качество перевода красноречиво свидетельствовало о ее способном уме.

— Мы знакомы всего несколько дней, — ответил я. — Но у нас... много общего. Собирался выступать ее защитником на суде. Очень расстроился, когда она отказалась повидаться со мной.

— Да, такое трудно принять. Но, быть может, вам просто солгали?

— Такая мысль приходила мне в голову. Но, думаю... нет. Кажется, ее каким-то образом убедили...

— Признать свою вину? Но как можно было убедить ее погубить признанием свою жизнь?

— Этого я не знаю.

Миссис Кадвалад сложила ладони и прикоснулась кончиками пальцев к губам.

— Однако все, что касается колдовства, похоже, выходит за границы обычных правил. Признание ее матери было таким же. Я помогала Кейт ухаживать за ее садом. Раньше я выращивала овощи и зелень для аббатства, а впоследствии мы с ней вместе изучали труды святой Хильдегарды Бингенской о лечебных свойствах растений.

— Означает ли это, что вы стали первым звеном в ее связях с аббатством?

— В некотором роде. До замужества она работала вместе со мной на кухне. Но затем, много позднее, когда Кейт стала подругой аббата, я никогда не принимала участия в их дискуссиях.

— Жаль, что не познакомился с вами раньше, — сказал я.

— О... — Она явно смутилась. — Я уже много лет не работаю с травами. Никто уже и не помнит об этом.

Жаль. Ведь я хотел спросить, не знала ли она о том, чем занималась Кейт Борроу перед арестом. Так что следующий вопрос, надо полагать, родился у меня инстинктивно.

— Миссис Кадвалад, почему же вы перестали помогать ей? Если, конечно, вопрос не покажется вам навязчивым.

— Ваш вопрос, действительно, кажется достаточно деликатным. Я никогда не обсуждаю эту тему. Я веду замкнутую жизнь и при обычных обстоятельствах даже не пришла бы сюда сегодня. Но обстоятельства как раз весьма необычны, вы не находите?

Она снова поцеловала кончики пальцев, как будто это помогало ей принять решение. За окном послышался стук копыт.

— Доктор Мэтью Борроу, — продолжала миссис Кадвалад, — хороший врач. Закончил колледж в Монпелье. Искусно вправляет кости и дергает зубы. Умеет выполнять сложные операции по удалению жидкости из мозга. Может извлечь камни из мочевого пузыря. У него очень ловкие руки. Говорят, лекаря с такими способностями редко найдешь даже в Лондоне. Гластонбери повезло, что он живет здесь.

— Вряд ли он заработал тут много денег.

— В этом вы правы. Я... — Она на мгновение закрыла глаза, прикусила губу. — Дружба с Кейт позволила мне стать помощницей Мэтью в его работе. Но через некоторое время я начала с трудом переносить его близость. У него сильная... аура. Мощная и притягательная.

— О!

Не знаю точно, какой ответ я хотел от нее услышать, но подобного объяснения я не ожидал.

— Я уважала Кейт, — продолжала миссис Кадвалад, — и она оставалась преданной Мэтью и дорожила всем, что он для нее сделал. Я не хотела... В конце концов, больше не смогла находиться рядом с ним.

— Доктор Борроу?..

— Нет. Он — порядочный человек. Человек твердых намерений. Божий человек.

— Но...

— Я возвратилась в Уэльс, к своему брату. Вернулась сюда всего год назад, когда он умер. И тогда только узнала о судьбе Кейт. Кем она стала — ужасная трагедия.

Между нами повисло молчание. Затем вдали отворилась дверь, и послышались голоса в коридоре.

— Что вы хотите этим сказать, миссис?

— Травы, которые она выращивала, — полезные травы. Я просто думаю, что она общалась не с теми людьми, и все кончилось плохо. Должно быть, он горько разочаровался в ней.

— Мэтью Борроу?

Похоже, на миг она испугалась, представив, что за ящик Пандоры открыла собственными руками. Однако из-за усталости я не разглядел, что лежало в том ящике.

— И теперь ее дочь пошла тем же путем... Я должна была заметить в ней это. Она лечила меня после моего возвращения, и я думала, что лучшие качества ее отца воплотились в ней. Не подозревая...

— Вы виделись с Мэтью после вашего возвращения? То есть...

— Я ни разу не виделась с ним. Прошу вас, — она поднялась, — простить меня. Счастлива, что смогла помочь вам с переводом.

Усталость вконец лишила меня способности соображать.

— Думаете, Кейт?.. Хотите сказать, вы действительно считаете их обеих ведьмами?

— Я... не знаю, что сказать. И, конечно, вообще не сказала бы ни единого слова, если бы Элеонору не постигла

судьба ее матери. Просто не могу поверить, что это лишь совпадение. Прошу прощения. Мне надо идти.

Мне следовало настоять. Нельзя было так просто отпустить ее. У меня еще оставались вопросы, но в дверях раздался голос Джо Монгера, и мне просто не терпелось узнать, какие новости привезли из Бутли.

— Благодарю вас, — сказал я. — Спасибо за вашу помощь.

Я придержал для нее дверь, ибо женщина, несмотря на миниатюрность и стройность, имела явные признаки беременности.

— Вы были правы, — крикнул Монгер из-за дверей. — Мастер Робертс нашел именно то, что искал.

Глава 51

НАГРАДА

Задача, похоже, не представляла большого труда. Особенно теперь, когда Роберт Дадли облачился в подходящий лорду наряд и привел с собой отряд вооруженных людей, а с ними и Монгера, которому доверяли и местный викарый, и кузнец, и мельник.

Единственный в тех местах небольшой лес разросся так, что кольцо из молодых дубов больше не находилось в его центре. И, разумеется, всем было известно о том, что в земле под теми дубами скрыта чья-то могила. Много лет назад кого-то похоронили там под покровом ночи, но с тех пор никто в селении не говорил о могиле и никто не приближался к ней, опасаясь призраков.

— Все заросло ежевикой, — сказал Монгер, — кроме небольшой поляны.

— На которой ничего не растет, — ответил я. — Мне рассказывали о таких местах. Обычно это могилы убийц, где якобы отравлена сама земля.

— Лорд Дадли поручил своим людям копать, — продолжал Монгер. — Сначала, на глубине примерно четырех футов, нашли каменный крест. Изящная вещь — распятие

с фигурой Христа. Старой работы, хотя не настолько древний. Как будто его недавно взяли из церкви. Потом, двумя футами глубже, откопали гроб в половину обычной длины, скорее как домашний сундук.

Монгер предлагал перевести гроб в Гластонбери, но Дадли, немного подумав, велел открыть его на месте, дабы удостовериться, что это именно то, что он ищет.

— На самом деле, — признался Монгер, — я думал, что это и есть домашний сундук, допотопный и не такой уж старый.

Поскольку люди, полные суеверий, заколебались, Дадли сам взломал крышку сундука лопатой. Внутри находился еще один ларь — богато украшенный и со стеклянной крышкой.

— Будто оконце, — рассказывал Монгер. — Свинцовая рама с шестью стеклянными квадратами. А под ней кости. Это был очень торжественный момент.

На дубовом ларе нашли гравировку. Нехитрая легенда гласила:

Rex Arturus.

В самом деле, легенда. Кое-кто из людей был серьезно напуган. Один даже перекрестился на прежний манер.

— Так вы не решились открыть внутренний ящик? — спросил я.

— А зачем? Как сказал лорд Дадли — и я с ним согласен, — открытие следует провести во время торжественной церемонии, перед высоким алтарем. Мощи, погребенные в последний раз в присутствии Эдуарда I, не должно выставлять на воздух новых времен, кроме как перед правящим монархом.

Хотя интуиция точно подсказала мне место, где покоятся кости Артура, было все-таки как-то странно, что все случилось так быстро, словно сама судьба приложила к этому руку.

Казалось бы странным. Величественным и мистическим. Не знай я того, что мне было известно.

Монгер раскрыл ладони, коричневые от земли.

— Лорд Дадли сказал, что мы должны благодарить Бога за помощь, и тут же встал на колени. Мы все последовали его примеру. Потом он велел мне прочесть подходящую случаю молитву, что я и сделал. Мы еще постояли так минуты две или больше в молчании, пока лорд Дадли не поднялся с колен и не приказал грузить ящик на телегу. Он даже покрыл ларь мантией. И было прочитано еще немало молитв, прежде чем мощи доставили в деревню.

Затем телегу вместе с костями привезли к церкви, где немедленно, дабы упредить слухи, было объявлено о том, что лорд Дадли, королевский шталмейстер, обнаружил останки короля Артура, которые срочным порядком будут отправлены в Лондон. К шерифу в Бристоль послали гонцов с наказом выставить всадников для сопровождения ценной находки.

— Значит, торжественной церемонии не состоится, — заметил я.

Монгер посмотрел на меня и улыбнулся.

— Как жаль, что вы не были с лордом Дадли, чтобы разделить с ним славу такого великого открытия. Ведь это итог вашей учености.

— Это сказал лорд Дадли?

— Он сказал, что вы поймете.

— О да. Отлично понимаю.

Тот, кто преподнесет королеве несомненный символ ее королевского наследия... нечто такое, что наделяет монарха мистическим ореолом... тот может рассчитывать на награду.

— Ученость — награда сама по себе, — произнес я. — Мм... Джо, прежде чем ящик накрыли мантией, вы хорошенько разглядели его содержимое? Вы точно видели... кости?

— Достаточно хорошо. Сам ящик скорее похож на раку, чем на гроб, и, поскольку его поместили в сундук, на нем почти не было пыли. Стекло немного мутновато, но в целом лучшего и пожелать невозможно.

— Большие кости? Можно назвать их крупными?

— Конечно. Кости ног такого размера, что некоторые положены наискось. Череп поместили в середине.

— Большой череп?

— Пожалуй, да.

— На нем есть какие-нибудь зарубки?

— Череп определенно поврежден. Осталось всего несколько зубов и заметная дыра сверху, как будто после мощного удара мечом или палицей.

Это вполне соответствовало описанию, данному Гильдасом Кембрийским много лет тому назад и отложившемуся в моей памяти как раз для такого случая.

На черепе имелось не меньше десятка ран, которые все зарубцевались, за исключением одной крупной трещины...

— Значит, это Артур, — сказал я. — Или, во всяком случае, Артур, о находке которого монахи заявили в двенадцатом веке.

— Кости почернели от времени, это точно, — ответил Монгер. — Но, в самом деле, как бы это можно было проверить? Братья монахи, вероятно, очень спешили, однако к костям отнеслись со всем должным почтением, положив их на...

Кузнец взглянул на меня. На мгновение мне показалось, будто мы с ним актеры, читавшие нараспев древние стихи.

— На что?

— На мягкую подстилку, — ответил Монгер. — Монахи позаботились о том, чтобы костям больше не причинили вреда. И положили их на... овчину.

Несомненно, кузнец был умен. Похоже, он сообразил раньше меня, что в этом деле замешан кто-то еще. Быть может, его насторожил мой недоверчивый тон. Как бы там ни было, когда наши взгляды пересеклись, я заметил в его глазах сомнение. Потом в них появился страх. Вполне обоснованный.

— Вы должны мне помочь, — сказал я.

Мы пошли вместе и застали жалкое зрелище.

Он скорчился на полу, среди груды костей. Он перевернул полки, и черепа, челюсти, кости были свалены в кучи,

словно на поле древней жестокой битвы. Местами на старых костях темнели свежие кровавые пятна. Скрюченными, дрожащими руками он держал расколотый пузырек, направленный к горлу. Должно быть, хозяин дома уже попытался перерезать себе вены с его помощью: браслеты на запястьях истекали кровью до самых локтей.

Свечи еще горели, но к аромату ладана добавился острый запах мочи. Из разбитого горлышка пузырька стекала каплями коричневатая жидкость. Должно быть, снадобье, которое Мэтью Борроу дал Бенлоу.

— Слишком слаб. — Разжав ему пальцы, Монгер швырнул пузырек в угол подвала. — Слишком слаб, чтобы сделать это.

На глаза Бенлоу навернулись слезы.

— Надо привести сюда Мэтью, — предложил Монгер.

— Да.

Я тоже подумал, что мне стоит поговорить с доктором Борроу еще раз.

— Сейчас схожу за ним. Можете пока остаться с Бенлоу? — Монгер задумался и добавил: — Ненадолго.

Вынув из-под сутаны металлический крест на цепочке, кузнец начал надевать его на голову Бенлоу.

— Да пребудет с тобой Господь, — тихо произнес Монгер. — Ныне и во веки веков.

— Сними это... — Бенлоу повернулся на бок, задыхаясь и хватаясь за горло. Он произносил странные звуки — жалкое подобие смеха. — Я отрекся от Бога.

— Тогда поговори с этим человеком. — Монгер отошел в сторону. — Облегчи душу. Не уноси это с собой. — Ухватившись за лестницу, кузнец обратился ко мне: — Задайте ему ваш вопрос. Возможно, у вас осталось мало времени.

Я опустился на колени, откатив в сторону череп не то короля Эдгара, не то какого-то другого монарха.

— Мастер Бенлоу...

Он улыбнулся мне. Думаю, что улыбнулся. На маленьких острых зубках осталась кровь. Возможно, он пытался перегрызть себе вены, пока воля и силы не подвели его.

— Они прикончили меня, — прошептал он. — Разве не так?

— Доктор сейчас придет.

— Заверните меня в овчину, милорд. Положите меня в могилу... завернутым в добрую овечью шубу, чтоб мои кости...

— Покоились, как кости Артура?

У меня не было лишнего времени. Ни минуты. Я ждал, глядя ему в глаза, теперь неподвижные и осторожные.

— Что вам известно?

— Я знаю, *что* вы похоронили в Бутли.

Бенлоу широко раскрыл рот, будто желая глотнуть больше воздуха, потом закрыл его и заговорил слабым голосом.

— Неужто я не достоин куска овчины?

— Вы достойны руна получше того, что лежит под костями Артура.

— Я предлагал им лучше. Хорошую шкуру. Руно из моих личных запасов.

— Но они не просили у вас хорошую шкуру, не так ли? — тихо спросил я. — Хотели руно, которое выглядело бы лет на двадцать.

Бенлоу попытался вдохнуть через нос. Глаза расширились от страданий.

— От... вратительное старье. Оставили мне.

— Где?

— В аббатстве, позади... за аббатской кухней. Отвратительное старье. Страшно смотреть...

— Но сначала вам принесли ящик? Когда это было?

— Вчера? Позавчера? Третьего дня? Что сегодня?

— Понедельник.

— Неделю назад? Кто его знает? Время быстро летит, когда ты при смерти.

— Кто принес руно, мастер Бенлоу?

— Не знаю. Оно просто лежало там. Мне велели забрать.

— Кто?

— Откройте мне тайну.

— Вам известны все мои тайны.

Вероятнее всего, овчину привезли с какой-нибудь фермы, где животные заразились овечьей чумой. И, скорее всего, сделали это ночью, перенеся шкуру на длинных вилах.

Покуда она не прикоснется устами к костям короля всех бриттов.

— Чьи это кости? — прошептал я. — Чьи кости вы завернули в руно? Чьи кости вы закопали в Бутли?

Мне казалось, я знаю. Просто не мог вспомнить имени.

Бенлоу не отвечал, и я спросил снова, приблизившись к нему настолько, чтобы хорошо разглядеть волдыри на его шее, один из которых был величиной с дюйм, с черной, похожей на воронку, точкой в центре.

— Большого человека, — сказал я. — Кости самого большого покойника на кладбище.

— Артур, — прохрипел Бенлоу. — В этой стене сотня святых, но всем нужен только Артур.

Он снова попытался глотнуть воздуха, но дышать не получалось. Глаза запылали ужасом, и он припал к стене смерти.

— Помогите мне, Бенлоу. Сделайте доброе дело.

— Доброе? — Его веки дрожали, как мотыльки. — Что есть добро? Что есть зло? В чем отличие между ними? И то и другое — ложь. Даже Бог — ложь.

— А небог?

— Что?

— Вы говорили... Раньше, когда я приходил к вам, вы говорили, что даже отсутствие Бога — ложь. Кого вы имели в виду? Часом, не доктора Борроу?

Я подумал о том, что рассказала мне миссис Кадвалад. Вспомнил чувства, которые я испытал, покидая в первый раз дом Борроу, когда мои мысли еще не были затуманены грезами Леланда.

— Я благоговел перед ним, милорд. Меня тянуло к нему.

— Вы следили за ним?

— Он был для меня как мессия.

— Вы говорили, что все время следите за людьми.

— Бывает, люди ходят в неожиданные... места.

— Например? Куда ходит доктор Борроу?

— Как-то ночью заходил в церковь. Доктор вошел в церковь Святого Бениния, потом... зажег свечу, а я...

Бенлоу взял меня за руки, пытаюсь вдохнуть полной грудью.

— Что вы еще видели там?

— Слышал. Он закричал. Он был один в темноте у алтаря, и он закричал, как Христос на кресте. Гневно.

— *Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?*¹

— Что?

— То, что Христос сказал на кресте.

— Я... не знаю.

— Куда еще он ходил? Вы видели, куда еще ходил доктор Борроу?

— Как-то раз ходил к морю, но я... я устал. Слишком далеко. Вернулся назад. А ночью он ходил в Медвел.

— Когда?

На лестнице раздались шаги.

— Когда это было, Бенлоу?

— Раза два, может, три... — Его глаза лукаво сощурились. — Я устал делать добро. Это неправда, милорд. Все ложь.

— Ушел, — объявил Монгер, спускаясь с лестницы. — Он ушел.

Лицо кузнеца блестело от пота, в широких глазах читалось недоумение, которого я прежде не замечал за ним.

— Мэтью нет на месте. Наверное, ушел на обход, нигде не найти. Мы остались без доктора.

Бенлоу содрогнулся, издав тонкий звук, похожий на далекое пение птицы.

— Как вы и предполагали? — спросил меня Монгер, и я кивнул.

— Ступайте и сделайте все, что нужно, — предложил он. — Я исповедую и утешу его. Не могу смотреть, как он умирает.

¹ Мф. 27:46

— Лучше в ваших руках. — Я осторожно поднялся, стараясь не удариться головой о потолок. — Лучше целитель коней, чем... Джо, его надо остановить.

Бенлоу разинул рот наподобие одного из его черепов и поманил меня скрюченным пальцем.

— Дадли, — сказал я. — Нам надо вернуть его. Вместе с костями. Их нужно снова закопать в землю. Где-нибудь далеко, где никто не копает.

— Тогда кому-то придется скакать как ветер, — ответил Монгер. — Скажите Ковдрею. Если он вышлет своих мальчишек... С повозкой им далеко не уйти.

— И придется останавливаться где-нибудь на ночлег.

— Молите Бога.

Бенлоу попытался подняться, и Монгер подошел к нему. Бенлоу искал меня взглядом, его глаза тупо уставились в точку, где мгновение назад стоял я.

— Неспроста... — хрипел он, пытаясь выдавить смех. — Неспроста... его называли Большой Джейми Хокс, милорд.

Мы с Ковдреем проводили всадников взглядами. Остатки серого дня догорали под хмурым свинцовым небом.

В погоню за Дадли отправили троих гонцов: конюшего, поваренка и, должно быть, сына самого Ковдрея. Один из них взял мою лошадь. Каждому я вручил по копии письма на имя Дадли, подписав их, за неимением подходящей печати, парой глаз. Однажды я придумал знак ради шутки, в качестве своей подписи на письме к королеве. В послании говорилось о том, что если Дадли не вернется немедленно с костями в запечатанном ящике, то единственной наградой ему станет смерть. Самая страшная смерть. Я даже не нашел слов, чтобы точнее описать ее. *Могила любви*, в конце концов написал я. И дважды подчеркнул эти слова.

— Не знаю, сколько вы хотели взять за услугу, — сказал я, — но вам следует удвоить плату.

Немного помолчав, Ковдрей покачал головой.

— За это я ничего не возьму с вас.

Он не знал. Не мог знать. Но человеком он был хорошим.

Я кивнул в сторону холма Святого Михаила, стараясь говорить ровным тоном.

— Где Нел проведет ночь?

— Наверняка в Медвеле. В городе есть старая тюрьма, но ей больше не доверяют. В Медвеле есть темница. Этот дом — целая крепость. Так говорят. Сам я там никогда не бывал.

— Никогда?

— Ни разу с тех пор, как дом перестроили.

— Кэрю будет там?

— Скорее всего. — Ковдрей взглянул на меня и вздрогнул. — Доктор Джон, видели б вы себя... вам надо поспать. Вы же похожи на ходячий труп. Ничего не ели... И вообще, не понимаю, как это вы еще держитесь на ногах.

— Все в порядке. Мне нужно немедленно поговорить с Кэрю.

Лучше бы это сделал Дадли, но кто знает, где он, да и вообще увидим ли мы его в эту ночь. Я рассказал Ковдрею все, что сообщил мне Бенлоу об убийстве Мартина Литгоу Стефаном Файком.

— Пусть все узнают об этом, мастер Ковдрей. Пусть новость разойдется по всему городу. Несчастному Бенлоу уже все равно ничего не сделать.

— Думаете, никто не знает? За щедрости Файка люди предпочитают не вспоминать о нем плохо, но все видят, какой у него сын, особенно если пьян.

— Где его мать?

— Давно померла. Говорят, что отец с сыном на пару блудят со шлюхами в Уэлсе.

— Кэрю об этом знает?

— Ему есть до этого дело?

— Нет. Думаю, нет. Как быстрее добраться до Медвела? Я только знаю, что имение расположено с другой стороны дьявольского холма.

— Не совсем так, доктор. — Ковдрей вздохнул. — Имение с другой стороны холма, когда стоишь на холме. Медвел примерно в миле от города. Если пойдете по следующей дороге после той, что ведет к холму, и будете двигаться на восток, то выйдете прямо к воротам.

Я кивнул. Мои мысли были заняты доктором Борроу. Где бы он мог быть? Где он учился тридцать лет тому назад или больше?

— Хотите идти в одиночку?

— Пойду один. Нет, нет... — Я отмахнулся. — Благодарю вас. Присматривайте за трактиром.

Ковдрей покачал головой. Мне хотелось сказать ему: *«Ковдрей, хотят убить королеву. Ее наследие отравлено»*. Но, если бы он спросил меня, кто пожелал это сделать, я не смог бы ответить ему ничего определенного.

— Полагаю, не осталось никого, кто мог бы проследить за мной? — сказал я. — Где стражники Кэрю?

— Они следили не только за вами, вы должны знать это, — Ковдрей положил руку мне на плечо. — Берегите себя, слышите?

— Да. Благодарю вас за все.

Теперь следовало остерегаться многих опасностей. Небо окрасилось в земляные тона, но яркие вспышки пылали в моей голове, когда я шел по улицам города. Я собирался посетить Медвел, но сначала следовало заглянуть еще в одно место.

Город наполняли молчаливые сумерки, улицы пустели, воздух затягивало умиротворяющим дымком, когда я, наконец, прошел мимо церкви Святого Бениния. Лазарет доктора погружался во мрак, и я стал еще одной тенью на верхней ступени лестницы. Я вынул кинжал.

Я не знаток в подобных делах. Однако замок оказался старым, и дерево легко раскололось под сталью клинка. Я вошел внутрь комнаты.

Огонь в камине почти потух, но все-таки мне удалось зажечь от него пару свечей. Поставив их на хирургический стол, я начал поиски. Пока я не знал точно, чего ищу, но не сомневался, что сразу пойму это, как только найду.

Глава 52

СКЛЕП

Суровость строения поразила меня. Но что еще ожидал я увидеть?

Для состоятельных людей, как я уже заметил однажды, начиналась новая эра. В больших домах теперь широкие окна. Не то что скупые бойницы Медвела. Я остановился в воротах. Ни привратник, ни стражники не подавали признаков жизни. Дом возвышался передо мной, словно скала из вечернего сумрака.

Ворота были открыты. Такого я тоже не ожидал, представляя, как кто-нибудь из наемников грубо облает меня и пошлет кого-нибудь доложить Кэрю о моем приходе, и потом тот неспешно соизволит выйти ко мне, раздраженный и насмешливый. Но ему все равно пришлось бы выслушать меня. Клянусь Богом, я заставил бы Кэрю слушать. И тогда казнь была бы отложена, божьей милостью, на несколько недель, пока длилось бы новое следствие, по завершении которого в петле оказались бы совсем другие шеи.

Я не ждал Файка. Мне нужен был Кэрю. Один.

Однако здесь у ворот компанию мне составляли лишь совы. В долине за моей спиной птицы наполняли своим уханьем небо, упрямо начинавшее проясняться после серого дня.

Хотя звезд еще не было видно. Предоставленный самому себе, я продолжил путь.

Я не допускал и мысли о том, что Кэрю мог быть как-то причастен к этому делу. Он не обладал столь изощренным умом. Правда, что в Европе он служил противоборствующим королям, сражаясь то на стороне одного, то другого. Однако по возвращении в Англию он, казалось, был безоговорочно предан интересам родины — протестант до мозга костей, авантюрист, но не заговорщик.

Вряд ли я смог бы когда-нибудь полюбить этого грубияна. Но он получил аббатство из рук королевы или Сесила,

а тот, кто владел аббатством, владел и этим несчастным городом.

Я думал вызвать Кэрю на улицу, но, в конце концов, дошел до самого дома и остановился перед зеленой дубовой дверью в каменной стене. Здесь не было ни крыльца, ни навеса — едва ли дверь походила на парадный вход, но мне подошла бы любая. Я дважды ударил по ней кулаком. Но ответа не получил. Внутри тишина.

Постояв немного в нерешительности, я повернул железное кольцо над замочной скважиной. Чутье подсказало мне, что дверь не заперта.

Прежде чем отправиться в Медвел, я вернулся в трактир и снова разыскал Ковдрея. Никто не знает о том, что происходит в городе, лучше трактирщика. Он замечает всех приезжих и тех, кто уезжает; слышит все, что слетает с неосторожного языка, развязанного выпивкой.

Но сначала я отнес письма, которые нашел в доме доктора Борроу, в конюшню и спрятал их высоко за потолочной балкой ослиного стойла. Ослы умеют хранить секреты. Затем я жестом подозвал Ковдрея из пивной, где уже собирался народ. Назначенная на утро казнь стала главным предметом толков.

— Не нашли дорогу в Медвел, доктор Джон?

— Пока еще даже и не пытался. У нас мало времени. Доктор Борроу покинул город в юности. В каком году это случилось?

Так я узнал о его отце, богатом купце и ревностном католике. Он торговал шерстью во Франции, и тамошние нравы больше пришлись ему по вкусу.

Это случилось в двадцатые годы, когда еще не было и намек на Реформацию и король Гарри благополучно женился на вдове своего брата Артура, Екатерине.

На родину вернулся лишь Мэтью — тогда уже дипломированный врач. Замечательный врач, как вскоре выяснилось. Гластонбери был благодарен ему. И многие богатые купцы и землевладельцы округа, по словам Ковдрея, сочли бы за честь выдать за него своих дочерей. Однако, к не-

удовольствию купцов и их дочерей, Борроу выбрал девушку-сироту, что работала тогда кухаркой в аббатстве.

— *О, какая она была красавица,* — рассказывал Ковдрей. — *Но, естественно, у нее за душой не было ни гроша. Никто не мог тогда этого понять.*

В некоторых домах, вне зависимости от времени года, бывает промозглее, чем на улице. Без плаща и накидки, и даже не поев ничего в тот день, я заоченел от царившего в Медвеле холода.

Ни зажженных свечей, ни светильников, ни мерцания огонька в камине, ни запаха дыма. Один коридор. Я тихо стоял, не зная, куда идти. А безрассудное подсознание уже начало свой путь в подземелье, которое, конечно же, окажется без охраны, и связка ключей будет открыто висеть на гвозде.

И что делать потом? Бежать рука об руку с Нел Борроу? И вместе с ней покинуть страну?

Но жизнь от этого не стала бы легче ни для кого из нас. Я повернул налево, где было больше света от высоких и узких окон. Мне было жутко оставаться там одному, и хотелось крикнуть кого-нибудь. Но что, если бы ко мне вышел Файк? Мне нужен был кто-нибудь из прислуги, кому я поручил бы привести Кэрю.

Коридор заканчивался Т-образным тупиком и дверью по центру, так что я просто открыл ее. Насколько смог — дверь не открылась хотя бы и наполовину. Я было подумал, что кто-то подпирает ее с другой стороны, и отскочил назад, но тут же узнал до боли знакомый глухой звук.

Книги. Длинная комната, полная книг. Знакомый запах старой кожи и плесени.

Однако хранилище книг совсем не походило на библиотеку. Только книги, и ни единой полки, ни шкафа. Книги лежали кучами на полу — хорошие книги, в добротных переплетах, в невероятном количестве. Дальнее окно выходило во двор, окруженный высокой стеной, и в тусклом свете я без труда прочел название знаменитой книги.

«Euclidis Elementa Geometrica».

Боже мой.

Через пару мгновений я наткнулся на «Minerarium» Альберта Великого, затем нашел «Quaestionum Disputatarum» Фома Аквинского и множество других научных и философских трудов, копии которых имелись и в моем жалком собрании в Мортлейке.

Едва ли я мог сомневаться, что нашел значительную часть монастырской библиотеки — той самой, которая во времена аббата Ричарда Уайтинга привела Леланда в благоговейный трепет. Только теперь без полок, без описи. Книги валялись как попало, не получая должного примотра. Некоторые тома покрылись толстым слоем пыли, другие заплесневели от сырости. Истинный склеп науки.

За книгами я почти не заметил, что в комнате также было множество различных предметов мебели: стульев, ширм, сундуков — полный набор церковной утвари. Я открыл ближайший ко мне сундук и обнаружил там завернутые в тряпки два серебряных блюда и чашу с ручками. Книги, мебель, алтарная утварь. Их не просто похитили и обратили в убранство чьего-то дома. Все это богатство и было Гластонберийским аббатством, припасенным до лучших времен.

Знал ли об этом Кэрю? Ведь это его аббатство, его собственность.

Вряд ли. Тогда как я мог бы провести тут следующие пять лет, книги любого достоинства почти ничего не значили для такого неуча, каким был Кэрю. Легенда гласила о том, что он скорее бросился бы с городской стены, чем вернулся бы в школу.

Я не знал, даже не задумывался, куда иду. Бродил во тьме коридоров и дверей, проходил под арками, где расщелины между камнями еще казались сырым. Если бы в этих стенах предполагали открывать колледж, он не походил бы ни на один из тех, в которых доводилось мне побывать.

Наконец я забрел в тупик. С обеих его сторон было по одной двери. Окошко на левой двери перекрывалось железными прутьями. Темница? Скорее оружейная комната.

Дверь справа вела в короткий проход, где почти не было света. Осторожно ступая, я медленно двигался вдоль левой стены.

Ступеньки. Узкие ступени, ведущие вниз. На лестнице блики тусклого света.

Ступени вели в подземелье? Суждено ли было моим фантазиям осуществиться? Я подавил краткую вспышку восторга. В действительности все оказалось бы намного сложнее.

И потом, когда я медленно спускался по лестнице, далеко внизу слышался голос. Одиноким голос, тихое и однообразное бормотание. Голос одного человека, без ответных реплик, будто человек обращался не к собеседнику, но... к своему богу?

Вскоре я понял, что он говорил на латыни, ставшей моим вторым языком; языком, на котором Господь имел обыкновение обращаться к людям.

Порою мы попадаем в ситуации, которые как будто устроены заранее некоей могущественной силой. Должно быть, я уже писал раньше о своем ощущении, что уподобился пешке на шахматной доске, став участником большой игры, правил которой я не понимал. И теперь, медленно шагая на звук, я снова испытал это чувство — ощущение предопределенности.

Впереди показался свет. За каменной аркой, на пьедестале, с виду напоминавшем алтарь, ярко мерцали свечи.

В нише над алтарем помещалась статуя Девы Марии. Статуя из числа тех, что недавно были сорваны с церковных стен по всему королевству. Перед ней на коленях стоял пожилой мужчина, руки свесились по бокам, голова застыла в поклоне. Его губы читали литанию не по нашей книге молитв, но по неким строкам, хранящимся в памяти с более далеких времен.

Подойдя ближе, я понял, что в одном я ошибся: языком молитвы был французский. Мой третий, быть может, четвертый язык.

Я молча стоял, наблюдая и слушая примерно с минуту. Но потом, по неизвестной мне причине, понял, что обязан обозначить свое присутствие. И кашлянул.

Довольно медленно человек поднялся на ноги и развернулся ко мне. Губы продолжали двигаться, читая молитву. Никогда прежде не слышал я ни подобной молитвы, ни голоса.

Да и не ожидал услышать от глухонемого.

Глава 53

ГЛУХОНЕМОЙ

— Frère Michel¹, — сказал я.

— Qu'est-ce qui se passe?² — ответил он, пытаюсь рассмотреть меня.

Простояв некоторое время перед ярко освещенным алтарем, монах не мог сразу приспособить зрение к темноте, и я казался ему только тенью. Я же, напротив, хорошо видел его лицо: слегка выпуклые глаза, тяжелые веки, выступающая вперед нижняя губа, седая борода, похожая на остроконечную лопатку.

Я воспользовался мгновенным преимуществом и сказал ему по-французски, что его чудесная речь, напомнившая мне о былых временах, восхитила меня, и выразил надежду, что она не повредит его знаменитым способностям предвидения.

Я вспомнил Файку в день нашей первой встречи.

...разговоры людей не отвлекают его, ибо он слышит лишь голоса ангелов. Потому, как вы понимаете, его нравственные и духовные суждения... весьма ценны.

Брат Михаил вздрогнул, но затем бесцеремонно снял с алтаря один из подсвечников и поднял его вверх, справа от меня. Потом чинно кивнул.

¹ Брат Михаил (фр.).

² В чем дело? (фр.).

— Прошу простить меня, — сказал я. — Когда мы встретились на вершине холма Михаила, ваш господин, кажется, не счел обязательным познакомиться нас.

Он ничего не ответил.

В каком он был возрасте? Примерно в возрасте моей матери, около шестидесяти. Судя по тому, как была натянута его фетровая шляпа, намекая на скрытую под ней плешь.

— Мне следовало догадаться, что вы будете здесь, — сказал я. — Ведь тут так много всего, что могло бы заинтересовать вас, помимо остатков лучшей библиотеки за пределами Лондона. И, может быть, даже Парижа.

Я продолжал говорить по-французски, поскольку не был уверен, что он понимает по-английски. Хороший повод представить человека в таком положении глухонемым.

— Гораздо больше, чем книг, — сказал я. — Намного больше. Я читал, что вы интересуетесь древними памятниками и наследием друидов. Которые здесь, как я полагаю, куда многочисленнее и богаче, чем во Франции. Одно из преимуществ острова.

Продолжая держать подсвечник, монах по-прежнему оставался спокоен.

— Есть, конечно, и недостатки, — сказал я. — Местный люд, например, суеверен и не склонен к прогрессивному знанию. Веская причина, чтобы явиться сюда инкогнито — хотя некоторые из нас оказали бы вам теплый прием. Все долгие часы, что мы могли бы скоротать за беседами об астрологии, алхимии, Каббале...

И тут мне пришло в голову, что монах мог бы подумать, будто я пытаюсь спровоцировать его своими вопросами на разговор, чтобы получить доказательства, позволяющие окончательно установить его личность, и потому он продолжал молчать. По правде говоря, я уже начал терять терпение. Пришло время раскрывать карты.

— Сначала я и не думал, что вы могли учиться в колледже Монпелье в одно время с Мэтью Борроу, — вы почти не десять лет старше его. Но позже я вспомнил, что в документах вы значитесь поздним студентом кафедры медици-

ны. Если не ошибаюсь, вы поступили в колледж на тридцатом году?

Я заметил, как дрогнули его глаза при упоминании Мэтью Борроу.

— Я прочел некоторые из ваших писем, посланных доктору Борроу. С трудом. Как только аптекари разбирают ваш почерк? Этак можно кого-нибудь отравить.

Оба письма, выкраденных мною из дома Борроу, остались без подписи, однако изучение почерков было среди моих увлечений, которыми я занимался ради забавы. Я всегда получал удовольствие от анализа стилей и развития способов написания букв.

— Несколько манускриптов, написанных вами, хранятся в моей библиотеке, — сказал я. — Должен признать, с годами ваш почерк стал еще хуже.

Возможно, он улыбнулся. Не могу сказать наверняка, поскольку в тот миг старик решил опустить подсвечник.

— Я слышал, вы строите библиотеку, — произнес он.

— Это было давно.

Нелепая лесть. Едва ли он слышал о библиотеке. И даже обо мне. Но хорошо уже то, что он заговорил.

— В день нашей встречи на вершине холма... — продолжил я. — Вы знали тогда, кто я?

Он тщательно обдумал вопрос, словно в нем могла бы содержаться ловушка. Что могло быть на самом деле.

— Тогда еще нет, — ответил монах. — Нет.

— Может быть, вы узнали об этом позже? — Терять уже было нечего. — Быть может, после того, как обезумевший сын Файка вытянул сведения из конюха моего спутника? Довершив дело кровавым убийством?

Ответа не последовало. Я больше не видел его глаз, но продолжал говорить. Световые вспышки в бешеном танце снова ослепляли меня изнутри.

— Кому пришла в голову идея перенести мертвеца в аббатство и затем выдать оправданное целесообразностью убийство за ритуальное жертвоприношение? Я спрашиваю лишь потому, что увечья, нанесенные телу — как было бы представлено присяжным, если бы состоялся суд над Элео-

норой Борроу, — явно требовали хирургических навыков. Определенных умений, которые, как я полагаю, были прекрасно знакомы молодому Мишелю де Нострадаму.

При этом первом упоминании полного имени старца мистическое свечение засияло во мне сильнее. Я словно вернулся в ту грозовую ночь, когда порошок видений завладел мною и я парил по воздуху, точно ангел по ночному саду. Я ухватился за каменный выступ за моей спиной, будто бы для того, чтобы удержаться на земле.

Наконец я услышал ответ.

— Я был и остался врачом. Врачом, который не совершает убийств. Во всяком случае... — Монах пожал плечами. — ...не убивает намеренно.

— Это не совсем так, — ответил я.

Старик поставил подсвечник на прежнее место.

Я осмотрелся вокруг. На ближайшей к входу стене висело распятие, по обе стороны от которого были устроены ниши, занятые невысокими статуями. Вероятно, это были святые.

На алтаре стояла рака, и в воздухе чувствовался легкий аромат ладана.

— Кажется, вы замерзли, друг мой.

Монах был одет в сутану — весьма подходящая для этого дома одежда. Я злился на себя самого за то, что не сумел связать Нострадамуса с глухонемым братом Михаилом, пока не услышал его речь. В одном из писем, адресованных Борроу, старик подтверждал, что прибудет в месяце феврале и остановится у «нашего общего друга законника». Продолжение письма напоминало бессмыслицу, и я предположил, что это шифровка.

— Я очень торопился, покидая трактир, — сказал я. — Но незадолго перед уходом прочел ваше последнее четверостишие. Речь в нем, кажется, идет о королеве английской и костях Артура? Интересно, каким образом оно попало к Трокмортону.

Я зашел слишком далеко. Старик снисходительно улыбнулся. Теперь он знал, что мне известно не все.

— Доктор Ди, есть вопросы, на которые я не могу дать ответа. — Он прикоснулся к уху. — Я даже не слышу их.

— Много ли донесений о королеве Англии вы получаете?

— Я получаю то, что получаю.

— Однако вы, несомненно, представляете каждое из них вашим хозяевам при дворе. Полагаю, требуется их тщательное изучение перед публикацией?..

Мишель де Нострадам терпеливо вздохнул.

— Доктор Ди, — произнес он. — Не знаю, каким образом вы оказались тут в этот вечер, но я рад приветствовать вас, как своего собрата по науке... и, возможно, охотно побеседовал бы с вами о том, что нас сближает — об астрологии, алхимии, медитации, о научных вопросах. Однако я придерживаюсь золотого правила: государственные дела не для нас.

Его слова показались мне лицемерием, но я ничего не сказал.

— Проходите сюда. — Старик протянул руку. — Отдохните. Обещаю, здесь никто не потревожит нас. Ночью никто не приходит сюда, кроме меня.

Сбоку от алтаря из стены выступало каменное сиденье. Я уселся на камень, давая отдых усталым ногам. Благостная прохлада начала изгонять из меня вялость. Нострадамус сел на деревянный стул с подлокотниками и подвинул его так, чтобы быть напротив меня. Потом положил руки себе на колени.

— Я с сожалением узнал, что ваши таланты ценятся в вашей родной стране меньше, чем мои дарованья во Франции.

— Не уверен, — возразил я, — что наши с вами таланты равны.

Мой собеседник пожал плечами, подтянул рукава, чтобы обнажить руки, и я заметил, что монашеское облачение этого человека обманчиво. Сидящий передо мною человек не был монахом и никогда не служил Церкви.

— Что привело вас в эти края на самом деле? — спросил я.

— Вполне справедливый вопрос. На который вы сами дали ответ. Очарование ваших островов. Окно в прошлое, которое выглядит здесь немного не так, как в Европе. В особенности эти края... дают ощущение связи времен, недоступное нам. Здесь будто сохранилась связь с космосом, давно утраченная повсеместно.

— Вероятно, вы имеете в виду зодиак.

Теперь я был во всеоружии.

— Бог мой... — Нострадамус развел руками. — Когда я услышал об этом...

— Давно вы об этом узнали?

— Недавно.

— Каким образом вы узнали?

— Ага! — С улыбкой на лице Нострадамус погрозил мне пальцем. — Каким образом дознались до этого вы, доктор Ди?

Стало быть, он все знал. Вероятно, я имел недовольный вид, поскольку старик залился смехом.

— Для какой цели он служит — вот главный вопрос. Я полностью готов признать, что небесный зодиак на земле устроен иначе, но кем, и как нам следует понимать его предназначение?

Старик тоже не знал. Или хотел проверить меня?

— Если его сотворил Господь, — тихо произнес я, — это чудо. Но если его создал человек, то творение его рук свидетельствует о цивилизациях, которые существовали на этих островах до нас и намного опережали нас в развитии.

— Блестящая мысль. — Нострадамус наклонился вперед и взволнованно пожал мне руку, словно он был моим дядюшкой. — Вы умный человек, доктор Ди. Это и есть тайна Мерлина? Как вы думаете?

Наконец я заметил в нем интерес. Нельзя было упустить такой шанс. Теперь было ясно, что ни Кейт Борроу, ни Джон Леланд так и не узнали последней тайны — о цели земного звездного круга, — тайны, которую аббат Уайтинг, вероятно, унес в могилу. И если не осталось никого, кто владел бы ключом к секрету, в будущем нам пришлось бы изрядно поломать голову над разгадкой.

— Думаю, — осторожно ответил я, — ничего определенного пока сказать не могу. В данный момент меня больше волнует дело Артура.

— О, разве он еще не вернулся к жизни, как считают британцы? — Нострадамус скрестил на груди руки, на мгновение задумчиво опустил на них глаза, затем поднял голову и взглянул на меня с лукавой улыбкой. — Разве он не жив, как дух ветви Тюдоров? *Тьфу ты!* — Он легонько шлепнул себя по руке. — Нарушаю собственное правило не касаться государственных дел.

— Полагаю, в вашем положении было бы почти невозможно избегать их.

Он ничего не ответил.

— Дело Артура, — сказал я, — и Авалон. В попытке понять древнее право Тюдоров на трон Англии и Уэльса некоторые силы при французском дворе непременно должны были осознать важное значение Гластонбери.

— Вы льстите своей стране, доктор Ди.

— Отнюдь, доктор де Нострадам. Не забывайте о своей стране. До тех пор, пока малолетнему Франсуа не доверят бразды правления, Франция останется под защитой Гизов, которые просто мечтают увидеть свою дочь, Марию Шотландскую, королевой Англии.

— Это ее право. Сам папа...

— Ну да... Папа. В этом как раз вся суть. Англия снова получила свободу от Рима. Несмотря ни на что, это почти счастливая свобода.

— Вы заблуждаетесь.

— Вы не живете здесь. Вспомните, сколько было пролито крови после того, как король Генрих порвал связи с Римом. И не забудьте о том, что еще больше крови пролилось в правление Марии Тюдор, когда связь с папой восстановили. После свержения Марии Англия была по горло сыта религиозными преследованиями, и новая королева понимала это. Ей хватило разума осознать, что протестанты и католики могут жить вместе, если не в гармонии друг с другом, то хотя бы сравнительно мирно...

— Это хаос, друг мой! Этот жалкий городишко со всеми его ведьмами и знахарями — Англия в миниатюре. Лондон не лучше. Говорят, что Паркера буквально принудили принять архиепископство в Кентербери.

— Факт остается фактом. За год правления Елизаветы ни один человек не был казнен за свои религиозные убеждения. — Я указал рукой на алтарь. — Взгляните на нас. Вот мы сидим здесь, в католической часовне, и все готово для мессы. И такие часовни можно найти по всей стране. Разве кто-нибудь ищет их? Разве их разрушают?

— Мой добрый друг...

— И такое положение дел не устраивает папу, не так ли? Что касается Франции... Ей всегда мало. С Елизаветой на английском престоле удовлетворение французских притязаний на Англию едва ли возможно. Долгожданное восстание католиков, которое сместило бы Елизавету и поставило бы на ее место Марию де Гиз — можно ли рассчитывать на него теперь? Народ рад наступлению мира, даже многие католики. Почему большинство епископов принесли клятву верности королеве?

— Только предатели.

— И, разумеется, королеве всего двадцать семь лет. Она останется королевой еще полвека. Франция... Гизы... Папа... вы все не у дел. Если только...

Лицо старика было пустым.

Если только...

Картина постепенно прояснялась.

Католическая часовня в подвале Медвела опровергала утверждение Файка о том, что *все местные оставили папу и каждый готов поклясться в преданности королеве.*

Дела обстояли совсем иначе. С самого начала Файк вел двойную игру. Лицемерно приняв сторону Реформации, он выдал своего аббата Кромвелю в обмен на земли, деньги, рыцарство и место мирового судьи. Возможно, предательство рассматривалось как вынужденная жертва в долгосрочных интересах Римской церкви.

Однако едва ли католическая вера сама по себе была дорога сердцу Файка, судя по тому, что я узнал о нем. Файк был казначеем, распорядителем денежных средств и сам метил на место аббата... по сути, верховного наместника Гластонбери и всех земель к западу с их безграничными богатствами.

Мог ли кто-то убедить его, что все это, или нечто подобное, может еще сбыться? Я вспомнил о длинной комнате, заваленной книгами, мебелью, мелкой утварью — аббатство в запасе. Вспомнил, как рассказывал Ковдрей при нашей первой с ним встрече о том, что Файк ввел суровые наказания за воровство камня из разрушенного аббатства.

Надежды на восстановление монастыря в правление Марии Тюдор рухнули. *Однако оно было возможно при покровительстве Марии Шотландской, учитывая богатства французской казны за ее спиной.*

Что посулили Файку за его участие в устранении правящей королевы Англии? И какой была роль Нострадамуса в этом заговоре?

И почему — внезапно почуяв неладное, я обернулся, — почему он казался таким подозрительно спокойным?

Глава 54

ОБМАН ЧУВСТВ

Естественно, у него не было причин объяснять мне что-либо. В отличие от несчастного Бенлоу, старик даже не собирался пока умирать.

Мне требовалось чем-нибудь заинтересовать его, и единственной жемчужиной, которую я, кажется, мог бы ему предложить, был ключ к тайнам Круглого стола, земному зодиаку Гластонбери. Но именно этой жемчужины у меня как раз не было.

Только он об этом не знал.

— Кто приходит сюда на мессу? — спросил я.

— Если вы хотите услышать от меня их имена, то я не стану называть их.

— Полагаю, здесь бывают только влиятельные люди. Никакой черни. И эти люди, возможно, также бывают на встречах с путешественниками из Европы? Видными богословами? Государственными мужами? И, конечно, со знаменитыми пророками и предсказателями судеб мира.

Нострадамус улыбнулся.

— Вы приехали в Гластонбери, — продолжал я, — в надежде подобрать ключ к запискам Леланда?

Старик крутил в руках пояс сутаны, но я чувствовал жар его мыслительного механизма. Получить книгу Леланда, совсем недавно захороненную заново, он мог только одним путем.

— Надо полагать, Мэтью Борроу послал книгу вам. Несмотря на свои способности, он так и не сумел понять смысл этих записок.

— Он понял не больше самого мастера Леланда, — ответил Нострадамус.

Возможно, именно так. Леланд передал свои записи Кейт в надежде, что та когда-нибудь постигнет их смысл.

Каким образом сам Леланд узнал об этом? Быть может, кто-нибудь из монахов шепнул ему, дал только намек во время одной из встреч с Леландом, когда тот впервые посещал Сомерсетшир, разыскивая древности и следы Артура. Когда же, наконец, нашлось время изучить вопрос более тщательно, он вернулся. К тому времени большинство монахов покинуло эти места, но Кейт Борроу по-прежнему жила тут, и Леланд обратился к ней.

Теперь я принадлежу самому себе.

Что знала Кейт? Приблизилась ли она хоть немного к разгадке смысла и предназначения зодиака? Об этом, наверное, мы уже никогда не узнаем. В любом случае, она имела в распоряжении не так много времени. Записки покойного Леланда дошли до нее с большим опозданием, а вскоре ее обвинили в ведовстве и отдали под суд.

После чего книга неминуемо попала в руки Мэтью Борроу. Последний должен был оценить значимость записей и предупредить своих хозяев или самого Нострадамуса. Сколько времени понадобилось Мишелю де Нострадаму на

то, чтобы с помощью переводчика расшифровать записки Леланда? Был ли этот француз тем человеком, кто догадался о местонахождении мощей Артура, захороненных последними монахами Гластонбери? Были ли кости Артура на самом деле закопаны в лесу близ селения Бутли? И если так, где же они теперь? Отправлены во Францию?

Не оставалось сомнений, что Нострадамус, питающий особый интерес к древностям, прибыл в Гластонбери затем, чтобы исследовать зодиак. И вернул книгу доктору Борроу? Бессмыслица, говорил он нам с Дадли. *Оккультизм*. Он хорошо понимал, как быстро последнее слово убедит меня прикоснуться к таинственному — и заглотить при этом наживку вместе с крючком. Будь наше путешествие к могиле Артура менее опасным и трудным, у нас появилось бы куда больше причин усомниться в нашей находке.

Ловкости Мэтью Борроу следовало отдать должное.

— Когда вы учились в Монпелье? — спросил я. — Можно поинтересоваться?

Нострадамус пожал плечами.

— Примерно в 1529 году. Мне было тогда двадцать шесть.

Разумеется. Поздний студент. Это все объясняло.

— Наверное, взяли его под свое крыло. Я имею в виду юного Мэтью Борроу.

— Он был в состоянии позаботиться о себе, доктор Ди. Иезуитское воспитание способствует этому.

Я крепче схватился за каменный подлокотник сиденья.

Проклятье.

Иезуит. Стальной клинок католичества.

Я даже не моргнул глазом, хотя удержать себя в руках было непросто. Только кивнул, будто мне это было уже известно.

Звучало очень правдоподобно. В городе доктора Борроу считали безбожником, который ходит в церковь лишь для того, чтобы не платить штраф. Разумеется, безопаснее, если в тебе видят атеиста, но не ревностного католика. И, естественно, мишенью для ядовитых стрел Мэтью Бор-

роу служила протестантская церковь. *Когда изгнание папы из этой страны истекает не из поднятия духа... но мужского достоинства...*

Этим же объяснялась и его жестокость. Бессердечие фанатика с холодной рассудительностью иезуита и почти мистической интуицией.

Сомневаюсь, что я улыбался.

— Вы предложили при французском дворе сделать его тайным агентом в его родном городе?

Никакой реакции. Хотя я и так догадался. Файк укрепил Медвел, усматривая в нем возможный оплот католического восстания. Но насколько французы могли доверять ему? Франсуа де Гиз и Карл, кардинал Лотарингский, должно быть, хотели иметь своего человека на Авалоне.

— Интересно, что ему обещали за службу Франции. Возможно, деньги, земли и титул, когда королева Шотландии и королева Франции станет еще и королевой английской...

— Доктор Ди... — Старик нахмурил брови. — До сих пор я проявлял терпение к вашим бесконечным...

— Еще один вопрос... прежде чем я предложу вам, в интересах науки, свою теорию использования гластонберийского зодиака. Что вам известно об овечьей чуме?

Борроу сам мог додуматься до использования овечьей чумы, знатоком которой он теперь был. Либо какой-нибудь приближенный к французскому двору или Гизам шпион, какой-нибудь честолюбивый молодец вроде Уолсингема увидел записную книгу и придумал, как можно ее применить.

Но так ли уже вероятно, что Нострадамус ничего об этом не знал?

— Как врачу, вам приходилось заботиться о зараженных чумой?

Я думал о бедствии, случившемся лет пятнадцать назад в Экс-ан-Провансе. Тогда город опустошила чума: опустели десятки домов, закрылись церкви, на кладбищах не хватало мест для могил. Согласно полученным мною пись-

мам, Нострадамус отправился в этот ад в качестве лекаря. Храбрый поступок.

— Весьма горький опыт, — ответил он. — В действительности мы мало что могли с этим поделать, разве что помочь здоровым не подхватить заразу. Тем не менее стоит ли нетленной душе бояться смерти в таком богоугодном деле? Простите меня, но если сравнивать овечью чуму...

— От нее умирает один из жителей города. Если уже не умер.

— Такое бывает. Особенно в таких местах, как этот город.

— Вам известны пути распространения этой болезни?

— Полагаю, через мясо и шкуры животных, умерших от нее.

— Это может случиться много времени спустя их смерти?

— Следует зарывать их поглубже.

— Вы правы.

— Почему это интересует вас, доктор Ди?

Я набрал воздуха в грудь и процитировал третью, самую жуткую строчку из его четверостишия, адресованного Елизавете.

— *Пока она не припадет устами к костям короля всех бриттов.*

Слова как будто не тронули старика. Я сел глубже в каменном кресле.

— Означает ли это поцеловать кости в буквальном смысле? — спросил я.

— Не имею понятия.

— Вы же сами сочинили стих.

— Ошибаетесь, друг мой. Его сочинил Господь.

— Господь говорит рифмой и метром?

Одна из свечей на алтаре погасла. Внезапный сквозняк затушил ее.

— Вот видите? — сказал Нострадамус. — Видите, как Он отвечает на вашу дерзость? — Взяв потухшую свечку, старик снова запалил ее от соседней. — Я повторяюсь... — Положив руки себе на колени, он выпрямил спину. — Врач только лечит.

— Но вы понимаете, куда я клоню.

— Нет, доктор Ди. Признаюсь, я в полном недоумении.

— А я, признаться, в ярости, потому что кое-кто, кажется, пытается втянуть меня в заговор против моей королевы.

Я попытался рассказать ему, но старик резко мотал головой и делал руками знаки, что не слышит меня.

— Вы снова намного опережаете меня, доктор Ди.

Я наклонился к нему.

— Кости, которые нужно поцеловать, лежат на шкуре животного, погибшего от овечьей чумы. Человек, которому поручили положить кости на овчину, стал первой жертвой болезни. Идея хитроумного заговора — убить королеву.

Я впервые заговорил об этом вслух. Путешествие к прозрению, обставленное как трудный и опасный поход, включая визит в подземное царство — могильную грязь и страдания.

Но с какой целью было выдано тайное знание о земном зодиаке? Быть может, ответ дал сам Нострадамус, спросив меня: «*Что нам с этим делать?*» Никто об этом не знал. Зодиак — чудо, таившее в себе тайну, разгадать которую, возможно, уже никогда не удастся. И потому тайне нашлось иное применение: послужить более важному делу — убийству королевы Елизаветы спустя всего год после ее коронации.

Стала бы королева целовать кости?

Разумеется, она поцеловала бы их.

Вне всяких сомнений.

Перед притихшей толпой зевая королева, сияя величественной и гордой улыбкой, склонила бы свою благородную голову к недавно пробитому черепу Джейми Хокса.

— Вы в самом деле считаете, — сказал Нострадамус, — что я приехал сюда для того, чтобы руководить убийством вашей королевы?

— Разве ее смерть не порадует ваших покровителей при французском дворе? Не во Франции ли королеву Елизаве-

ту считают воплощением Сатаны? Сколько раз в своих предсказаниях вы называли Елизавету самой худшей из женщин? У которой дурная наследственность.

— Я потерял счет. Слова идут от Бога. Я подолгу остаюсь в одиночестве, провожу бессонные ночи в глубоком молчании, держа свое сердце открытым божественному духу, и в какой-то момент... мне позволяют войти в *туман постижения*, если можно так выразиться.

Я схватил подсвечник с алтаря и осветил лицо старика, заглянув в его глубоко посаженные глаза. Он был само спокойствие, как будто в любое мгновение мог погрузиться в туман своих пророчеств. Я наклонился ближе к его лицу. Я не чувствовал усталости, тело словно сделалось невесомым, рука задрожала, и потухла свеча.

— Где он? — спросил я. — Где Борроу?

Взгляд пророка остался доброжелательным и безмятежным.

— Мэтью? Его тут нет.

Я огляделся. Затишье в Медвеле поначалу, когда я пришел сюда, казалось мне благоприятной возможностью. Однако теперь неестественность тишины поразила меня, точно удар в самое сердце.

— Почему здесь нет никого, кроме вас?

— Все на холме, — ответил мне Нострадамус. — Я остался — достаточно видел смертей.

— На холме?

— Все, кроме Мэтью, конечно, — сказал он. — Никто, даже в Англии, не может принудить человека присутствовать на казни собственной дочери.

Глава 55

СКВЕРНА

Я видел, как казнили людей, мы все видели. Повешения, обезглавливания, сожжения. В большинстве случаев — незаслуженно. Сильнее всего на меня подействовало

сожжение Бартлета Грина¹. Он всего лишь сидел вместе со мною в одной темнице. Тихий и добрый малый.

И его сожгли. Еще более жестокая смерть, чем повешение. Так говорят.

Но кто знает об этом? Кто-нибудь возвращался из пламени костра или виселичной петли?

Запад догорал неземным блеском. Огненный янтарь с прожилками из белых полос — утренняя заря на вечернем небе.

Наполовину в этом бездушном мире, наполовину в аду, книжник карабкался по склону конического холма. Ноги онемели, руки изодрались о шипы и колючки. Отупевшие от усталости глаза уставились в желтое зарево над вершиной. Самый холм будто разверзся, обнажив золотые чертоги короля эльфов.

И когда, у самой вершины, я, обессилев, упал на колени, мягкий и тихий голос вновь раздался в моей голове.

Не переживайте, доктор Джон, вы не единственный, кто теряет равновесие здесь, наверху.

Слезы ослепили меня.

Почему не провести казнь тайком? Роберт Дадли предвидел, что так и случится. Рассвет обернулся сумерками. Ложные слухи пустили затем, чтобы предупредить возмущение горожан, завершить дело под покровами ночи и оставить тело на виселице, пока оно не лишится всяких признаков женской красоты и земля вновь не покроется скверной. Земля на вершине холма, что осквернялась снова и снова. Земля холма, у которого на протяжении веков пытались отнять право на исключительность.

Я полз вперед сквозь туман, который словно исходил из земли. Самый холм будто пытался скрыться от человека и дел его рук.

— Пусть Господь сжалится над этим городом грешников! Пусть свет Божий воссияет над этой землей!

¹ Бартлет (Бартоломью) Грин (1530–1556) — английский протестант, мученик за веру. Был объявлен изменником короне и сожжен на костре.

Я узнал голос. Жирный викарий из церкви Святого Бенниина, в нестираной рясе и с книгой реформированных молитв.

Невзирая на кровоточащие руки, я из последних сил вполз на вершину — как раз в тот миг, когда хор приглушенных мужских голосов протянул: *аминь*.

Дрожа всем телом, я поднялся на ноги.

Туман с земли стелился к вершине, где на столбах горели два факела, возвращая к мистической жизни руины башни Святого Михаила. Подле стояли люди, с посохами и вооруженные пиками — всего человек двенадцать. Среди них был и тот седовласый, кривозубый мастер вешать людей, который знал, почему женщина на виселице — скучное зрелище.

Виселицу, около десяти футов в высоту, надежно установили напротив башни — точно открытая дверь, основание которой утонуло в тумане, а верхняя перекладина отчеканилась в затухающем зареве, теперь розовом, как кровь с молоком.

Ворчливые, приглушенные голоса. Вырастая из коричневой дымки, садовая лестница подпирала помост виселицы.

В нескольких ярдах от нее стоял Кэрю, в кожаной шляпе и куртке. Держа руки за спиной, он нетерпеливо раскачивался взад и вперед. Когда я подошел к нему, он не взглянул на меня и только проворчал сдавленным голосом:

— Черт вас подери, Ди, я когда-нибудь избавлюсь от вашего общества?

— Сэр Питер, вы должны выслушать меня.

Это то, что я хотел сказать, но дым факелов схватил меня за глотку, скомкав слова.

— Проклятый туман, — буркнул Кэрю. — Знал бы, велел бы принести три штуки.

— Мне нужно сказать вам...

— Я всегда был глух к поучениям, *доктор*. Особенно к вашим. — Он развернулся, и пламя факела отразилось вспышкой на зубах, блеснувших в густой бороде. — Если

у вас имеется какое-нибудь заклинание, чтобы облегчить смерть этой несчастной, она будет вам очень признательна. — Он втянул носом воздух. — Довольно мила. Жаль, поздно заметил.

Затем он указал кивком на виселицу, небольшую группу людей возле нее и жирного викария, говорившего, что люди не позволят ведьме остаться в живых. И я увидел ее. На ней было все то же синее платье, запачканное пятнами грязи, но волосы как будто были заботливо расчесаны и легонько развевались у нее за плечами. Ее вели к виселице.

— Остановите их... прошу вас... ради Христа!

Мне показалось, что она взглянула на меня, словно узнала мой голос, и затем отвернулась. И я произнес те единственные слова, что могли вывести разум Кэрю из спячки.

— Все это часть заговора папистов.

Он рассмеялся.

— Вы видите тут хоть одного паписта?

— Да!

Кэрю, наконец, удостоил меня любопытным взглядом, но было уже слишком поздно.

Вы забываете, как быстро это бывает.

Свет факелов потускнел за туманом, и вот она уже поднималась по лестнице, руки связаны за спиной, голос викария медленно плывет над ней в темноте.

— *Да принесет смерть сей грешницы искупление и навечно очистит сей град от скверны и злодейства, идолопоклонства и почитания лживых кумиров.*

— Этот дурак раздражает меня почти так же, как и вы, — пробурчал Кэрю.

С лестницы донесся шум возни, звонкий хлопок.

— Клянусь Богом, если еще раз запустишь туда руку, я умру, проклиная тебя на погибель.

Смех и кашель в тумане, потом кто-то спросил ее, не желает ли она сказать что-нибудь перед смертью, и я услышал полный презрения ответ.

— Тебе?

У книжника перехватило дыхание, и он застыл в изумлении, когда лестница упала на землю и группа мужчин расступилась перед ним, открыв медленно раскачивающееся на веревке тело Нел Борроу и викария с Библией в руках. Стоя спиной к виселице, он произнес нарастающим:

— *Ведьма отправилась к Сатане. Молим Тебя, Господи, даровать нам всем свет Свой.*

Глава 56

ТУМАН

Люди обступили нас полукругом, двое с факелами в руках стояли по обе стороны от опор виселицы. Файк, его сын Стефан и сэр Питер Кэрю тоже были там, в бурой дымке. Я видел их бледные глаза, слышал их тихую речь. Потом раздался громкий голос Кэрю:

— Оставьте его, черт с ним. Если хочет вытянуть ей шею, как у цыпленка, пусть тянет, это ничего не изменит.

И я продолжал поддерживать ее тело, обхватив руками ее ноги, прижавшись щекой к ее бедру. Ее руки были связаны крепкой веревкой. Я взял ее за руку и ощутил прикосновение холодной плоти. И я молился. Молился, как никогда прежде. Просил Господа Бога и ангелов явить чудо. Шум в моей голове, будто грохот колоколов на разрушенной башне, колокола с которой давно уже сняли.

— Эй, Симмонс, помоги ему, — велел Кэрю.

Наемник со сломанными зубами двинулся вперед, отодвинул в сторону викария, растерянно стоявшего на его пути, отдуваясь и отхаркиваясь после неожиданного удара в грудь, которым я сразил его...

...и вдруг остановился.

— Ну, чего там встал! — прикрикнул Кэрю. — Помоги ему, пока он не надорвал себе спинку.

Я поднял глаза и увидел то, что заставило человека со сломанными зубами остановиться.

— Ангелы! — закричал он.

Но я увидел всего лишь воспарившую в небо золотисто-белую птицу из пламени факелов, вспыхнувших в буром облаке газов.

Веревка оборвалась, и тело рухнуло мне на голову и плечи. Мертвое тело отяжелело, но я ни за что не отпустил бы его, не дал бы ему упасть.

Туман заволакивал нас, укутывая коричневым покрывалом.

— Говори! — рычал Дадли. — Говори, что ты сделал!

Стефан Файк пятился к опоре виселицы. Споткнулся, выругался. Мне показалось, он пьян. Его отец развернулся и отошел в темноту.

— Ты забивал ему гвозди под ногти, — продолжал Дадли. — И потом, когда он ничего не сказал, ты начал тянуть из него кишки.

Наемники нервно сжимали в руках оружие, ибо они не знали, кто этот человек, что стремительно шагал сквозь туман, держа в руке обнаженную шпагу.

— Нет... — Стефан в панике оглядывался по сторонам, возможно, ища отца. На нем была монашеская сутана, а молодую бородку как будто нарочно постригли и причесали по случаю казни. — Полная чушь. Какая тварь пускает такие слухи?

Храня молчание, я сидел на грязной земле под медленно раскачивающейся пустой веревкой. Нел лежала у меня на руках, и я слышал, что дыхание постепенно возвращается к ней тихим стоном. Небесная музыка.

Файк вернулся. Кто-то, должно быть, назвал ему настоящее имя Дадли — вероятнее всего, Кэрю.

— Милорд, прежде чем обвинить моего сына...

— Кто выпотрошил его? — кричал Дадли Стефану Файку. — Кто вырезал ему сердце хирургическими ножами?

— Проклятая ведьма!

— А может, это сделал сам доктор?

Тихий стон вырвался из груди Нел. Тем временем Дадли подошел ближе к Стефану Файку.

— Скажи нам, мальчик.

— Эй, — отозвался Кэрю. — Тебе лучше сказать.

— Как... — Стефан Файк выпрямился во весь рост. — Как смеешь ты обвинять божьего человека?

Он слегка развернулся, и я увидел у него кинжал за спиной. Дадли тоже заметил клинок, и его рука знакомым коротким движением рванулась к ремню.

— Тогда не потребуется суда, — сказал он.

— Эй... стой. — Кэрю схватил его за запястье, выкручивая из руки шпагу. — Не твоя земля.

Я видел уже нечто подобное.

Развернувшись вполоборота, Кэрю выхватил боевую шпагу из руки Дадли, клинок вспыхнул тонким языком пламени в свете факелов, и с легким недоумением на юном лице Стефан Файк прогнулся, пытаясь ускользнуть от удара.

Кэрю двигался в два раза быстрее. Пара коротких взмахов — и голова Стефана Файка будто застыла в воздухе, прежде чем пасть на землю и покатиться в траву, где лежало сраженное тело, обгаряя черную грязь алой кровью.

— Это *моя* земля, — произнес Кэрю.

Молчание на вершине холма, казалось, воцарилось навечно. Будто убийство свершилось по воле самого дьявольского холма. Словно лишенный одной жизни, он взял другую.

Глава 57

ПУСТОТА

Когда-то давно у подножья Рыбьего холма сошел на берег Иосиф Аримафейский, воткнув свой посох в плодородную почву острова Авалон. Почву столь плодородную, что посох дал почки и разросся терновым кустом, дожившим до наших дней, расцветая каждый год на Рождество.

Об этом мне рассказал Джо Монгер. Красивое предание, гласившее о том, что холм был рыбиной из созвездия Рыб, эра которых наступила с началом христианской эпохи. Я и раньше сидел возле терновника, не зная прекрасной леген-

ды о нем. Обдуваемый прохладным ветром, я снова сидел рядом с высоким кустом в день памяти святого Давида. Дожив до ста лет, он умер тысячу лет назад или раньше.

Святой Давид? О да, он тоже побывал здесь, а как же иначе?

Отсюда открывался прекрасный вид и на аббатство, и на дьявольский холм. Кто знает, быть может, здесь начинался мост между двумя мирами — языческим и христианским, земным и небесным. И аббат хорошо понимал, что делает, отдавая этот участок земли Кейт Борроу под лечебные травы.

— По представлениям аббата, — говорила Нел, — целебные свойства растений, традиционно связанных с тем или другим звездным знаком, должны были значительно усиливаться, если выращивать эти растения внутри земного круга созвездий...

— Она сказала тебе об этом?

— Конечно же, нет. Мысль пришла мне в голову, когда я проснулась сегодня утром. Я вспомнила, что говорила мать, когда какая-то травка хорошо прижилась тут — тысячелистник или ромашка, сейчас не помню. «Ага, — сказала она, — это растение соответствует знаку Рыб». Потом еще мама ходила вместе с аббатом сажать травы в других полях, принадлежавших аббатству, и... я догадалась.

Логичность такого предположения было трудно оспорить. Монахи посвятили Кейт в хранимую ими тайну земного зодиака. Кейт Борроу работала вместе с монахами над новыми способами врачевания с применением астрологии. Значение их совместной работы поражало воображение.

— Кажется, это не единственный секрет зодиака, и далеко не самый важный, только...

Нел улыбнулась и пожала мне руку, и я взглянул на нее со страстью, но без надежды. Хотя мы спали с ней уже четвертую ночь, я чувствовал, что скоро нам придется расстаться.

Почти неделя прошла с тех пор, когда Нел начала говорить, не испытывая при этом боли. Она объясняла ее только

жжением и рубцами, оставшимися на ее шее, несмотря на бальзамы и мази, которыми смазывала их Джоан Тирр. Однако я подозревал и другую причину. Мне кажется, Нел не желала говорить до тех пор, пока не поймет все до конца.

Она сидела рядом со мной в синем платье и старенькой муслиновой шали, намотанной вокруг шеи от прохладного ветра. Я не прикасался к ней. Внизу виднелась верхушка креста над могилой Кейт Борроу, а впереди лежало аббатство, похожее на осколки разбитой короны.

— Ты уверен, что не видел его? — спросила Нел. — Он несколько мгновений стоял рядом с тобой.

Я покачал головой. Думаю, она имела в виду аббата. Ковдрей сказал мне, будто в ту ночь на вершине дьявольского холма видели больше людей, чем их спустилось потом вниз.

— Я заметил одного феникса, созданного пламенем факелов, — ответил я. — Я скучный книжник, лишенный дара видений.

Из горла Нел вырвался смех, что, должно быть, причинило ей боль.

И я до сих пор не мог разобраться, что было реальностью, а что — только сном или воспаленным воображением человека, который больше суток не ел и не спал. О своей встрече с Нострадамусом я никому не рассказывал. Старик исчез к тому времени, когда люди Кэрю ворвались в Медвел, найдя только статуи святых и дарохранительницу в подвальной часовне.

Слабые доказательства для обвинения самого Файка, заявил Кэрю, хотя Дадли подозревал, что Файку было слишком многое известно о Кэрю, чтобы предстать перед судом. Однако пребывать в должности мирового судьи, ему, вероятно, оставалось недолго.

Похороны Стефана Файка прошли без церемоний. «Поднять нож на королевского шталмейстера? — с тоской заявлял Кэрю. — У меня не было другого выбора».

Я не мог не задуматься о мотивах, побудивших Эдмунда Файка выдать своего злонравного сына за монаха. Помышлял ли он на самом деле, когда при королеве Марии в Ан-

глии снова восторжествовал католицизм и появилась надежда на возрождение аббатства, поставить его под контроль Стефана? Безрассудство. Хотя в те времена многие епископы и аббаты стояли намного ближе к дьяволу...

Вернулся ли брат Михаил во Францию в компании старого друга Мэтью Борроу? Если бы понадобились доказательства виновности Мишеля де Нострадама в организации легендарного заговора, я не смог бы представить ничего более существенного, чем его дружба с Борроу.

Что за человек был этот Борроу? Почему ни его жена, ни его дочь, даже в тени виселицы, не осмелились выступить против него?

На неделе после отъезда Дадли я побывал на похоронах Бенлоу и перезахоронении всех костей из его подвала на лугу за церковью Иоанна Крестителя, потом еще раз навещал миссис Кадвалад. Теперь, когда Борроу исчез из города, а положение Файка оказалось под вопросом, открывалось все больше и больше правды.

Монгер припомнил, что в начале тридцатых годов, незадолго до объявления короля главой церкви, некто предложил аббату переправить богатства монастыря во Францию, где католическая церковь заботилась бы о них должным образом. Исходило ли предложение от Файка, монастырского казначея? Наверняка от него. Однако Ричард Уайтинг, англичанин по духу, был непреклонен — очевидно, верил, что черная рука Кромвеля никогда не замахнется на колыбель английского христианства. В самом деле, это случилось лишь лет пять спустя.

От миссис Кадвалад я узнал о первой встрече Кейт с человеком, которому суждено было стать ее мужем. Они познакомились, когда Мэтью Борроу явился в аббатство, чтобы проткнуть нарыв на шее настоятеля. Казалось, необразованная кухарка едва ли могла составить пару доктору. К тому же Кейт, неотразимая красавица, носила ребенка.

— Могла ли когда-либо женщина быть более благодарной мужчине? — объяснила миссис Кадвалад. — Клянусь, она отдала бы за него жизнь.

Что и случилось.

Мэтью Борроу, как мне представлялось, вполне сознавал, что его миссия может растянуться на многие годы. Ему требовалась жена, чтобы отвадить от своего дома других девушек и их честолюбивых отцов. Постоянные отказы Борроу вызвали бы подозрения. Или, чего доброго, подумали бы, что он... Борроу нужна была женщина...

— Малообразованная, — рассказывала миссис Кадва-лад. — Которая знала бы свое место. Никогда не ставила бы под сомнение его отлучки. Домашняя прислуга с обручальным кольцом.

Именно такой она и оставалась на протяжении многих лет. Но затем научилась читать. Должно быть, чтение и вызвало в ней перемену, но перемена эта происходила медленно, и прошло много времени, прежде чем Кейт стала представлять опасность для мужа и его тайной службы французам. Возможно, Кейт, став чаще помогать мужу в работе, вскоре начала понимать, что он не тот, за кого себя выдает? Быть может, когда Борроу уходил навещать больного, Кейт встречала того человека на другой день, к примеру, на рынке совершенно здоровым, и выяснялось, что он уже несколько месяцев не обращался к врачу. Она перестала быть той простой женщиной, которую Мэтью Борроу взял в жены. Так или иначе, Кейт раскусила его. С тех самых пор она была отмечена смертью.

Такова бесчеловечная мораль религиозного фанатика. Что значили для него две женские жизни в сравнении с возвращением целой страны в лоно единой и истинной Римской церкви?

Файк ненавидел ведьм, и порошок видений, должно быть, пришлось кстати. Готов поклясться своею библиотекой, что кража порошка из дома доктора, приведшая к смерти юноши в Сомертоне, была каким-то образом подстроена самим Борроу.

Ветер трепал листья тернового дерева, выросшего из посоха Иосифа Аримафейского. Воздух похолодел, словно напоминая предупреждение Бенлоу о том, что зима еще не закончилась.

— Меня с детства научили уважать отца за его таланты и ангельскую щедрость, — сказала Нел. — И не докучать ему своими детскими глупостями.

Она смотрела на город и говорила ровным, спокойным голосом, без страсти и горечи. Персефона, оставившая частицу своей души в мрачном царстве Аида. Я давно чувствовал, что в ней есть нечто такое, что лежало за пределами моего понимания, и как ученого, и как ученика, постигающего азы сокровенного.

— Мать никогда не говорила тебе, что ты не его дочь?

— Она никому не говорила об этом.

— Когда ты узнала?

— Не от матери. Узнала только после ее смерти.

— Когда миссис Кадвалад вернулась в Гластонбери?

— Только она знала об этом. Ей одной *хотелось* об этом знать.

Немного помолчав, Нел повернулась ко мне. В ее глазах я видел жгучую боль.

— Джон, после этого я только желала быть еще ближе к нему. Всегда гордилась тем, что я — дочь Мэтью Борроу, самого искусного лекаря Сомерсета. — Она снова взглянула на руины аббатства. — Однажды я найду его. Так много вопросов...

Мне оставалось надеяться, что этого не случится.

— Твоя мать... Неужели она не смогла разглядеть пустоту в том месте, где у него должно находиться сердце?

— Она была обязана ему всей своей жизнью. Как ты не понимаешь? Всеми своими достижениями в жизни мама была обязана ему одному.

— Она ни разу не взглянула на него на суде. Отворачивала глаза.

— Быть может, она не желала видеть... — Нел посмотрела вниз, на макушку деревянного креста. — Этого не унести в могилу.

Она залилась слезами, и я прижал ее к себе. Долго пытался понять — и не мог. Мы оба знали, о чем я должен спросить.

— Должно быть, она почувствовала приближение беды, — наконец продолжила Нел. — Когда я училась в Бристоле, в медицинской школе, я как-то вернулась домой, и мама сказала мне — за неделю до своего ареста — чтобы я уезжала отсюда, как только окончу учебу. В Лондон... куда угодно. Сразу, как получу диплом. Сама мысль, что я больше не увижу мать, была мне невыносима. Но она заставила меня пообещать ей.

— И ты дала обещание?

Нел возмущенно фыркнула.

— И не собиралась. Только смеялась в ответ. Теперь это мучит меня. Неотступно преследует мысль, что мама могла думать, будто ее смерть приведет меня к догадке. Наверное, она считала меня умнее, чем я есть. Меня всегда тянуло к нему. К этому... этому *святому человеку*, который... — Нел до того крепко сжала мне руку, что в жилах замедлилось течение крови. — Когда меня держали в Уэлсе... мне сказали, что он признался ради моего спасения.

— Кто? Кто это тебе сказал?

— Тюремщица. Сказала, что он признался... Он солгал. Сказал, будто это были его ножи и кровь.

— Они и были... Черт возьми, это были *его* ножи.

— Я видела, как он дрался с людьми Файка, когда они приходили за мной. Его сбили с ног. Он лежал там, на улице, потом его подняли...

Я тоже видел часть этой сцены, как и все те люди, что стояли в то время на улице. Игра. Маскарад. Мэтью Борроу был хорошим актером. Когда я увидел его снова, в хирургической палате, он самозабвенно трудился, избражая боль, и мне — не сомневаюсь, что и всем горожанам тоже, — он казался храбрым и самоотверженным героем, как и тем женщинам, которые любили его... По крайней мере, таким, каким он им представлялся. Внушали себе, что *должны* любить его. Бездушного и жестокого человека, который предал свою страну, и затем, дабы скрыть преступление, избавился от более ненужной жены. А через год он воспользовался удобным случаем,

чтобы разделаться и с девушкой, которая не была его дочерью.

— В темнице Уэлса мне стало ясно, — продолжала Нел. — Я поняла, что убийство могла совершить или я... или он. — Она бурила меня глазами. — Чем я провинилась, что он хотел моей смерти?

Я промолчал. Он просто воспользовался шансом, и только. Доктора Борроу позвали, чтобы прикрыть Стефана Файка и замаскировать зверское убийство под ритуальное жертвоприношение. И расчетливый мерзавец не преминул воспользоваться случаем.

— Теперь хотя бы ты знаешь, кто твой отец, — сказал я. Нел стряхнула с платья траву.

— Он был на обеде в аббатстве. Настоятель велел приготовить изысканные блюда. Лосося и форель. Его, похоже, очаровала молодая служанка, которая подавала на стол.

— И он так ничего не узнал... о тебе? Когда вернулся после разорения аббатства?..

— К тому времени мама была уже уважаемой замужней женщиной, с ребенком и образованием. Их отношения были добрыми... но другого рода.

Я заглянул в зеленые глаза Нел, и она закинула назад раздуваемые ветром волосы. Почти всю свою жизнь она прожила во лжи и едва не умерла от нее.

— Несчастный Леланд, — сказала Нел.

Заключительное слово

СЕНТЯБРЬ, 1560

Не понимаю, ради чего стараются люди,
что восстают против меня.

Джон Ди

«Monas Hieroglyphica»

Новый рассвет. Я сижу за столом у окна, в гостиной дома моей матушки, держу в руке письмо от моего безутешного друга.

Да поможет мне Бог, Джон, но я к этому не причастен. Заявляю это тебе, хотя, как никто другой, ты имеешь все основания не доверять мне. Кладя руку на Библию, я клянусь мертвым телом жены и своими слезами...

Я почти не спал прошлую ночь, перечитав письмо в пятый, шестой, седьмой раз... Дул сильный ветер, вода в реке прибывала, и я лежал до утра, уставив глаза в потолок и проклиная судьбу. Если это была судьба.

Лондон бурлил болтовней о черной магии. За последние два месяца шпиль собора Святого Павла сгорел дотла, сраженный летними грозами. А недавно в Лондоне ощущались толчки землетрясения, отчего на улицах воцарилась паника.

Два дня назад меня вызвали к Сесилу. Он принял меня в своем доме на Стрэнде, в укромном саду с высокой зеленой оградой. День после обеда выдался знойным и душным, хотя солнце почти все время пряталось за облаками.

— Конец света, — сказал Сесил. — Все об этом только и говорят.

— Все, кроме ночного неба, — уверил его я. — О конце света звезды не говорят ничего.

— И второе пришествие. Королева не принимает слухи близко к сердцу, и все же она взволнована.

— И про явление нового Христа звезды тоже молчат.

— При чем тут Христос? — Первый королевский министр вручил мне памфлет. — Доставлено из Парижа.

Текст был на французском. Сесил предложил мне присесть к столу, чтобы прочесть листовку. Сначала я хотел рассмеяться, но выражение лица Сесила остановило меня.

АНГЛИЯ ОЖИДАЕТ ПРИШЕСТВИЯ САТАНЫ

В памфлете говорилось о том, что английские маги провозгласили Лондон, теперь самый быстрорастущий город мира, Новым Иерусалимом.

Лондон с его стремительным ростом действительно напоминал средоточие зла: убийства, грабежи, бордели и все известные человеку болезни наводнили его промозглые и задымленные улицы. Падение города началось с ниспровержения Римской церкви, резни священников, разграбления божьих святынь и занятия трона мерзким порождением союза женоубийцы и ведьмы.

Ничего удивительного, продолжал памфлетист, в том, что Лондон с надеждой ожидает скорого рождения *темного мессии*, чье появление на свет будет сохраняться в тайне до той поры, пока дитя не повзрослеет.

Пришествие воплощенного Сатаны. И если Лондон — сатанинский Иерусалим, то черным Вифлеемом, где родится ребенок, должен стать Гластонбери. Слава колыбели английского христианства гремела, пока его аббатство, основанное святым Иосифом, дядей Христа, не было разорвано на куски и улицы города не наполнились толпами ведьм и колдунов, сменивших монахов и пилигримов.

Как рождение первенца короля-узурпатора, первого из династии Тюдоров, было подготовлено в Винчестере, при-

тяжая на двор великого Артура, так и этот ребенок должен был родиться в городе смерти древнего короля. Родиться у Елизаветы, королевы-колдуньи.

Далее в памфлете сообщалось, что пресловутый доктор Ди недавно вернулся из Гластонбери, где встречался с местными ведьмами и подготавливал роды младенца. И будто бы чародей путешествовал в Гластонбери вместе с... *отцом?*.. ребенка...

Я бросил листок на стол.

— Это далеко не первый памфлет, в котором намекают на то, что королева уже зачала от Дадли, — сказал Сесил.

Автор памфлета называл Дадли *«известным волшебником, которого с детских лет обучал темным искусствам зловерный Ди»*.

— У нас имеются веские основания полагать, что подобная кампания готовится против Лондона, — продолжал Сесил. — Пока вы находились в отъезде, Уолсингем провел обыск в доме известного своей неблагонадежностью законника Феррерса. У него изъяли печатный станок. Копии памфлетов с якобы вашими астрологическими прогнозами. Обычный финал вздорных сплетен. Разумеется, Феррерс отрицает связь с Францией. Даже Уолсингем считает его очередным религиозным фанатиком.

— Мне приходилось иметь дело с этим человеком, — ответил я.

— Помню.

— Наверное, он просто не может смириться с тем, что ему не удалось отправить меня на костер.

Но, несомненно, за этим скрывалось нечто большее, чем старая ненависть.

Взяв со стола французский памфлет, Сесил смял бумагу в комок.

— Пока что мы не слишком обеспокоены этим, однако, думаю, не повредит, если вы скажете королеве, что небеса не предвещают нам ничего дурного. Я договорюсь о вашей встрече.

— Как она? — поинтересовался я.

— Неплохо, — ответил Сесил. — Вполне неплохо.

Несмотря на полный письменный отчет о наших приключениях в Гластонбери, Сесил ни разу не упомянул ни о костях Артура, ни о попытке заразить королеву овечьей чумой. Елизавета, по крайней мере, могла узнать всю историю от Дадли, но мне хотелось обсудить наше путешествие с Сесилом. Я желал выяснить, каким образом во дворец попадали предсказания Нострадамуса и кто ожидал реакции королевы на эти пророчества. Однако Сесил не дал мне повода завести разговор.

Мальчишки Ковдрея нагнали Дадли у Мендипских холмов, вернули его назад, и я благодарил Бога за это. Дважды я просыпался в холодном поту, видя во сне, как Дадли ставит перед королевой ящик с отравленными костями. И однажды мне приснилось, будто Нел Борроу осталась висеть на веревке, мои руки вконец обессилели; я поднимаю глаза и вижу выпученные белки ее глаз и язык, свесившийся изо рта.

Большой Джейми Хокс отправился в свою прежнюю могилу у церкви Святого Бениния. Ящик с костями заваляли грудой камней, дабы никто больше не потревожил ядовитые останки.

— Видите, — улыбнулся Сесил, — пока вас не было, мы сберегли в целости и сохранности вашу матушку и ее служанку.

— Правда?

С возвращением Катерины Медоуз и отсутствием видимой угрозы со стороны ее отца-пуританина я не просил об их защите.

— Им жилось даже спокойнее, чем с вами, — добавил Сесил. — Молодец этот Уолсингем. — Сесил на мгновение задумался. — Похоже, Джон, они в большей безопасности, пока вас нет рядом...

— Сэр Вильям, сдается, у вас для меня снова есть какое-то дело?

— Для королевы, — поправил Сесил.

Его дом я покинул в гневе. Поклялся, что поутру обдумаю план возвращения в Гластонбери, чтобы изучить во

всех деталях земной зодиак. Сад звезд на земле. Могло ли быть теперь что-нибудь более важное, чем ключ к этой загадке?

И я хотел снова увидеть Нел. Не проходило и часа, чтобы я не думал о ней.

Месяц назад я получил письмо от Монгера. Он сообщал мне, что лазарет у церкви Святого Бениния отошел к Нел, и она с успехом лечит людей, продолжая выращивать травы с помощью кузнеца и Джоан Тирр.

Кажется, она была счастлива. Я же пытался найти хотя бы малое утешение в предсказании Джоан о моих будущих браках. Вплоть до вчерашнего вечера, когда в Мортлейке объявилась Бланш, привезя с собой письмо Дадли и рассказ об ужасном скандале, в котором оказался замешан мой друг.

Думаю, я упоминал о том, что его хворая жена, Эйми, проживала в деревне.

Это так. Однако в ее сельской жизни не было ничего поэтического. Даже спустя десять лет брака Дадли снова и снова откладывал ее переезд в большой дом, и несчастная супруга моего друга скиталась по знакомым и родственникам, гостя то у одних, то у других.

В то время как сам Дадли жил в Виндзоре с королевой, Эйми обнаружили мертвой. Она лежала с переломанной шеей у подножья лестницы в одном из поместий Оксфордшира. Дадли утверждает, что его супруга плохо чувствовала себя в последнее время. Однако он никогда не рассказывал мне о слухах, будто его жену травят ядом. Поговаривали даже о том, что один из докторов отказался лечить ее, опасаясь за свою жизнь.

Странно, но лестница, с которой, как полагают, упала Эмми, довольно невысока. Однако Дадли заявил в письме, будто бы от неизвестной болезни в груди кости жены сделались тонкими и хрупкими.

Да поможет мне Бог, Джон, но я к этому непричастен. Клянусь, она была больна. Клянусь, я любил ее и всегда буду...

Тем временем королева Елизавета понемногу избавлялась от преследовавших ее ночных кошмаров.

— Что происходит теперь во дворце? — спросил я у кузины Бланш, когда мы остались наедине.

— Велела придворным соблюдать траур, хотя сама с трудом скрывает радость. Думает, они поженятся. Я сомневаюсь.

Должно начаться расследование происшествия. И не беда, что в это будет вовлечен Дадли... Разве что в Европе никто не станет сомневаться в его причастности к смерти супруги.

И едва ли следственной комиссии станет известно что-нибудь об истории, которую я слышал от матери. Она же узнала об этом от матушки Фальдо, которой рассказывала ее родственница, чья сестра прислуживает одной из младших королевских фрейлин.

Суть истории в том, что некоторое время назад королева якобы сообщила испанскому посланнику, будто Дадли скоро будет свободен и сможет жениться на ней, поскольку его супруга смертельно больна.

Дело рук Нострадамуса?

Поскольку предвидение королевы могло иметь иное объяснение, я впервые с облегчением посчитал это очередным плодом погружения Мишеля в туман постижения.

Странно думать об этом, но ведь при иных обстоятельствах мы могли бы вместе трудиться над разгадкой тайны Круглого стола Артура. Подобные вопросы вне религии и государственных дел. Теперь я был просто обязан собрать все манускрипты Леланда, насколько я мог себе это позволить.

Однажды, если наука продвинется далеко вперед, возможно, я буду иметь все необходимое, чтобы побеседовать с аббатом Уайтингом.

Он стоял рядом с тобой.

Бесполезно тратить усилия на скучного книжника, лишнего дара видений.

Сложив письмо Дадли, я вышел в наш сад, где заяц перебежал мне тропинку.

Послесловие автора

БЛАГОДАРНОСТИ

Многое в этой истории соответствует письменным свидетельствам прошлого — факты биографии Джона Ди, его дружба с епископом Боннером и Робертом Дадли. Кэрю, Ковдрей и Джоан Тирр — тоже реально существовавшие люди.

И королева действительно несколько раз навещала доктора Ди в Мортлейке, хотя никогда не заходила в дом его матери. Джон Ди часто демонстрировал свои изобретения прямо на улице.

Следует отметить три главных труда, посвященных жизни ученого: «Джон Ди. Волшебник Елизаветы и его мир» Питера Дж. Френча; «Джон Ди: ученый, географ, астролог и тайный агент королевы» Ричарда Дикона; наконец, новейшее и лучшее исследование Бенджамина Вулли «Чародей королевы».

Записи сохранившихся дневников Джона Ди начинаются много лет спустя после тех событий, о которых рассказано в этой книге, однако в них содержится немало ключей к пониманию характера этого человека. В особенности обращает на себя внимание его параноидальная, часто переходящая в гнев боязнь подозрений других людей в отношении его занятий. Ненависть Ди к кровавым травлям зверей (вместе с обожанием кошек) более чем очевидна в его дневниках. Ярким примером тому служит трагедия в Парижских садах, когда падение заграждения во время воскресной травли медведя привело к многочислен-

ным жертвам среди любителей жестокого зрелища. Джон Ди нисколько не сожалеет об этом: «Небеса ниспослали сие, как выражение истого гнева Господня за зло и бесовство, учиненные там в день отдохновения».

Случай с восковой куклой упомянут у некоторых биографов Джона Ди, хотя исследователи полагают, что он произошел на несколько лет позже событий, описанных в книге. С учетом конспиративных талантов Уолсингема стоит все же допустить, что «дело о восковой кукле» несколько лет держалось в тайне.

История Джоан Тирр и сказочного народа эльфов описана в ряде исследований по истории колдовства, включая авторитетный труд «Колдовство в Англии» Кристины Хоул и солидную монографию Кита Томаса «Религия и упадок магии». Джоан Тирр проживала в Тонтоне, однако ее деятельность в Гластонбери и знакомство с Джоном Ди вряд ли покажутся невероятными.

Полная история о смерти лорда Невилла от наемного убийцы, владевшего телепатией, замечательно рассказана в «Исповеди колдуна» Алека Райри. Исследователю принадлежит, быть может, лучшая на сегодняшний день книга о магии и преступности во времена Тюдоров.

Имеется мало свидетельств о том, что концепция гластонберийского зодиака появилась ранее тридцатых годов двадцатого века, когда Кэтрин Молтвуд выдвинула эту гипотезу. Тем не менее в поздней работе Ричарда Дикона, посвященной жизни Джона Ди, часто упоминается и утверждается как факт его причастность к данной теме. В книге приводится наблюдение самого доктора Ди: «Звезды, воспроизведенные на земле, лежат только на пути Солнца, Луны и планет, за исключением Ориона и Геркулеса... соотношения, тщательно скопированные и измеренные астрологией и астрономией при научном описании небес, есть свидетельство понимания древними всего того, что нынешние образованные умы признают фактом».

Следует упомянуть, что гипотеза подвергается серьезным сомнениям прочими биографами. В их числе и Бенджамин Вулли. Автор блестящей биографии Джона Ди

«Колдун королевы» предлагает даже считать концепцию Дикона выдумкой. Зачем, однако, ему понадобилось бы идти на подобные ухищрения? Замечательный историк Гластонбери, Джеффри Аш, склонный к сильным сомнениям относительно существования зодиака, все же был первым, кто увязал в своей книге «Поиски Авалона» строку из четверостишия Нострадамуса:

На земле великого небесного храма...

...с идеей земного зодиака. Предположение Джона Хога, исследователя наследия Нострадамуса, о том, что данная фраза подразумевает храм Аполлона, который в давние времена стоял на месте нынешнего Вестминстерского аббатства, представляется малоубедительной. В особенности, если контекст высказывания предполагает область далеко за пределами Лондона. Согласно Джеффри Ашу, во времена Нострадамуса даже Стоунхендж не был известен в качестве астрономического храма или обсерватории.

Факты из жизни Джона Леланда, приведенные доктором Ди, имеют множество доказательств. Леланд действительно представил Томасу Кромвелю необходимые сведения об аббатстве. Затем возвращался в Гластонбери после разгрома монастыря, вынашивая далеко идущие планы. И он действительно сошел с ума, несомненно, сожалел о том, каким образом были использованы добытые им сведения. Полагают, что сложность поставленной перед ним задачи составить карту страны сокрушила его рассудок.

Кроме того, Леланд серьезно интересовался мистикой.

Овечья чума впоследствии получила название «сибирской язвы».

Sacer Ignis, или священный огонь, — известный в науке феномен, действие которого вызывается злаковым грибом, позднее названным спорыньей. Это природный галлюциноген, с использованием которого в двадцатом столетии создали ЛСД. Огнем святого Антония его начали называть с одиннадцатого века, когда был основан религиозный

орден, получивший имя святого. На юге Франции монахи пытались спасти тысячи людей, страдавших конвульсиями, бешенством и ощущением невыносимого жжения.

Об этом можно прочесть в книге Энди Робертса «Грезы Альбиона», посвященной истории ЛСД.

Николас Калпепер (родился в 1616 году) первым в новой истории Англии указал на связь между астрологией и траволечением, хотя подобные представления, несомненно, являлись нормой во времена Джона Ди. «Гербарий» Калпепера можно еще прочесть и в наши дни.

Хочется выразить благодарность членам Британской ассоциации лозоискателей: Грэхэму Гарднеру, Хелене Лэм, Седу Джексону, Джону Моссу, Ричарду Бартоломью. А также поблагодарить Джеффри Аша, Джеки Эдвардс, Сига Лонгрена, Джона Мейсона, Саймона Смола и Френсиса Тайера за неоценимую помощь, оказанную мне этими людьми в Гластонбери.

Особая благодарность неутомимой Мараид Рейди за неимоверное количество фактов и комментариев о жизни и деятельности Джона Ди.

Профессору Бернарду Найту — за ценные консультации по вопросам судебной медицины.

Кейтлин Саган — за консультации по содержанию Библии.

Сэру Ричарду Хейгейту, соавтору «Книги английской магии», и его подруге из Мортлейка за ценные сведения, отсутствующие в биографиях.

Гранту Приветту — за консультации по астрономии.

Оракул Тюдоров, Дэвид Старки, указал мне на чудесную книжку «Гластонберийское аббатство: дом святости на вересковых холмах» Джеймса П. Карли. Работы самого Старки о Елизавете Английской и Генрихе VIII также оказали неоценимую помощь в работе над книгой, несмотря на то, что автор невысокого мнения о личности Джона Ди. Но, кажется, это его право?

Нельзя не отметить как всегда толковые и ценные советы Трейси Турсфилд, эксперта в области эзотерики. А так-

же Адриана Вайна и Брайана Моргана, предоставивших доказательства валлийских корней рода Ди.

Книга Френсиса Йейтса «Оккультная философия в век Елизаветы» занимает особое место. Отсюда почерпнуты наши представления о докторе Ди как о христианском каббалисте. Книга Рут Элизабет Ричардсон «Миссис Бланш: наперсница королевы» послужила бесценным источником сведений о двоюродной сестре Ди, Бланш Перри. В книге собрано буквально все, что только известно нам об этой женщине. И, разумеется, хочется отметить работу Кита Томаса «Конец жизни» — блестящее пособие по психологии шестнадцатого столетия.

Наконец, стоит упомянуть работы самого Джона Ди. Источники не позволяют нам называть его колдуном и не дают и намека на то, что он обладал какими-либо паранормальными способностями (как бы ему этого ни хотелось).

Знаменитая книга «*Monas Hieroglyphica*», первый значительный труд Джона Ди, вышла в свет только в 1564 году, через четыре года после описанных мною событий. Непостижимое размышление доктора Ди над символом, связующим астрологию с каббалистическими теориями сотворения и христианством. Круг представляет Солнце, полукружие — Луну, под которыми помещен крест. В основании фигуры — символ созвездия Овна, первый знак зодиака, сама основа творения.

Точка в круге говорит вам:

Вы здесь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Джон Ди	
Биографическая справка	5
Тайное дело	
Предчувствие беды	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	15
Глава 1. МОГИЛЫ	17
Глава 2. ЗАЙЦЫ	28
Глава 3. ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ	39
Глава 4. СПОКОЙСТВИЕ КОРОЛЕВСТВА	47
Глава 5. КОСТИ	53
Глава 6. СВЯТОЕ СЕРДЦЕ	62
Глава 7. БЛАГОГОВЕЙНЫЙ ТРЕПЕТ	70
Глава 8. ДОМ БЕЗ СТЕН	79
Глава 9. ПРИЗВАНА НА СЛУЖБУ	88
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	99
Глава 10. МОЩИ	101
Глава 11. ГОРЯЧКА	113
Глава 12. БАШНЯ	120

Глава 13. ЛИКСИР	129
Глава 14. УМЕРЩВЛЕНИЕ ПЛОТИ	137
Глава 15. ЧЕРВИ	148
Глава 16. ПОЛЮБИ МЕРТВЕЦОВ	160
Глава 17. БЕЗУМНАЯ ВЕДЬМА	170
Глава 18. ПЕРЕД РАССВЕТОМ	177
Глава 19. НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ	183
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	 191
Глава 20. НАША СЕСТРА	193
Глава 21. СОСТАВ ВОЛШЕБСТВА	202
Глава 22. ЧЕРНЕЕ САЖИ	213
Глава 23. НИЗШАЯ ФОРМА ВРАЧЕВАНИЯ	218
Глава 24. ГРИБНАЯ ПЫЛЬ	227
Глава 25. СДЕЛКА	238
Глава 26. ФЕЯ	242
Глава 27. СЕСТРА ВЕНЕРЫ	253
Глава 28. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА	262
Глава 29. БУРЯ	270
Глава 30. ПОДОБНО СОЛНЦУ	278
Глава 31. ДУРМАН	283
 ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	 287
Глава 32. СЛОВО	289
Глава 33. ДОРОГОЙ МУЖЧИН	295
Глава 34. ПЕРЧАТКА ВЕНЕРЫ	301
Глава 35. ЧЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ	309
Глава 36. ЧТО ГРЯДЕТ?	316

Глава 37. ЕРЕСЬ	322
Глава 38. СТАРЫЕ КОСТИ, НОВЫЕ КОСТИ	327
Глава 39. НЕЧЕГО СКРЫВАТЬ	334
Глава 40. ДРУГОЙ КАНОН	340
Глава 41. КТО ЗАБОТИТСЯ О БЕССМЕРТИИ ДУШИ.....	350
Глава 42. РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ	354
Глава 43. РИСУНКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	362
Глава 44. БЛУДНИЦА	368
Глава 45. ГЛАЗ	375
Глава 46. ОБРАЗ НЕБА	383
Глава 47. МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА	391
Глава 48. ПРИЗНАНИЕ	398
 ЧАСТЬ ПЯТАЯ	 405
Глава 49. РАДИ ЗАБАВЫ	407
Глава 50. АУРА	413
Глава 51. НАГРАДА	421
Глава 52. СКЛЕП	432
Глава 53. ГЛУХОНЕМОЙ	437
Глава 54. ОБМАН ЧУВСТВ	445
Глава 55. СКВЕРНА	451
Глава 56. ТУМАН	455
Глава 57. ПУСТОТА	457
 Заключительное слово	
СЕНТЯБРЬ, 1560	465
 Послесловие автора	
БЛАГОДАРНОСТИ	471

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Фил Рикман

КОСТИ АВАЛОНА

Ответственный редактор *В. Хорос*

Редактор *А. Поярков*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *В. Шибаев*

Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Aldmaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу:
<http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 03.10.2013. Формат 60х90^{1/16}.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.

Тираж 3500 экз. Заказ 7734.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-67898-3

9 785699 678983 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ФИЛ
РИКМАН

КОСТИ АВАЛОНА

ЭКСМО

Джон Ди, знаменитый ученый с репутацией чародея и друг английской королевы Елизаветы, получает от нее важное задание. Он должен отправиться в город Гластонбери, в сердце таинственного Авалона, дабы разыскать там одну из самых древних британских реликвий – останки легендарного короля Артура. Молодая королева-реформатор таким образом хочет укрепить свою власть и новую протестантскую веру. Однако доктор Ди недоумевает. Разве не производилась подобная экспедиция еще при жизни отца Елизаветы, короля Генриха VIII? И разве останки Артура не были найдены? Что есть такого в королевском поручении, о чем ему не сообщили? Джон чувствует, что на святой земле Авалона столкнется с чем-то непонятным. И он не ошибается. В Гластонбери его ждет разгадка тайны Круглого стола Артура, причудливым образом переплетенная с заговором против королевы...

ISBN 978-5-699-67898-3

9 785699 678983 >